

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2016

№ 1
(55)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Симоненко А.В., доктор юридических наук, профессор, начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильяшенко А.Н., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аврутин Ю.Е., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский университет МВД России;

Антонян Ю.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный областной университет;

Баев О.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет;

Борчашвили И.Ш., доктор юридических наук, профессор, Республика Казахстан;

Волков Ю.Г., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет;

Гилинский Я.И., доктор юридических наук, профессор, Академия Генеральной прокуратуры РФ;

Голик Ю.В., доктор юридических наук, профессор, Европейский институт JUSTO;

Головненков П.В., доктор права, Потсдамский университет (Германия);

Зайцев О.А., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московская академия экономики и права;

Ищенко Е.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;

Кибальник А.Г., доктор юридических наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет;

Клейберг Ю.А., доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор, Московский государственный областной университет;

Курдюк П.М., доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя Законодательного собрания Краснодарского края;

Ларичев В.Д., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ВНИИ МВД России;

CHIEF EDITOR

Simonenko A.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Krasnodar University of the Russian MIA

DEPUTY CHIEF EDITOR

Ilyashenko A.N., Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Russian MIA

EDITORIAL COUNCIL:

Avrutin Yu.E., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, the St. Petersburg University of the Russian MIA;

Antonyan Yu.M., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Regional University;

Baev O.Ya., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Voronezh State University;

Borchashvily I.Sh., Doctor of Law, Professor, the Republic of Kazakhstan;

Volkov Yu.G., Doctor of Philosophy, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Southern Federal University;

Gilinsky Ya.I., Doctor of Law, Professor, the Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation;

Golik Yu.V., Doctor of Law, Professor, the European Institution JUSTO;

Golovnenkov P.V., Doctor of Law, the Potsdam University (Germany);

Zaitsev O.A., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow Academy of Economics and Law;

Ishchenko E.P., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin;

Kamyshansky V.P., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;

Kibalnik A.G., Doctor of Law, Professor, the North Caucasian Federal University;

Klayberg Yu.A., Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, the Moscow State Regional University;

Kurdyuk P.M., Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of Legislative Assembly of the Krasnodar Region;

Larichev V.D., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the National Research Institute of the Russian MIA;

Лукашов А.И., кандидат юридических наук, доцент, Академия МВД Республики Беларусь;

Мацкевич И.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Меретуков Г.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;

Миндагулов А.Х., доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби;

Наумов А.В., доктор юридических наук, профессор, Всероссийский государственный университет юстиции;

Подшибякин А.С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России;

Понятовская Т.Г., доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Пудовочкин Ю.Е., доктор юридических наук, профессор, Российский государственный университет правосудия;

Рарог А.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Рассказов Л.П., доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный аграрный университет;

Сапрунов А.Г., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;

Стариков Ю.Н., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет;

Тупанчески Н., доктор юридических наук, профессор, Университет «Святого Кирилла и Мефодия» (Македония);

Хелльманн У., доктор права, профессор, Потсдамский университет (Германия);

Шалин В.В., доктор философских наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет.

Lukashov A.I., Master of Law, Assistant Professor, the Academy of the MIA of the Republic of Belarus;

Matskevich I.M., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin;

Meretukov G.M., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;

Mindagulov A.Kh., Doctor of Law, Professor, the Kazakh National University of Al-Faraby;

Naumov A.V., Doctor of Law, Professor, the All-Russian State University of Justice;

Podshibiyakin A.S., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry;

Ponyatovskaya T.G., Doctor of Law, Professor, the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin;

Pudovochkin Yu.E., Doctor of Law, Professor, the Russian State University of Justice;

Rarog A.I., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin;

Rasskazov L.P., Doctor of Law, History, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kuban State Agrarian University;

Saprunov A.G., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;

Starilov Yu.N., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Voronezh State University;

Tupanchesky N., Doctor of Law, Professor, the University of «St. Cyril and Methodius» (Macedonia);

Hellmann U., Doctor of Law, Professor, the Potsdam University (Germany);

Shalin V.V., Doctor of Philosophy, Professor, the Kuban State Agrarian University.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Жинкин С.А., Казаков Г.А. Теории модернизации и проблемы правового регулирования в современной России

Карнаушенко Л.В. Соционормативная система трансформирующегося российского общества: современное состояние, перспективы развития

Долгина И.О. Проблема правопонимания в современном российском правоведении: имманентная логика движения к понятию права

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Бондарева Е.А. Глобализация и суверенитет государства в экономической сфере

Кузнецов А.А. О некоторых проблемах актов муниципального правотворчества

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Брылев В.И., Исупова И.В. Актуальные проблемы правоприменительной практики по гражданским делам из договоров банковского вклада

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Генрих Н.В., Квашис В.Е. Понятие уголовного права

Иногамова-Хегай Л.В. Формализованное назначение наказания: проблемы применения

Кибальник А.Г. Российские исследования уголовно-правовой охраны электронной коммерции

Минязева Т.Ф. В чем причина неэффективности уголовно-правовых превенций в сфере незаконного оборота наркотических средств?

Сидоренко Э.Л. Особенности квалификации преступлений преюдициального характера

Коростылев О.И. Уголовная ответственность за преступления против трудовых прав личности по законодательству зарубежных стран

Рубачева Е.Л., Матлашевская О.М. Некоторые проблемы в понимании халатности

Стешич Е.С. Объективное и субъективное в генезисе автотранспортных преступлений

9 THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

9 **Zhinkin S.A., Kazakov G.A.** Modernization theory and problems of law regulation in modern Russia

13 **Karnaushenko L.V.** Socionormative system of the transforming Russian society: current state, prospects of development

18 **Dolina I.O.** The problem of understanding the law in contemporary Russian jurisprudence: immanent logic of movement towards the concept of law

23 CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

23 **Bondareva E.A.** Globalization and sovereignty of the state in the economic sphere

28 **Kuznetsov A.A.** On some problems of municipal legal acts

32 CIVIL LAW AND CIVIL PROCESS

32 **Brylev V.I., Isupova I.V.** Actual problems of law-enforcement practice on civil cases from contracts of the bank deposit

38 CRIMINAL POLICY: THEORY AND PRACTICE

38 **Genrih N.V., Kvashis V.E.** Concept of criminal law

46 **Inogamova-Khegai L.V.** Formalized assignment of penalty: problems of using

52 **Kibalnik A.G.** Russian researches of the criminal-law protection for e-commerce

56 **Minyazeva T.F.** What is the reason for the ineffectiveness of crime prevention measures against illicit drug trafficking?

60 **Sidorenko E.L.** Peculiarities of qualification of prejudicial nature crimes

67 **Korostylev O.I.** Criminal liability for crimes against the labour rights of personality under the laws of foreign countries

72 **Rubacheva E.L., Matlashevskaya O.M.** Some problems in understanding of negligence

75 **Steshich E.S.** Objective and subjective in the genesis of vehicle crimes

- Бондарев С.П.** Основные пути оптимизации российского уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере гражданства Российской Федерации и регистрационного учета по месту жительства и месту пребывания
- Тарасенко Г.В.** Классификация предметов, находящихся в незаконном владении лиц, совершающих преступления в сфере незаконного оборота оружия
- Вуйчич Я.В.** Уголовно-правовая охрана прав владельцев эмиссионных ценных бумаг, инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов
- Макаеева А.А.** Реальный принцип действия уголовного закона как способ защиты конституционных прав граждан России
- Мамхягов З.З.** Об административной преюдиции в уголовном законодательстве
- Мирзоахмедов Ф.А.** Особенности ответственности за терроризм по уголовному праву государств – участников Содружества Независимых Государств
- Фадеева М.А.** Общественная опасность как социально-правовая категория
- Фирсов И.В.** Объективные признаки преступления, предусмотренного статьей 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации
- Хисамова З.И.** Об особенностях квалификации преступлений, совершаемых в сфере использования информационно-коммуникационных технологий
- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ**
- Симоненко А.В., Грибанов Е.В.** Криминологические технологии и инженерия: место в науке и значение для правоохранительной практики
- Шкеля О.В., Раздобудина А.А.** Некоторые проблемы, возникающие в области противодействия коррупции в подразделениях ГИБДД, и пути их решения
- Озерская А.Г.** К вопросу о роли органов внутренних дел в осуществлении профилактики преступности в Российской Федерации
- УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО**
- Власова С.В., Хмельницкая Т.В.** О доктринальной модели формирования уголовно-процессуальных доказательств в состязательном уголовном судопроизводстве
- 81 Bondarev S.P.** The main ways of optimization of the Russian criminal legislation on responsibility for crimes in the sphere of Russian citizenship and residence registration at the place of residence and sojourn
- 86 Tarasenko G.V.** Classification of items found in illegal possession of the perpetrators of crimes in the area of illicit arms trafficking
- 91 Vuychich Ya.V.** Criminal legal protection of the rights of owners of emissive securities, investment units of mutual investment funds
- 95 Makaseeva A.A.** The real principle of operation of criminal statute as a tool to protect the constitutional rights of russian citizens
- 100 Mamhyagov Z.Z.** On administrative prejudice in criminal legislation
- 103 Mirzoahmedov F.A.** Peculiarities of responsibility for terrorism under criminal law of CIS countries
- 109 Fadeeva M.A.** Public danger as social and legal category
- 112 Firsov I.V.** The objective signs of the crime under article 238.1 of the Criminal code of the Russian Federation
- 117 Khisamova Z.I.** On the specifics of qualification of crimes committed in the sphere of information and communication technologies
- 121 THE PREVENTION OF CRIMINALITY**
- 121 Simonenko A.V., Gribanov E.V.** Criminological technologies and engineering: place in the science and law enforcement practice meaning
- 128 Shkelya O.V., Razdobudina A.A.** Some problems arising in the field of countering corruption in divisions of State Traffic Safety Inspectorate and their solutions
- 134 Ozyorskaya A.G.** To the question about the role of internal affairs bodies in prevention of crime in the Russian Federation
- 137 CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS**
- 137 Vlasova S.V., Hmelnitskaya T.V.** On the doctrinal model of formation of criminal procedural evidences in adversarial criminal proceedings

- Скогорева Т.Ф., Чхвимиани Э.Ж.** Совершенствование правового и организационного участия понятых в досудебном производстве по уголовным делам 143
- Фадеев П.В.** Место и роль правовой помощи участникам уголовного судопроизводства в системе правоохранительной и правозащитной деятельности 148
- Якоби И.В.** Адвокат в уголовном процессе: проблемы уголовно-процессуальной регламентации и практики 152
- Яковлева Л.В.** Актуальные проблемы развития уголовно-процессуального законодательства 155
- Вецкая С.А.** Особенности окончания предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними 159
- Голова С.И.** Принцип состязательности на этапе окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения 162
- Литвинов М.В.** К вопросу о наиболее типичных ошибках в обвинительном заключении 166
- Гулиев Р.М., Хохлов Д.К.** Реальные возможности сторон защиты по получению оправдательных доказательств в стадии предварительного расследования 170
- Гасанова У.Н.** Понятие и содержание беспристрастности, объективности и справедливости применительно к сфере уголовного судопроизводства 175
- Зайцев Е.О.** Обеспечение конфиденциальности данных о защищаемом свидетеле в ходе его допроса на стадии предварительного расследования 181
- Пономаренко Е.В.** Производство следственных действий как способ реализации процессуальной функции следователя 186
- РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ** 190
- Павличенко Н.В., Самodelкин А.С.** Конвергенция оперативно-розыскного законодательства государств – участников Содружества Независимых Государств 190
- Данильян С.А., Данильян Э.С.** Особенности проведения допросов потерпевшего и свидетелей по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом земель 195
- Skogoreva T.F., Chkhvimiani E.Z.** Improving the legal and institutional participation of witnesses in pretrial proceedings in criminal matters 143
- Fadeev P.V.** Place and role of legal aid to participants in criminal proceedings in the system of law and advocacy 148
- Yakobi I.V.** Advocate in criminal procedure: problems of criminal-proceeding regulation and practice 152
- Yakovleva L.V.** Actual problems of development of criminal-procedural legislation 155
- Vetskaya S.A.** Features of the end of the preliminary investigation of criminal cases involving crimes committed by minors 159
- Golova S.I.** The adversarial principle at the stage of the end of preliminary investigation with indictment compilation 162
- Litvinov M.V.** To the question of the most typical mistakes in indictments 166
- Guliev R.M., Khohlov D.K.** Real opportunities of the parties of protection for obtaining justificatory proofs in a stage of preliminary investigation 170
- Gasanova U.N.** The concept and content of the impartiality, objectivity and justice in relation to criminal proceedings 175
- Zaitsev E.O.** Ensuring the privacy of the protected witness during his interrogation at the stage of preliminary investigation 181
- Ponomarenko E.V.** The performance of investigative actions as a way of implementing procedural functions of the investigator 186
- DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES** 190
- Pavlichenko N.V., Samodelkin A.S.** The convergence of operational search laws of the CIS Member States 190
- Danilyan S.A., Danilyan E.S.** The peculiarities of carrying out of interrogation of defrauded and witnesses on criminal cases, connected with illegal land operation 195

<i>Куюмжиева С.А.</i> Некоторые теоретические вопросы структурирования криминалистических методик расследования	198	<i>Kuyemzhiyeva S.A.</i> Some theoretical issues of structuring forensic methods of investigation
<i>Введенская О.Ю.</i> Взаимодействие следователя с оперативными сотрудниками органа дознания при расследовании интернет-преступлений	203	<i>Vvedenskaya O.Yu.</i> The interaction of investigator and operational staff of department of inquiry in the investigation of Internet crimes
<i>Микрюкова Т.Е.</i> Проблемные вопросы определения предмета преступного посягательства по делам о мошенничестве при получении социальных выплат	207	<i>Mikryukova T.E.</i> Problematic issues of definition of a subject of criminal encroachment of cases of fraud when receiving social payments
СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	211	JUDICIAL AND PUBLIC PROSECUTOR'S ACTIVITY
<i>Сидоренко М.В.</i> Рассмотрение разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации с позиций res judicata кассационной проверки	211	<i>Sidorenko M.V.</i> Consideration of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from the position res judicata cassation checks
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	215	LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY: HISTORY AND PRESENT
<i>Самodelкин А.С.</i> Место и роль руководителей оперативных подразделений в координации оперативно-розыскной деятельности	215	<i>Samodelkin A.S.</i> Place and role of senior officers of the operating units in coordination of operational investigation
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	221	HUMAN RIGHTS ACTIVITY
<i>Марина А.А.</i> Роль Уполномоченного по правам ребенка в механизме государственной защиты имущественных прав детей	221	<i>Marina A.A.</i> The role of the Commissioner of the children's rights in the state mechanism of protection property rights of children
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС	226	ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS
<i>Зинков Е.Г.</i> Проблемы понимания принципов административного судопроизводства в правовом пространстве России	226	<i>Zinkov E.G.</i> Problems of understanding the principles of administrative legal procedure in the lawful space of Russia
<i>Ищенко С.А.</i> Правовые проблемы административной ответственности в сфере физической культуры и спорта	230	<i>Ishchenko S.A.</i> Legal problems of administrative responsibility in the sphere of physical culture and sport
<i>Костюченко Н.И.</i> Понятие функции социальных систем и проблемы теории управления: административно-правовой аспект	234	<i>Kostiuchenko N.I.</i> Concept of social systems function and problems of theory of management: administrative and legal aspect
<i>Федотова О.А.</i> Задачи и принципы производства по делам об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних	239	<i>Fedotova O.A.</i> The objectives and principles of the proceedings on administrative offenses against minors
<i>Ляшенко Е.А.</i> Понятие и общая характеристика административной деликтности в области дорожного движения	243	<i>Lyashenko E.A.</i> The concept and general characteristics of administrative delictness in the field of road traffic
<i>Сенченко В.В.</i> Формы и методы административно-правового регулирования миграционных процессов в Российской Федерации	247	<i>Senchenko V.V.</i> Forms and methods of administrative law regulation of migration processes in the Russian Federation

<i>Кучмезов Р.Н.</i> Особенности осуществления производства по делам об административных правонарушениях участковым уполномоченным полиции в курортном регионе	253	<i>Kuchmezov R.N.</i> Features of the proceedings on administrative offenses by precinct police in the resort region
ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ, СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ	258	QUESTIONS OF PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE
<i>Самойлов С.Ф.</i> Внешние признаки субкультуры участников праворадикального движения нс-скинхедов	258	<i>Samoilov S.F.</i> The external signs of radical right organization subculture participants national socialist skinhead
<i>Затолокин А.А.</i> ИГИЛ и гитлеровская Германия: соотношение угроз для национальной безопасности России	263	<i>Zatolokin A.A.</i> Hitler's Germany and the terrorist organization Islamic State: the ratio of threats to national security of Russia
<i>Кузьменко И.С.</i> Общие проблемы исследования процессов солидаризации в обществе	268	<i>Kuzmenko I.S.</i> Common problems of research of processes of a solidarization in society
<i>Славко А.Л., Витютнев Е.Е.</i> Физкультурно-спортивная деятельность как социокультурный феномен	272	<i>Slavko A.L., Vityutnev E.E.</i> Sports activity as a sociocultural phenomenon
<i>Конonenко Н.С.</i> Проблема суицида в условиях трансформирующегося российского общества	275	<i>Kononenko N.S.</i> The problem of suicide in the conditions of a transformed Russian society
<i>Лазарев Д.А.</i> Религиозный экстремизм как социальная проблема современной России	279	<i>Lazarev D.A.</i> Religious extremism as social problem of modern Russia
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	283	INTO CONSIDERATION OF AUTHORS

Жинкин Сергей Алексеевичдоктор юридических наук,
декан юридического факультета
Кубанского государственного университета**Казаков Герасим Александрович**аспирант кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета

(e-mail: decanat-jf@mail.ru)

Теории модернизации и проблемы правового регулирования в современной России

В статье рассматриваются вопросы реализации модернизационных теорий в современной России в политико-правовой сфере. Отмечается, что позитивный и негативный опыт модернизации в различных странах должен позитивно повлиять на модернизационные процессы в современной России.

Ключевые слова: теории модернизации, правовое регулирование, модернизация, современная Россия.

S.A. Zhinkin, Doctor of Law, Dean of the Faculty of Law of the Kuban State University;

G.A. Kazakov, Postgraduate of the Chair of Theory and History of State and Law of the Kuban State University; e-mail: decanat-jf@mail.ru

Modernization theory and problems of law regulation in modern Russia

The article is devoted to the realization of the modernization theories in modern Russia in the political-legal sphere. Positive and negative experiences of modernization in different countries should have a positive impact on modernization processes in modern Russia.

Key words: theories of modernization, law regulation, modernization, modern Russia.

Модернизация затрагивает все больше областей общественной жизни, включая и политико-правовую сферу. При этом важную роль играет аккумуляция позитивного правового опыта, накопленного в других государствах, и в то же время критическое восприятие соответствующих процессов.

Трансформации в современной России могут трактоваться как новая попытка системной модернизации, что заставляет с особенным пристальным вниманием отнестись к проблеме ее политического и правового обеспечения, правового оформления, юридической защиты. В отечественной науке необходим анализ теорий модернизации и их политико-правовых аспектов для выработки наиболее эффективных путей модернизационной политики в современной России.

Теории модернизации возникли в 50-е – 60-е гг. XX столетия как одно из направлений теорий общественно-исторического развития, которые сложились в рамках философии Нового времени. С самого начала концепция модернизации – и это было ее сильной стороной –

имела не узко специализированный, а междисциплинарный и даже философско-обобщающий характер. В теории модернизации, несмотря на особое внимание к процессам социально-экономического и политического развития, с самого начала большое значение придавалось проблемам изменения человека при переходе от традиционного общества к современному, трансформации его ценностей, установок, ориентаций и самого способа взаимодействия с другими людьми [1, с. 75].

Как указывают некоторые авторы, сама теория модернизации развивалась волнообразно, что отражает реальную волнообразность самого процесса модернизации. Так, первому периоду развития теорий модернизации (1950-е – 1960-е гг.) соответствовала волна послевоенной модернизации, связанная с распадом колониальной системы и противоборством двух социально-политических систем; этот переход пришелся на ту фазу эволюции мировой экономической и политической системы, которая означала революцию международного рынка с сопутствующими ей

бурными геополитическими и геоэкономическими изменениями. Второму периоду развития теорий модернизации (1970-е – середина 1980-х гг.) соответствовало видоизменение модернизационных процессов, связанное с вступлением мировой системы в фазу структурного кризиса и временным ослаблением политического влияния стран Запада. Наконец, третьему периоду развития теорий модернизации (с конца 1980-х гг.) соответствует новая волна модернизационных процессов, связанная с наступлением фазы технологического переворота, усилившего экономические и политические позиции развитых западных стран и приведшего к распаду советского блока. Таким образом, можно констатировать, что развитие теорий модернизации довольно точно следует за развитием реальных модернизационных процессов [1, с. 78–79].

По мнению исследователей 50-х – 60-х гг., в социальной области модернизация связывалась с четкой специализацией людей, общественных и государственных институтов по видам деятельности, которая все меньше зависела от пола, возраста, социального происхождения, личных связей людей и все больше – от личных качеств человека, его квалификации, усердия, образования. Социальная модернизация рассматривалась и как замена отношений иерархической подчиненности и вертикальной зависимости отношениями равноправного партнерства, построенными на базе взаимного интереса. Уже в 60-е гг. некоторые исследователи обращали внимание на то, что в процессе модернизации необходимо прежде всего наращивать вложения в сферу образования, ускорить процесс формирования человеческого капитала [2, с. 7–8]. Уже тогда одной из существенных черт модернизирующегося общества считалось «рекрутирование» государственной бюрократии в соответствии с формальными требованиями к образованию, квалификации и деловым качествам людей, тогда как в традиционном обществе «вход» в ряды политиков и чиновников был обусловлен статусом, происхождением и личными связями человека [2, с. 9].

Очевидно, что этот подход необходимо использовать и в современной России, усиливая требования к профессиональной подготовке государственных служащих и их постоянному повышению квалификации, а также к личностным качествам должностных лиц.

Существенное внимание в модернизационных теориях уделялось также социально-политическим механизмам модернизации, роли государства, политических институтов и лидеров в осуществлении преобразований (Д. Эптер, С. Блэк). Одновременно рассматривалась и проблема социального субъекта обновления: какие социальные группы заинтересованы в модернизации и готовы ее возглавить, какова роль модернизаторской элиты в обновлении общества. Основной вывод, к которому приходили теоретики модернизации, состоял в том, что успех реформ зависит прежде всего от того, сумеет ли модернизаторская элита обеспечить стабильность общества в процессе перемен. Считается, что обеспечение социальной стабильности при поддержании конкурентной социальной среды является целью модернизации, одним из ее ориентиров и в современной России.

Интересно, что в концепциях 50-х – 60-х гг. развитие общества рассматривается как всеобщий (универсальный) процесс, имеющий одни и те же закономерности и этапы (стадии) для всех стран и народов. Методологической основой данных теорий является технологический и экономический детерминизм: всемирное благоденствие и решение всех социальных проблем человечества выводится из прогресса технологии и экономики. Этот процесс, соответственно, ведет к размыванию социокультурной специфики различных стран и диктует им универсальные требования.

По мнению А.П. Манченко, главный недостаток универсалистских теорий модернизации заключается в акценте на вещественные и отчужденные факторы социального бытия, в пренебрежении к социокультурным характеристикам стран и регионов [3, с. 18]. Хотелось бы отметить, что и в настоящее время весьма остро стоит проблема гармонизации модернизационной политики и социокультурных и ментальных особенностей народов современной России.

В 70-е гг. идея модернизации подверглась серьезной критике как в теоретическом, так и в практическом плане в результате долгого и трудного переосмысления опыта реального развития и осознания неадекватности рекомендаций различного рода экспертов. В ходе поисков нужной парадигмы модернизации пришлось отказаться от терминов «европеизация» или «вестернизация» как всестороннего

уподобления общества западным образцам. А сохранившийся термин «американизация» приобрел явно критический и негативный смысл. Большинство западных исследователей отмечало, что попытки модернизировать общество не приводят к обещанным результатам. Многочисленные и тяжелые провалы курса на интенсивную вестернизацию заставили пересмотреть прежние поверхностные рекомендации. Наконец, была поставлена под сомнение и этноцентристская, ориентированная на Запад концепция целей модернизации, поскольку многие новые современные государства успешно развиваются не по пути европейских национальных государств [4, с. 20–21]. Очевидно, что существенным своеобразием, особенно в свете напряженных отношений с западными странами, будет обладать и ближайшее социально-экономическое и правовое развитие нашего государства.

Представляется, что самым важным ориентиром модернизационных процессов должна стать личность, ее социально позитивная самореализация. Интерес в связи с этим представляет разработанная в рамках Университета ООН «новая стратегия развития» – развития способностей и потребностей человека, его самореализации. На развитие человека, согласно данной стратегии, «нужно направить все ресурсы общества – человеческие, материальные, технические, финансовые, организационные» [2, с. 18]. На необходимость самореализации личности посредством права указывалось и в юридической литературе [5, с. 134]. Думается, что подобный критерий необходимо закрепить, а главное – конкретизировать и в современном российском законодательстве и правовой идеологии.

В 80-е гг. движущей силой модернизации уже не считается политическая элита, действующая «сверху». В центр внимания ставится мобилизация масс, т.е. деятельность «снизу», которая противостоит инертному и консервативному правительству. Главными агентами модернизации признаются спонтанные общественные движения и харизматические лидеры. Модернизация больше не трактуется как решение, принятое образованной элитой и навязанное сопротивляющемуся населению, которое цепляется за традиционные ценности и уклад жизни (так было в большинстве стран «третьего мира»). Теперь речь идет о массовом стремлении граждан изменить ус-

ловия своего существования в соответствии с западными стандартами под влиянием массовой коммуникации и личных контактов [4, с. 24]. В связи с этим в наши дни актуальность приобретает проблема участия институтов гражданского общества в модернизационных процессах, проблема роли самоуправления в условиях современной России.

К середине 80-х гг. снова намечается смена парадигмы модернизации. Странники этой последней версии исходят из взгляда на модернизацию как на процесс, который не только на промежуточных стадиях, но и в конечном счете не должен приводить к трансформации традиционных незападных обществ по западной модели, являясь скорее внутренней перестройкой общества в соответствии с имманентно присущими ему законами [6, с. 71–72]. Антитрадиционалистские настроения ранних теорий сменяются утверждением, что местные традиции могут таить в себе модернизационные потенции. Поскольку отказ от традиций может спровоцировать мощное сопротивление, постольку предлагается использовать их [4, с. 25].

Во второй половине 80-х – начале 90-х гг. в зарубежной литературе успех или неудача модернизации окончательно связывается с тем, насколько модернизация соответствовала социокультурным особенностям каждой страны [1, с. 80]. В литературе даже заговорили об историческом реванше гуманитарно-духовной элиты над «организаторами», «экспертами» и «командирами производства», о возрождении такого типа духовно-гуманитарного сознания, который мобилизуется в ответ на вызовы современного нигилизма, грозящего окончательным разрушением природы и культуры [7, с. 8]. Представляется, что подобные тенденции должны найти свое отражение и развитие и в современной отечественной науке, и в современном российском законодательстве, и в системе социально-правовых ценностей.

По нашему мнению, в современной России необходимо создать правовые инструменты и процедуры проведения соответствующих преобразований, включающие установление нормативных требований к государственным структурам, критериев эффективности их деятельности. Кроме того, процесс модернизации нуждается не только в экономическом, историческом, но и аксиологическом исследовании.

Необходимо закрепить в законодательстве четкие гарантии и механизмы развития инновационности и социального творчества в обществе, установить стимулы для осуществления социально-правовой активности. Должна повышаться роль гражданского общества и значение саморегулируемости общественной жизни в осуществлении процессов модерни-

зации и постмодернизации в современном Российском государстве.

В качестве вывода необходимо отметить, что теории модернизации и их политико-правовые аспекты нуждаются не только в дальнейшем научном изучении, но и в трансформации и практической реализации с учетом современной российской специфики.

1. Пантин В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997.

2. Красильщиков В.А. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994.

3. Манченко А.П. Социальная модернизация в современной России. М., 2000.

4. Поздьяева С.М. Российское общество в условиях модернизации (социально-философский анализ). Уфа, 1998.

5. Жинкин С.А. Психологические проблемы эффективности права. СПб., 2009.

6. Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001.

7. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в 21 веке. М., 1998.

1. Pantin V.I. Cycles and waves of modernization as a phenomenon of social development. Moscow, 1997.

2. Krasilschikov V.A. et al. Modernization: international experience and Russia. Moscow, 1994.

3. Manchenko A.P. Social modernization in modern Russia. Moscow, 2000.

4. Pozdyaeva S.M. Russian society in the conditions of modernization (social-philosophical analysis). Ufa, 1998.

5. Zhinkin S.A. Psychological problems of efficiency of law. St. Petersburg, 2009.

6. Caspe S.I. Empire and modernization: General model and Russian specifics. Moscow, 2001.

7. Panarin A.S. Revenge of history: Russia's strategic initiative in the 21st century. Moscow, 1998.

Карнаушенко Леонид Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
начальник управления учебно-методической работы
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612585079)

Соционормативная система трансформирующегося российского общества: современное состояние, перспективы развития

В статье анализируется состояние общества начала XXI в., которое характеризуется масштабными трансформационными процессами, прямо или косвенно повлиявшими на функционирование социальных институтов и подсистем. В результате в состоянии неопределенности и дезорганизации оказались традиционные механизмы, обеспечивающие стабильность общества и служащие целям профилактики и противодействия отклоняющемуся поведению. Автор рассматривает один из таких механизмов, которым является соционормативная система общества.

Ключевые слова: трансформирующееся общество, социальная норма, соционормативная система, девиантное поведение, аномия, социокультурный шок.

L.V. Karnaushenko, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Educational and Methodical Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612585079.

Socionormative system of the transforming Russian society: current state, prospects of development

The article analyses the condition of the society of the beginning of the XXI century which is characterized by massive transformation processes, either directly or indirectly influenced the working of social institutions and subsystems. As a result, in a state of uncertainty and disorganization were traditional mechanisms to ensure the stability of society and serve the purpose of prevention and combating deviant behavior. The author presents one of such mechanisms which is the social normative system of society.

Key words: transforming society, social norm, social normative system, deviant behavior, anomie, socio-cultural shock.

Российское общество начала XXI в. многие исследователи справедливо относят к трансформирующемуся. Именно в этот период времени стали активно проявляться тенденции интеграции российского социума в глобальную постиндустриальную миросистему. Формальные, «количественные» индикаторы данных процессов – рост социальной значимости Интернета, информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий; увеличение значимости информации как ресурса социального развития; значительное усиление потенциала сферы услуг (особенно в мегаполисах и крупных городах), стирание традиционных классовых и групповых различий и т.д. Вместе с тем, значительная территория нашей страны не предполагает простого и безболезненного перехода от развитого индустриального к глобальному постиндустриальному обществу. В России с каждым годом нарастает социальная, имущественная, культурная и ин-

формационная дифференциация населения. Наблюдаются существенные различия между «столицей» и «провинцией» в аспекте интеграции в глобальное информационное общество. Именно поэтому многие исследователи акцентируют внимание на весьма острых проблемах трансформирующегося российского общества.

Интеграция российского общества в пространство глобального миропорядка детерминирует ряд проблем, связанных, в частности, с тем, что в современном обществе «исчезает информация» как таковая, а процесс информирования аннигилирует информацию, уничтожает ее, замещая «знаковыми бомбардировками». В частности, реальность, которую обрисовал французский социолог Ж. Бодрийяр, скорее можно маркировать не как «информационную», а как «постинформационную», т.к. автор анализировал кризисные и устрашающие последствия экспансии технологических средств массового производства информации.

Трагичное следствие – «смерть социального» [1, с. 103–113].

Более «умеренную» теоретическую концепцию перехода общества в новое состояние предложил Д. Белл. Исследователь отмечал, что развитие информационного общества и производства ведет к перевороту как в технике и технологии производства, так и в характере социальных отношений. Социальные отношения, создаваемые новыми сетями информации (от обмена информацией между исследователями с помощью компьютеров до широкой социальной однородности, образуемой с помощью национального телевидения), не являются больше трудовыми отношениями индустриального общества. Налицо возникновение совсем иного типа социальной структуры по сравнению с уже известными [2, с. 235].

Однако какую бы точку зрения относительно природы социальных изменений мы бы не разделяли, следует признать, что социальная трансформация представляет собой процесс структурных изменений общественного состояния. Понятие «трансформация» означает «преобразование», «превращение», поэтому применительно к обществу представляет одну из наиболее значительных форм его изменений, в которой происходят изменения самой социальной системы, а не только ее отдельных компонентов [3, с. 261].

Высокие скорости социальных изменений, как правило, характерные для трансформирующегося общества, определяют состояние дисбаланса, дезорганизации социума в целом либо его ключевых социальных институтов и подсистем. Объясняется это тем, что социальная система весьма непредсказуемо реагирует на трансформационные процессы, в целом будучи значительно лучше адаптированной к стабильному социальному порядку, нежели к нестабильному. Даже в случае очевидных тенденций социального прогресса не факт, что социальная система отреагирует должным образом. И тем более тревожная и неоднозначная ситуация имеет место тогда, когда вектор социальных изменений не является однозначным либо обладает явными регрессивными признаками.

Различные структурные элементы социальной системы по-разному реагируют на происходящие трансформационные процессы. В контексте нашего анализа представляется целесообразным подробнее рассмотреть функционирование соционормативной системы в ситуации социальной неопределенности, неустойчивого функционирования основных социальных институтов и подсистем социума.

Стоит отметить, что центральным элементом соционормативной системы выступает сложно организованный, диверсифицированный комплекс норм. Каждый из уровней данной системы отвечает индикаторам общепризнанных правил, образцов поведения, стандартов деятельности, призванных обеспечивать упорядоченность, устойчивость и стабильность социального взаимодействия индивидов и социальных групп. Совокупность норм, действующих в том или ином сообществе, составляет целостную систему, различные элементы которой взаимообусловлены [4]. В связи с этим неслучайным выглядит тот факт, что исследователи уделяют повышенное внимание именно соционормативной системе общества, т.к. социальная жизнь включена в контекст действия норм, ими регулируется, упорядочивается.

Классики социологической мысли внесли существенный вклад в разработку теоретических концептуальных представлений о нормативной системе общества. В частности, Э. Дюркгейм рассматривал типы норм, воплощенных в праве. М.М. Ковалевский полагал, что солидарность людей – норма, классовая борьба – отклонение от нее. П.А. Сорокин указывал, что главной причиной внутреннего социального мира является наличие в обществе «целостной, твердо вошедшей в жизнь системы основных ценностей и соответственных норм поведения» [5, с. 96–97].

Стоит отметить, что социальная норма фиксирует акт деятельности, который на практике утвердился в жизни. Следовательно, совершенные поступки становятся негласным правилом. Кроме того, социальная норма определяет формирование целенаправленной деятельности каждого индивида, которая определена объективными факторами.

Социальные нормы предполагают и относительную свободу человеческого поведения, которую каждый человек ощущает, когда поступает в соответствии с социальными правилами, хотя мог бы и пренебречь ими. При помощи социальных норм общество стремится обеспечить осуществление определенных общественных функций. Осуществление этих функций представляет общественный интерес [4].

Представление о социальной норме целесообразно отразить в определенной типологии, без которой описание нормы, понимание ее роли становится затруднительным:

норма как идеал; если рассмотреть этот вид применительно к различным областям человеческой жизнедеятельности, то можно опе-

реться на следующие примеры: в медицине – совершенно здоровый человек, в педагогике – полностью успевающий по предметам класс, в социальной жизни – отсутствие преступлений;

норма как образец поведения, как правило или эталон, как традиция; примером в данном случае может быть следование любым принятым в данном сообществе правилам, таким, например, как уважение к старшим;

норма профессиональная; пример – технические стандарты или свод правил для медиков, объединенный «клятвой Гиппократа»;

норма статистическая как выражение неких свойств, присущих большинству людей, событий [5, с. 96–97].

Вместе с тем, как отмечают исследователи, сведение норм исключительно к «правилам» довольно уязвимо для критического анализа. Можно допустить, что все правила стремятся стать нормами, но очевидно, что не все нормы сводятся лишь к правилам. В соответствии с точкой зрения многих современных научных школ, норма отличается от правила. В частности, норма выражает то, что существует или должно существовать во всех без исключения случаях, в противоположность закону, который говорит лишь о существующем и происходящем, и правилу, которое может быть выполнено, а может быть и не выполнено [6].

По мнению М.С. Шальмина, социальная норма выступает регулятором поведения личности лишь тогда, когда она отражена ее сознанием и усвоена до такой степени, чтобы выступить побуждением для эмоционально-волевой структуры сознания личности, обеспечивающей действия, соответствующие этой норме [7, с. 10].

Представляет научный интерес и рассмотрение механизма социального регулирования в целом, определение системных связей между различными видами социальных норм, установление соотношения и взаимодействия социальных норм, а также их влияние на мотивацию поведения личности. Изменившиеся условия соционормативного регулирования требуют иного подхода к определению значимости каждого из его компонентов и установлению их взаимодействия [7, с. 3–4].

В центре внимания исследователей соционормативной системы оказывается право, т.к. оно, будучи обусловлено реальным состоянием и закономерностями общественного развития, выражает объективную потребность любого общества в упорядочении действий и взаимоотношений его членов, в подчинении их

определенным нормам. Тем самым обеспечивается сознательное и целенаправленное воздействие социальной общности на жизнедеятельность индивидов [7, с. 5].

Однако функционирование нормативного элемента института права целесообразно рассматривать лишь во взаимосвязи с другими социальными институтами, ответственными за регуляцию человеческого поведения. Здесь центральную роль играет духовная культура общества, призванная легитимизировать систему социального контроля, сделать ее понятной и предсказуемой для людей. Именно сбой и дисфункциональность данного ключевого социального сегмента оказывают негативное влияние на соционормативную систему в целом, ее отдельные подсистемы.

Стоит отметить, что современное состояние соционормативной системы трансформирующегося российского общества в целом можно охарактеризовать как кризисное. Процесс утраты социальными нормами регулирующего воздействия на отдельную личность, социальные группы, общности начался еще в начале 1990-х гг., когда российское общество переживало состояние классической дюркгеймовской аномии. В этот период времени советская нормативная система уже утратила свое социальное значение, а новая, российская, находилась лишь в стадии становления. Именно поэтому многие типы девиаций, распространившиеся именно в начале 1990-х гг., обладают такой живучестью и по сей день, ибо их носители повзрослели, перенесли свои антисоциальные установки в повседневную жизнь. Более того, теперь девиантное поведение настолько глубоко укоренилось в сознании, системе социокультурных координат личности, социальных практиках, что, став элементом социального опыта, транслируется подрастающим поколениям. Именно такая ситуация сложилась, в частности, с криминальной культурой, многие элементы которой, проникнув в социокультурное пространство в начале 1990-х гг., укоренились настолько, что перестали отвечать классическим признакам субкультуры или контркультуры. Злобность, мстительность, «преклонение» перед насилием, культ материальной наживы, использование коррупционных практик настолько прочно вошли в социальную жизнь, доминирующую социокультурную систему, что стали оказывать деструктивное воздействие на основополагающие процессы российского общества – социализацию, социальное развитие и воспитание подрастающе-

го поколения. Значительная часть взрослого общества, освоив элементы криминальной культуры и криминальных социальных практик (как непосредственно, взаимодействуя с криминалитетом, так и опосредованно, с помощью произведений массовой культуры – фильмов, сериалов, романов, реалити-шоу и пр.), оказывает воздействие на подрастающее поколение. Именно поэтому на смену «разрыву поколений», маркируемому как основная социальная проблема молодежной среды 1990-х гг., пришло несколько иное состояние, которое по своим социальным последствиям выглядит значительно более опасным. Речь идет о серьезном смещении моральных основ жизнедеятельности, потере веры в добро, справедливость – основополагающие черты развития любой личности.

Особую тревогу в нынешних условиях вызывает процесс социализации подрастающего поколения. Объясняется это рядом объективных причин, связанных с кризисом основных институтов – семьи и особенно образования. Школа с каждым годом утрачивает одну из основных своих функций – воспитания молодежи, развития ее гражданских, личностных качеств. Реформа образования также оказала негативное воздействие на интеллектуальный и мировоззренческий уровень значительной части молодежи. В результате возник значительный по размеру сегмент в молодежной среде (главным образом, в среде так называемой «провинциальной молодежи»), потенциально готовый к включению в сферу криминальной культуры и криминального мира. Ограниченный интеллект, неинформированность об элементарных вещах, неразвитое мышление, наряду с гипертрофированными негативными социальными качествами – эгоизмом, склонностью к насилию, материальному обогащению любой ценой, – создают предпосылки для развития куда более опасных социальных явлений, чем просто девиантное поведение. Именно на нынешней социокультурной основе «расцветают» экстремизм, радикализм, ксенофобия. Основная проблема заключается в том, что после достижения двадцатилетнего возраста молодежь с деформированной личностной нормативной системой практически невозможно вернуть к полноценной социальной жизни, поскольку мы имеем дело уже с взрослой сложившейся личностью. Будучи убежденными в своей правоте, уверенными в своей победе в «войне всех против всех», эти люди могут кратковременно «внешне» маскировать свои истинные взгля-

ды, идеалы, ценности, но при благоприятном стечении обстоятельств проявят их.

Современное состояние социокультурной системы российского общества целесообразно определять как социокультурный шок. Его суть заключается в утрате соционормативной системой духовно-нравственных легитимизирующих основ. Без этого социальный контроль воспринимается людьми лишь как репрессивный элемент, инструмент ограничения их личных свобод. Однако социокультурный шок возник вследствие «массовизации», криминализации системы культуры, утраты ее целостного, концептуального содержания, дефрагментации на многочисленные, мало связанные друг с другом элементы.

Каковы же перспективы развития сложившейся весьма непростой ситуации? Соционормативная система не может функционировать без соответствующей поддержки и легитимизации со стороны доминирующей культуры общества. В противном случае социальные нормы утрачивают свое регулирующее значение и, по сути, превращаются в систему запретов, ненужной мелочной регламентации, «мешающей жить». Люди просто не понимают смысла тех ограничений, соблюдать которые им предлагает общество. Освоив криминальную культуру и соответствующие практики, люди к тому же становятся в значительной мере свободными от признания действия над собой каких-либо запретов или ограничений.

В современном состоянии трансформирующегося российского общества, в ситуации продолжающегося длительного кризиса основных социальных институтов, ответственных за социализацию, социальное развитие и воспитание подрастающего поколения находится под серьезной угрозой. Ситуация осложняется дисфункциональным состоянием еще одного ключевого социального института, ответственного за передачу значимой информации, социального опыта. Речь идет об институте массовой коммуникации. В условиях становления глобального информационного общества утрачиваются привычные каналы, формы и способы передачи социально значимой информации, а новые оказываются ненадежными. Подрастающее поколение перегружается информацией, слишком рано усваивает социально опасную информацию, проводит большую часть времени в социальных сетях Интернета, что в целом оказывает негативное влияние на социальную ситуацию. Кроме того, возможности бесконтрольного информацион-

ного воздействия со стороны взрослых коммуникаторов на молодежь опасны еще и тем, что в ходе так называемого «общения» представители антисоциальных групп, криминального мира, различного рода экстремисты, радикалы способны влиять на сознание молодого человека, его систему ценностей, мировоззрение. Изменив социокультурные установки личности, такие коммуникаторы изменят и систему норм, разделяемых личностью. Данная проблема, на наш взгляд, недооценивается современными исследователями и практиками и требует гораздо большего внимания.

Таким образом, в ближайшей временной перспективе вряд ли стоит ожидать улучшения положения соционормативной системы российского общества. Риск и неопределенность как атрибуты трансформационных процессов оказывают влияние на основные социальные институты и подсистемы российского общества. К этому необходимо добавить общий социокультурный кризис, так и не преодоленный с начала 1990-х гг., несмотря на прилагаемые усилия. Его инерция, к сожалению, оказалась весьма мощной, а отрицательное воздействие

криминальной культуры было недооценено наукой и управленческими структурами. В сложившейся ситуации необходима оперативная разработка и внедрение системы мероприятий, направленных на оптимизацию функционирования основных институтов, ответственных за социализацию, воспитание, социальное развитие подрастающего поколения, а также на снижение негативного социокультурного воздействия криминальной культуры. Инициатива здесь должна принадлежать руководству нашей страны. В противном случае соционормативная система российского общества не преодолет кризисное состояние, а сам кризис будет лишь усугубляться набирающими скорость негативными инерционными процессами. Особенно опасная ситуация может сложиться вследствие любого серьезного социально-экономического кризиса, когда ухудшение (пусть временное) материального положения может резко усилить потенциал криминального поведения, т.к. необходимые условия для его развития детерминированы кризисом соционормативной системы.

1. Мацевич И.Я. Феномен «постинформационного общества» как объект концептуализации // *Медиафилософия II. Границы дисциплины: сб. науч. ст. / С.-Петербург. гос. ун-т, филос. фак.; под ред. В.В. Савчука, М.А. Степанова. СПб., 2009.*

2. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования.* М., 1999.

3. Ламажаа Ч.К. *Социальная трансформация // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1.*

4. *Социальная норма.* URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальная_норма (дата обращения: 12.05.2015).

5. Смирнова Е.Э., Курлов В.Ф., Матюшкина М.Д. *Социальная норма и возможности ее измерения // Социс. 1999. № 1.*

6. *Норма.* URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/837/НОРМА (дата обращения: 23.06.2015).

7. Шальмин М.С. *Нормы права в системе соционормативного регулирования: проблемы соотношения и взаимодействия: дис. ... канд. юрид. наук. Абакан, 2006.*

1. Matsevich I.Ya. *Phenomenon of «the post society» as an object of conceptualization // Mediaphilosophy II. The boundaries of the discipline: coll. of sci. papers / St. Petersburg state university, faculty of philosophy; ed. by V.V. Savchuk, M.A. Stepanov. St. Petersburg, 2009.*

2. Bell D. *The coming post-industrial society. Experience of social forecasting.* Moscow, 1999.

3. Lamazhaa Ch.K. *Social transformation // Knowledge. Understanding. Skill. 2011. № 1.*

4. *A social norm.* URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Social_norm (date of access: 12.05.2015).

5. Smirnova E.E., Kurlov V.F., Matyushkina M.D. *Social norm and possibilities of its measurement // Sotsis. 1999. № 1.*

6. *Norm.* URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/837/NORM (date of access: 23.06.2015).

7. Shalmin M.S. *The rule of law in the system of standard regulation: the problems of correlation and interaction: diss. ... Master of Law. Abakan, 2006.*

Долина Илья Олегович

аспирант кафедры административного и финансового права
Кубанского государственного аграрного университета,
помощник судьи Абинского районного суда Краснодарского края
(e-mail: ilyadolina@yandex.ru)

Проблема правопонимания в современном российском правоведении: имманентная логика движения к понятию права

Автор исследует проблему правопонимания в современном российском правовом дискурсе и выявляет внутреннюю логику его развития. Делает вывод, что на сегодняшний день завершает логическое развитие российской правовой теории в области постижения понятия права либертарная концепция правопонимания.

Ключевые слова: тип правопонимания, право, способ познания, сознание, самосознание.

I.O. Dolina, Postgraduate of the Chair of Administrative and Financial Law of the Kuban State Agrarian University, Assistant Judge of Abinsk District Court of Krasnodar Region; e-mail: ilyadolina@yandex.ru

The problem of understanding the law in contemporary Russian jurisprudence: immanent logic of movement towards the concept of law

The author investigates the problem of understanding the law in contemporary Russian legal discourse and marks out the logic of its development. Draws a conclusion that today finishes logical development of the Russian legal theory in the field of comprehension of concept of law libertarian conception of law understanding.

Key words: way of understanding the law, law, mode of investigation, consciousness, self-consciousness.

Приступая к выявлению внутренней логики движения отечественного государственно-правового дискурса в сфере правопонимания и к ее решению, исследователь сразу же сталкивается с дискуссией по проблеме правопонимания, унаследованной российской юридической наукой от советской теории права. Необходимости в подробном рассмотрении хода и позиций участников этой полемики нет. Стоит лишь отметить, что пока единства взглядов не удалось достичь не только в оценке содержания типов правопонимания и характера их соотношения, но даже в вопросах о критериях их классификации и количестве выделяемых типов. В связи с этой теоретико-методологической ситуацией В.Ю. Вобликов ставит следующий вопрос: «Проблема ли это?» [1].

Бесспорно, для ученых, следующих гносеологической установке постпозитивизма (и постмодернизма), выраженной Л. Витгенштейном в известном велении: «Не думай, а смотри!» [2, с. 111], многообразие существующих особенных типов правопонимания, этих исключających друг друга и безразличных к существованию друг друга монад, не составляет никакой теоретической проблемы. Ибо для нашего

созерцания и представления множественность вообще составляет непосредственно существующую данность и тем самым – прочную предпосылку единого. Последнее рассматривается представляющим сознанием (если оно вообще допускает мысль о каком-то единстве) только в качестве чего-то вторичного, производного от налично существующего многообразия и внешнего ему.

Таким образом, для сторонников плюрализма множественность интерпретаций права остается непоколебимым основополагающим определением; так что «топосом», в котором единственно возможно единство разных истолкований права, выступает субъективное сознание рассматривающего их исследователя. Этим – осознанно или имплицитно – под вопрос ставится единое, всеобщее и необходимое понятие права как объективно существующая предпосылка всякого субъективного о нем рассуждения.

Указанные положения этого атомистического правового дискурса признаны некоторыми его сторонниками вполне соответствующими эпистемологическим установкам научного познания «эпохи постмодерна», в которой нынче очутилось все прогрессивное человечество.

Следовательно, их предлагают считать если и не истинными, то уж точно наиновейшими взглядами на то, что раньше наивно называли «сущностью» права и от упоминания чего теперь стоит воздержаться. Ибо теперь, в «эпоху постметафизики», сущность права объявлена не только непознаваемой, но и несущественной [3, с. 159].

Не входя в детальное рассмотрение данного воззрения, следует лишь обратить внимание на следующие факты. Во-первых, ближайшими импликациями этого «сверхнового» правопонимания оказываются принципы, укореняющие то, что есть право, в особенной субъективности человека. Говоря точнее, в его частных интересах и целях, личных мнениях и убеждениях, индивидуальных чувствах и склонностях. Но позволим себе напомнить, что именно из этих конечных оснований уже пытались понять право, долг и нравственность древнегреческие софисты [4, с. 9–15; 5 с. 3–33; 6, с. 53–62; 7, с. 95–128].

Во-вторых, отечественные глашатаи «современного» правопонимания считают особо значимым следующее положение, которое якобы возведено «постклассическим типом рациональности». Объект познания немислим вне отношения к познающему субъекту, говоря точнее, многим субъектам, взаимодействующим между собой и интерпретирующим эти социальные интеракции [8, с. 27–28; 9, с. 12–19, 155–181; 10, с. 4–6]. В связи с этим также нелишним будет напоминание о том, что еще Протагор, объявивший «мерой всех вещей» человека, «усеченного», впрочем, до индивидуального субъекта восприятия, утверждал: «...какой мне кажется каждая вещь, такова она для меня и есть, а какой тебе, такова же она, в свою очередь, для тебя» [11, с. 238]. Тем самым задолго до наступления «эпохи постмодерна» опыт был верно понят как отношение внешней вещи к сознанию, т.е. как явление, каковое и было признано софистами истиной. Это отметил позднее Секст Эмпирик, говоря, что Протагор «...устанавливает только то, что кажется каждому, и таким образом вводит троп относительности» [12, с. 252].

Итак, обоснованные сомнения вызывают не только притязания плюралистической точки зрения в правопонимании на новизну и оригинальность. Отнюдь не бесспорна, на наш взгляд, прежде всего ее предпосылка, в соответствии с которой именно множественность внешних друг другу интерпретаций права должна рассматриваться как последнее основание не внешнего их сочетания и, следовательно, некоего лишь интегративного, но действительно единого правопонимания.

Эта предпосылка теряет видимость очевидности, если принять во внимание то обстоятельство, что в самой этой множественности явным образом выявляет себя известная оппозиция двух типов понимания права. «Почти все определения права, – отмечает Г.В. Мальцев, – выработанные юристами различных времен и стран, достаточно четко распределяются по двум группам в зависимости от того, на какие традиции опирались их авторы – естественного права или юридического позитивизма» [13, с. 11]. Именно к этой точке бифуркации подошла в финале своего развития советская теория права [14, с. 360–362]. И эта же контроверза, несмотря на утверждение отдельных авторов о том, что дуализм естественного и позитивного права «уже изжит» отечественной теорией [15, с. 4], остается ее теоретической «дугой напряженности» и в настоящее время. «Вырваться за рамки этих типов правопонимания, – констатирует Н.В. Варламова, – или обосновать несостоятельность их противопоставления пока никому не удавалось. Все такие попытки в конечном счете оборачивались лишь апологетикой одного из них, как правило, позитивизма. Не избежали этого и современные российские исследователи» [16]. Таким образом, сам процесс познания права преодолевает абстрактный плюрализм, с необходимостью сводя многие особенные типы правопонимания к одной противоположности [17].

Даже если вслед за О. Хёффе признать, что сегодня «...разговор о естественном праве ни для теории, ни для практики права не играет уже сколько-нибудь существенной роли» [18, с. 52], то все же остаются следующие вопросы. Почему вообще на протяжении всей своей истории формально-догматическая юриспруденция вынуждена «сталкиваться» с апелляцией к допозитивным и сверхпозитивным правовым обязательствам? Следует ли считать достаточным объяснение, будто эти «столкновения» навязываются ей исключительно внешним и потому случайным для нее образом (сложившимися историческими обстоятельствами, непомерными претензиями философско-правовой мысли, произвольной направленностью индивидуального дискурса и т.п.)? Или все же необходимо допустить, что это неотвязно воспроизводящееся в истории познания права противоречие коренится в природе предмета постижения? И если это так, тогда что именно являет себя в этой противоположности?

Несомненно, весьма велико искушение избавить предмет познания от его собственного

противоречия и тем гарантировать правопониманию «ключ разумения» права. Но не менее велик при этом и риск заслужить за свои познавательные старания уже высказанную однажды в истории оценку: «Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения; сами не вошли и входящим воспрепятствовали» [19]. Ибо, действуя таким, формально-логическим способом, мы тем самым несправедливо отказали бы праву в обладании собственным содержанием и превратили бы его в абстрактно-тождественную, пустую форму, наполнение которой пришлось бы отнести на счет деяний одной лишь истории. Но не менее неправомерным, на наш взгляд, стало бы и вытекающее из этого сведение постижения разумной природы права к объяснению тех или иных его определений из исторических условий и обстоятельств, рассматриваемых в качестве ближайших или более отдаленных причин.

Сказанное вынуждает автора допустить, что указанная оппозиция двух типов правопонимания, неотступно воспроизводящая себя в истории познания права, образует собственную его природу. Это противоречие между понятием права (именуемым естественным правом, божественным правом, разумным правом, справедливостью и т.д.) и его осуществлением, реальностью (то, что обозначили как позитивное право) составляет «живой нерв» как бытия, а вернее, действований, так и понимания права. И это противоречивое единство понятия права и его реальности есть не что иное, как идея права. Моменты последней необходимо обнаруживают себя в развитии российской правовой теории, несмотря на искажения, вносимые господствующими в ней принципами познания. Только эта предпосылка, как уверен автор, позволяет выявить имманентную логику движения отечественного государственно-правового дискурса в сфере правопонимания. Иной подход не преодолевает «хаоса различий».

Важно подчеркнуть, что логика процесса познания содержания права как предмета российской правовой теории определяется прежде всего развитием способа познания права. Этим общим способом исследования права выступает сознание. Его логическое движение обнаруживает себя посредством последовательного самоопределения в следующих формах: чувственное сознание, воспринимающее сознание и рассудочное сознание.

Первоначально сознание есть непосредственное или чувственное сознание. Поэтому его отношение к предмету также носит характер непосредственности. И таковым же является

для чувственного сознания и сам предмет – непосредственно существующим единичным объектом. Но поскольку этот чувственно-единичный объект не содержит в себе никакой истины, ибо он просто есть, постольку сознание с необходимостью переходит от него к существованию бытию объекта.

Так как предметом сознания становится сущность единичных объектов, то это уже не чувственное, но воспринимающее сознание. В пределах данной формы сознание устанавливает отношение созерцаемых единичных объектов к непосредственно не наблюдаемому всеобщему. Причем ввиду того, что сознание здесь именно полагает отношение между данными в восприятии единичными объектами и предположенной всеобщей сущности, само это отношение единичного и всеобщего есть лишь смешение, а не действительное единство. На этой ступени развития сознания как способа познания и находится опыт. Так как основные концепции правопонимания российской правовой науки (современная нормативная, социологическая и психологическая) [20, с. 30] не выходят за пределы охарактеризованных форм сознания, то они являются эмпирическими как по своим методологическим предпосылкам и способу отношения к познаваемому объекту, так и фиксируемой ими определенности содержания понятия права как предмета познания.

Каждая из основных эмпирических концепций правопонимания обособляет и фиксирует в качестве принципа один из моментов понятия права: нормативная – абстрактно-всеобщие нормы закона, социологическая – противостоящие им особенные правоотношения, психологическая – внешнее им обоим единичное правосознание. Каждая концепция полагает выхваченную определенность в основание своей дефиниции права. Вследствие эмпирического способа познания для каждой из трех теорий возникает неустранимое затруднение: каким образом обеспечить необходимую связь избранной определенности с остальными.

Этот «распад» моментов понятия права, осознаваемый и самими эмпирическими концепциями правопонимания, пытается преодолеть рефлексивный (критический) правовой эмпиризм. Классическим представителем последнего в нашей теории права является юридическая антропология.

Поскольку указанное выше отношение абстрактного многообразия единичных объектов и абстрактно-всеобщей сущности есть лишь внешний синтез, постольку такое отношение образует противоречие, которое и выводит

сознание за границы формы восприятия – к рассудку. Именно в рассудочном сознании получает свое первое разрешение указанное противоречие. Ибо здесь предмет выступает уже не как сущий объект, внешний и противостоящий сознанию, но как явление некоторого внутреннего, существующего для самого себя. Таким для себя сущим внутренним явлением выступает живое существо. В нем сознание созерцает процесс полагания и преодоления различных определений, понимая, что самостоятельность противостоящих друг другу субъекта и объекта не есть абсолютно прочная, но исчезающая. Именно с рассмотрения этого живого начинается пробуждение самосознания, ибо в живом существе объект превращается в нечто субъективное. Сознание, открывая самого себя в качестве существенного момента предмета, тем самым обращается к себе и становится предметным для самого себя.

Вместе с тем, первоначально это нечувственное внутреннее, в котором рассудок только и надеется постичь истинное, есть нечто неразличенное в самом себе, некая абстрактно-тождественная, отрицательная форма. Ее содержание составляют прежде всего многообразные природные, чувственные определения, поскольку единственным источником наполнения этой абстрактной всеобщности остается восприятие. Так что и в этой форме своей деятельности сознанию не удастся выйти за пределы внешнего синтеза единичного и всеобщего и достичь их бесконечного единства.

Как можно понять из сказанного выше, стремясь преодолеть смешение позитивно сущего единичного и негативной формы единства сознания с самим собой, т.е. лишь относительного их единства, формальная правовая теория полагает это противоречие содержания и формы абсолютным образом. Осуществляет она это посредством совершенного обособления отрицательной формы единства сознания,

исключения из нее всякого эмпирического материала. Ибо правовой формализм убежден в том, что, только противопоставляя содержание и форму, строго фиксируя раздельность эмпирического созерцания и негативной формы понятия, можно обрести их бесконечное единство. Этим формально-правовая теория утверждает самосознание в качестве необходимого итога предшествующего логического движения сознания, его истинного основания.

На этой ступени развития сознание знает, что предмет есть его представление, и в этом знании сознание обладает знанием о самом себе, самосознанием. Простым выражением последнего является положение: «я» есть «я» (сам), в котором высказан принцип абсолютного разума и абстрактной свободы. Свобода и разумность состоят в том, что, возвышаясь до формы всеобщего соотношения с собой, сознание каждый объект постигает как момент своей самости, полагает объективность как то, что не противостоит и ограничивает его, но принадлежит самому «я».

Однако первоначально это единство «я» и объекта, составляющее принцип духа, существует только непосредственным и потому абстрактным образом. Поэтому непосредственное самосознание имеет своим предметом не всеобщую форму «я»=«я», а только «я», особенное самосознание индивидуума. Так что это абстрактное самосознание содержит в себе лишь основу свободы, а не ее подлинную действительность. До этого пункта дошла либертарная концепция правопонимания, которая на сегодняшний день завершает собой логическое развитие российской правовой теории в области постижения понятия права.

Итак, современная российская теория права, пройдя основные этапы процесса порождения интеллектом себя как воли, стоит перед необходимостью постижения конкретно-всеобщего понятия воли, т.е. свободы как почвы и субстанции права, морали и нравственности.

1. Вобликов В.Ю. *Правопонимание в современной российской теории права* // CREDO NEW: теорет. журн. 2006. № 3. URL: <http://www.credonew.ru/content/section/10>, 8 февр. 2015.

2. Витгенштейн Л. *Философские работы*. М., 1994. Ч. I.

3. Стомба А.В. *О перемене сущности, или Что есть право в эпоху постметафизики* // Правоведение. 2008. № 1.

4. Коркунов Н.М. *История философии права: пособие к лекциям*. СПб., 1908.

1. Voblikov V.Yu. *Legal consciousness in modern Russian theory of law* // CREDO NEW: theoretical journal. 2006. № 3. URL: <http://www.credonew.ru/content/section/10>, Febr. 8, 2015.

2. Wittgenstein L. *Philosophical works*. Moscow, 1994. Pt. I.

3. Stovba A.V. *On the essence change, or what is the law in the postmetaphysics era* // Legal studies. 2008. № 1.

4. Korkunov N.M. *History of legal philosophy: manual for lectures*. St. Petersburg, 1908.

5. Гегель. Лекции по истории философии. Книга вторая // Гегель. Соч. М., 1932. Т. X.
6. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. СПб., 1994.
7. Кессиди Ф.Х. Сократ. Ростов н/Д, 1999.
8. Поляков А.В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. 2006. № 2.
9. Сапельников А.Б., Честнов И.Л. Теория государства и права: учеб. для вузов. СПб., 2006.
10. Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. № 2.
11. Платон. Теэтет // Платон. Соч.: в 3 т. М., 1970. Т. 2.
12. Секст Эмпирик. Три книги Пирроновых положений // Секст Эмпирик. Соч.: в 2 т. М., 1976. Т. 2.
13. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.
14. Нерсисянц В.С. Право и закон. М., 1983.
15. Поляков А.В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Правоведение. 2000. № 2.
16. Варламова Н.В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал рос. права. 2009. № 12. URL: http://www.juristlib.ru/book_5208.html, 8 февр. 2015.
17. Оль П.А. Правопонимание: от плюрализма к двуединству. СПб., 2005.
18. Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994.
19. Евангелие от Луки. Глава 11, стих 52.
20. Общая теория государства и права. Академический курс: в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 2: Теория права. М., 1998.
5. Hegel. Lectures on the history of philosophy. Book two // Hegel. Works. Moscow, 1932. Vol. X.
6. Reale J., Antiseri D. Western philosophy from the beginnings to the present day. I. Antiquity. St. Petersburg, 1994.
7. Cassidy F.H. Socrates. Rostov-on-Don, 1999.
8. Polyakov A.V. Post-classical legal studies and the idea of communication // Legal studies. 2006. № 2.
9. Sapelnikov A.B., Chestnov I.L. Theory of state and law: textbook for higher education institutions. St. Petersburg, 2006.
10. Chestnov I.L. Understanding of law in the postmodern era // Legal studies. 2002. № 2.
11. Plato. Theaetetus // Plato. Works: in 3 vol. Moscow, 1970. Vol. 2.
12. Sextus Empiricus. Three books of Pyrrho's provisions // Sextus Empiricus. Works: in 2 vol. Moscow, 1976. Vol. 2.
13. Maltsev G.V. Legal consciousness. Approaches and problems. Moscow, 1999.
14. Nersesyants V.S. Right and law. Moscow, 1983.
15. Polyakov A.V. Petersburg school of legal philosophy and objectives of modern legal studies // Legal studies. 2000. № 2.
16. Varlamova N.V. Russian theory of law in search of paradigm // Journal of Russian law. 2009. № 12. URL: http://www.juristlib.ru/book_5208.html, Febr. 8, 2015.
17. Ol P.A. Legal consciousness: from pluralism to the dual unity. St. Petersburg, 2005.
18. Hoffe O. Policy. Law. Justice. Basic principles of the critical philosophy of law and state. Moscow, 1994.
19. The Gospel of Luke. Chapter 11, verse 52.
20. General theory of state and law. Academic course: in 2 vol. / ed. by M.N. Marchenko. Vol. 2: Theory of law. Moscow, 1998.

Бондарева Елена Анатольевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного права России
и зарубежных стран
Воронежского государственного университета
(тел.: +74732208378)

Глобализация и суверенитет государства в экономической сфере

В статье исследуются аспекты влияния глобализации на приоритетные направления деятельности отдельного государства в сфере экономики. Анализируются вопросы обеспечения экономического суверенитета России.

Ключевые слова: экономический суверенитет, глобализация, интеграционные процессы.

E.A. Bondareva, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Constitutional Law of Russia and Foreign Countries of the Voronezh State University; tel.: +74732208378.

Globalization and sovereignty of the state in the economic sphere

This article examines the impact of globalization on priority directions of activity of the individual state in the economic sphere. Analyzed issues related to economic sovereignty of Russia.

Key words: economic sovereignty, globalization, integration processes.

Одним из важнейших факторов мирового развития на современном этапе является глобализация. Все больший объем государственных дел ввиду планетарности границ экономических, технико-технологических, информационных и экологических процессов странам приходится решать согласованно и сообща [1, с. 64]. При формировании внешней и внутренней политики любого государства невозможно игнорировать указанное явление, независимо от того, является конкретная страна участником глобализационных процессов или нет, и Россия не исключение.

Мировой экономической кризис показал, что наличие в стране механизмов самозащиты, отвечающих интересам экономической безопасности, теперь является не только условием самостоятельного развития хозяйственной системы, но и основным параметром возможности сохранения жизнеспособности национальной экономики.

Интеграционные процессы проявляются в укреплении экономических и политических позиций различных объединений, в совершенствовании механизмов многостороннего управления международными процессами. Мировая экономическая система превращается в совокупность мощных систем, активно взаимодействующих друг с другом. Современное усиление межгосударственной интеграции ведет к тому, что общие экономические процессы пе-

решают национальные границы, формируют новые социально-экономические задачи, связанные с обороной, экологией, защитой прав и свобод граждан и их объединений.

Следует отметить, что для эффективного межгосударственного сотрудничества должны быть разработаны различные механизмы принятия решений по каждому направлению взаимодействия с учетом национальных интересов отдельного государства.

Глобализация – всемирный процесс, взаимосвязывающий национальные социально-экономические образования в единую мировую и экономическую систему [2, с. 1].

Глобализация – качественно новый этап развития мирового хозяйства, определяющими факторами которого являются господство транснациональных корпораций (ТНК), финансового капитала и перераспределение на этой основе экономических и политических функций между национальными государствами, ТНК и международными организациями.

Наряду с положительными моментами рассматриваемого явления, прежде всего в области науки, образования, культуры, проблемы в сфере экономики остались не до конца решенными, отчасти даже усугубились.

В условиях глобализации происходит абсолютизация рынка и свободной конкуренции, отрицание роли национального государства как эффективного регулятора экономики, воз-

растание значения транснациональных корпораций и международных организаций в регулировании процессов на уровне отдельных национальных хозяйств. Все это способно привести к ряду негативных последствий: искажению национальных приоритетов развития; разрушению основ развития национального предпринимательства; утрате экономического суверенитета государства.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента России от 31 декабря 2015 г. № 683 [3], указывается, что процесс формирования новой полицентричной модели мироустройства сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности. Обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран, борьбой за ресурсы, доступом к рынкам сбыта, контролем над транспортными артериями (п. 13). Возрастающее влияние политических факторов на экономические процессы, а также попытки применения отдельными государствами экономических методов, инструментов финансовой, торговой, инвестиционной и технологической политики для решения своих геополитических задач ослабляют устойчивость системы международных экономических отношений, что на фоне растущей суверенной задолженности способствует сохранению повторения масштабных финансово-экономических кризисов (п. 24). Но, тем не менее, наша страна продемонстрировала способность к обеспечению своего суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности (п. 8).

Любое государство, ставящее цель получения от глобализационных процессов максимальной выгоды, должно проводить сбалансированную рациональную политику в различных сферах.

Социально-экономическая сфера, как никакая другая, крайне остро реагирует на несоблюдение баланса интересов: бизнеса и власти, труда и капитала, мелкого и крупного предпринимательства, наемных работников и работодателей, нуждающихся в социальной помощи и трудоспособного населения и т.д.

Государство имеет конституционную обязанность государственного содействия, государственного стимулирования предпринимательской деятельности, поскольку недостаточно только провозглашения экономических прав, установления механизмов их защиты, важна

многосторонняя, продуманная политика государства.

Другим аспектом рассматриваемой проблемы взаимодействия рынка и государства является вопрос о поиске баланса между построением свободной рыночной экономики и необходимостью выравнивания социального неравенства.

Социальное государство, с одной стороны, признает и гарантирует основные принципы рыночной экономики, с другой – принимает необходимые меры по регулированию экономических отношений, направленные на обеспечение надлежащего развития общества [4, с. 30–31].

Глобализация не ведет к отмиранию института государства, напротив, предъявляет к последнему более высокие требования, связанные с переплетением и столкновением национальных интересов отдельных стран.

Нарастающий мировой экономический кризис скорректировал приоритеты национальных экономик, выдвигая на первый план задачу формирования самодостаточной и безопасной системы экономических отношений отдельного государства.

Достижения устойчивого развития и функционирования национальной экономики возможно добиться не только обеспечением экономического суверенитета конкретной страны, с учетом интересов личности, общества и государства, но и посредством рационального включения в мировые процессы в различных сферах (политической, экономической, социальной, культурной и др.). В связи с этим возникают вопросы: как сохранить экономический суверенитет в эпоху глобализации и в условиях набирающего обороты мирового кризиса? До какого предела можно ограничивать суверенитет путем передачи своих полномочий, чтобы государство сохранило свою идентичность? Какие меры необходимо предпринять России, чтобы вхождение в глобальную экономику позволило сохранить ее национальный экономический суверенитет?

Необходимым признаком суверенитета является эффективное осуществление государством функций на своей территории. Суверенитет в современную эпоху представляет собой политико-правовую форму выражения обособленности и самостоятельности государства как субъекта национального и международного права. В категории «суверенитет» выделяют формально-юридическую и фактическую сто-

роны. Первый аспект следует рассматривать в качестве своеобразной политико-правовой формы государственного суверенитета как явления, второй – в качестве материального содержания [5, с. 186].

По мнению И.Д. Левина, «опыт нашей эпохи свидетельствует о том, что политическая независимость, опирающаяся на известный минимум экономических предпосылок, создает относительно наилучшие условия для борьбы государства за укрепление своих экономических позиций, чем, в свою очередь, создается более прочная основа и для политической независимости, обеспечивается большая действенность суверенитета. Суверенитет необходимо понимать именно в таком диалектическом, а не в абсолютном, метафизическом смысле, динамически, а не статически, во взаимосвязи экономического базиса и политической надстройки, а не в их отрыве друг от друга» [6, с. 78].

Действенность суверенитета страны зависит от ее военной и экономической мощи, а последняя постепенно приобретает детерминирующее значение.

Угроза утраты экономического суверенитета, как правило, исторически предшествует потере политического суверенитета, об этом свидетельствуют разнообразные «оранжевые технологии», примененные не только на постсоветском пространстве, но и в различных уголках мирового сообщества.

В современных условиях происходит усложнение взаимодействия личности и общества. С одной стороны, личность все чаще выступает как активный субъект социального управления, как творец материальных, культурных, духовных и иных ценностей. С другой стороны, гражданское общество предполагает признание и защиту (прежде всего на конституционном уровне) прав и свобод человека и гражданина, создает условия для его самоопределения и самореализации, для становления личности как полноправного и ответственного члена общества, активного и сознательного участника политического процесса. Указанные факторы приводят к усложнению структуры гражданского общества, появлению новых институтов, как, например, Общественные палаты [7, с. 28]. Последние призваны не только играть роль площадки для диалога власти и общества, но и сглаживать противоречия между различными политическими силами и социальными группами того или иного государства. Эффективное

функционирование институтов гражданского общества позволит укрепить суверенитет государства в политической сфере.

Теряя экономический суверенитет, государство не способно в полной мере выполнять социальные обязательства перед своими гражданами, что ведет к обострению проблемы глобальной бедности не только незащищенных слоев граждан, но и к обнищанию активной части общества (работников бюджетной сферы, представителей малого бизнеса и др.).

Экономический суверенитет как многоаспектное явление представляет собой:

суверенное право свободно распоряжаться своими материальными ресурсами и всей экономической деятельностью;

верховенство государства в экономической области и соответствующее подчинение власти государства всех лиц и организаций, находящихся на его территории, а также правовой порядок и механизмы его политико-правовой реализации;

принцип международного права, означающий самостоятельность государства в осуществлении суверенных прерогатив экономического содержания во взаимоотношениях с другими государствами [8, с. 215].

Некоторые авторы говорят о национальном экономическом суверенитете, определяя его как потенциальную и реализующую способность самодостаточного устойчивого и безопасного воспроизводства национальной экономики в качестве саморазвивающейся социально-экономической ценности [9, с. 17].

На наш взгляд, главное в понятии «экономический суверенитет» – это возможность самостоятельно принимать важнейшие стратегические решения, прежде всего в финансовой, банковской и валютной сферах. Следовательно, экономический суверенитет служит основой, материальным обеспечением суверенитета государственного.

К числу особых мер, обеспечивающих экономический суверенитет, относят: повышение эффективности функционирования всей системы исполнения законодательства (административной, судебной и правоохранительных систем), реформирование социально-экономической сферы, укрепление демократических институтов, защиту базовых прав (безопасность жизни и собственности) [10].

Для «сглаживания» негативных последствий процессов глобализации роль экономической функции национального государства возрас-

тает, особенно в части выработки экономической стратегии, позволяющей согласовывать национальные интересы страны с интересами международного сообщества. «С отдельных государств не снимается ответственность за выработку механизма, позволяющего адаптироваться к изменяющимся экономическим отношениям и обеспечивать благосостояние собственного общества во избежание внутренних социальных конфликтов и дестабилизации обстановки в стране» [11, с. 103].

Экономическое сотрудничество в большей мере, чем сотрудничество в других сферах, способно объединить государства в целях повышения благосостояния собственного населения, но только при условии, что оно будет основываться не на зависимости одних государств от других, а на принципах их суверенного равенства.

С учетом государственно-территориального устройства России одним из направлений обеспечения экономического суверенитета является выравнивание экономического развития регионов. На сегодняшний момент в российской финансовой системе сложилась ситуация, значительно его ослабляющая:

один регион (г. Москва) аккумулирует 80% финансовых ресурсов всей страны, и на него приходится 22,5% от ВВП всей России;

в 2013 г. бюджет региона был дефицитным в 77 субъектах Российской Федерации (97%), и суммарный долг составил 1,7 трлн рублей;

только 2% муниципалитетов имеют собственную налоговую и имущественную базы. Например, в зарубежных федеративных государствах распределение налоговых поступлений между центром и регионами составляет: в Швейцарии – 90% в пользу субъектов Федерации, в Германии – до 70%, США и Канаде – до 60–65%, в Индии и Бразилии – до 40–50%, в России, наоборот, свыше 65% налоговых поступлений отправляется в центр [12].

На наш взгляд, в качестве важной составляющей современной экономической политики государства необходимо отметить создание системы экономического мониторинга российских регионов в целях комплексного и системного развития субъектов Российской Федерации, расширения и укрепления хозяйственных и гуманитарных связей между ними. Это позволит сбалансировать территориальное развитие страны, стимулировать самостоятельное развитие субъектов Федерации в различных сферах жизнедеятельности общества, совер-

шенствовать систему стратегического и территориального планирования, что в итоге приведет к сокращению уровня дифференциации в социально-экономическом развитии регионов России, повышению их инвестиционной привлекательности и предпринимательской активности.

Обеспечение экономической безопасности регионов можно рассматривать в следующих аспектах:

как гарантию независимости всей страны, т.е. составляющую государственного суверенитета;

условие стабильности и эффективности жизнедеятельности общества, достижения экономического роста;

приоритет национальной политики современного государства.

Таким образом, необходимость сохранения ведущей роли государства в регулировании экономических процессов в условиях интеграции в мировое хозяйство продиктована следующими обстоятельствами:

1) государство – главный организатор по воспроизводству социально-экономической сферы, как официальный представитель общества, только оно способно проводить в жизнь определенную экономическую политику в масштабе всей страны, поскольку ни гражданское общество, ни бизнес-структуры не могут быть выразителями суверенных интересов национальной экономики;

2) только государство обладает таким универсальным средством управления делами общества, как законодательство, и, следовательно, только оно вправе устанавливать правовой режим экономических отношений, закреплять конституционно-правовые основы функционирования рынка, способы и формы защиты рыночной инфраструктуры;

3) механизм обеспечения и укрепления экономического суверенитета основывается на диверсифицированности, инновационности и конкурентоспособности национальной экономической системы, точками опоры которой являются эффективно действующие государственно-публичные институты; социально ориентированные бизнес-структуры; действенный общественный контроль за государством и бизнесом.

Современная глобализация – это объективный процесс, который нельзя остановить, отменить или игнорировать, но имеется возможность оказывать на него определенное

влияние. Сильным будет только то государство, которое, являясь активным глобальным игроком, имеет возможность не только самостоятельно принимать экономические решения, оказывать влияние на мировые тенденции развития, но и сохранить свою культуру и на-

циональную самобытность, создать условия для свободного и всестороннего развития личности, а для этого необходимо сформировать особую модель взаимодействия с мировым сообществом на основе национальных выгод и интересов.

1. Тихомиров Ю.А. *Государство: преемственность и новизна*. М., 2011.

2. Лукашук И.И. *Глобализация, государство и право, XXI век*. М., 2000.

3. *Рос. газ.* 2015. 31 дек.

4. Бондарева Е.А. *Власть и бизнес: вопросы ответственности в социальном государстве* // *Вестн. ВГУ. Право.* 2012. № 2(13).

5. Марченко М.Н. *Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания* // *Правоведение.* 2003. № 1.

6. Левин И.Д. *Суверенитет*. СПб., 2003.

7. Бондарева Е.А. *Общественная палата Российской Федерации – институт или «Министерство» гражданского общества?* // *Вестн ВГУ. Право.* 2006. № 1.

8. Блищенко И.П., Дория Ж. *Понятие экономического суверенитета* // *Правоведение.* 2003. № 1.

9. Юрьева Н.П. *Национальный экономический суверенитет в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. экон. наук*. М., 2009.

10. Мау В. *Суверенитет и экономический рост* // *Коммерсант.* 2006. 8 нояб.

11. Морозова Л.А. *Влияние глобализации на функции государства* // *Государство и право.* 2006. № 6.

12. *Аргументы недели.* 2014. 23 окт.; 2015. 26 февр., 5 марта.

1. Tikhomirov Yu.A. *The state: continuity and novelty*. Moscow, 2011.

2. Lukashuk I.I. *Globalization, state and law, twenty-first century*. Moscow, 2000.

3. *Rus. newsp.* 2015. Dec. 31.

4. Bondareva E.A. *Power and business: issues of responsibility in the social state* // *Bull. of VSU. Law.* 2012. № 2(13).

5. Marchenko M.N. *State sovereignty: problems of defining the concept and content* // *Jurisprudence.* 2003. № 1.

6. Levin I.D. *Sovereignty*. St. Petersburg, 2003.

7. Bondareva E.A. *The public chamber of the Russian Federation – Institute or the «Ministry» of civil society?* // *Bull. of VSU. Law.* 2006. № 1.

8. Blishchenko I.P., Doria J. *The notion of economic sovereignty* // *Jurisprudence.* 2003. № 1.

9. Yuryeva N.P. *National economic sovereignty in the context of globalization: auth. abstr. ... Master of Economics*. Moscow, 2009.

10. Mau V. *the Sovereignty and economic growth* // *Commercial.* 2006. Nov. 8.

11. Morozova L.A. *Impact of globalization on the functions of the state* // *State and law.* 2006. № 6.

12. *Arguments of the week.* 2014. Oct. 23; 2015. Febr. 26, March 5.

Кузнецов Александр Александрович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры налогообложения и инфраструктуры бизнеса
Кубанского государственного технологического университета
(e-mail: altexru@gmail.com)

О некоторых проблемах актов муниципального правотворчества

В статье исследуются отдельные проблемы актов муниципального правотворчества, намечаются пути их решения в Российской Федерации. Отмечается, что создание системы эффективных и качественных нормативно-правовых предписаний муниципального уровня, органично дополняющих механизм правового регулирования Российской Федерации, является одной из приоритетных задач. Однако в настоящем данные официальной статистики, материалы обобщений юридической практики, публикации в научных изданиях свидетельствуют о высоком уровне дефектности муниципальных правовых актов.

Ключевые слова: муниципальные правовые акты, проблемы актов муниципального правотворчества, мониторинг правоприменения, механизм ответственности, расширение сотрудничества органов местного самоуправления.

A.A. Kuznetsov, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Taxation and Business Infrastructure of the Kuban State Technological University; e-mail: altexru@gmail.com

On some problems of municipal legal acts

The article deals with some problems of municipal legal acts, outlines the ways of their solution in the Russian Federation. The author notes that establishment of a system of effective and qualitative regulatory requirements at municipal level, organically supplementing the mechanism of legal regulation of the Russian Federation is one of the priorities. But nowadays official statistics, materials, publications, legal practice of generalizations in scientific publications attest to the high level of defect of municipal legal act.

Key words: municipal legal acts, acts of the municipal law-making problems, enforcement monitoring, mechanism for accountability, enhanced cooperation of local self-government bodies of municipal legal acts.

На сегодняшний день качество муниципальных правовых актов оставляет желать лучшего. Данные официальной статистики, материалы обобщений юридической практики, публикации в научных изданиях свидетельствуют о высоком уровне их дефектности.

Представители органов государственной власти, осуществляющих контрольные функции в отношении актов муниципального уровня, полагают, что решение проблемы возможно за счет сужения правотворческих полномочий органов местного самоуправления, перехода к практике утверждения органами местной власти правовых актов, предложенных государством. Последнее располагает широкими материально-техническими, организационными и прочими возможностями для подготовки качественных типовых актов муниципального уровня [1, с. 70].

Считаем, что подобного рода мероприятия приведут к нивелированию самой идеи местно-

го самоуправления в России. На данном этапе, когда накоплен определенный опыт муниципальной правотворческой деятельности, укомплектована в большинстве своем правовая база основной массы муниципальных образований России, вряд ли целесообразно снижать самостоятельность последних, урезать полномочия. Это было бы шагом назад в развитии.

В литературе указывается на необходимость усиления административного контроля со стороны субъекта государственной администрации посредством введения механизма предварительного согласования актов органов местного самоуправления с государственными органами на предмет правовой чистоты. Высказывается идея осуществления предварительной государственной регистрации общеобязательных правовых актов местного самоуправления в органах юстиции. Учитывая природу и социальное назначение местного самоуправления, мы подобный подход также не считаем оправданным.

Проблемы могут быть решены не в сужении объема правотворческой компетенции муниципалитетов, а в совершенствовании отечественной системы контроля качества муниципальных правовых актов, с одной стороны, и муниципальной правотворческой технологии – с другой.

Наиболее действенным инструментом контроля законности актов муниципального правотворчества является проведение экспертизы указанных документов. Институт экспертизы нормативных правовых актов и их проектов в последние годы весьма интенсивно исследуется в юридической литературе. Изучаются понятия, виды экспертиз, отмечается необходимость более широкого применения «внешней» правовой экспертизы муниципальных правовых актов, разработки эффективного механизма ее назначения и проведения.

Работа органов государственной власти, уполномоченных на ведение регистра, органов прокуратуры и юстиции способствует выявлению и устранению допущенных в муниципальных нормативных правовых актах нарушений закона на весьма ранних стадиях. Изучение статистических сведений о работе судов общей юрисдикции показывает, что количество рассмотренных дел об оспаривании нормативных правовых актов органов местного самоуправления, затрагивающих права, свободы и законные интересы граждан и организаций, в последние годы стало сокращаться [2].

Проведение экспертизы муниципального правового акта при его включении в регистр представляет собой способ выявления недостатков в действующем документе. В связи с этим ряд авторов высказываются в пользу усиления предварительного контроля муниципального правотворчества, чтобы уже на стадии подготовки акта «заложить» соответствующие гарантии законности, повысить его качественный уровень.

Предлагается определить в законодательстве перечень муниципальных правовых актов, которые должны проходить обязательную предварительную экспертизу в органах государственной власти. При этом одни исследователи полагают необходимым дальнейшее расширение контрольно-надзорных полномочий прокуратуры, усиление ее превентивного надзора. Другие считают, что соединение предварительной и последующей форм контроля в прокуратуре приведет к тому, что будет сложно

объективно осуществлять разнородные действия.

Необходимо расширение контрольных возможностей органов юстиции. Это позволит соблюсти баланс контрольных полномочий в системе органов государственной власти, создаст систему «двойного (предварительного и последующего) фильтра» для актов муниципального правотворчества.

В настоящее время стали весьма популярны исследования муниципальных правовых актов на предмет их коррупциогенности. Вопросы назначения и проведения антикоррупционной экспертизы активно исследуются в юридической литературе. Действующее законодательство развивается в направлении закрепления обязательности проведения антикоррупционной экспертизы принимаемых в стране правовых актов органов государственной власти и местного самоуправления.

Правовые акты должны проверяться в полном объеме на предмет их соответствия законодательству, правилам юридической техники и т.п.; коррупциогенность акта – лишь один из возможных его дефектов [3, с. 12].

Под дефектным актом в юридической литературе понимают акт, принятый с нарушением предъявляемых к нему требований, независимо от того, нарушены или нет требования законности или организационно-технические требования.

Качественный нормативный правовой акт – это акт, принятый с соблюдением всех предъявляемых к нему требований. Часть из них закреплены в законодательстве, другие предложены юридической наукой.

Суды, органы прокуратуры и юстиции, иные уполномоченные государственные органы сегодня контролируют не качество правового акта в целом, а его законность. Нарушения правил юридической техники, не влекущие признание акта незаконным, остаются в большинстве своем без внимания и не исправляются.

Работа органов контроля и надзора по выявлению не соответствующих действующему законодательству муниципальных правовых актов порождает иждивенчество муниципалитетов, которые приступают к исправлению дефектов, получив соответствующий «сигнал» контрольной инстанции. Значительное число актов муниципального правотворчества признается органами (должностными лицами) местного самоуправления утратившими силу в

связи с рассмотрением протестов прокурора и иных аналогичных актов реагирования.

Повышение качества муниципальных правовых актов невозможно без активных усилий со стороны органов местного самоуправления. Качество данных актов – важнейший компонент технологии муниципального правотворчества.

Вряд ли можно утверждать, что правотворческая деятельность органов власти муниципального уровня надлежаще обеспечена методически. Усилиями отдельных муниципальных образований не изменить состояние дел в государстве в целом. Очевидна необходимость в разработке и принятии на федеральном уровне серии методических рекомендаций, призванных помочь органам местного самоуправления в их правотворческой деятельности. Аналогичная работа проведена в отношении правотворческой деятельности органов государственной власти.

Федеральное и региональное законодательство весьма интенсивно обновляется, что обуславливает необходимость систематического осуществления органами местного самоуправления мониторинга состояния нормативного массива муниципального образования и оперативного внесения необходимых изменений в правовые акты. Безусловно, в поселениях тяжело организовать данную работу. Выход нам видится в создании на уровне района постоянно действующего центра по мониторингу состояния актов муниципального района и поселений, входящих в его состав. Совершенно очевидна необходимость привлечения различного рода специалистов к данной работе, поскольку собственных усилий депутатов, работников местной администрации, других задействованных в системе местного самоуправления лиц обычно бывает недостаточно. Очевидно и то, что государству, задающему векторы развития местного самоуправления, следует подумать над источниками финансирования соответствующих мероприятий и внести изменения в законодательство [4, с. 127].

Представляется, что положения Федерального закона № 131 об ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления должны быть дополнены санкцией за бездействие, выражающееся в непринятии предусмотренного законодательством муниципального правового акта после поступившего обра-

щения (предложения, заявления, жалобы) жителей муниципального образования.

Ныне действующее законодательство предусматривает необходимость издания в муниципальном образовании десятков нормативных правовых актов. В одних актах муниципальное образование и его жители нуждаются в большей степени, в других – в меньшей. Разумеется, мы не призываем наказывать муниципалитет за каждый случай непринятия какого-либо из них. Речь идет о ситуациях, когда имеется объективная потребность в издании соответствующего правового документа. Отсутствие такового делает невозможным или затрудняет осуществление предусмотренных законодательством прав граждан, а орган местного самоуправления не принимает необходимых мер в течение установленного срока (например, трех месяцев) после поступления обращения жителей.

Необходимый механизм ответственности будет стимулировать к активной работе как органы местного самоуправления, так и жителей муниципальных образований.

Нужно отметить, что органам местного самоуправления сейчас значительно проще, чем ранее, разработать проект нормативного правового акта по конкретному вопросу. Благодаря федеральному регистру муниципальных нормативных правовых актов в доступе акты любого муниципального образования России, они могут быть взяты за основу.

Проблема пробельности правовых актов муниципального уровня решается в основном за счет привлечения средств прокурорского реагирования. Прокурором выносятся представления об устранении нарушений законодательства либо опротестовывается муниципальный правовой акт, в котором отсутствуют необходимые положения. Имеет место также практика обращения прокурора в суд с заявлением об обязанности органа местного самоуправления разработать и принять нормативный правовой акт по конкретному вопросу (о понуждении к приведению муниципальных правовых актов в соответствие с законодательством).

Необходим мониторинг правоприменения, включающего сбор, обобщение, анализ и оценку практики применения актов муниципального образования.

На сегодня законодателем установлены правила и показатели осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации

федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Федерации. Представляется необходимой разработка методических рекомендаций по организации мониторинга правоприменения для органов власти муниципального уровня.

Необходимо направлять усилия на дальнейшее расширение сотрудничества органов местного самоуправления и органов контроля (надзора) в правотворческой сфере (особенно в тех регионах, которые менее активны в указанном отношении). В целях организации взаимодействия органов прокуратуры, юстиции, представителей региональной и муниципальной власти проводятся различного рода совещания, учебно-методические семинары, подписываются соглашения по вопросам нормотворчества и проводимых экспертиз.

Напоследок хотелось бы указать на то, что качество муниципальных правовых актов на-

ходится в прямой зависимости от состояния правовой базы федерального и регионального уровней. Так, постоянные изменения перечня вопросов местного значения, установленного в Федеральном законе № 131, приводят к нестабильности компетенции местного самоуправления. В подобных условиях возрастает вероятность издания муниципальных правовых актов с нарушением полномочий.

Было бы наивным полагать, что система местного самоуправления в России работает быстро и эффективно, а издаваемые муниципальные правовые акты будут качественными и законными. Местному самоуправлению, его институтам еще предстоит созреть. Способствовать этому может лишь продуманная и последовательная законодательная политика нашего государства в вопросах организации власти на местах.

1. Вантеева Н.В. Обеспечение качества актов муниципального правотворчества // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 4. С. 70–74.

2. Информация о работе органов государственной власти субъектов Российской Федерации по оказанию органам местного самоуправления консультативной, методической поддержки и организации взаимодействия с органами местного самоуправления. М., 2012. URL: <http://pda.www.minregion.ru/upload/documents/2012/02/inf-o-m>

3. Каменева Е.Н. Дефектные акты органов законодательной и исполнительной власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

4. Киселев А.И., Сыч С.Н., Сигарев А.В. Методическое пособие для подготовки к междисциплинарному экзамену по дисциплинам «Конституционное право Российской Федерации», «Административное право» и «Муниципальное право России». Новосибирск, 2005.

1. Vanteeva N.V. Ensuring of acts of municipal law-making quality / Constitutional and municipal law. 2012. № 4. P. 70–74.

2. Information on the work of the organs of state power of the constituent entities of the Russian Federation to assist the local government advisory, methodical support and organization of interaction with local self-government bodies. Moscow, 2012. URL: <http://pda.www.minregion.ru/upload/documents/2012/02/inf-o-m>

3. Kameneva E.N. Defective acts of legislative and executive bodies: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2002.

4. Kiselev A.I., Sych S.N., Sigarev A.V. Manual to prepare for interdisciplinary exam subjects «Constitutional law of the Russian Federation», «Administrative law» and «Municipal law of Russia». Novosibirsk, 2005.

Брылев Виктор Иванович

доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры криминалистики
 Краснодарского университета МВД России
 (e-mail: vibrilev@mail.ru)

Исупова Ирина Викторовна

кандидат юридических наук,
 заведующая кафедрой гражданского права
 и гражданского процесса филиала
 Кубанского государственного университета в г. Геленджике
 (e-mail: i_isupova@mail.ru)

Актуальные проблемы правоприменительной практики по гражданским делам из договоров банковского вклада

Научное исследование, проведенное в статье, направлено на выявление причин нарушения и неправильного применения материальных норм гражданского права России при рассмотрении отдельных категорий гражданских дел судами общей юрисдикции. Проведен анализ судебной практики по рассмотрению споров, возникших из правоотношений по договору банковского вклада. Сделан вывод, что последствиями нарушения судами норм процессуального права являются существенные нарушения норм материального права, гарантирующие возврат вклада и процентов по первому требованию вкладчика и невозможность привлечения кредитной организации (банка) в качестве гражданского ответчика по возмещению причиненного вреда.

Ключевые слова: материальные нормы, анализ судебной практики, постановление Конституционного Суда, постановления Пленума Верховного Суда, суды общей юрисдикции, имущественный ущерб (вред), банковский вклад, банковская услуга, денежные средства, гражданский ответчик.

V.I. Brylev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: vibrilev@mail.ru;

I.V. Isupova, Master of Law, Head of the Chair of Civil Law and Civil Process of branch of the Kuban State University in Gelendzhik; e-mail: i_isupova@mail.ru

Actual problems of law-enforcement practice on civil cases from contracts of the bank deposit

Scientific research is directed on identification of causes of infringement and the wrong application of material norms of civil law of Russia by consideration of separate categories of civil cases by courts of law. The analysis of jurisprudence on consideration of the disputes which arose from legal relationship under the contract of a bank deposit is carried out. Consequences of violation by courts of norms of a procedural law are the essential violations of norms of a substantive law guaranteeing return of a contribution and percent on the first requirement of the investor and impossibility of involvement of the credit organization (bank) as the civil respondent in compensation of the done harm.

Key words: material norms, analysis of jurisprudence, resolution of the Constitutional Court, resolutions of the Plenum of the Supreme Court, courts of General jurisdiction, property damage (harm), bank deposit, banking service, money, civil respondent.

Вопросы правового регулирования имущественных отношений из договора банковского вклада были ранее рассмотрены в юридической литературе [1]. Имущественные отношения – наиболее часто возникающие в обществе правоотношения по поводу перехода права собственности и других вещных прав на материальные блага от одного лица к другому. Хорошо, если этот переход

является добровольным и отражает волю собственника отказаться от материального блага на основе своего волеизъявления. В другом случае имеет место принудительное лишение права частной собственности на материальные ценности и блага, а значит, совершение противоправных действий в отношении собственника вещи. В соответствии со ст. 18 ГК РФ Граждане России имеют на праве частной

собственности наличные деньги, ценные бумаги и другие материальные и нематериальные блага и распоряжаются ими по своему усмотрению [2].

Реализуя свои гражданские права, граждане могут размещать свои временно свободные денежные средства на счетах кредитных организаций – банков на основании договора банковского вклада. Преследуя цель извлечения прибыли от использования своего имущества, граждане доверяют свои деньги коммерческой организации, которая, осуществляя деятельность на основании лицензии, гарантирует возврат вклада по первому требованию клиента.

Договор банковского вклада – это гражданско-правовая сделка, соответственно, правовое регулирование данных правоотношений осуществляется в соответствии с ГК РФ, поэтому на основании ст. 834 по договору банковского вклада (депозита) одна сторона (банк), принявшая поступившую от другой стороны (вкладчика) или поступившую для нее денежную сумму (вклад), обязуется возвратить сумму вклада и выплатить проценты на нее на условиях и в порядке, предусмотренных договором.

Так установлено нормами Гражданского кодекса РФ, а что происходит на самом деле, когда гражданин, заключивший договор банковского вклада, решит снять деньги и закрыть вклад? Иногда, как оказывается, получить свои собственные деньги невозможно потому, что работники банка совершили противоправные действия и завладели чужой собственностью, используя свое служебное положение и должностные полномочия. Так, директор дополнительного офиса Банка «Первомайский» (ЗАО) в г. Геленджике Г. похитила со счетов вкладчиков более 1,5 млрд рублей и при этом, используя свое должностное положение, создала образцы банковских документов для осуществления мошеннических действий. Более 300 вкладчиков стали жертвами противоправных действий сотрудников банка. Возбуждение уголовного дела по факту хищения денежных средств с вкладов подтверждено письмом Следственного управления по Краснодарскому краю от 26 декабря 2013 г. № 201/2-113-13/3328, в котором сказано, что «при возбуждении уголовного дела в полном объеме учтен квалифицирующий признак – совершение преступления с использованием лицом своего служебного положения».

Юридическое лицо в силу своей специфической правовой природы реализует свою правоспособность посредством своих органов управления и иных представителей, обладающих соответствующими полномочиями (ра-

ботников, третьих лиц по доверенности или на основании различных гражданско-правовых договоров), т.е. лиц, способных совершать действия от имени юридического лица, считающиеся действиями самого юридического лица вне зависимости от того, соответствуют ли совершенные действия интересам работодателя или нет. Поэтому наступление деликтной ответственности не всегда связано с действиями работников, которые совершаются в интересах этого работодателя. Норма ст. 1068 ГК РФ не содержит условие соответствия совершенных работником действий интересам работодателя, но устанавливает, что вред, причиненный работником при исполнении служебных, должностных обязанностей, возмещает организация. В пользу данного довода, в частности, свидетельствуют разъяснения, содержащиеся в п. 5 постановления Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан и юридических лиц», согласно которому в случае порочащие сведения были распространены работником в связи с осуществлением профессиональной деятельности от имени организации, в которой он работает, надлежащим ответчиком в соответствии со ст. 1068 ГК РФ является юридическое лицо, работником которого распространены такие сведения. Несмотря на то, что распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих деловую репутацию, явно не соответствует интересам работодателя, ответственность юридического лица неизбежно возникает. Юридическое лицо как неодушевленный субъект само по себе не обладает самостоятельной волей, а имеет лишь набор прав, реализуемых уполномоченными лицами, которым такие полномочия предоставлены.

Следственным управлением Следственного комитета России по Краснодарскому краю в рамках уголовного дела № 13900509 29 марта 2014 г. вынесено постановление о привлечении банка «Первомайский» (ЗАО) в качестве гражданского ответчика. Однако Октябрьский районный суд г. Краснодара 26 мая 2015 г. по жалобе председателя Правления банка «Первомайский» (ЗАО) признал незаконным данное постановление. Апелляционным постановлением Краснодарского краевого суда от 10 июля 2015 г. прекращено производство по апелляционному представлению прокурора и апелляционной жалобе Б. на постановление Октябрьского районного суда г. Краснодара. Прокуратурой Краснодарского края 29 июля 2015 г. в Президиум Краснодарского краево-

го суда внесено кассационное представление об отмене апелляционного постановления судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда и постановления Октябрьского районного суда г. Краснодара. До настоящего времени решение о привлечении банка «Первомайский» (ЗАО) в качестве гражданского ответчика не принято.

Конституцией РФ гражданам гарантировано право на обращение в суд за защитой своих прав, нормами ст. 11 ГК РФ также установлена судебная защита гражданских прав, но, насколько эффективны эти нормы, мы убедились на примере рассмотрения исков пострадавших вкладчиков к банку «Первомайский» (ЗАО) Геленджикским городским судом и Ленинским районным судом г. Краснодара.

Судебные органы в своих решениях и определениях утверждают, что вкладчики сами хотели получить завышенные проценты по вкладам и для этих целей использовали не утвержденные Правлением банка бланки договоров банковского вклада и различного рода кассовые документы. Как может вкладчик знать, что документы не утверждены Правлением банка или что эти документы подделаны директором офиса. Вследствие неправильного толкования ст. 1068 ГК РФ судами фактически созданы условия, препятствующие возмещению гражданам вреда, причиненного преступлением.

Доказательством пристрастности судов общей юрисдикции при рассмотрении исков обманутых вкладчиков к банку «Первомайский» (ЗАО) является вынесение решений об отказе в удовлетворении исковых требований гражданам-вкладчикам и непризнание коммерческой организации гражданским ответчиком за неправомерные действия своих сотрудников.

Суды апелляционной и кассационной инстанций оставили несправедливое решение в силе, пренебрегая постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении», а также ст. 56 ГПК РФ, гарантирующей вынесение справедливого и объективного решения для обеих сторон правоотношения. Геленджикский городской суд и Ленинский районный суд г. Краснодара неправильно применяют материальные нормы гражданского права Российской Федерации и при рассмотрении исков обманутых клиентов и вкладчиков к банку «Первомайский» (ЗАО) отказывают в удовлетворении требований по возврату денежных средств, предпочитая принять сторону более сильного участника судебного разбирательства, т.е. юридического лица коммерческой организации. Как следует из право-

вой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлении от 28 января 2010 г. № 2-П, конституционно-правовыми гарантиями должны обеспечиваться и безналичные денежные средства, существующие в виде записи на банковском счете их обладателя, которые по своей природе представляют собой охватываемое понятием имущества обязательственное требование к банку.

Из материалов уголовного дела, возбужденного в отношении директора дополнительного офиса Банк «Первомайский» (ЗАО) Г., которое рассматривается Геленджикским городским судом, пострадавшие вкладчики узнали, что сотрудники данного офиса в г. Геленджике на протяжении многих лет реализовывали преступные схемы хищений и оставались безнаказанными. Всю вину и обязательства по возврату похищенных денег суды возлагают на директора дополнительного офиса Г. как на физическое лицо, но не как на работника. Такой подход к применению материальных норм гражданского законодательства освобождает коммерческую организацию от обязательств перед клиентами и вкладчиками, сохраняет неприкосновенности имущество юридического лица, но нарушает конституционные права граждан на защиту частной собственности и не дает никакой надежды пострадавшим вернуть свое имущество, даже по решению суда.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 3 июля 2001 г. № 10-П установлено, что Конституция РФ, закрепляя в ст. 35 (ч. 1), что право собственности охраняется законом, возлагает тем самым на государство обязанность обеспечить и охрану прав конкретного собственника, каковым является гражданин-вкладчик, который, размещая принадлежащие ему денежные средства во вкладах, несет определенный риск и действия которого, осуществляемые в личных интересах, имеют также публичное значение, поскольку сбережения населения являются устойчивым источником ресурсной базы, необходимой для инвестиций и долгосрочного кредитования.

Как показывает практика, суды избирательно подходят к принятию решений в отношении пострадавших вкладчиков. Так, Ленинский районный суд г. Краснодара, отказывая в исковых требованиях всем вкладчикам банка «Первомайский» (ЗАО), принял по аналогичному делу противоположное решение в отношении вкладчика гр. М., который обратился с иском о взыскании суммы, процентов, штрафа и компенсации морального вреда. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что при снятии денег со счетов гр. М. подписи вкладчика были

подделаны третьим лицом. Ущерб гр. М был причинен противоправными действиями кассира К., которая неправомерно произвела банковские операции по снятию денежных средств со счета гр. М на основании представленных директором дополнительного офиса Г. расходных кассовых ордеров.

Признавая свою вину перед вкладчиком, банк «Первомайский» (ЗАО) предложил гр. М мировое соглашение на сумму 65000000 рублей и деньги выплатил одновременно. Признавая и выполняя свои обязательства перед вкладчиком гр. М., банк «Первомайский» (ЗАО) обязан признать и выполнить такие же обязательства и перед другими пострадавшими вкладчиками.

Факт совершения противоправных действий работником дополнительного офиса кредитной организации находится в прямой следственной связи с причинением ущерба банку «Первомайский» (ЗАО). Поэтому банк «Первомайский» (ЗАО) обратился в суд с иском о возмещении ущерба, причиненного работником при исполнении трудовых обязанностей на основании трудового договора и договора о полной материальной ответственности к кассиру банка гр. К. По решению Геленджикского городского суда от 5 декабря 2014 г. исковые требования банка «Первомайский» (ЗАО) удовлетворены и на кассира К. возложены обязательства по возмещению суммы причиненного ущерба работодателю и судебных расходов. Судом апелляционной инстанции по гражданским делам Краснодарского краевого суда вынесено определение: оставить без изменения решения Геленджикского городского суда от 5 декабря 2014 г. и без удовлетворения апелляционную жалобу кассира К.

Следует признать, что сложившаяся практика рассмотрения имущественных исков пострадавших граждан-вкладчиков к банку «Первомайский» (ЗАО) Геленджикским городским судом, Ленинским районным судом г. Краснодара и Верховным Судом РФ характеризует установленные подходы и пристрастность в отношении более сильных участников гражданского процесса, а именно юридического лица, коммерческой организации, банка. Получается, что прав в суде тот, у кого больше прав или имущества для защиты своих частных интересов.

Пострадавшие граждане – вкладчики банка «Первомайский» (ЗАО) не оставляли надежды на справедливое разрешение конфликта и обратились с жалобой в Конституционный Суд РФ. По итогам рассмотрения Конститу-

ционный Суд РФ в своем постановлении от 27 октября 2015 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.С. Билера, П.А. Гурьянова, Н.А. Гурьяновой, С.И. Каминской, А.М. Савенкова, Л.И. Савенковой и И.П. Степанюгиной» отметил, что договор банковского вклада, будучи договором заемной направленности, сформулирован в ГК РФ как реальный договор, для признания которого заключенным необходимо внесение денежной суммы во вклад. Каких-либо ограничений в том, чем должна подтверждаться передача вкладчиком денежных средств банку, ГК РФ не содержит. При этом договор банковского вклада должен быть заключен в письменной форме. Договор может быть заключен любым способом, предусмотренным законом.

Как следует из анализа практики применения данных законоположений судами общей юрисдикции и арбитражными судами, указание в оспариваемом положении на то, что письменная форма считается соблюденной и при отсутствии договора банковского вклада как документа, если оформляются иные документы – сберегательная книжка, сберегательный или депозитный сертификат либо иной документ, выданные вкладчику в соответствии с законом или банковскими правилами, представляется вполне определенным и не допускающим признания несоблюденной письменной формы при наличии подписанного сторонами договора.

Гражданский кодекс РФ, называющий свободу договора одним из основных начал гражданского законодательства, предусматривает в качестве ее ограничения, в частности, институт публичного договора, в рамках которого исключается право лица, осуществляющего предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, оказывать предпочтение одному лицу перед другим лицом в отношении заключения и условий публичного договора, за исключением случаев, предусмотренных законом или иными правовыми актами, и институт договора присоединения, условия которого, определенные одной из сторон, должны приниматься другой стороной не иначе, как путем присоединения к предложенному договору в целом.

К договорам присоединения в соответствии со ст. 428 ГК РФ относится и договор банковского вклада, условия которого определяются одной стороной – банком в стандартных формах и который признается публичным договором, если другой стороной (вкладчиком) является гражданин, что позволяет учесть

специфику договора банковского вклада с гражданами, которые, заключая его с целью получения процентов по вкладу, осуществляют тем самым экономическую деятельность, и достичь баланса интересов его сторон на основе принципов равенства и пропорциональности, не затрагивая при этом самого существа свободы договора.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлении от 23 февраля 1999 г. № 4-П, граждане-вкладчики как сторона в договоре банковского вклада обычно лишены возможности влиять на его содержание, что для них является ограничением свободы договора и потому требует соблюдения принципа соразмерности, в силу которого гражданин как экономически слабая сторона в этих правоотношениях нуждается в особой защите своих прав, и влечет необходимость в соответствующем правовом ограничении свободы договора и для другой стороны, т.е. для банков, с тем, чтобы реально гарантировать соблюдение конституционного принципа равенства при осуществлении предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Таким образом, договор банковского вклада считается заключенным с момента, когда банком были получены конкретные денежные суммы; соответственно, право требования вклада, принадлежащее вкладчику, и корреспондирующая ему обязанность банка по возврату вклада возникают лишь в случае внесения средств вкладчиком. Подобное регулирование процедуры заключения договора банковского вклада направлено на обеспечение фактического поступления денежных средств по договорам банковского вклада и отвечает интересам не только конкретных банков, но и всей банковской системы и в конечном счете – в силу ее значимости для устойчивого развития экономики Российской Федерации – как интересам финансово-экономической системы государства, так и интересам граждан-вкладчиков в целом.

Вместе с тем, подтверждение факта внесения вклада допускается и иными, помимо сберегательной книжки, сберегательного или депозитного сертификатов, документами, оформленными в соответствии с обычаями делового оборота, применяемыми в банковской практике, к числу которых может, в частности, относиться приходный кассовый ордер, который по форме отвечает требованиям, утвержденным нормативными актами Банка России. Исходя из того, что в п. 1 ст. 836 Гражданский

кодекс РФ допускает подтверждение соблюдения письменной формы договора банковского вклада выданным банком вкладчику документом, отвечающим требованиям, установленным банковскими правилами и применяемыми в банковской практике обычаями делового оборота, т.е. перечень документов, которые могут удостоверить факт заключения договора банковского вклада, не является исчерпывающим, внесение денежных средств на счет банка гражданином-вкладчиком, действующим при заключении договора банковского вклада разумно и добросовестно, может доказываться любыми выданными ему банком документами. Что касается неблагоприятных последствий несоблюдения требований к форме договора банковского вклада и процедуры его заключения, то их несение возлагается на банк, поскольку как составление проекта такого договора, так и оформление принятия денежных средств от гражданина во вклад осуществляются именно банком, который, будучи коммерческой организацией, самостоятельно, на свой риск занимается предпринимательской деятельностью, направленной на систематическое получение прибыли (абз. 3 п. 1 ст. 2 и ст. 50 ГК РФ), обладает специальной правоспособностью и является, в отличие от гражданина-вкладчика, не знакомого с банковскими правилами и обычаями делового оборота, профессионалом в банковской сфере, требующей специальных познаний. В частности, если из обстоятельств дела следует, что договор банковского вклада, одной из сторон которого является гражданин, был заключен от имени банка неуполномоченным лицом, необходимо учитывать, что для гражданина, проявляющего при заключении договора необходимые разумность и добросовестность, соответствующее полномочие представителя может явствовать из обстановки, в которой он действует (абз. 2 п. 1 ст. 182 ГК РФ). Например, когда договор оформляется в кабинете руководителя подразделения банка, то у гражданина имеются основания полагать, что лицо, заключающее этот договор от имени банка, наделено соответствующими полномочиями. Подобная ситуация имеет место и в случае, когда договор банковского вклада заключается уполномоченным работником банка, но вопреки интересам своего работодателя, т.е. без зачисления на счет по вкладу поступившей от гражданина-вкладчика денежной суммы, притом что для самого гражданина из сложившейся обстановки определенно явствует, что этот работник действует от имени и в интересах банка.

Соответственно, суды, которые при рассмотрении споров между гражданами и кредитными организациями по поводу банковских вкладов самостоятельно осуществляют гражданско-правовую квалификацию отношений сторон, в том числе определяют, могут ли эти правоотношения считаться установленными, какова их природа, юридические факты, их порождающие, должны учитывать различный уровень профессионализма сторон в данной сфере правоотношений, отсутствие у присоединившейся стороны – гражданина реальной возможности настаивать на изменении формы договора и на проверке полномочий лица, действующего от имени банка, и т.д.

В связи с этим судебные решения, принятые по делам пострадавших граждан-вкладчиков о признании таких договоров банковского вклада ничтожными, а также около 90 судебных решений, вынесенных Геленджикским городским судом и Ленинским районным судом г. Краснодара по иску ЗАО Банк «Первомайский» о признании аналогичных договоров незаключенными, идут вразрез с устоявшейся правоприменительной практикой и решениями Конституционного Суда РФ.

Качество закона определяется точностью и недвусмысленностью правовых норм, их

согласованностью в системе действующего правового регулирования, внутренней непротиворечивостью, точным отражением воли законодателя с соблюдением законодательной техники. Такой закон должен правильно, адекватно и единообразно восприниматься правоприменительной практикой и выступать в числе критериев установления соответствия его норм положениям Конституции РФ. Правовые нормы должны быть в достаточной степени доступны, четко определены и предсказуемы в своем применении во избежание любой вероятности произвола [3]. Однако, как показывает анализ решений судов Краснодарского края и Верховного Суда РФ, одни и те же нормы трактуются по-разному, что влияет на принятые решения.

Таким образом, следует указать, что правовая позиция Конституционного Суда РФ по вопросам толкования материальных норм гражданского законодательства отражает назревшую необходимость для судов общей юрисдикции пересмотреть гражданские дела из договоров банковского вклада по новым обстоятельствам, учитывая частные интересы граждан-вкладчиков как равноправных участников имущественных отношений.

1. Брылев В.И., Исупова И.В. Договор банковского вклада – недоказанная реальность // Юрид. вестн. Кубан. гос. ун-та. 2014. № 1(18).

2. Брылев В.И., Исупова И.В. Проблемы гражданско-правового регулирования имущественных отношений (на примере договора банковского вклада) // Фундаментальные исследования. 2014. № 8(2).

3. Постановление Европейского суда от 19 дек. 1994 г. по делу «Ферайнигунс демократишер Зольдатеи Остеррайхс и Губи против Австрии» (Vereinigung demokratischer Soldaten Osterreichs and Gubi v Austria).

1. Brylev V.I., Isupova I.V. The contract of a bank deposit – unproven reality // Legal bull. of the Kuban state university. 2014. № 1(18).

2. Brylev V.I., Isupova I.V. Problems of civil regulation of the property relations (on the example of the contract of a bank deposit) // Basic researches. 2014. № 8(2).

3. Resolution of the European court d.d. Dec. 19, 1994 on case «Feraigniguns a demokratischer Zoldaten Osterraykhs and Gubi against Austria» (Vereinigung demokratischer Soldaten Osterreichs and Gubi v Austria).

Генрих Наталья Викторовна

доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия
(e-mail: ngenrih@mail.ru)

Квашис Виталий Ефимович

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
главный научный сотрудник Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
(e-mail: kvashis@mail.ru)

Понятие уголовного права

В статье рассматриваются общетеоретические вопросы уголовного права, связанные с пониманием и определением понятия отрасли, сущностным содержанием и основными признаками, выделяющими уголовное право в системе российского права.

Ключевые слова: уголовное право, понятие права, норма права, отрасль, правоотношение.

N.V. Genrih, Doctor of Law, Assistant Professor, Head of the Chair of Criminal Law of the North-Caucasian branch of the Russian State University of Justice; e-mail: ngenrih@mail.ru;

V.E. Kvashis, Doctor of Law, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Science Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation; e-mail: kvashis@mail.ru

Concept of criminal law

This article focuses on the general theoretic questions of the criminal law, its understanding and conception, and also its content and the main features marking out the criminal law in the system of the Russian law.

Key words: criminal law, concept of law, norm, branch, legal relation.

Уголовное право является одной из основных отраслей права. Поэтому теоретическое осмысление фундаментальных проблем, связанных с его пониманием, социальным предназначением, сферой регулирования и критериями, на основе которых эта отрасль обособляется в российской правовой системе в качестве самостоятельной, – все это является одной из наиболее сложных и актуальных задач, стоящих перед уголовно-правовой наукой. При этом следует учитывать не только теоретико-методологическую, но и практическую значимость проблемы, ее сложность, противоречивость, потребности адаптации к современным реалиям. Сказанное относится ко всему спектру проблематики правопонимания в целом и уголовного права в частности, в том числе к дальнейшей разработке самого понятия уголовного права, определению его сущностных черт и содержания, единообразию понятийного аппарата, иными словами, к положениям, исходным для решения ключевых методологических проблем.

Между тем к настоящему времени в правовой литературе сложилась довольно пестрая

картина разнообразных суждений и взглядов на понятие, сущность, содержание и другие ключевые признаки уголовного права; объективно это объясняется сложностью и многосторонностью самого феномена права и особенностями проявления уголовного права в его существенно различных ипостасях, а в субъективном плане – политическими и идеологическими причинами, а также разными мировоззренческими суждениями исследователей.

«Простой» вопрос – что такое уголовное право? Для большинства людей, не связанных с профессией юриста и не обремененных правовыми познаниями, вопрос в принципе понятный – это свод законов (норм, запретов), устанавливающих определенные наказания за нарушения определенных в нем правил поведения. Вариации такого рода понимания на индивидуальном уровне бесконечны; на уровне массового сознания такое общее представление сегодня достаточно типично, благо, телевидение как основной носитель информации и правовых «знаний» обильно «подкармливает» обывателя рутинной повседневной криминальной жизни.

Для юриста-профессионала, особенно для исследователя права, ответ на этот «простой» вопрос представляется куда более сложным, и его сколь-либо единообразного решения до сих пор еще не выработано. По той простой причине, что неопределенность самого понятия права и нерешенность ряда более общих проблем правопонимания издавна вызывали серьезные разночтения [1, с. 9], а часть из них и поныне остается дискуссионной и актуальной. Видный российский теоретик права Г.В. Мальцев в связи с этим отмечает, что «известное замечание Канта о том, что юристы все еще ищут определение права, остается справедливым и в наши дни». Ибо юридическая наука, «судя по всему, обречена на бесконечный поиск определения права, побуждаемая к тому практической необходимостью построить правопорядок на фундаменте как можно более надежных, четких и полных знаний о его сущности, предмете правового регулирования» [2, с. 3].

Сказанное касается не только проблематики общей теории права, оно имеет самое прямое отношение и к методологии уголовного права, где выработка универсального и адекватного определения понятия уголовного права пока еще остается проблематичной. Но именно от этого во многом, как уже отмечалось, зависит решение ряда вопросов, касающихся основных черт и признаков уголовного права, его сущности и содержания, основных форм его существования, выражения и реализации, т.е. вопросов, имеющих важное значение для науки уголовного права, для правотворческой и для правоприменительной деятельности.

Среди юристов – законодателей, правоприменителей и представителей науки сегодня отсутствуют согласованные взгляды на проблемы, решение которых должно способствовать определению реальной «зоны ответственности» уголовного права. Речь идет о том, что, с одной стороны, имеются необоснованно завышенные ожидания от этой правовой отрасли, стремление расширить границы ее применения и использовать уголовно-правовые средства для решения чуть ли не всех значимых общественных проблем. Это особенно заметно при стремлении включить в предмет уголовно-правового регулирования все охраняемые уголовным законом общественные отношения и тем самым использовать уголовное право для регламентации экономических, политических, идеологических и иных отношений. С другой стороны, сохраняется взгляд на уголовное право как исключительную отрасль, которой вовсе не свойственно правовое регулирование каких бы то ни было общественных отношений, и ее основная задача состоит в возложении на

граждан целого ряда обязанностей и запретов под угрозой применения суровых санкций.

Отсутствие в науке согласия по принципиальным, методологически важным проблемам и, как следствие, отсутствие единообразного понимания границ уголовно-правового регулирования приводит на практике к многочисленным хаотичным, бессистемным и внутренне противоречивым изменениям уголовного закона, которые получают неоднозначную оценку в обществе, создают порой непреодолимые препятствия в практической деятельности по противодействию преступности и значительно снижают эффективность уголовно-правового регулирования. Одна из причин такого положения дел видится в том, что, с одной стороны, законодатель в ряде случаев игнорирует устоявшиеся доктринальные представления об основах уголовно-правового регулирования, а, с другой стороны, уголовно-правовая наука еще не уделяет достаточного внимания ключевым проблемам, от решения которых во многом зависит системный характер уголовного правотворчества и уголовной политики в целом. В конечном итоге отрыв науки и практики друг от друга ведет к инфляции законов, отсутствию их необходимой криминологической обоснованности, к противоречивости многих законодательных актов, пробельности правового регулирования и т.п.

Подходы к анализу и трактовке понятия «уголовное право» в литературе принято связывать, прежде всего, с его историческим происхождением и корнями, с его этимологией, а также с разным значением этого понятия в той или иной правовой культуре, которое, однако, не является застывшим образованием и, развиваясь, со временем может менять русло своего социального предназначения и направленности. Применительно к толкованию происхождения и этимологическим корням рассматриваемого понятия можно сказать, что в отечественной правовой литературе достигнут определенный научный консенсус, хотя в рамках наиболее распространенной версии приводились разные интерпретации [3, с. 7; 4, с. 40].

Иначе обстояло дело с трактовкой и сущностными характеристиками этого понятия. Если обратиться к литературным источникам 1950–1980-х гг., то смысл лаконичного материала, посвященного представлениям о понятии уголовного права, сводился к обличению классово-сущности и характера права в капиталистическом обществе и преимуществам системы права в социалистическом государстве [5, с. 5–8; 3, с. 7–9; 6, с. 7–9]. Разумеется, очевидная архаичность такого подхода была вынужденной данью времени, своего рода клятвой

верности строю. Когда времена изменились, изменилось понимание и трактовка исходных положений, образующих новую систему постулатов, в конечном итоге формулирующих базисное понимание сути понятия и значения уголовного права, а в научной и учебно-методической литературе – положений, формирующих самостоятельный раздел уголовно-правовой науки – «Введение в уголовное право».

Наименование уголовного права как отрасли права во многом зависит от того, какая идея в той или иной культуре права – идея преступления или идея наказания – является господствующей. От примата этой идеи зависит не только наименование отрасли, но и способ «конструирования» уголовного права. Н.С. Таганцев в связи с этим отмечал, что «преступное деяние как юридическое отношение заключает в себе два отдельных момента: отношение преступника к охраняемому законом юридическому интересу – преступление; и отношение государства к преступнику, вызываемое учиненным им преступным деянием, – наказание; поэтому и уголовное право может быть конструировано двояко: или на первом плане ставится преступное деяние, по отношению к которому кара или наказание является более или менее неизбежным последствием, или же вперед выдвигается карательная деятельность государства и преступное деяние рассматривается только как основание этой деятельности» [7, с. 15–16].

В зарубежных странах рассматриваемая отрасль права именуется либо как «криминальное право» (Criminal Law) – если в его основе лежит идея преступления (право о преступлении), либо как право о наказании (Penal Law) или «наказательное право», где на первое место выдвигается идея наказания за преступление. Основам «криминального права» привержены, например, уголовное право США, Англии, Германии и Японии, а на идеях «наказательного права» строится уголовное право Франции, Польши и ряда других восточноевропейских стран.

В современной российской правовой культуре термин «уголовное право» исключает такого рода двойственность, он объединяет в себе и идеи преступления, и идеи наказания. Вместе с тем, широко распространенным является мнение о том, что российское уголовное право больше тяготеет к наказанию, чем к преступлению, что позволяет судить о «синонимичности» (А.И. Коробеев) понятий «уголовное право» и «наказательное право» [8, с. 5, 14].

В целом с этой позицией нельзя не согласиться, однако напомним, что и современная

правовая культура, и уголовное право как ее производное – это не застывшие, а довольно динамичные образования, развитие которых может идти одновременно по разным векторам. С развитием правовой и особенно криминологической мысли, с изменениями концепции и акцентов уголовной политики и уголовного законодательства, с изменениями характера и динамики преступности, а также тенденций в судебной и пенитенциарной практике границы такого рода «идейных» различий постепенно становятся все более подвижными, менее заметными и довольно условными, где каждая из идей постепенно заимствует и вмещает в себя элементы другой. Примером может служить развитие уголовного права в скандинавских странах, особенно в Исландии, Норвегии и Дании, и, с другой стороны, все более заметная либерализация практики наказаний, скажем, в Японии, где заимствованное в Германии уголовное право всегда являлось наиболее традиционным и консервативным. Неслучайно Ю.В. Голик, например, говорит о постепенном превращении российского уголовного права в «криминальное право», и такая точка зрения, конечно же, не лишена оснований [9, с. 14–16]. Здесь у нас расхождения не смысловые и «идейные», а лишь стилистические. (Оставляя в стороне соображения стилистического характера, отметим, что поскольку в последние годы о сколь-либо осмысленной и последовательной российской уголовной политике говорить не приходится, то и разноголосица смысловых и стилистических наименований действующего уголовного права при очевидном единстве его основных идей сама по себе принципиального значения не имеет.)

Необходимости существования уголовного права в качестве самостоятельной отрасли посвящена обширная литература, подтверждающая его легитимность и описывающая его исторически сложившиеся «идентификационные признаки» [10, с. 8]. Другое дело, что представления о легитимности уголовного права «еще не предрешают вопроса о том, что и как должно этим правом регулироваться, не определяют содержательную сторону уголовно-правовых запретов» [11, с. 20]. Много здесь зависит от надлежащего понимания стоящих перед уголовным правом задач, его функций, пределов возможностей, от социальных потребностей реагирования и других, составляющих его легитимацию и содержание. Указание на социальные потребности крайне важно с методологической точки зрения. «Первоначальной причиной существования инсти-

тутов и норм уголовного права, – отмечает В.Д. Филимонов, – следует считать порожденное социальными противоречиями общественно опасное поведение лиц, противопоставляющих свои интересы общественным интересам. Однако причиной формирования определенного содержания институтов и норм уголовного права, а также их применения в практической деятельности необходимо признать социальную потребность в предупреждении и устранении общественно опасного поведения. Именно она сама, обладая определенным содержанием, обуславливает содержание институтов и норм уголовного права» [12, с. 7].

Уголовное право является сложной по своей природе отраслью права, что связано со сложностью и противоречивостью человеческого поведения. Уголовное право решает задачи, отражающие внутриотраслевое значение уголовно-правовых норм; другими словами, речь о проблемах, возникающих в процессе регулирования отношений, составляющих предмет уголовного права. Кроме того, уголовное право имеет и внешнее предназначение, состоящее в решении определенного ряда проблем в общем процессе правовой регламентации. И, наконец, уголовное право способствует упорядочению общественной жизни, оно оказывает воспитательное, организующее, ценностно-ориентирующее и иное позитивное влияние на поведение людей. «Уголовное право есть классическая, древнейшая отрасль права и государственного управления, мотивирующий и сдерживающий фактор поведения... Уголовное право имеет своим назначением обеспечение гражданского мира и управление человеческими страстями...» [13, с. 3, 24]. Внешние, общесоциальные функции уголовного права определяются теми задачами, которые общество ставит перед этой отраслью, иными словами, социальными ожиданиями от уголовного права.

Как заметил А.Э. Жалинский, сложившиеся черты современного уголовного права «отражают воздействие социального контекста и, в сущности, определяют данность, реалии уголовного права как социального института, возможности его понимания, тенденции развития, а на этой основе – состояние механизма действия уголовного права» [10, с. 11]. В самых общих чертах эти ожидания состоят в согласованном определении круга социальных ценностей, требующих особой охраны, в обеспечении и поддержании приемлемого уровня безопасности наиболее значимых социальных благ от особо вредоносных деяний, в установлении предельно четких границ свободы человеческого поведения и формулировании

исчерпывающего перечня запрещенных поступков, в легитимации осуществляемого государством принуждения (насилия) в отношении лиц, нарушающих уголовно-правовые запреты. Эти задачи (ожидания) естественным образом формируют предметную область уголовного права, те общественные отношения, которые могут (и должны) возникать в связи с совершением преступления.

Реализуя эти задачи, общество уже на этапе формирования уголовного права устанавливает номенклатуру юридических фактов, порождающих уголовно-правовые отношения, временные рамки существования этих отношений, определяет круг их субъектов, а также предмет их взаимодействия. Здесь же формулируются цели и задачи самой уголовно-правовой регламентации, определяется модель того результата, которого стремится достигнуть общество, обязывая к взаимным действиям государство, потерпевшего и лицо, совершившее преступление. В соответствии с указанными задачами подбираются адекватные и доступные на определенном историческом этапе средства и методы правового регулирования, формируется содержание уголовного правоотношения [14, с. 252–254; 15].

В правовой литературе понятие уголовного права обычно употребляется в нескольких различных значениях; в них вкладывается принципиально разное содержание. При этом и само число таких ипостасей уголовного права в разных источниках существенно отличается. Так, по мнению А.И. Коробеева, термин «уголовное право» может употребляться в двух значениях – как отрасль права и как наука уголовного права. В первом случае речь идет о самостоятельной отрасли права, состоящей из правовых норм, которые складываются в определенную систему, «характеризующуюся единством и взаимосвязью ее составных частей и имеющую определенную внутреннюю структуру». Во втором случае – речь о науке уголовного права, предмет которой по своему объему и содержанию значительно шире предмета уголовного права как отрасли. В него входит исследование уголовно-правовой доктрины, уголовного законодательства и практики его применения [8, с. 20–21].

А.Э. Жалинский выделяет в понятии уголовного права три значения – отрасль права, науку уголовного права и учебную дисциплину; он также считает, что наука уголовного права включает в себя законодательство, поскольку она изучает явления и процессы, связанные с уголовным правотворчеством, действием права и его последствиями [16, с. 33].

В большинстве других источников содержится указание на более широкий круг ипостасей уголовного права, хотя все исследователи едины в том, что основная из них – самостоятельная отрасль права. Во-вторых, понятие уголовного права в них рассматривается как отрасль законодательства; в-третьих, как наука уголовного права; в-четвертых, как учебная дисциплина, в которой находят свое отражение «важнейшие установки уголовного законодательства, общепризнанные и потому распространенные научные постулаты, основные проблемы и достижения правоприменительной практики» [13, с. 5].

В литературе распространены существенно различные формулировки понятия уголовного права; среди них наиболее распространенным или (и) «классическим» принято считать его определение как совокупности юридических норм о преступлении и наказании (И.М. Тяжкова) [17, с. 4]. Достоинства этой формулы, во-первых, в ее лаконичности и, во-вторых, в выделении того главного, что определяет суть уголовного права как отрасли права (хотя и не указывается на многие его сущностные признаки).

Более широким является определение уголовного права, которое предложено А.В. Наумовым. В его формулировке уголовное право – «это отрасль, объединяющая правовые нормы, которые устанавливаются, какие действия являются преступлениями и какие наказания, а также какие иные меры уголовно-правового воздействия применяют к лицам, их совершившим, определяет основания уголовной ответственности и освобождения от уголовной ответственности» [18, с. 16].

Отметим, что если в приведенной трактовке И.М. Тяжковой содержится дополнительное указание на то, что отрасль уголовного права включает уголовное законодательство и уголовно-правовые отношения, связанные с законотворчеством и правоприменением, то А.И. Бойцов рассматривает уголовное право отдельно – как отрасль законодательства и как отрасль права. Как отрасль законодательства уголовное право «представляет собой систему принимаемых представительными органами власти предписаний, определяющих круг общественно опасных деяний, признаваемых преступлениями, и устанавливающих наказания и иные меры уголовно-правового воздействия, которые применяются за их совершение». Во втором значении уголовное право понимается как категория более широкая, чем уголовное законодательство, охватывающая всю совокупность уголовно-правовых норм, выраженных в законах и иных признаваемых

государством источниках, образующих целостность вследствие качественной однородности регулируемых ими общественных отношений и единого метода регулирования [19, с. 12].

Как видно, речь идет не только о разной классификации ипостасей уголовного права и разной терминологии; за терминологическими, а тем более, за понятийными различиями, как известно, часто стоят различия концептуальные. Такого рода различия определяют разные взгляды на предмет, методы, задачи, систему и сущностные признаки уголовного права (как отрасли права, как отрасли законодательства и как отрасли юридической науки). При этом понятие отрасли уголовного права, несомненно, является центральным, цементирующим систему норм, подлежащих применению и исполнению. Эта ипостась уголовного права является доминирующей, определяющей все остальные, значимость которых в силу стоящих перед ними разных целей исключает необходимость ранжирования.

В различных источниках понятие уголовного права (как отрасли права) структурируется, как уже отмечалось, по-разному; при этом существующие различия носят принципиальный характер. Так, одни авторы включают в структуру понятия уголовного права предмет, метод, функции и систему (И.М. Тяжкова); другие – лишь предмет и систему уголовного права (А.И. Коробеев); третьи – сущностные признаки, содержание и систему уголовного права (А.Э. Жалинский); четвертые – предмет, метод, задачи и функции (И.Э. Звечаровский); пятые – предмет, метод и систему уголовного права (Ю.Е. Пудовочкин); шестые – задачи, принципы и систему (Р.Р. Галиакбаров) и т.д. Не вдаваясь в дискуссию по поводу этих различий, заметим лишь, что наиболее спорным из них является включение в рассматриваемое понятие принципов, задач и функций уголовного права – категорий наименее стабильных, наиболее идеологизированных, зависящих от изменений политической конъюнктуры и потому довольно динамичных.

Вообще говоря, сущность (сущностные признаки) понятия уголовного права можно исследовать и трактовать с самых различных позиций: с точки зрения целей уголовного права; с точки зрения его структуры и содержания, в рамках которого анализируются входящие в него институты; можно рассматривать его как право о преступлении и наказании; наконец, – и этот подход представляется наиболее полным и потому предпочтительным – можно исследовать сущность, пределы возможностей и границы отрасли через призму предмета и метода уголовно-правового регулирования.

Ориентируясь главным образом на последний из названных подходов, в целом следует согласиться с И.Э. Звечаровским, отмечая, что предмет отрасли права «составляет то, что регулируется данной отраслью права (т.е. общественные отношения), предметом отрасли научного знания является то, что познается, исследуется в рамках изучения данной отрасли права (т.е. уголовный закон, преступление и наказание)» [4, с. 50]. Можно согласиться и с тем, что дать определение понятию уголовного права как отрасли права «означает раскрыть его содержание указанием на предмет и метод уголовного права, т.е. собственно на признаки, показывающие специфику уголовно-правового регулирования в системе иных юридических режимов регулирования». Однако трудно признать, что «отрасли права как определенные совокупности юридических норм и институтов отличаются не тем, что они регулируют, а тем, как они регулируют» [4, с. 41]. Такая позиция, по нашему мнению, игнорирует решающее значение предмета уголовно-правового регулирования и может дезориентировать исследователей.

Куда более значимые расхождения встречаются в доктрине уголовного права, когда речь идет о соотношении права и уголовного закона. Так, критикуя позицию некоторых ученых, рассматривающих уголовный закон в качестве составной части уголовного права и указывающих, что уголовное право включает в себя не только уголовное законодательство, но и уголовно-правовые отношения [20, с. 2], И.Э. Звечаровский справедливо отмечает, что «при всей взаимосвязанности понятий права и закона существующие между ними различия качественного порядка не дают оснований для подобных утверждений» [4, с. 8]. В самом деле, нормы уголовного права устанавливаются уголовным законом. Различия между этими понятиями выявляют форму и содержание данной отрасли права. Уголовный закон выражен формально (в России это Уголовный кодекс). Для уголовного закона существенны такие его признаки, как действие во времени и пространстве, структура, определенность и ряд других требований. Нормы уголовного права, как отмечает А.Э. Жалинский, – это более абстрактное понятие, их нужно выделить в уголовном законе путем его толкования. «Не совпадая с понятием статей или иных структурных элементов уголовного закона, нормы уголовного права воплощают содержание предписаний законодателя» [10, с. 24].

Указанные положения получили свое дальнейшее развитие в работе Ю.Е. Пудовочкина, где указывается, что уголовный закон выступа-

ет в качестве формы закрепления уголовно-правовых норм, соотносится с уголовным правом как форма и содержание, но при этом уголовный закон вовсе не является единственным средством закрепления уголовно-правовых норм, не является единственным источником отрасли уголовного права. «Уголовный закон становится всего лишь одним из средств выражения уголовно-правовых норм, которые вместе с уголовно-правовыми идеями (принципами) и реальными уголовно-правовыми отношениями образуют уголовное право» [11, с. 47–49].

Нормативистский подход к определению понятия уголовного права, при всей его широкой распространенности в литературных источниках, в современных условиях не является достаточным и исчерпывающим для характеристики уголовного права как самостоятельной отрасли. Уголовное право не может быть сведено лишь к набору уголовно-правовых норм. Как отмечает Ю.Е. Пудовочкин, оно включает в себя три составные части: идеи, нормы и общественные отношения. Каждая из этих частей представляет собой набор атрибутивных элементов – принципов (идей) и обязательных условий, без единства которых нельзя говорить о реализации возможностей и понимании уголовного права. Взяв за основу структурно-функциональный подход, автор этой концепции указывает, что в основополагающих идеях (принципах) законности, равенства, вины, справедливости и гуманизма концентрируется и формулируется содержательная сторона права, его сущность. Они являют собой и характеризуют аксиологический потенциал права как регулятора общественных отношений; эти принципы определяют содержание уголовно-правовых норм и являются неотъемлемой частью уголовного права. Однако для их реализации, для придания им общеобязательного характера необходимо формальное закрепление в законе, придание им нормативной силы.

Итак, предложенное решение дает такое понимание уголовного права, которое исходит из единства всех трех компонентов и должно включать в себя уголовно-правовые идеи, уголовно-правовые нормы и уголовно-правовые отношения. Эта концепция, безусловно, заслуживает самого пристального внимания и в силу своей значимости представляет несомненный научный интерес, обусловленный, помимо всего прочего, новизной подхода, глубиной и изящностью аргументации. Вероятно, для ее осмысления потребуется время и более детальный анализ.

В контексте настоящей работы необходимость и взаимосвязь двух последних элементов указанной триады – уголовно-правовой

нормы и уголовно-правовых отношений – очевидны. При этом последний элемент имеет особую значимость. Здесь нет необходимости в его самостоятельном анализе, поэтому ограничимся лишь попутным замечанием. Отрасли права, как известно, отличаются друг от друга не только образующими их институтами, но прежде всего и главным образом предметом и методом правового регулирования. Существует, как уже отмечалось, определенная группа общественных отношений, которые не могут быть урегулированы какими-либо иными отраслями права, кроме уголовного права в качестве предмета уголовного-правового регулирования. В качестве таковых следует рассматривать только одну группу общественных отношений – те, которые складываются в связи с совершением преступления между государством и лицом, совершившим преступление. Указанные отношения имеют качественную специфику, которая позволяет рассматривать их как предмет уголовного-правового регулирования. Это означает, что каждая отрасль права, в том числе уголовное право, имеет свой собственный участок общественных отношений, составляющих предмет регулирования [21, с. 65–84; 14].

Что же касается аксиологического потенциала права, который представлен в виде основополагающих принципов (идей), то необходимость этого элемента в качестве атрибутивного, на наш взгляд, автором приведенной концепции переоценивается, она видится менее убедительной и потому оставляет место для продолжения дискуссии. Подчеркнутая значимость и необходимость этого элемента, как нам кажется, связана и с излишней идеологизацией бытия права; она, конечно, несет в себе солидный запас оптимизма, но скорее, отражает стремление к идеальному (должному) положению вещей. К сожалению, мы живем в мире, где ничто не идеально. На самом деле, идеи (принципы) – категория динамичная, они исторически изменчивы, во многом носят декларативный характер и сами по себе вовсе не всегда отражают реальную сущность права как регулятора общественных отношений. К

тому же сама система принципов (их совместимость) обладает определенной внутренней противоречивостью. Например, идеи справедливости и законности обычно противопоставляют друг другу, причем чаще всего справедливость у нас выше закона. И с тем, и с другим нам, вообще говоря, не очень повезло. Реалии повседневной жизни говорят о ее оторванности от «основополагающих» идей (принципов), о фикциях, об их автономном существовании, и потому, даже трижды закрепленные в законе, эти принципы (идеи) едва ли могут отражать содержательные стороны, сущность и реальное бытие права.

Вышеизложенное заставляет по-новому осмыслить понятие и сущностное содержание уголовного права и внести определенные коррективы в его определение, ранее сформулированное одним из авторов [22, с. 133]. Не считая обязательным отражение задач, функций и главного принципов в определении отрасли, полагаем возможной и достаточной более лаконичную формулу, согласно которой уголовное право – это самостоятельная отрасль российского права, представляющая собой систему правовых норм, определяющих преступность и наказуемость общественно опасных деяний и различным образом регулирующих правоотношения между лицом, совершившим преступление, и государством.

Приведенное понятие уголовного права не претендует на исчерпывающий характер и с учетом определенных оговорок, вероятно, потребует дальнейшего развития и необходимых уточнений. Суть этих оговорок, во-первых, в том, что достаточно полное раскрытие и понимание уголовного права, а также определение его места в системе отраслей права невозможно без всестороннего анализа предмета и метода уголовного права. По тем же соображениям в приведенном определении говорится о регулировании правоотношений «различным образом» и не содержится анализа методов уголовного-правового регулирования, рассмотрение которых не входит в задачу настоящей статьи и составляет предмет самостоятельного исследования.

1. *Современное правопонимание: курс лекций / под ред. М.Н. Марченко. М., 2016.*

2. *Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.*

3. *Курс советского уголовного права. Часть Общая. Л., 1968. Т. 1.*

4. *Звечаровский И.Э. Понятие уголовного права // Курс российского уголовного права.*

1. *Modern law understanding: course of lectures / ed. by M.N. Marchenko. Moscow, 2016.*

2. *Maltsev G.V. Understanding of the law. Approaches and problems. Moscow, 1999.*

3. *Course of the Soviet criminal law. The General part. Leningrad, 1968. Vol. 1.*

4. *Zvecharovsky I.E. Concept of criminal law // Course of the Russian criminal law. The General*

Общая часть / под ред. Н.Г. Иванова, С.И. Никулина, Б.В. Яценко. М., 2010.

5. Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть. М., 1955. Т. 1.

6. Курс советского уголовного права: в 6 т. М., 1970. Т. 1.

7. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая. М., 1994. Т. 1.

8. Российское уголовное право: курс лекций / под ред. А.И. Коробеева. Т. 1: Преступление. Владивосток, 1999.

9. Голик Ю., Елисеев С. Понятие и происхождение названия «уголовное право» // Уголовное право. 2002. № 2.

10. Жалинский А.Э. О понимании уголовного права // Избр. тр.: в 4 т. / отв. ред. О.Л. Дубовик. Т. 2: Уголовное право. М., 2015.

11. Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. М., 2012.

12. Филимонов В.Д. Генезис уголовно-правового регулирования. М., 2015.

13. Бойко А.И. Система и структура уголовного права. Ростов н/Д, 2007. Т. 1.

14. Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория, практика. М., 2011.

15. Квашис В.Е., Генрих Н.В. Содержание уголовно-правового отношения (концептуальная модель) // Уголовное право. 2010. № 4.

16. Уголовное право: учеб.: в 3 т. Т. 1: Общая часть / под ред. А.Э. Жалинского. М., 2011.

17. Российское уголовное право: учеб.: в 2 т. Т. 1: Общая часть. 2-е изд. М., 2007.

18. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 1: Общая часть. 4-е изд. М., 2007.

19. Уголовное право России. Общая часть. СПб., 2006.

20. Курс уголовного права. Общая часть: учеб. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002.

21. Генрих Н.В. Предмет уголовного права: генезис научной мысли и проблемы современной интерпретации. М., 2010.

22. Уголовное право. Общая часть. Преступление: академический курс: в 10 т. Т. 1: Понятие уголовного права. Механизм уголовно-правового регулирования (Генрих Н.В.) / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016.

part / ed. by N.G. Ivanov, S.I. Nikulin, B.V. Yatsenko. Moscow, 2010.

5. Piontkovsky A.A., Menshagin V.D. Course of the Soviet criminal law. Special part. Moscow, 1955. Vol. 1.

6. Course of the Soviet criminal law: in 6 vol. Moscow, 1970. Vol. 1.

7. Tagantsev N.S. Russian criminal law: lectures. The General part. Moscow, 1994. Vol. 1.

8. Russian criminal law: course of lectures / ed. by A.I. Korobeev. Vol. 1: Crime. Vladivostok, 1999.

9. Golok Yu., Eliseev S. Concept and origin of the name «criminal law» // Criminal law. 2002. № 2.

10. Zhalinsky A.E. About understanding of criminal law // Sel. works: in 4 vol. / resp. ed. O.L. Dubovik. Vol. 2: Criminal law. Moscow, 2015.

11. Pudovochkin Yu.E. The doctrine about fundamentals of criminal law. Moscow, 2012.

12. Filimonov V.D. Genesis of criminal and legal regulation. Moscow, 2015.

13. Boyko A.I. System and structure of criminal law. Rostov-on-Don, 2007. Vol. 1.

14. Genrih N.V. Subject and method of criminal and legal regulation: history, theory, practice. Moscow, 2011.

15. Kvashis V.E., Genrih N.V. Maintenance of criminal legal relations (conceptual model) // Criminal law. 2010. № 4.

16. Criminal law: textbook: in 3 vol. Vol. 1: The General part / ed. by A.E. Zhalinsky. Moscow, 2011.

17. Russian criminal law: textbook: in 2 vol. Vol. 1: The General part. 2nd ed., Moscow, 2007.

18. Naumov A.V. Russian criminal law: course of lectures: in 3 vol. Vol. 1: General part. 4th ed. Moscow, 2007.

19. Criminal law of Russia. General part. St. Petersburg, 2006.

20. Course of criminal law. General part: textbook. Vol. 1: The doctrine about a crime / ed. by N.F. Kuznetsova and I.M. Tyazhkova. Moscow, 2002.

21. Genrih N.V. Subject of criminal law: genesis of scientific thought and problem of modern interpretation. Moscow, 2010.

22. Criminal law. General part. Crime: academic course: in 10 vol. Vol. 1: Concept of criminal law. The mechanism of criminal and legal regulation (Genrih N.V.) / ed. by N.A. Lopashenko. Moscow, 2016.

Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
Московского государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
(e-mail: inogamova-hegay@yandex.ru)

Формализованное назначение наказания: проблемы применения

Статья посвящена проблемам формализованного назначения наказания по правилам конкуренции и последовательного применения уголовно-правовых норм при одновременном наличии двух или более оснований, предусмотренных нормами о деятельном раскаянии, досудебном соглашении о сотрудничестве, осуществлении дознания в сокращенной форме, согласии с предъявленным обвинением; признании судом присяжных лица заслуживающим снисхождения; неоконченном преступлении и рецидиве.

Ключевые слова: формализованное назначение наказания, смягчение и усиление наказания, конкуренция уголовно-правовых норм, последовательное применение норм, деятельное раскаяние, досудебное соглашение о сотрудничестве, осуществление дознания в сокращенной форме, согласие с предъявленным обвинением, признание судом присяжных лица заслуживающим снисхождения; неоконченное преступление и рецидив преступлений.

L.V. Inogamova-Khegai, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law of the Moscow State University of Law of O.E. Kutaphin (MSAL); e-mail: inogamova-hegay@yandex.ru

Formalized assignment of penalty: problems of using

Formalized assignment of penalty in accordance with rules of competition and serial use criminal norms under simultaneous presence of two or some forms: active repentance; agreement on cooperation before judicial hearing; conduction an inquiry on short form; consent with charge; recognition by jury about deserving leniency; uncompleted crime and recidivism is analyzed in the article. Assignment of punishment is researched.

Key words: formalized assignment of punishment, mitigation and reinforcement of punishment, competition of criminal norms, serial use criminal norms, active repentance, agreement on cooperation before judicial hearing, conduction an inquiry on short form, consent with charge, recognition by jury about deserving leniency, uncompleted crime and recidivism.

Определение мер уголовно-правового характера, справедливых и достаточных для достижения исправления подсудимого и предупреждения совершения преступлений, является задачей назначения наказания. Научные исследования законодательных положений по назначению наказания, а также рекомендации Верховного Суда РФ по практике его применения свидетельствуют о разном понимании ряда уголовно-правовых норм института назначения наказания как учеными [1–5], так и судьями [6–8].

Институт назначения наказания состоит из положений, установленных гл. 10 УК «Назначение наказания». В этой главе закреплены общие правила для всех наказаний, универсальные. Предписания по назначению наказания определены нормами и других глав УК. Но последние нормы имеют специальное содержание, конкретизируя правила, предусмотренные в гл. 10 УК.

Статья 60 УК раскрывает правила назначения любого наказания всем лицам. Именно поэтому она называется «Общие начала назначения наказания». В других же статьях этой главы (ст. 61–70 УК) предусмотрены общие универсальные правила, уточняющие вынесение наказания при конкретных условиях, которые относительно общих начал назначения наказания (ст. 60 УК) имеют значение особых специальных. Последние особые специальные правила, или специальные нормы о наказании (ст. 61–70 УК), по своему характеру отличаются. Одни из них предусматривают смягчение, другие – усиление наказания, а третьи, не относясь ни к одному из них (ст. 67 УК), учитываются при назначении наказания.

Смягчение и усиление наказания при его назначении закреплены законом, в одних случаях как обязанность суда, в других – его право. Действующий УК предусматривает смягчение и усиление наказания в такой законодательной

формулировке, которая неоднозначно трактуется наукой уголовного права и судебной практикой [9, с. 81; 10, с. 420; 8, п. 28, абз. 2].

Правом суда можно считать признание обстоятельств смягчающими или отягчающими наказание (ст. 61, 63 УК); назначение наказания, более мягкого, чем предусмотрено законом (ст. 64 УК). В частности, Пленум Верховного Суда РФ в абз. 2 п. 28 постановления от 22 декабря 2015 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» подчеркнул право суда признавать обстоятельства как смягчающие.

К обязанности суда смягчить или усилить наказание относятся: назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств (ст. 62 УК); при вердикте присяжных заседателей о снисхождении (ст. 65 УК); за неоконченное преступление (ст. 66 УК); при рецидиве преступлений (ст. 68 УК); по совокупности преступлений (ст. 69 УК); по совокупности приговоров (ст. 70 УК).

Видами обязательного смягчения и усиления наказания за единичное преступление являются разновидности его назначения не свыше/не ниже определенной части (половины, двух третей, трех четвертей, одной трети) максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК (предусмотренного за совершенное преступление, ст. 65 УК).

С учетом формализованности определения наказания за единичное преступление, когда суд должен соблюдать конкретные количественные показатели, представленные математической дробью, эти виды смягчения и усиления наказания можно назвать формализованными смягчением или усилением наказания. К ним относятся 7 формализованных смягчений и усилений наказания, предусмотренных: четыре – в ст. 62, по одному – в ст. 65, 66 и 68 УК.

1. Деятельное раскаяние лица (ч. 1 ст. 62 УК) предусматривает правило смягчения наказания при наличии определенных смягчающих обстоятельств на срок или размер не свыше двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК.

2. Досудебное соглашение о сотрудничестве (ч. 2 или 4 ст. 62 УК) означает в порядке особого производства смягчение наказания не свыше половины (двух третей) максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК.

3. Согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением (ч. 5 ст. 62 УК, гл. 40 УПК) предполагает определение наказания лицу

в порядке особого производства на срок или размер не более двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

4. Производство дознания в сокращенной форме (ч. 5 ст. 62 УК, ст. 226.9 УПК) означает вынесение наказания не более половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

5. Признание присяжными заседателями лица заслуживающим снисхождения (ч. 1 ст. 65 УК) обязывает суд применить правило смягчения наказания лицу на срок или размер, который не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

6. Неоконченное преступление (ч. 2 и 3 ст. 66 УК) предполагает назначение наказания за приготовление к преступлению не свыше половины, а за покушение – трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК за оконченное преступление.

7. Любой рецидив преступлений (ч. 2 ст. 68 УК) предусматривает определение наказания не менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК (усиление наказания).

В научной литературе отмечалось [3, с. 205; 11, с. 116], что уголовный закон исчерпывающие правила решения ситуации одновременного присутствия всех или нескольких оснований формализованного смягчения и усиления наказания не устанавливает. Законом решены только отдельные вопросы совокупности некоторых правил о смягчении наказания и его усилении (ч. 1–2 ст. 62 УК, ч. 3 и 4 ст. 65 УК, ч. 4 ст. 66 УК, ч. 3 ст. 68 УК и др.).

Судебное правоприменение по вопросу одновременного наличия нескольких формализованных правил смягчения и усиления наказания отличается противоречивыми решениями: то используется поэтапное применение правил [6, п. 9; 7, пп. 14, 15; 8, пп. 34, 39], то устанавливается конкуренция уголовно-правовых норм [12, п. 42; 13, п. 24; 8, п. 38, абз. 2].

При выявлении нескольких или всех формализованных правил назначения наказания по его смягчению или усилению предпочтительнее применять правила конкуренции указанных уголовно-правовых норм [5, с. 215–219]. Обоснованием научного взгляда конкуренции,

а не последовательного применения уголовно-правовых норм является следующее:

1. В УК закреплены несколько правил конкуренции уголовно-правовых норм (например, согласно ч. 3 ст. 62 УК неприменимо смягчение наказания по ч. 1 ст. 62 УК при наличии в санкции статьи наказаний в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни). Правила конкуренции норм относительно формализованного назначения наказания предусмотрены в ч. 1 ст. 65 УК (неприменение смягчения наказания по ч. 1 ст. 65 УК при наличии в санкции статьи наказаний в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни) и др.

2. В УК, наоборот, в отличие от вышеуказанных примеров отсутствует прямое либо косвенное предписание о применении совокупности формализованных правил.

Правила последовательного смягчения и усиления наказания, закрепленные ст. 62, 65, 66 и 68 УК, являются результатом судебного толкования. Однако толкование нормы, осуществленное не законодателем, это не закон. Указанное судебное толкование совокупности формализованных правил смягчения и усиления наказания является дискуссионным.

3. Применение сочетания формализованных правил способно привести к смягчению наказания до крайности, когда льготы применяются к виновному механически, без учета содержания и направленности вины, иных обстоятельств дела.

4. Совокупность формализованных правил, предложенная Пленумом Верховного Суда РФ, с обязательным назначением наказания сначала за неоконченное преступление, а потом других правил нигде в УК не прописана.

Согласно УК приемлемы следующие сочетания не более четырех норм о формализованных смягчении и усилении наказания, предусмотренных:

1) ч. 1 ст. 62 УК (деятельное раскаяние), ч. 2 или 3 ст. 66 УК (неоконченное преступление), и вместе с ними одного из четырех правил, установленных или ч. 2 ст. 62 УК (досудебное соглашение о сотрудничестве), или ч. 5 ст. 62 УК (либо согласие с предъявленным обвинением, либо производство дознания в сокращенной форме), или ст. 65 УК (признание судом присяжных лица заслуживающим снисхождения), – последние четыре правила предусмотрены смежными уголовно-правовыми нормами, наличие каждой из которых автоматически исключает существование остальных, поэтому может быть одна из них, а также ч. 2 ст. 68 УК (рецидив преступлений);

2) ч. 1 ст. 62 УК (деятельное раскаяние), ч. 2 или 3 ст. 66 УК (неоконченное преступление), и

наряду с ними одного из четырех правил, установленных или ч. 2 ст. 62 УК (досудебное соглашение о сотрудничестве), или ч. 5 ст. 62 УК (либо согласие с предъявленным обвинением, либо производство дознания в сокращенной форме), или ст. 65 УК (признание судом присяжных лица заслуживающим снисхождения);

3) ч. 2 или 3 ст. 66 УК (неоконченное преступление) и любым другим правилом, установленным ст. 62, 65, 68 УК;

4) ч. 1 ст. 62 УК (деятельное раскаяние) и ч. 2 ст. 62 УК (досудебное соглашение о сотрудничестве), или ч. 5 ст. 62 УК (либо согласие с предъявленным обвинением, либо производство дознания в сокращенной форме), или ст. 65 УК (признание судом присяжных лица заслуживающим снисхождения), или ч. 2 ст. 68 УК (рецидив преступлений). Допустимы и другие совокупности норм о формализованных смягчении или усилении наказания.

Возможные, согласно УК, сочетания нескольких анализируемых правил, как говорилось, в настоящее время в науке уголовного права и судебной практике решаются по правилам конкуренции уголовно-правовых норм и последовательного их применения. В данной работе, как уже отмечалось, обосновывается применение только конкуренции уголовно-правовых норм.

Законодательное решение о конкуренции уголовно-правовых норм закреплено в ч. 2 ст. 62 УК, согласно которой формализованное смягчение наказания исключается при отягчающих обстоятельствах. Рецидив преступлений является отягчающим обстоятельством (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК). В связи с указанным назначать наказание следует по правилам ч. 2 или ч. 3 ст. 68 УК. В Уголовном кодексе РФ конкуренция уголовно-правовых норм формализованных смягчения (ч. 2 ст. 62 УК) и усиления (ч. 2 ст. 68 УК) наказания решена в пользу последней.

В ч. 3 ст. 68 УК закреплено, что при любом виде рецидива преступлений, если судом установлены смягчающие обстоятельства, предусмотренные ст. 61 УК, срок наказания может быть назначен менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК. С учетом этого положения получается, что УК предусматривает мягкие условия конкуренции уголовно-правовых норм в пользу нормы с формализованным усилением наказания. Эти условия отданы на усмотрение суда. Суд либо применяет правило о назначении наказания

не менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (ч. 2 ст. 68 УК), либо не применяет это правило (ч. 3 ст. 68 УК).

Применение конкуренции норм о формализованном смягчении наказания, не закрепленной прямо в УК, сформулировано в трех уже называвшихся постановлениях Пленума Верховного Суда РФ: от 22 ноября 2005 г. [12, п. 42], от 28 июня 2012 г. [13, п. 24] и от 22 декабря 2015 г. [8, п. 38, абз. 2].

Так, в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ: от 22 ноября 2005 г. отмечается: «Учитывая, что статья 62 УК предусматривает более строгое наказание в сравнении с частью 1 статьи 65 УК, обязательное применение части 1 статьи 65 УК при наличии обстоятельств, предусмотренных пунктами “и” и “к” части 1 статьи 61 УК, не влечет за собой последовательного применения этих норм, поскольку законодателем определен порядок назначения наказания лишь с учетом максимальной санкции Особенной части Уголовного кодекса» [12, п. 42].

Приведенное раскрытие Верховным Судом РФ соотношения указанных правил формализованного смягчения наказания характеризует конкуренцию уголовно-правовых норм. Следовательно, в этом постановлении Пленум Верховного Суда РФ фактически при назначении наказания применил правила конкуренции уголовно-правовых норм. Суть этого правила в рассматриваемой ситуации состоит в том, что при конкуренции норм о смягчении наказания предпочтение Верховный Суд РФ отдал норме с более мягким правилом смягчения наказания при его назначении. Хотя на настоящий момент смягчение наказания в обоих случаях осуществляется в равных пределах (в настоящее время рассматриваемые сроки равны), суть правила о конкуренции норм не изменилась.

Конкретная позиция судебного органа была определена в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. (утратившем силу): «Судам следует иметь в виду, что при установлении обстоятельств, предусмотренных как частью 1, так и частью 2 статьи 62 УК, наказание назначается по правилам части второй этой статьи». Это же правило повторено в постановлениях от 28 июня 2012 г. [13, п. 24, абз. 1] и 22 декабря 2015 г. [8, п. 38, абз. 2].

Иными словами, анализируемое соотношение норм судом также решено по правилам конкуренции уголовно-правовых норм. Верховный Суд РФ обоснований принятия такого решения по конкуренции двух специ-

альных правил в указанных постановлениях не приводит.

Последовательное применение правил формализованного смягчения наказания, состоящее в назначении наказания с особым смягчением только от срока, определенного после вынесения наказания за неоконченное преступление [6, п. 9; 7, пп. 14, 15; 8, пп. 34, 39], как уже подчеркивалось, не следует из положений УК. При этом непонятно, почему при явном позитивном поведении виновного, например, при правилах, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 62 УК, Верховный Суд РФ отдает предпочтение конкуренции уголовно-правовых норм, а в случае, когда такого поведения нет – при неоконченном преступлении, – поэтапному применению. Справедливость требует, чтобы все было наоборот. Наибольшее смягчение необходимо там, где виновный проявляет себя позитивно. При неоконченном преступлении этого позитивного проявления нет. Справедливо сказано: «...Прерванность деяния на той или иной стадии происходит по не зависящим от лица обстоятельствам и потому ни в заслугу, ни в вину ему поставлены быть не могут» [14, с. 217].

В постановлении от 22 ноября 2005 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» сказано, что в УК РФ предусмотрено назначение наказания «с учетом максимальной санкции Особенной части», а не последовательное применение норм, предусмотренных ст. 62 и 65 УК [12, п. 42].

Наличие правила формализованного смягчения наказания за неоконченное преступление может быть обосновано объективными причинами: все же реально преступление не завершено. Но насколько обосновано при совершении неоконченного преступления и одновременном присутствии других оснований для применения специальных правил смягчения наказания последовательно смягчать наказание. Сначала определять наказание согласно правилам, предусмотренным ст. 66 УК, а потом – по другим правилам.

Пленум Верховного Суда РФ и ранее в постановлении от 5 декабря 2006 г. «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (п. 14) и в постановлении от 22 декабря 2015 г. (пп. 34, 39) рекомендует применять правило ст. 65 УК от срока, исчисленного за неоконченное преступление (ст. 66 УК).

Обоснование именно такой последовательности применения наказания (сначала – ст. 66

УК, затем – ч. 5 ст. 62 УК, потом – ч. 1 ст. 62 УК или ст. 68 УК и др.) в этих постановлениях не приводится.

Предложенный судебный порядок формализованного смягчения и усиления наказания представляется дискуссионным. В частности, при рассмотрении дела в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК, наказание определяется согласно правилу, предусмотренному ч. 5 ст. 62 УК. Ситуация с согласием лица с предъявленным ему обвинением в целом характеризует его как представляющего не меньшую общественную опасность в сравнении с лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве.

Этот вывод о не меньшей общественной опасности лица подтверждается тем, что наказание при согласии лица с предъявленным ему обвинением не может превышать двух третей, а при досудебном соглашении – половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК за преступление. Следовательно, и наказание предпочтительнее определять этим лицам на близких основаниях.

Тем не менее, сопоставительный анализ рекомендаций, данных в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г., 28 июня 2012 г. и от 22 декабря 2015 г., показывает, что значительно более мягкое наказание в итоге предлагается назначать при согласии лица с предъявленным ему обвинением. Сделанный вывод следует из того, что при стечении оснований для назначения наказания при деятельном раскаянии (ч. 1 ст. 62 УК) и досудебном соглашении о сотрудничестве смягчение применяется один раз (действует правило конкуренции уголовно-правовых норм). В ситуации же сочетания оснований для назначения наказания при деятельном раскаянии и согласии обвиняемого с предъявленным обвинением смягчение осуществляется последовательно, т.е. наказание смягчается два раза.

Наличие одновременно двух оснований для смягчения наказания, предусмотренных нормами о досудебном соглашении о сотрудничестве (ч. 2 ст. 62 УК) и при деятельном раскаянии (ч. 1 ст. 62 УК), в судебной практике решено по правилам конкуренции уголовно-правовых норм [13, п. 24, абз. 1; 8, п. 38, абз. 2].

И, соответственно, одномоментное присутствие оснований формализованного смягчения наказания, закрепленных нормами о согласии обвиняемого с предъявленным обвинением

(ч. 5 ст. 62 УК) и при деятельном раскаянии (ч. 1 ст. 62 УК), в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. и от 22 декабря 2015 г. рекомендуется применять последовательно. Аргументации применению правила, предусмотренного ч. 1 ст. 62 УК, после назначения наказания по правилам, закрепленным ч. 5 ст. 62 УК, не приведено.

Разные решения в судебной практике рассмотренных ситуаций совокупности оснований формализованного смягчения наказания свидетельствуют о том, что единое научное обоснование на сегодняшний день отсутствует. Здесь предпочтительнее применять не последовательное смягчение, а конкуренцию специальных уголовно-правовых норм в пользу нормы о согласии с предъявленным обвинением.

Разное применение правил формализованного смягчения и усиления наказания нарушает важнейшие принципы и международного уголовного, и конституционного, и российского уголовного права.

При квалификации преступлений давней правовой традицией является решение конкуренции норм о преступлениях со смягчающими, а также смягчающими и отягчающими обстоятельствами в пользу применения нормы со смягчающими признаками. Правила применения конкуренции уголовно-правовых норм имеют одинаковый характер, правовую природу и должны применяться по единым основаниям на любом этапе развития уголовного правоотношения: квалификации преступления, назначения наказания, освобождения от уголовной ответственности и от наказания, погашения и снятия судимости.

Однако, как следует из вышеприведенного анализа, в настоящее время при назначении наказания используются, помимо конкуренции уголовно-правовых норм, и правила последовательного вынесения наказания. При этом последовательное назначение наказания уголовным законом не предусмотрено.

Согласно действующим нормам УК о назначении наказания предпочтительнее распространение правила конкуренции уголовно-правовых норм о применении наибольшего формализованного смягчения на все виды одновременного наличия нескольких оснований смягчения и усиления наказания. Правила конкуренции уголовно-правовых норм о применении наибольшего формализованного смягчения наказания при одновременном наличии нескольких оснований в УК можно предусмотреть, например, в ст. 60 УК, дополнив ее частью 4.

Для реализации принципа назначения справедливого наказания законодательные предписания должны быть ясными, полными, позволяющими ученым и правоприменителям толковать их одинаково.

Именно единство взглядов ученых и практиков в раскрытии и применении законодательных положений способно эффективно противодействовать преступлениям.

1. Кригер Г.А. Наказание и его применение. М., 1962.

2. Мальцев В.В. Наказание и проблемы его назначения в уголовном праве. Волгоград, 2007.

3. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права. М., 1999.

4. Благов Е.В. Применение специальных начал назначения наказания. М., 2007.

5. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. М., 2015.

6. О практике назначения судами уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 янв. 2007 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 дек. 2015 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Толкаченко А., Толкаченко А. Практические вопросы назначения наказания при особом порядке судебного разбирательства уголовных дел // Уголовное право. 2008. № 2.

10. Российское уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 4-е изд. М., 2015.

11. Благов Е.В. Квалификация и наказание при совершении нескольких преступлений. Ярославль, 2006.

12. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 нояб. 2005 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

13. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М., 2010.

1. Krieger G.A. Punishment and its application. Moscow, 1962.

2. Maltsev V.V. Punishment and problems of its appointment in criminal law. Volgograd, 2007.

3. Inogamova-Khegai L.V. Competition of norms of criminal law. Moscow, 1999.

4. Blagov E.V. Application of the special beginnings of assignment of punishment. Moscow, 2007.

5. Inogamova-Khegai L.V. Conceptual bases of the competition of criminal precepts of law. Moscow, 2015.

6. About practice of appointment of criminal penalty by courts: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. June 11, 1999. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

7. About practice of appointment of criminal penalty by courts of the Russian Federation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Jan. 11, 2007. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

8. About practice of appointment of criminal penalty by courts of the Russian Federation: the resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Dec. 22, 2015. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

9. Tolkachenko A., Tolkachenko A. Practical questions of assignment of punishment at a special order of judicial proceedings of criminal cases // Criminal law. 2008. № 2.

10. Russian criminal law. General part: textbook / ed. by L.V. Inogamova-Khegai, V.S. Komissarov, A.I. Rarog. 4th ed. Moscow, 2015.

11. Blagov E.V. Qualification and punishment at commission of several crimes. Yaroslavl, 2006.

12. About application by courts of the standards of the Code of criminal procedure of the Russian Federation regulating legal proceedings with participation of jurors: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Nov. 22, 2005. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

13. About practice of application by courts of a special order of judicial proceedings of criminal cases at the conclusion of the pre-judicial cooperation agreement: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. June 28, 2012. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

14. Russian criminal law. General part / ed. by L.V. Inogamova-Khegai, V.S. Komissarov, A.I. Rarog. Moscow, 2010.

Кибальник Алексей Григорьевич

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +78652354446)

Российские исследования уголовно-правовой охраны электронной коммерции

Статья содержит обзор российских исследований, посвященных проблемам уголовно-правовой охраны электронной коммерции. Отмечается, что данное направление является новым для отечественной доктрины уголовного права. Автор делает вывод о важности подобного рода работ и об их перспективности в связи с резким увеличением значения информационных технологий в сфере предпринимательской и иной деловой активности.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ, предпринимательская активность, преступления в сфере экономики, электронная коммерция, уголовно-правовая охрана.

A.G. Kibalnik, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of the Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Federal University; tel.: +78652354446.

Russian researches of the criminal-law protection for e-commerce

This article contains a review of Russian researches on the criminal-law protection of e-commerce. It is noted that this is a new direction for the domestic doctrine of criminal law. The author concludes that the importance of this kind of work and their prospects in view of the sharp increase in the value of information technology in the sphere of entrepreneurial and other economic activity.

Key words: Criminal code of the Russian Federation, entrepreneurial activity, crimes in economics sphere, e-commerce, criminal-law protection.

Не секрет, что еще десять-пятнадцать лет назад все, что связано с электронной коммерцией, в нашей стране было «в диковинку». В настоящий момент электронная коммерция представляет собой бурно развивающуюся отрасль экономики и, как ни печально, в ней резко возрастает негативный эффект разного рода злоупотреблений и правонарушений, включая таковой «эффект» от преступных посягательств. Таким образом, актуальность и значимость специальных исследований, посвященных проблемам уголовно-правовой защиты интересов электронной коммерции, не вызывает сомнений.

Поэтому исследование места и роли уголовного права в охране (у некоторых авторов – в «регулировании», но это, по сути, не принципиально важно) отношений, возникающих в сфере электронной коммерции, приобретает принципиальное значение. Отечественные авторы обоснованно отмечают, что в складывающихся социально-экономических и политических условиях остро стоят вопросы, связанные: 1) с определением значения, экономического и правового статуса электронной (цифровой) информации; 2) регламентацией осуществления коммерческой деятельности в виртуальной среде; 3) использованием информационных

технологий в медицине (включая, естественно, «коммерческую» медицину); 4) охраной различных видов интеллектуальной собственности; 5) защитой прав производителей и потребителей информационных продуктов и услуг [1; 2, с. 21–27; 3, с. 55–71; 4, с. 62–79; 5; 6, с. 182–186].

На этом фоне настоящим событием в отечественной доктрине уголовного права стало появление, по существу, первого монографического исследования А.Ю. Чупровой, специально посвященного проблематике уголовно-правовой охраны (регулирования) отношений в сфере электронной коммерции [7]. В данной работе разработана новая для нас концепция «уголовно-правового регулирования отношений в сфере электронной коммерции», которая позволила (на основе единых методологических начал) определить основные направления эволюции уголовного законодательства и практики его применения, соответствующие тенденциям информатизации и динамике развития современного общественного производства.

Остановимся на принципиальных положениях работы А.Ю. Чупровой. Прежде всего, надо «отдать должное» авторским понятию и определению признаков и пределов правового регу-

лирования электронной коммерции в России и зарубежных государствах. При этом основное внимание следует уделить определению самой «электронной коммерции» как сегмента современной экономики и объекта уголовно-правовой охраны (регулируемая).

В результате автор предлагает заслуживающее внимания определение электронной коммерции как «сегмента экономики, представляющего собой совокупность основанных на электронных коммуникациях взаимосвязей ... по поводу производства, обмена и потребления товаров и услуг, осуществляемых в глобальном масштабе, полностью или частично в виртуальном пространстве и направленных на получение выгоды личного или имущественного характера от общественно полезной деятельности, соответствующей национальному и международному законодательству» [7, с. 48].

Научный интерес представляет выделение наиболее «криминальных» сегментов электронной коммерции: электронной торговли, электронных платежей и «банкинга», мобильных платежей и «банкинга», «телемедицины», электронного маркетинга, «иных» (обращение ценных бумаг, страхование) [7, с. 51–57].

Особо отметим изучение роли международного права в плане регулирования отношений в сфере электронной коммерции (что нам «особенно близко») [7, с. 65–100] и определение социальной обусловленности возникновения и существования уголовно-правовых запретов в указанной сфере. Необходимость криминализации общественно опасных деяний в сфере электронной коммерции исходит, по мнению автора, из их «объективной способности деформировать и вносить элементы дезорганизации в сформировавшийся экономический правовой порядок», «причинять кумулятивный ущерб различным группам наиболее важных общественных отношений», охраняемых уголовным законодательством. Кроме того, такие деяния «чрезвычайно вредоносны» [7, с. 123–151].

Далее, автором представлены понятие и система преступлений, совершаемых в сфере электронной коммерции, а также сформулированы признаки этих преступлений. Обратим внимание на то, что А.Ю. Чупрова обоснованно классифицирует критерии выделения преступлений в сфере электронной коммерции в качестве самостоятельной группы, а именно:

1) преступления в сфере электронной коммерции «полностью или частично совершаются в виртуальном пространстве посредством информационно-телекоммуникационных сетей»;

2) данные преступления посягают на установленный правовой порядок в информационном пространстве;

3) лица, совершающие эти преступления, обладают специальными знаниями и навыками, «необходимыми для применения информационных технологий»;

4) преступления в сфере электронной коммерции «экономически мотивированы и направлены на получение выгоды – основного стимула криминальной деловой активности субъектов» [7, с. 152–167].

Также можно обратить внимание на успешное определение объекта и предмета преступлений в сфере электронной коммерции. Заслуживает внимания авторское рассмотрение вопроса о проблемах уголовной ответственности субъектов данных преступлений, особенно вывод автора о необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц – по крайней мере, за совершение преступных посягательств в сфере экономической деятельности [7, с. 193–221, 235–243].

Определенный интерес представляет формулирование особенностей уголовной ответственности соучастников при совершении рассматриваемых преступлений, тем более что, по словам автора, «для преступлений в сфере электронной коммерции наиболее характерен групповой способ их совершения». Внимание заслуживают рассуждения А.Ю. Чупровой о специфике «организованных виртуальных преступных групп» (так у автора), для которых характерны: «единое виртуальное криминальное пространство», использование информационных технологий как инструмента формирования преступного процесса; «географическая дисперсия организуемых единиц»; отсутствие иерархической структуры; наличие «внутриорганизационной стратификации по информационному признаку»; интернациональность состава и пр. [7, с. 254–285].

Также А.Ю. Чупровой предложено решение квалификационных вопросов применения норм УК РФ о криминальных посягательствах в области электронной коммерции против интересов личности. Автор сконцентрировала внимание на проблемах торговли людьми и незаконного оборота порнографических предметов и материалов в сети Интернет и/или (нам не совсем понятно такое структурное «разделение») с использованием информационных технологий.

Весьма интересным считаем предложение А.Ю. Чупровой о выделении «телемедицины» как самостоятельного объекта уголовно-пра-

вовой охраны. Автор определяет «телемедицину» как «систему дистанционного оказания отвечающей современным стандартам медицинской помощи» посредством использования информационных телекоммуникационных сетей. При этом целью «телемедицины» названо осуществление «лечебно-диагностического процесса и удаленного мониторинга состояния пациентов, нуждающихся в постоянном медицинском контроле» [7, с. 367–403].

Однозначно заслуживает поддержки позиция автора о том, что внесенные не так давно изменения в содержание мошенничества не соответствуют сложившемуся на протяжении нескольких веков понятию этой формы хищения в теории уголовного права и российском законодательстве. Они (эти изменения) «создали многочисленные проблемы для правоприменителей, связанные со сложностью разграничения мошенничества, совершаемого с использованием платежных карт, и мошенничества в сфере компьютерных технологий между собой и с иными формами хищения» [7, с. 425–426].

Наконец, А.Ю. Чупровой проведен анализ действующего российского уголовного законодательства как «инструмента противодействия» преступлениям в сфере электронной коммерции. В итоге сделано множество предложений по изменению УК и ряда иных отраслевых кодексов в плане повышения эффективности противодействия криминальным и иным противоправным посягательствам в области электронной коммерции. Следует обратить внимание и на авторское видение перспектив применения имущественных наказаний за преступления экономического характера [7, с. 515–525], а также рассмотрение конфискации и иных мер уголовно-правового воздействия в качестве «регуляторов» экономических отношений [7, с. 526–547].

С другой стороны, в работе А.Ю. Чупровой (как, впрочем, и ряда других исследователей) нередко встречаются спорные моменты.

Прежде всего, следует обратить внимание на непоследовательность при определении самой электронной коммерции. Например, несколько неожиданно в качестве цели электронной коммерции названо «получение выгоды личного или имущественного характера» [7, с. 48]. Полагаем, что институциональным признаком любой коммерческой деятельности является как раз стремление получить имущественную выгоду, прежде всего прибыль. Без этого коммерция – уже не коммерция, а все что угодно иное.

Кстати, А.Ю. Чупрова сама справедливо замечает, что «преступления в сфере электронной коммерции экономически мотивированы и направлены на получение выгоды» [7, с. 167]. Так что выделение в качестве цели коммерции достижения выгоды «личного характера» вряд ли оправданно, в том числе и в преступлениях, «затрагивающих интересы личности». Например, при обороте порнографических материалов через телекоммуникационные сети их изготовитель и/или распространитель стремится получить как раз имущественные выгоды, в то время как получатель (покупатель) таких материалов преследует совершенно иные цели.

В работе А.Ю. Чупровой к предметам преступлений в сфере электронной коммерции отнесены «товары, работы и услуги», как находящиеся в свободном гражданском обороте, так и ограниченные в обороте, «которые могут быть предоставлены как в виртуальном пространстве, так и в офлайн-среде» [7, с. 62–65, 196]. Само по себе это верно, но возникает вопрос: а куда из этого перечня исчезли товары, работы и услуги, прямо запрещенные в обороте, например все те же порнографические материалы с использованием изображений несовершеннолетних лиц?

Не является тайной тот факт, что многие исследователи в качестве одной из задач (а нередко и целей) проводимых исследований заявляют многочисленные изменения уголовного (и не только) законодательства. Не удалось этого «избежать» и А.Ю. Чупровой. Несмотря на то, что большинство этих предложений «разумны», и здесь случился определенный «пересол», особенно в плане предлагаемой криминализации новых деяний в сфере компьютерной информации.

Мы разделяем позицию о том, что основанием криминализации таких деяний является причинение вреда именно самой компьютерной информации как самостоятельному объекту уголовно-правовой охраны (см. перечень альтернативных последствий в преступлениях, предусмотренных ст. 272–274 УК РФ). Если криминальное «манипулирование» компьютерной информацией осуществляется в иных целях, то оно является способом совершения другого преступления (например, при мошенничестве), точно так же, как незаконное проникновение в жилище является способом совершения кражи или грабежа. Поэтому предлагаемая криминализация «неправомерного доступа к компьютерной информации государственных или муниципальных органов или учреждений» (ст. 272.1 УК РФ), «незапрашиваемых

массовых рассылок электронных сообщений» (ст. 273.1 УК РФ), «подстрекательства или пособничества в совершении преступления с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей» (ст. 273.2 УК РФ) и пр. не может быть признана обоснованной, т.к. в основных составах предлагаемых норм никакого вреда самой компьютерной информации не предусматривается.

Наконец, А.Ю. Чупровой в ряде предлагаемых новых норм УК предполагается законодательный прием криминализации в виде административной преюдиции [7, с. 147–151, 215]. Полагаем, что административное правонарушение, обладающее «нулевым» признаком общественной опасности, не может «стать» преступлением даже при многократном его повторении. Опасность административной преюдиции для уголовного закона заключается не только (а может, и не столько) в отсутствии формальных оснований криминализации проступка, а в том, что «поле действия» уголовного права может стать безграничным. Таким образом, административная преюдиция явля-

ется инструментом совершенно необоснованной криминализации, вопиющим нарушением принципа справедливости, как он сформулирован в ст. 6 УК РФ.

Тем не менее, следует заметить, что приведенные критические высказывания не снижают общей высокой оценки работы А.Ю. Чупровой, ставшей, по существу, первым в отечественной доктрине «полноценным» исследованием проблем уголовно-правовой охраны интересов электронной коммерции. Полагаем, что данная работа и работы других авторов внесли свой положительный вклад в обоснование нового подхода к решению проблем, связанных с широким внедрением информационных технологий в отечественные социально-экономические реалии. Результаты этих исследований могут (а лучше – должны) быть использованы при совершенствовании государственной политики в области борьбы с новыми видами преступности (возникшими на фоне информатизации всех сторон общественной жизни), а также в законотворческой и правоприменительной деятельности.

1. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007.

2. Дмитриев О.В. Понятие экономической преступности в современной криминологии // Адвокатская практика. 2005. № 4.

3. Зувев А., Мясникова Л. Электронный рынок и «новая экономика» // Вопросы экономики. 2004. № 2.

4. Измайлова Е.Н. Информация в коммерческих отношениях // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11: Право. 2005. № 1.

5. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М., 2006.

6. Нугаев Ш.Р. Проблемы правового регулирования электронной коммерции: доктринальные аспекты // Рос. юрид. журн. 2010. № 2.

7. Чупрова А.Ю. Уголовно-правовые механизмы регулирования отношений в сфере электронной коммерции: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.

1. Volzhenkin B.V. Crimes in the sphere of economic activity under Russian criminal law. St. Petersburg, 2007.

2. Dmitriev O.V. The concept of economic crime in contemporary criminology // Advocate practice. 2005. № 4.

3. Zuev A., Myasnikova L. Electronic market and «new economics» // Questions of economics. 2004. № 2.

4. Izmaylova E.N. Information in commercial relations // Bull. of Moscow university. Ser. 11: Law. 2005. № 1.

5. Lopashenko N.A. Crimes in the sphere of economy: the author's commentary of criminal law (section VIII of the Criminal code of the Russian Federation). Moscow, 2006.

6. Nugaev Sh.R. Problems of legal regulation of e-commerce: doctrinal aspects // Russian juridical journal. 2010. № 2.

7. Chuprova A.Yu. Criminal-law mechanisms for regulation of relations in the sphere of e-commerce: diss. ... Dr of Law. Moscow, 2015.

Минязева Татьяна Федоровна

доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
 Юридического института
 Российского университета дружбы народов
 (тел.: +74954344112)

В чем причина неэффективности уголовно-правовых превенций в сфере незаконного оборота наркотических средств?

В статье подчеркивается, что превенции борьбы с незаконным распространением наркотических веществ неизбежно сталкиваются с неразрешимым противоречием между законностью их приобретения в полезных целях для одних людей и установлением запрета на их приобретение для других людей. Автор обосновывает позицию, согласно которой современное общество уже в критическом состоянии, поэтому меры профилактического характера за оборотом наркотиков должны быть жесткими. Предлагается ограничить до минимума круг лиц, имеющих право на производство наркосодержащих веществ и доступ к ним, посредством учета и контроля за их производством и распределением. Предлагается также внести изменения в УК РФ в части рассматриваемых вопросов.

Ключевые слова: превенции, незаконный оборот наркотиков, меры уголовно-правового характера, медицинские цели, укрывательство.

T.F. Minyazeva, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia; tel.: +74954344112.

What is the reason for the ineffectiveness of crime prevention measures against illicit drug trafficking?

It is emphasized in the article that the preventions against illicit spread of drugs are inevitably faced with the insoluble contradiction between legality of their purchase for purposes of one category of people and prohibition of purchase for another. The author substantiates the position that today's society is already in the critical condition, and preventive measures for drug trafficking should be severe. It is proposed to limit to a minimum the number of persons eligible for the production of narcotic substances and access to them by recording and control over its production and distribution. It is also proposed to amend the Criminal code of the Russian Federation regarding the considered issues.

Key words: prevention measures (preventions), illicit drug trafficking, measures of criminal law nature, medical purposes, concealment of crime.

Потребление наркотиков по-прежнему влечет за собой значительные потери, лишая многих людей самого ценного – жизни, или сокращение ее продуктивной составляющей. Так, в 2012 г. было зарегистрировано около 183 тыс. смертей, связанных с наркотиками. Этой цифре соответствует уровень смертности, составляющий 40 смертей на миллион человек в возрасте 15–64 лет. По оценкам 2012 г., во всем мире какие-либо запрещенные наркотики – преимущественно из группы каннабиса, опиоидов, кокаина или стимуляторов амфетаминового ряда – хотя бы один раз в течение года потребляли от 162 до 324 млн человек, что соответствует 3,5–7,0% мирово-

го населения в возрасте 15–64 лет. Масштабы проблемного наркопотребления – среди хронических наркопотребителей и лиц, страдающих какими-либо расстройствами вследствие наркопотребления или наркозависимостью, – сохраняются на уровне 16–39 млн человек [1].

Согласно данным статистики о социальной наркомании в России постоянно употребляют наркотики около 6 млн человек, свыше 500 тыс. – официально установленных наркозависимых людей, добровольно вставших на медицинский учет. Наркологические клиники в состоянии ежегодно излечивать не более 60 тыс. человек. Согласно статистическим данным 2014 г. более 60% наркоманов – моло-

дые люди в возрасте от 17 до 35 лет, 20% – дети, школьники, и только 15% – люди старше 35 лет, средний возраст наркоманов в последние годы резко снизился с 18 лет до 13 лет. Зарегистрированы случаи употребления наркотиков детьми в возрасте 5–7 лет. Средняя продолжительность жизни наркомана после начала употребления наркотика не превышает 5 лет. Увеличилось число смертей от наркотической зависимости среди детей в 50 раз, среди людей старшего возраста – в 20 раз [2].

Масштаб злоупотреблений наркотическими средствами и психотропными веществами в современном мире, обусловленный процветанием организованной преступности в сфере их незаконного оборота, позволяет ввести в научный оборот понятие «наркопсихотропоакты», под которыми в самом общем виде можно понимать незаконное распространение наркотических средств и психотропных веществ, как правило, осуществляемое преступными организациями или сообществами. Это социальное явление современной действительности. Основная причина его процветания состоит в том, что оборот наркотических средств и психотропных веществ необходим человеку в медицинских, т.е. полезных целях. Например, лекарство с экстрактом конопли, выпускаемое в виде спрея, может использоваться для лечения пациентов, страдающих от рассеянного склероза.

Чешский государственный институт, осуществляющий контроль за лекарствами, официально разрешил препарат, в котором содержится экстракт конопли, Чехия стала восьмой страной Евросоюза, разрешающей это лекарство. Официальное разрешение в стране препарата с экстрактом конопли – первый шаг к медицинскому использованию каннабиноидов. Другие препараты используют при анестезии. Кокаин является сильнейшим болеутоляющим и сосудосуживающим средством. Например, ребенку, сильно разбившему себе колени или голову, полезно сразу растереть лицо кокаином. Химический состав запрещенного наркотика делает этот порошок сильным средством для анестезии, которое начинает действовать меньше чем за две минуты. Как сосудосуживающее вещество, кокаин способен значительно уменьшить или вовсе прекратить кровотечение. Педиатры рекомендуют применять кокаин для лечения детских порезов. Укол ТАС (тетракаин, адреналин, кокаин) почти безболезненный, в отличие от обычного анестетика, эта смесь не деформирует и не искажает рану, уменьшает шансы появления шрамов. Героин хорошо

помогает роженицам. Национальная система здравоохранения Великобритании рекомендует героин всем роженицам, которые мучаются при схватках, и людям, тяжело восстанавливающимся после операций. Полезные свойства наркотических средств можно продолжить. Отказаться от их производства и необходимого оборота (полезного применения) общество не может, а поэтому необходимо устанавливать жесткие пределы доступа к ним! Из сказанного следует, что превенции борьбы с незаконным распространением наркотических веществ неизбежно сталкиваются с неразрешимым противоречием между законностью их приобретения в полезных целях для одних людей и установлением запрета их приобретения для других людей, желающих удовлетворить собственные амбиции, следствием которых является наркозависимость, вызывающая их широкий спрос и процветание.

Наркозависимость (наркомания) – сложно поддающаяся лечению болезнь, характеризующаяся непреодолимым самим человеком пристрастием к потреблению соответствующих веществ, формирующая психическую и физическую зависимость от них.

Печально я гляжу на неспособность государства ограничить до минимума круг лиц, имеющих право на производство наркосодержащих веществ и доступ к ним, посредством учета и контроля за их производством и распределением.

Общество уже в критическом состоянии, и меры профилактического характера за оборотом наркотиков должны быть жесткими. Сегодня надо прямо и однозначно определиться по вопросу о принципиальной возможности ограничения прав человека к доступу наркосодержащих средств и психотропных веществ. Превентивные меры должны быть связаны с ограничением прав и свобод человека. Представляется своевременным, а скорее «еще позавчера», установление секретности на разглашение лицами, занятыми на производстве наркотических веществ, своей профессии, ограничение числа фармацевтов, имеющих доступ к этим веществам, и т.п. В медицинских учреждениях должна быть строгая отчетность на использование наркотических веществ.

Меры противодействия незаконному наркообороту в целях предотвращения «наркопсихотропоактов» должны носить комплексный характер. Основное средство противодействия – создание отсутствующей сегодня шкалы нравственных ценностей в сознании большинства общества.

Люди в наши дни испытывают самые драматичные моральные перегрузки.

А, как известно, человечество существует только потому, что ему присуще понимание различия между добром и злом, между святостью и грехом.

Современная цивилизация начала отказываться от этих понятий, делая акцент на свободе человеческой личности. В современной либеральной философии отсутствует понятие греха, есть лишь плюрализм поведенческой модели: любое поведение считается оправданным и допустимым, если оно не нарушает свободу другого человека. В результате такого подхода стирается граница между добром и злом [3].

Один из руководителей и идеологов движения за независимость Индии от Великобритании, проповедовавший философию ненасилия, Ганди Мохандас Карамчанд в начале прошлого столетия подметил, что «цивилизация в подлинном смысле слова состоит не в умножении потребностей, а в свободном и хорошо продуманном ограничении своих желаний» [4, с. 247].

Отсутствие необходимых экономических и политических предпосылок для ликвидации «наркосихотропоактов», этого зла в разных регионах мира не позволит покончить с этим социальным злом в глобальном масштабе. Согласно прогнозам социологов, психологов, психиатров, других специалистов будущие социальные реалии, отодвинувшие на третий-пятый план создание современной идеологии, приведут только к росту оборота наркотических веществ, как средства наживы для одних и катастрофы для общества в целом.

Обострение борьбы за сферы влияния между различными социальными силами, политическими идеологиями, блоками, союзами, международными организациями, в том числе этнического и религиозного характеров, стремление применения в этой борьбе таких мер, как одурманивание населения, особенно молодежи – препятствие развитию общества.

Россия проявляет обеспокоенность постоянным наличием реального прогрессирующего роста незаконного оборота наркотических веществ, угрожающего национальной безопасности. Еще древнегреческий философ Плутарх отмечал, что «наука и воспитание совершенствуют нашу природу, приучают ее к разумной умеренности и отвращению к излишествам». А именно науке и воспитанию в России на деле не уделяется должного внимания. Нормы УК РФ, призванные решать превентивные зада-

чи, можно оценить как «прямые образующие силы современной противоречивой нравственной действительности», когда, по выражению В.В. Путина, обществу «не хватает общей культуры и морально-нравственных ограничений».

Меры уголовно-правового характера – вспомогательное средство борьбы с преступностью в целом и противодействия незаконному обороту наркотических средств в частности.

Уголовный закон, как известно, принимается для того, чтобы предупредить совершение преступлений под угрозой наказания. Наказания (иные меры уголовно-правового характера) – наиболее строгие принудительные меры.

В степени строгости наказаний, установленных за то или иное преступление, неотвратимости их применения (включая надлежащее исполнение) за каждое совершенное преступление и представляется сила предупредительного воздействия уголовного закона. Однако еще известный (голландский, нидерландский) философ-рационалист эпохи Нового времени Бенедикт Спиноза во второй половине XVII в. подметил: «Тот кто хочет все регулировать законами, тот скорее возбудит пороки, нежели исправит их».

Заметим, что в России установлены строгие санкции за преступления, связанные с незаконным наркооборотом (ст. 228–233 УК РФ). Обобщение составов преступлений, содержащихся в этих статьях (31 норма), показало, что 21 один из них относится к категории тяжких (11) и особо тяжких (10), 7 составов сконструированы как преступления небольшой тяжести, 3 относятся к преступлениям средней тяжести. В санкциях 22 составов установлено в качестве основного наказания только лишение свободы, из них в санкциях 9 норм с особо тяжкими составами преступлений и максимальным пределом лишения свободы в 15, 20 лет минимальные пределы лишения свободы – 8, 10, 15 лет. Мы часто говорим о том, что террористические акты приводят к развитию непредсказуемых последствий. Последствия незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ еще более непредсказуемы, они губят здоровье будущего поколения, влияют на рождаемость, рушат семьи, способствуют увеличению смертности молодежи и пр., рассматриваемые преступления не менее опасны, закон их так и оценивает. Вместе с тем, полагаю целесообразным: из составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228 и 231, ст. 228.3 исключить штраф в качестве основного вида наказания; не оправданными представляются и сроки лишения свободы от 8–10–15 до 15–20

лет, установленные в санкциях ч. 2 ст. 228, ч. 3–5 ст. 228.1, ч. 2 и 3 ст. 229, ч. 3 и 4 ст. 229.1, ч. 3 ст. 230. Санкции за данные преступления с максимальным пределом до 12 лет и интервалом между низшим и высшим пределом в 5 лет вполне достаточны. Это оставляет рассматриваемые преступления в категории особо тяжких и отличает их от преступлений насильственного характера с неизбежным умышленным причинением смерти другому человеку. Не следует, на наш взгляд, лицам, совершившим тяжкие или особо тяжкие преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, применять условное осуждение. Назрела необходимость лицам, отбывающим лишение свободы за незаконный оборот наркотиков, как и лицам, отбывающим это наказание за террористическую деятельность, установить и более длительные сроки, необходимые для отбывания наказания при решении вопроса о представлении их к условно досрочному освобождению – после фактического отбытия не менее трех четвертей назначенного срока наказания.

В ст. 316 УК РФ следует оговорить ответственность за укрывательство всех преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Полагаю разумным дополнить ст. 78 УК РФ следующим положением: «вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, решается судом. Если суд не сочтет возможным освободить указанное лицо от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, то срок наказания в виде лишения свободы не должен превышать семь лет». Оправдано с позиций реализации принципа неотвратимости ответственности за рассматриваемые преступления отказаться и от поощрительных норм в ст. 228 и 233 об освобождении от уголовной ответственности. Вполне возможно при наличии указанных в них обстоятельств освобождать лиц, признанных виновными в незаконном обороте наркотиков, от наказания. Для этой категории лиц сам суд, признание их преступниками и судимость могут оказаться достаточно превентивными мерами.

1. *Всемирный доклад о наркотиках – 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.unodc.org/wdr2014/press/V1403602_russian.pdf. (дата обращения: 09.10.2015).*

2. *Лечение наркомании возможно. Реабилитационный центр Витязь. Страна живых [Электронный ресурс]. URL: <http://vesemstop.ru> (дата обращения: 09.10.2015).*

3. *Доклад Митрополита Волоколамского, Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата Илариона на XX Международных Рождественских чтениях. 23 января 2012 г. «Нравственные ценности и будущее человечества» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/> (дата обращения: 09.10.2015).*

4. *Ганди М.К. Речь в Бенаресском индусском университете Y1 6-2-916 // Ганди Мохандас Карамачанд (1869–1948). Моя жизнь. М., 1969.*

1. *World drug report – 2014 [Electronic resource]. URL: http://www.unodc.org/wdr2014/press/V1403602_russian.pdf. (date of access: 09.10.2015).*

2. *Addiction treatment is possible. Rehabilitation center Knight. Country living [Electronic resource]. URL: <http://vesemstop.ru> (date of access: 09.10.2015).*

3. *Report of the Metropolitan Volokolamsky, Chairman of the Department for External Church Relations of Moscow Patriarchate, Metropolitan Hilarion at the XX International Christmas readings. January 23, 2012 «The moral values and the future of humanity» [Electronic resource]. URL: <http://www.patriarchia.ru/> (date of access: 09.10.2015).*

4. *Gandhi M. Speech in the Benares Hindu University 6-2-916 Y1 // Gandhi Mohandas of Karamchand (1869–1948). My life. Moscow, 1969.*

Сидоренко Элина Леонидовна

доктор юридических наук, доцент,
 профессор кафедры уголовного права,
 уголовного процесса и криминалистики
 Московского государственного института (университета)
 международных отношений МИД России
 (e-mail: 12011979@list.ru)

Особенности квалификации преступлений преюдиционного характера

В статье поднимается проблема целесообразности введения в российское уголовное законодательство института административной преюдиции и определяется алгоритм квалификации ряда преюдиционных преступлений. Основное внимание уделено решению вопросов, связанных с началом процессуальных сроков привлечения лица к административной ответственности и рассмотрением частных вопросов квалификации. Изучение решений судов и доктринальных позиций позволило автору сформулировать ряд выводов относительно противоречивости законодательных конструкций некоторых статей УК РФ.

Ключевые слова: административная преюдиция, уголовная ответственность, преюдиционные нормы, дифференциация ответственности, индивидуализация наказания, привлечение к административной ответственности, повторность, постановление по делу об административном правонарушении, сроки давности привлечения к административной ответственности.

E.L. Sidorenko, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry; e-mail: 12011979@list.ru

Peculiarities of qualification of prejudicial nature crimes

The author is considering the feasibility of introducing into the Russian criminal law institute of administrative prejudice and determined by the algorithm qualification series prejudicial crimes. Emphasis is placed on addressing issues related to the beginning of the procedural deadlines person brought to administrative responsibility and consideration of particular issues of qualification. The study of court decisions and doctrinal positions allowed the author to formulate a number of conclusions regarding the inconsistency of legislative structures of some articles of the Criminal code of the Russian Federation.

Key words: administrative prejudice, criminal liability, prejudicial rules, differentiation of responsibility, individualization of punishment, bringing to administrative responsibility, replication, decision in a case concerning an administrative offense, terms of limitation of bringing to administrative responsibility.

Возвращение в отечественное уголовное законодательство института административной преюдиции было неоднозначно встречено учеными и практиками.

Сторонники ее введения видят в административной преюдиции возможность обеспечения гибкости правового воздействия на правонарушителя. Как отмечено в Концепции развития российского законодательства, «дальнейшая дифференциация уголовной ответственности, определение условий обоснованной индивидуализации применения мер наказания является основной тенденцией развития уголовно-правового регулирования в XXI столетии» [1, с. 58]. При этом в качестве оптимальных средств согласования административных и уголовно-правовых санкций авторы концепции называют расширение сферы

административной преюдиции, внедрение в УК РФ поощрительных норм и «привязку» санкций к отраслевому законодательству.

В числе дополнительных аргументов в пользу введения и расширения административной преюдиции в УК РФ указывается на необходимость сближения положений охранительного законодательства [2, с. 103]; потребность в разработке модели уголовного проступка, прообразом которого могут стать нормы преюдиционного характера [3, с. 578; 4, с. 6].

Не менее обоснованными и аргументированными выглядят и доводы противников включения в УК РФ норм преюдиционного характера. Они, как правило, указывают на высокий риск размывания границ между преступлением и правонарушением. Сущность института административной преюдиции, по их мнению, состо-

ит в том, что состав преступления образуется за счет признаков административного правонарушения, а в качестве критерия разграничения преступления и проступка выступает факт предшествующего наложения административного взыскания. Однако административное правонарушение, сколько бы оно ни повторялось, не приобретает существенных признаков преступления [5, с. 3; 6, с. 27].

На страницах юридической литературы сторонники и противники введения рассматриваемого института достаточно подробно изложили свои аргументы и контраргументы, большинство из которых так или иначе касаются вопроса о том, что важнее: сохранение «отраслевой чистоты» уголовного законодательства или повышение эффективности правоохранительной деятельности за счет перераспределения репрессивного ресурса. Не повторяя известных аргументов на этот счет, отметим, что состав с административной преюдицией уже поздно рассматривать с позиции возможности его введения в УК РФ.

В настоящее время, когда преюдиционные нормы в УК РФ стали обычным явлением, вопрос о необходимости развития института административной преюдиции потерял свою первоначальную значимость. Для современной практики гораздо более актуальной и значимой является проблема выработки алгоритма квалификации такого рода преступлений и определение той грани, за рамками которой правонарушение переходит к разряд уголовно наказуемых деяний.

В действующем УК РФ предусмотрено несколько составов преступлений с административной преюдицией: ст. 151.1 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции», ст. 212.1 «Неоднократное нарушение установленного порядка организации и проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования», ст. 215.4 «Незаконное проникновение на охраняемый объект», ст. 284.1 «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности», ст. 264.1 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» и ст. 314.1 «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничений».

К составам с так называемой скрытой (неочевидной) административной преюдицией следует отнести ст. 154 «Незаконное усыновление (удочерение)» и ст. 180 «Незаконное ис-

пользование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)».

Несмотря на то, что в каждой из перечисленных выше норм содержится преюдиционный элемент, они существенно отличаются друг от друга по юридической конструкции. В одних составах условием наступления уголовной ответственности называется повторное совершение деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние в период, когда оно считается подвергнутым административному наказанию (ст. 151.1, ст. 215.4 и ст. 264.1 УК РФ). В других говорится о привлечении лица за совершение аналогичных деяний к административной ответственности (ст. 212.1). И, наконец, в третьих составах законодатель ограничивается указанием на неоднократность незаконных действий и не проводит различий между фактической и юридической повторностью правонарушений (ст. 154 и ст. 180 УК РФ).

Непоследовательность в нормативном оформлении преюдиционных норм (норм, содержащих элемент административной преюдиции) ставит перед юридической практикой ряд сложных проблем, одной из которых является определение момента, с которого лицо считается привлеченным к административной ответственности.

Решение этого вопроса напрямую связано с оценкой охранительных административных отношений.

Согласно положениям КоАП правонарушитель приобретает статус лица, привлекаемого к административной ответственности, с момента составления протокола. Но юридическим основанием для его привлечения к административной ответственности является не протокол, а постановление по делу об административном правонарушении. Вынесение соответствующего постановления является первоначальным этапом реализации административного наказания.

Указание на привлечение лица к административной ответственности за совершение административного правонарушения более одного (или двух) раз в течение определенного времени как на условие уголовной ответственности ставит перед судебной практикой вопрос о том, с какого срока следует исчислять время привлечения к административной ответственности (ст. 212.1 УК РФ).

Согласно ст. 4.5 КоАП РФ сроки давности привлечения к ответственности исчисляются с момента совершения административного правонарушения до вынесения постановления по делу. Из этого положения можно сделать вывод, что именно постановление по делу является юридическим фактом привлечения к

административной ответственности. Вопрос, однако, заключается в том, с какого времени начинает исчисляться этот срок: с момента вынесения постановления или его вступления в юридическую силу.

В судебной практике этот вопрос не имеет однозначного решения.

Так, в одном из решений суд, анализируя положения ст. 4.6 КоАП РФ, пришел к выводу о том, что для установления повторности лицо на момент совершения правонарушения должно быть уже подвергнутым административному наказанию, постановление по делу должно быть вынесено и вступить в юридическую силу [7].

В другом решении суда, напротив, отмечается, что первостепенное значение должно придаваться факту неоднократного привлечения лица к административной ответственности независимо от того, вступили ли соответствующие постановления об этом ко времени принятия решения в законную силу [8].

Таким образом, в судебной практике момент привлечения лица к административной ответственности связывается либо со временем вынесения соответствующего постановления, либо с моментом вступления его в юридическую силу.

Последняя позиция, на наш взгляд, имеет под собой веские основания. Достаточно указать на то, что согласно ст. 4.6 КоАП РФ срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, исчисляется не со дня вынесения, а со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания.

Правильность этого подхода подтверждается и решением Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда. Разъясняя порядок применения ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, он указал, что привлечение к административной ответственности состоит в назначении лицу, совершившему административное правонарушение, наказания, предусмотренного соответствующим законом.

Согласно ст. 31.1 КоАП постановление по делу вступает в законную силу: 1) после истечения срока, установленного для обжалования постановления по делу об административном правонарушении, если указанное постановление не было обжаловано или опротестовано; 2) после истечения срока, установленного для обжалования решения по жалобе, протесту, если указанное решение не было обжаловано или опротестовано, за исключением случаев, если решением отменяется вынесенное постановление; 3) немедленно после вынесения не подлежащего обжалованию решения по жалобе, протесту, за исключением случаев, если решением отменяется вынесенное постановление.

Если рассматривать сроки, отводимые на рассмотрение жалобы (ч. 1.1 ст. 30.5 КоАП РФ), время рассмотрения судьей протокола об административном правонарушении (ч. 1.1 ст. 29.6 КоАП РФ) и предшествующие этому сроки составления протокола и направления его на рассмотрение, получается, что решение до жалобы может приниматься по истечении общих сроков давности привлечения к административной ответственности (двух месяцев, а по делу об административном правонарушении, рассматриваемом судьей, – трех месяцев (ч. 1 ст. 4.5)). А в силу того, что сроки рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении (ст. 30.5 КоАП РФ) могут быть продлены, истечение сроков давности кажется еще более вероятным.

Поскольку постановление по делу об административном правонарушении в случае его обжалования может вступить в силу только после вступления в силу решения по жалобе [9], становится очевидным, что лицо, фактически совершившее в течение установленного в статье Особенной части УК РФ срока два и более административных правонарушения, «не успевает» быть дважды привлеченным к административной ответственности. Особенно это касается ст. 212.1 УК РФ, где условием наступления уголовной ответственности признается совершение лицом более двух административных правонарушений в течение 6 месяцев.

Предвидя фактические трудности привлечения лица к уголовной ответственности за повторное совершение административного правонарушения, некоторые судьи искусственно переносят момент признания лица привлеченным к административной ответственности на время вынесения постановления по делу об административном правонарушении [7].

Эту позицию легко понять, но сложно подержать, если закладывать в понятие административной повторности подход судов к оценке уголовно-правовой повторности. Ясность в решение этого вопроса внесло постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», согласно которому «впервые совершившим преступление следует считать, в частности, лицо: а) совершившее одно или несколько преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или несколькими статьями УК РФ), ни за одно из которых оно ранее не было осуждено; б) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу; в) предыдущий приговор в отношении которого

на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости); г) предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено; д) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности» [10].

Трансформируя положения ч. 2 постановления на составы с административной преюдицией, можно предположить, что ранее совершенное административное правонарушение должно учитываться судом только тогда, когда соответствующее постановление по делу вступило в юридическую силу.

Таким образом, в случаях привлечения к уголовной ответственности по ст. 212.1 УК РФ суд должен исходить из срока, высчитываемого не с момента совершения первого проступка, а с момента вступления в силу первого из двух (или) более постановлений по делу об административном правонарушении.

Что же касается возможного истечения сроков привлечения к административной ответственности в период обжалования постановления, то согласно п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса РФ об административных правонарушениях» «истечение сроков привлечения к административной ответственности не влечет за собой его отмену и прекращение производства по делу, если для этого отсутствуют иные основания» [11].

Значительно меньше вопросов вызывает конструкция, используемая в ст. 151.1, ст. 215.4 и ст. 264.1 УК РФ. Здесь наступление уголовной ответственности связывается со временем, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию.

В этих случаях прямому применению подлечит ст. 4.6 КоАП, согласно которой лицо считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления.

Если исходить из того, что вступление в силу постановления по делу об административном правонарушении является одновременно и временем привлечения лица к административной ответственности, и началом отбытия им

административного наказания, возникает вопрос о целесообразности использования различных законодательных конструкций для описания одного и того же юридического явления.

Единственно возможным оправданием данного разделения может служить необходимость определения конечного срока для зачета ранее совершенного правонарушения.

Если в конструкции ст. 212.1 УК РФ этот срок составляет 180 дней с момента вступления в силу первого из вынесенных постановлений по делу, то в ст. 151.1, ст. 215.4 и 264.1 УК РФ – 1 год со дня окончания исполнения наказания.

Например, ст. 14.16 КоАП за розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции предусматривает наказание в виде административного штрафа. Следовательно, конечным сроком, в течение которого лицо будет считаться подвергнутым административному наказанию, будет считаться время полной выплаты штрафа.

Аналогичным образом следует подходить к исчислению сроков привлечения к административной ответственности по ст. 20.17 КоАП РФ «Нарушение пропускного режима охраняемого объекта», где наказание за самовольное проникновение на подземный или подводный объект, охраняемый в соответствии с законодательством Российской Федерации о ведомственной или государственной охране, наказывается штрафом в размере от семидесяти пяти тысяч до двухсот тысяч рублей с конфискацией орудия совершения административного правонарушения. Однако в этом случае альтернативным наказанием выступает административный арест на срок до пятнадцати суток с конфискацией орудия совершения административного правонарушения или без таковой, в связи с чем возникает вопрос о предельном сроке исчисления времени, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию.

По общему правилу административный штраф должен быть уплачен в полном размере лицом, привлеченным к административной ответственности, не позднее шестидесяти дней со дня вступления постановления о наложении административного штрафа в законную силу (ст. 32.2 КоАП РФ).

Что же касается административного ареста, то соответствующее постановление судьи исполняется органами внутренних дел немедленно после вынесения такого постановления (ст. 32.8 КоАП РФ).

На основе несложных подсчетов можно заключить, что в зависимости от того, какой вид административного наказания будет назначен, будет зависеть преюдиционный срок. Если назначен штраф, то время, принимающееся в

расчет при определении уголовной противоправности деяния, будет исчисляться по формуле: событие преступление + 60 дней исполнения наказания + 1 год. В случае назначения административного ареста эта формула выглядит иначе: событие преступление + 15 суток исполнения наказания + 1 год.

Таким образом, с точки зрения уголовного права лицо, которое было подвергнуто административному аресту, находится в гораздо более выгодном положении, чем лицо, совершившее аналогичное деяние и понесшее наказание в виде административного штрафа.

В данном случае усматривается нарушение принципа равенства граждан перед уголовным законом, равно как и в случае отсрочки отбывания административного наказания.

В соответствии со ст. 31.5 КоАП РФ при наличии обстоятельств, вследствие которых исполнение постановления о назначении административного наказания в виде административного ареста, лишения специального права, принудительного выдворения за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства или в виде административного штрафа невозможно в установленные сроки, судья, орган, должностное лицо, вынесшие постановление, могут отсрочить исполнение постановления на срок до одного месяца.

Значит ли это, что должен быть увеличен и срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию и, следовательно, может быть привлечено к уголовной ответственности? По общему смыслу закона – да.

Фактически складывается ситуация, когда определение признака уголовной наказуемости деяния зависит от усмотрения судьи, органа или должностного лица, вынесшего постановление об отсрочке, а не от предписаний уголовного законодательства. В этом случае усматривается нарушение не только принципа равенства лиц, обладающих равным правовым статусом и совершивших аналогичные правонарушения, но и принципа законности.

Говоря об исчислении сроков, в течение которых лицо может быть подвергнуто уголовной ответственности за совершение повторного правонарушения, нельзя не упомянуть ст. 154 и ст. 180 УК РФ, где указывается на неоднократное совершение правонарушений без ссылки на нормы КоАП РФ.

На первый взгляд, буквальное прочтение этих норм позволяет говорить об отсутствии в них преюдиционного компонента. По утверждению И.А. Головизиной, «для привлечения лица к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, не требуется постановления об ад-

министративном правонарушении, предусмотренном ст. 14.10 КоАП РФ. Таким образом, сам факт незаконного использования товарного знака рассматривается не как правонарушение, а как часть продолжаемого единичного преступления, состоящего из нескольких актов незаконного использования товарного знака» [12, с. 15].

С этим мнением, пожалуй, можно было бы согласиться, если бы в КоАП РФ не была предусмотрена ст. 14.10, практически полностью повторяющая диспозицию ст. 180 УК РФ.

В связи с тождеством юридических признаков административно и уголовно наказуемых деяний возникает ряд закономерных вопросов. Если один из этапов единого продолжаемого преступления содержит в себе законченный состав административного правонарушения, стоит ли говорить об отсутствии административной преюдиции? Будет ли признаваться законным приговор, вынесенный на основании оценки ранее совершенных лицом административных проступков, не получивших соответствующей юридической оценки в виде вступившего в силу постановления по делу об административном правонарушении? Полагаем, что на эти вопросы должен быть дан только отрицательный ответ.

Если же исходить от обратного и связывать уголовную противоправность с совершением лицом деяний, ни за одно из которых оно не было привлечено к административной ответственности, придется существенно расширить границы уголовно-правового воздействия и квалифицировать по ст. 180 УК РФ любые однородные действия, направленные на одинаковые объекты (например, незаконное нанесение маркировки на несколько маек, печатную продукцию, технику и др.).

Аналогичным образом следует квалифицировать и продажу, иное введение в гражданский оборот, хранение и перевозку одного и того же товара, для индивидуализации которого используется чужой товарный знак или обозначение, сходное с зарегистрированным товарным знаком.

Однако данные действия в судебной практике рассматриваются как элементы продолжаемого административного правонарушения и не требуют квалификации по ст. 180 УК РФ.

Так, по мнению суда, сославшегося на п. 8 постановления Пленума ВАС РФ от 17 февраля 2011 г. № 11, из нормы ст. 14.10 КоАП РФ следует, что признаки контрафактности устанавливаются как на момент размещения на товаре и (или) упаковке и т.д. товарного знака или сходного с ним до степени смешения обозначения, так и на момент совершения соответствующего действия, направленного на вве-

дение такого товара в хозяйственный оборот, в том числе на момент ввоза (импорта) товара. При этом данные действия квалифицируются по ст. 14.10 КоАП РФ.

Исходя из духа закона, логично предположить, что совершение различных по характеру действий, направленных на причинение вреда одному и тому же объекту интеллектуальных прав, образует единичное продолжаемое правонарушение и квалифицируется по ст. 14.10 КоАП РФ.

Состав ст. 180 УК РФ (по признаку неоднократности) имеет место тогда, когда лицо уже ранее незаконно использовало средства индивидуализации товаров, но деяние было направлено на нарушение интеллектуальных прав на другой товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товара и др.

А поскольку речь идет о принципиально ином объекте интеллектуальных прав, единственным основанием для его юридического учета в качестве отдельного признака состава является вступление в силу соответствующего правоустанавливающего акта, которым в данном случае является постановление по делу об административном правонарушении.

Если следовать этой логике, закономерным представляется следующий вывод: квалификация деяния по ст. 180 УК РФ возможна в случаях, когда лицо совершило второе однородное правонарушение в течение года с момента исполнения постановления о назначении административного наказания. Аналогичным образом следует подходить и к квалификации действий по ст. 154 УК РФ.

Не меньше проблем вызывает и ст. 264.1 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию».

В отличие от общего правила, согласно которому административная преюдиция имеет место тогда, когда лицо совершает аналогичное преступление в указанные законом сроки, в этой норме повторность имеет несколько искаженный характер и связывается с одним из следующих событий:

прежнее привлечение лица к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения;

прежнее привлечение лица к административной ответственности за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Второе из названных условий вызывает вполне обоснованные возражения со стороны ученых и практиков, ибо ставит наступление уголовной ответственности в зависимость от события, имеющего весьма опосредованное отношение к тому, что лицо в настоящий момент управляет транспортным средством в состоянии опьянения. Фактически закон обязывает правоприменителя предполагать, что лицо, уклонившееся от освидетельствования, находилось в состоянии опьянения, но это предположение не имеет под собой доказательственной базы и потому не должно приниматься во внимание при оценке злостности нарушения правил дорожного движения в ст. 264.1 УК РФ.

О невысоком юридико-техническом качестве ст. 264.1 УК РФ говорит и тот факт, что ее название расходится с содержанием. В названии нормы говорится о нарушении правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, а в содержании одним из условий уголовной противоправности деяния названо наличие у лица судимости, что никак не коррелирует с пониманием административной ответственности.

Однако наиболее дискуссионной по содержанию является ст. 215.4 УК РФ «Незаконное проникновение на охраняемый объект». Согласно ч. 1 данной нормы уголовно наказуемым является незаконное проникновение на подземный или подводный объект, охраняемый в соответствии с законодательством Российской Федерации о ведомственной или государственной охране, совершенное неоднократно.

Характерно то, что в числе квалифицирующих признаков в статье названы совершение того же деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «а» ч. 2) и его сопряженность с умышленным созданием угрозы распространения сведений, составляющих государственную тайну (п. «б» ч. 2). Неясно, однако, что разработчики закона понимают в ч. 2 анализируемой статьи под словосочетанием «то же деяние». Идет ли речь о ст. 20.17 КоАП «Нарушение пропускного режима охраняемого объекта» или о ч. 1 ст. 215.4 УК РФ.

Если исходить из правил построения уголовно-правовых норм, вывод очевиден: ответственность за нарушение пропускного режима, совершенное группой лиц либо сопряженное с угрозой разглашения государственной тайны, предполагает неоднократность, т.е. ранее привлечение лица или группы лиц к административной ответственности, но этот факт установить практически невозможно.

1. Концепция развития российского законодательства / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2014.
2. Устинова Т.Д. Расширение уголовной ответственности за незаконное предпринимательство // Журн. рос. права. 2003. № 5. С. 103–107.
3. Лапина М.А. Оптимальные приемы юридической техники, обеспечивающие согласование системы юридических санкций административно-деликтного и уголовного законодательства // Административное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 575–581.
4. Бавсун М.В., Бавсун И.Г., Тихон И.А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 6–9.
5. Зуев В.Л. Особенности доказывания по делам о преступлениях с административной преюдицией. М., 1995.
6. Гогин А.А. Ответственность за нарушение Федерального закона «О рекламе» // Право и политика. 2004. № 5. С. 27–32.
7. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 27 мая 2014 г. по делу № А74-407/2014. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Апелляционное постановление Московского городского суда от 17 июня 2015 г. по делу № 10-7485/2015. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21 февр. 2006 г. № Ф04-437/2006(19794-А45-20). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
10. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 // Рос. газ. 2013. 5 июля.
11. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса РФ об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 // Рос. газ. 2005. 19 апр.
12. Головизнина И.А. Проблема двусмысленности термина «неоднократность», содержащегося в ст. 180 УК РФ, и пути ее преодоления // Российский следователь. 2006. № 11. С. 15–17.
1. The concept of development of the Russian legislation / resp. ed. T.Ya. Habrieva, Yu.A. Tikhomirov. Moscow, 2014.
2. Ustinova T.D. The expansion of criminal liability for illegal business // Journal of Russian law. 2003. № 5. P. 103–107.
3. Lapina M.A. Optimal methods of legal techniques that harmonize the system of legal sanctions administrative tort and criminal law // Administrative and municipal law. 2015. № 6. P. 575–581.
4. Bavsun M.V., Bavsun I.G., Tikhon I.A. Administrative prejudice and prospects of its application at the present stage // Administrative law and process. 2008. № 6. P. 6–9.
5. Zuev V.L. Features of proof in cases of crimes with administrative prejudice. Moscow, 1995.
6. Gogin A.A. Responsibility for violation of the Federal Law «On Advertising» // Law and politics. 2004. № 5. P. 27–32.
7. Resolution of the Third Appellate Court d.d. May 27, 2014 in case № А74-407/2014. Access from reference legal system «ConsultantPlus».
8. Appeal resolution of the Moscow City Court d.d. June 17, 2015 in case № 10-7485/2015. Access from reference legal system «ConsultantPlus».
9. Resolution of the Federal Arbitration Court of the East Siberian District d.d. Febr. 21, 2006 № F04-437/2006 (19794-A45-20). Access from reference legal system «ConsultantPlus».
10. On application by the courts of legislation regulating the grounds and procedures for exemption from criminal responsibility: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. June 27, 2013 № 19 // Rus. newsp. 2013. July 5.
11. On some issues arising in courts in the application of the Code of Administrative Offences: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. March 24, 2005 № 5 // Rus. newsp. 2005. Apr. 19.
12. Goloviznina I.A. The problem of the ambiguity of the term «repeatedly» contained in art. 180 of the Criminal code of the Russian Federation, and ways to overcome // Russian investigator. 2006. № 11. P. 15–17.

Коростылев Олег Иванович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(e-mail: ok-stavropol@yandex.ru)

Уголовная ответственность за преступления против трудовых прав личности по законодательству зарубежных стран

В статье излагаются результаты сравнительно-правового исследования уголовно-правовых за- претов на нарушение трудовых прав личности в законодательстве иностранных государств. Рас- сматриваются отдельные положения уголовных кодексов стран ближнего и дальнего зарубежья.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, состав преступления, конститу- ционные права, трудовые права.

O.I. Korostylev, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Federal University; e-mail: ok-stavropol@yandex.ru

Criminal liability for crimes against the labour rights of personality under the laws of foreign countries

The article presents the results of comparative legal studies criminal law prohibitions on the violation of labor rights of the individual in the legislation of foreign states. Separate provisions of criminal codes of the countries of the FSU and beyond are considered.

Key words: crime, criminal responsibility, corpus delicti, constitutional rights, labour rights.

Международно-правовые предписания о необходимости обеспечения трудовых прав личности являются предпосылкой для включения соответствующих норм в национальное уголовное законодательство. Такой подход к юридической охране данных общественных отношений реализован не только в Российской Федерации – он является довольно распространенным в целом ряде зарубежных государств. Прежде всего, уголовная ответственность за нарушения трудовых прав личности характерна для стран ближнего зарубежья, в которых в силу известной исторической преемственности действуют положения, во многом схожие с российскими.

Однако исследование норм уголовного законодательства государств ближнего зарубежья показывает, что, несмотря на комплекс объединяющих аспектов, в них зачастую содержится и весьма оригинальные положения в части уголовно-правового противодействия преступлениям против трудовых прав граждан. В первую очередь, необходимо отметить, что в отдельных уголовных законах стран постсоветского пространства имеется опыт конструирования общих норм об ответственности за преступления в рассматриваемой сфере. Так, общая норма об ответственности за нарушение трудовых прав личности в УК Кыргызской Республики представлена нормой, запреща-

ющей нарушения законодательства о труде (ст. 143). В этой статье описываются следующие деяния: «Заведомо незаконное увольнение лица с работы, а равно иное существенное нарушение законодательства о труде, совершенные из личной заинтересованности» [1]. Схожая норма включена в УК Республики Таджикистан: «Заведомо незаконное увольнение лица с работы, невыполнение решения суда о восстановлении на прежнюю работу, а равно иное умышленное существенное нарушение законодательства Республики Таджикистан о труде» (ст. 153) [2].

По украинскому уголовному закону в ст. 172 под запрет поставлено грубое нарушение законодательства о труде. В этой норме содержится следующее предписание: «Незаконное увольнение работника с работы по личным мотивам или в связи с сообщением им о нарушении требований Закона Украины “Об основах предотвращения и противодействия коррупции” другим лицом, а также другое грубое нарушение законодательства о труде» [3].

При этом квалифицированный вид данного преступления образуют «те же действия, совершенные повторно или в отношении несовершеннолетнего, беременной женщины, одинокого отца, матери или лица, которое их заменяет и воспитывает ребенка в возрасте до 14 лет или ребенка-инвалида» [3].

Вполне очевидно, что таким путем трудовые права граждан получают более обширную защиту. Помимо предписаний, известных российскому уголовному законодательству в этой части, криминальными могут быть признаны и другие деяния. Впрочем, обоснованность такого подхода может быть поставлена под сомнение, поскольку изложенные общие нормы избилуют оценочными категориями. В них используются такие формулировки, как «существенное нарушение», «грубое нарушение» законодательства о труде. Считаем, что эти конструкции содержат значительный потенциал для их произвольного толкования в условиях сложности и комплексности нормативного регулирования трудовых отношений.

Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что, в частности украинский законодатель прямо указывает на такие категории потерпевших в составе нарушения трудовых прав личности, как несовершеннолетний, беременная женщина, одинокий отец, мать и лицо, которое их заменяет и воспитывает ребенка в возрасте до 14 лет или ребенка-инвалида. Тем самым гарантируется равная уголовно-правовая охрана трудовых прав женщины и мужчины при одинаковых социальных условиях. Кроме того, если по УК РФ под особой уголовно-правовой защитой в исследуемом нами контексте находятся лишь женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет, то по УК Украины под такой защитой находятся отец, мать или лицо, их заменяющее, воспитывающее детей в возрасте до 14 лет или ребенка-инвалида.

Следует отметить, что в подавляющей части государств ближнего зарубежья установлена уголовная ответственность за нарушение требований охраны труда. При этом, например, в УК Республики Беларусь и УК Республики Узбекистан нормы об ответственности за такое преступление размещаются в главе о преступлениях против общественной безопасности. В белорусском уголовном законе соответствующее предписание сформулировано следующим образом: «Нарушение правил техники безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда должностным лицом, ответственным за их соблюдение (нарушение правил охраны труда), повлекшее по неосторожности профессиональное заболевание либо причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения» [4]. Подобное предписание сформулировано в УК Кыргызской Республики (ст. 142), УК Республики Молдова (ст. 183), УК Азербайджанской Республики (ст. 162), УК Республики Узбекистан (ст. 257).

В качестве квалифицирующих признаков предусмотрено совершение такого преступле-

ния, повлекшее по неосторожности смерть человека либо причинение тяжкого телесного повреждения двум или более лицам (ч. 2 ст. 306 УК Республики Беларусь). Как особо квалифицирующие признаки закреплены общественно опасные последствия в виде смерти двух или более лиц (ч. 3 ст. 306 УК Республики Беларусь) [4].

Анализируя данные положения, необходимо заметить, что, в отличие от российского уголовного законодательства, в УК названных государств нормы об ответственности за нарушение требований охраны труда объединены с запретами нарушения специальных правил безопасности. Представляется, что данное законодательное решение, в первую очередь, нивелирует существующие в отечественном уголовном праве проблемы разграничения ст. 143 УК РФ, например, со ст. 216 УК РФ.

Кроме того, заслуживает поддержки то, что в процитированных нормативных положениях субъект нарушения требований охраны труда описывается не как лицо, на которое возложены обязанности по соблюдению названных требований, а как лицо, ответственное за их соблюдение.

Необходимо сделать акцент и на том, что УК Кыргызской Республики, УК Республики Молдова, УК Азербайджанской Республики, УК Республики Узбекистан уголовно наказуемыми признают не только факты нарушения требований охраны труда, повлекшие причинение тяжкого вреда здоровью человека, но и аналогичные деяния, повлекшие менее тяжкие телесные повреждения, т.е. вред здоровью средней тяжести по смыслу УК РФ.

В преобладающей части уголовных кодексов стран постсоветского пространства необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, равно как и в УК РФ, признаны преступлениями. И здесь стоит, прежде всего, указать на то, что в отдельных государствах данные предписания, на наш взгляд, имеют менее выигрышную конструкцию в сравнении со ст. 145 УК РФ. Так, обязательным условием уголовной ответственности за необоснованный отказ в приеме женщины на работу по мотивам ее беременности, а равно необоснованное увольнение женщины с работы по тем же мотивам по ст. 152 УК Туркменистана является наступление в результате указанного поведения тяжких последствий. Полагаем, что нормативное закрепление обозначенных общественно опасных последствий рассматриваемого преступления осложняет и без того непростую практику применения данной нормы.

По уголовному законодательству Республики Беларусь трудовые права беременных женщин

охраняются в рамках нормы об ответственности за нарушение законодательства о труде (ст. 199). Соответствующий уголовно-правовой запрет сформулирован следующим образом: «Необоснованный отказ в приеме на работу или увольнение женщины по мотивам ее беременности либо заведомо незаконное увольнение лица с работы» [4].

Примечательно, что в ст. 144 УК Кыргызской Республики, наряду с ответственностью за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение женщины по мотивам ее беременности, необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение с работы женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, регламентирована ответственность за снижение размера заработной платы [1]. Имеются основания полагать, что подобный подход имеет определенные перспективы развития и внедрения и в отечественном уголовном законодательстве. Дело в том, что при существенном повышении эффективности уголовно-правового противодействия незаконному увольнению беременной женщины возможно смещение соответствующей криминальной активности в сторону противоправного уменьшения заработной платы этой категории потерпевших.

Интерес представляет подход, использованный в уголовном законодательстве Азербайджанской Республики, где в ст. 164 установлена ответственность как за необоснованное расторжение трудового договора с женщиной по мотивам ее беременности или наличия на иждивении ребенка, так и за аналогичные действия в отношении мужчины, самостоятельно воспитывающего ребенка в возрасте до трех лет [5]. При этом необходимо подчеркнуть и факт использования формулировки «расторжение трудового договора» вместо используемой в ст. 145 УК РФ «увольнение», что обеспечивает единство терминологии в различных отраслях права.

В ст. 148 УК Республики Узбекистан вместе с ответственностью за заведомо незаконный отказ в приеме на работу или увольнение с работы женщины по мотивам ее беременности регламентирована ответственность за аналогичные действия, совершенные в связи с уходом за ребенком безотносительно его возраста [6].

Меньшим распространением среди уголовных законов государств ближнего зарубежья характеризуются предписания о наказуемости фактов невыплаты заработной платы. Причем нередко в этом контексте использован и совершенно иной подход к нормативной регламентации соответствующих уголовно-правовых запретов. Например, кыргызский законодатель установил в ст. 152 УК ответственность за «ис-

пользование должностными лицами предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности не по назначению денежных средств, предназначенных для выплаты заработной платы, пенсий, пособий и иных социальных выплат» [1]. Однако, по нашему мнению, использование подобных нормативных конструкций вряд ли служит цели максимального обеспечения трудовых прав личности. Ведь факт невыплаты заработной платы и других выплат может быть лишь опосредованно связан с использованием соответствующих средств не по назначению.

Оригинальностью отличается украинская норма уголовного закона об ответственности за невыплату заработной платы (ст. 175): «Необоснованная невыплата заработной платы, стипендии, пенсии либо иной установленной законом выплаты гражданам более чем за один месяц, совершенная умышленно руководителем предприятия, учреждения или организации независимо от формы собственности либо гражданином – субъектом предпринимательской деятельности» [3].

Квалифицированный вид данного преступления имеет место в случае того же деяния, «если оно было совершено вследствие нецелевого использования средств, предназначенных для выплаты заработной платы, стипендии, пенсии и иных установленных законом выплат» (ч. 2 ст. 175) [3].

Вместе с тем, в силу ч. 3 ст. 175 УК Украины лицо освобождается от уголовной ответственности, если до привлечения к уголовной ответственности им осуществлена выплата заработной платы, стипендии, пенсии либо иной установленной законом выплаты гражданам [3].

С одной стороны, такой подход характеризуется строгостью уголовно-правовой охраны права личности на оплату труда, поскольку состав преступления образует невыплата уже свыше одного месяца. Но, с другой стороны, неоднозначно может быть оценено специальное основание освобождения от уголовной ответственности, закрепленное в ч. 3 ст. 175 УК Украины. Конечно же, данное предписание, очевидно, обладает весомым потенциалом предупреждения фактов невыплаты заработной платы. В то же время сомнительной является способность этого нормативного положения оказывать превентивное воздействие на повторение подобных случаев.

Особенностью уголовного законодательства государств ближнего зарубежья стоит признать наличие норм в сфере обеспечения трудовых прав личности, не имеющих аналогов в отечественном УК. Например, оригинальная норма предусмотрена в ст. 162-1 УК Азербайджанской Республики, в которой закреплено следу-

ющее положение: «Привлечение значительно числа работников к выполнению каких-либо работ (услуг) без вступления трудового договора (контракта) в юридическую силу в порядке, предусмотренном Трудовым кодексом Азербайджанской Республики» [5]. Фактически речь ведется о трудоустройстве без оформления в установленном законом порядке трудовых отношений. Как известно, подобного рода явление широко распространено в России, оно позволяет работодателю минимизировать налогообложение, а также страховые взносы на обязательное пенсионное, социальное и медицинское обеспечение. Одновременно отсутствие официального оформления работника создает угрозу для ряда его прав, предусмотренных трудовым законодательством.

Весьма необычная норма установлена в ст. 173 УК Украины: «Грубое нарушение соглашения о труде должностным лицом предприятия, учреждения, организации независимо от формы собственности, а также отдельным гражданином или уполномоченным ими лицом путем обмана либо злоупотребления доверием или принуждением к выполнению работы, не обусловленной соглашением» [3].

В государствах дальнего зарубежья уголовно-правовые запреты нарушения трудовых прав личности не имеют столь широкого распространения. Тем не менее, подобные предписания существуют. Так, относительно весомой строгостью отличаются предписания об ответственности за нарушения трудовых прав личности в уголовном законодательстве ряда стран Европы. Например, по УК Республики Польша наказуемой признается деятельность, относящаяся к сфере трудового права и социального страхования, когда лицо злостно или упорно нарушает права работника, вытекающие из трудовых отношений или из предписаний права о социальном страховании (ст. 218) [7]. По нашему мнению, данную норму можно идентифицировать в качестве общей нормы об ответственности за нарушение трудовых прав граждан. Как выше отмечалось, такие положения встречаются в ряде уголовных кодексов стран ближнего зарубежья.

Отдельно в УК Республики Польша регламентировано предписание о преступных нарушениях требований охраны труда: «Кто, являясь ответственным за безопасность и гигиену труда, не выполняет вытекающей из этого обязанности и этим подвергает работника непосредственной опасности утраты жизни либо причинения тяжелого вреда здоровью, подлежит наказанию...» [7]. Анализ данного предписания диктует необходимость акцентировать внимание на том, что нарушение требований охраны труда по УК Республики Польша влечет

уголовную ответственность уже при создании угрозы жизни или здоровью работника. То есть фактического наступления вреда здоровью человека не требуется для наличия оконченного состава преступления. Это свидетельствует о более строгой, в сравнении с УК РФ, уголовно-правовой охране трудовых прав личности.

Уникальностью обладает норма польского уголовного закона об ответственности за деяние лица, которое «вопреки обязанности не уведомляет в срок компетентный орган о несчастном случае на работе или о профессиональном заболевании либо не составляет или не предоставляет требуемой документации» (ст. 221) [7]. Вполне вероятно, что данное направление для оптимизации уголовно-правового противодействия нарушениям требований охраны труда имеет перспективу и в отечественном уголовном законодательстве. Наличие изложенного предписания, на наш взгляд, ориентировано, главным образом, на повышение уровня неотвратимости ответственности за исследуемые нарушения трудовых прав личности.

Самостоятельный раздел о преступлениях против трудовых прав личности регламентирован в УК Республики Болгария. Прежде всего, в нем обращают на себя внимание положения о наказуемости дискриминации в сфере трудовых отношений. В частности, ответственность предусмотрена для лица, которое «сознательно кому-либо с политической целью или из-за его политических или других убеждений или таких убеждений его близких помешает поступить на работу или принудит его оставить работу из-за социального происхождения, принадлежности этого лица к определенной национальности, расе, религии, политической партии, организации, движению или коалиции...» (ст. 172) [8]. Изучение данного предписания болгарского уголовного закона позволяет сделать вывод, что оно в большей степени имеет черты российской нормы об уголовной ответственности за дискриминацию (ст. 136 УК РФ). Считаем, что соответствующий отечественный уголовно-правовой запрет представлен в более выигрышном свете, поскольку охватывает не только случаи дискриминации в рамках трудовых отношений.

Вместе с тем, специальные нормы об ответственности за нарушения трудовых прав граждан отсутствуют в УК Японии [9], УК Швеции [10], УК Дании [11], УК Голландии [12] и др. Однако это не означает ненаказуемости нарушений трудовых прав личности, т.к. ответственность за подобные нарушения наступает в рамках более общих норм о служебных злоупотреблениях.

1. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 окт. 1997 г. № 68 (с изм. и доп. по сост. на 28 июля 2015 г.) // Информационная система «ПАРАГРАФ». URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения: 04.01.2016).
2. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изм. и доп. по сост. на 18 марта 2015 г.) // Информационная система «ПАРАГРАФ». URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения: 20.01.2016).
3. Уголовный кодекс Украины от 5 апр. 2001 г. № 2341-III (с изм. и доп. по сост. на 14 мая 2015 г.) // Информационная система «ПАРАГРАФ». URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения: 19.01.2016).
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (с изм. и доп. по сост. на 28 апр. 2015 г.) // Информационная система «ПАРАГРАФ». URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения: 11.01.2016).
5. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики: утв. Законом Азербайджанской Республики от 30 дек. 1999 г. № 787-IQ (с изм. и доп. по сост. на 28 апр. 2015 г.) // Информационная система «ПАРАГРАФ». URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения: 30.01.2016).
6. Уголовный кодекс Республики Узбекистан: утв. Законом Республики Узбекистан от 22 сент. 1994 г. № 2012-XII (с изм. и доп. по сост. на 10 авг. 2015 г.) // Информационная система «ПАРАГРАФ». URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения: 20.01.2016).
7. Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред. А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова; вступ. ст. А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой; пер. с польск. Д.А. Барилович. СПб., 2001.
8. Уголовный кодекс Республики Болгария / науч. ред. А.И. Лукашова; пер. с болг. Д.В. Милушева, А.И. Лукашова; вступ. ст. Й.И. Айдарова. СПб., 2001.
9. Уголовный кодекс Японии / науч. ред. и предисл. А.И. Коробеева. СПб., 2002.
10. Уголовный кодекс Швеции / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова и С.С. Беляев; пер. С.С. Беляева. СПб., 2001.
11. Уголовный кодекс Дании / науч. ред. и предисл. С.С. Беляева; пер. с датск. и англ. С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. СПб., 2001.
12. Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкин; пер. с англ. И.В. Мироновой. 2-е изд. СПб., 2001.
1. Criminal code of the Kyrgyz Republic d.d. Oct. 1, 1997 № 68 (as amended on July 28, 2015) // Information system «PARAGRAPH». URL: <http://online.zakon.kz/> (date of access: 04.01.2016).
2. Criminal code of the Republic of Tajikistan d.d. May 21, 1998 № 574 (as amended on March 18, 2015) // Information system «PARAGRAPH». URL: <http://online.zakon.kz/> (date of access: 20.01.2016).
3. Criminal code of Ukraine d.d. Apr. 5, 2001 № 2341-III (as amended on May 14, 2015) // Information system «PARAGRAPH». URL: <http://online.zakon.kz/> (date of access: 19.01.2016).
4. Criminal code of the Republic of Belarus d.d. July 9, 1999 № 275-Z (as amended on Apr. 28, 2015) // Information system «PARAGRAPH». URL: <http://online.zakon.kz/> (date of access: 11.01.2016).
5. Criminal code of the Republic of Azerbaijan: appr. by Law of Azerbaijan Republic d.d. Dec. 30, 1999 № 787-IQ (as amended on Apr. 28, 2015) // Information system «PARAGRAPH». URL: <http://online.zakon.kz/> (date of access: 30.01.2016).
6. Criminal code of the Republic of Uzbekistan: appr. by Law of the Republic of Uzbekistan d.d. Sept. 22, 1994 № 2012-XII (as amended on Aug. 10, 2015) // Information system «PARAGRAPH». URL: <http://online.zakon.kz/> (date of access: 20.01.2016).
7. Criminal code of the Republic of Poland / ed. by A.I. Lukashov, N.F. Kuznetsova; introd. art. by A.I. Lukashov, E.A. Sarkisova; transl. from Polish by D.A. Barilovic. St. Petersburg, 2001.
8. Criminal code of the Republic of Bulgaria / ed. by A.I. Lukashov; transl. from Bulgarian by D.V. Miloushev, A.I. Lukashov; introd. art. by I.I. Aidarov. St. Petersburg, 2001.
9. Criminal code of Japan / sci. ed. and forew. by A.I. Korobeev. St. Petersburg, 2002.
10. Criminal code of Sweden / sci. ed. by N.F. Kuznetsova and S.S. Belyaev; transl. by S.S. Belyaev. St. Petersburg, 2001.
11. Criminal code of Denmark / sci. ed. and forew. by S.S. Belyaev; transl. from Danish and English by S.S. Belyaev, A.N. Rycheva. St. Petersburg, 2001.
12. Criminal code of the Netherlands / ed. by B.V. Volzhenkin; transl. from English by I.V. Mironova. St. Petersburg, 2001.

Рубачева Елена Леонидовна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +79280073704)

Матлашевская Ольга Михайловна

магистр Юридического института
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +78652354446)

Некоторые проблемы в понимании халатности

В статье рассматриваются субъективные и объективные признаки халатности. Авторы отмечают, что традиционные подходы к определению последствий и формы вины при халатности должны быть пересмотрены.

Ключевые слова: должностные преступления, халатность, крупный ущерб, существенное нарушение, вина.

E.L. Rubacheva, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Federal University; tel.: +79280073704;

O.M. Matlashevskaya, Magister of Law Institute of the North Caucasus Federal University; tel.: +78652354446.

Some problems in understanding of negligence

This article discusses the subjective and objective signs of negligence. The authors note that traditional approaches to identifying consequences and forms of guilt of negligence should be reviewed.

Key words: white-collar crime, negligence, major damages, material breach, guilt.

В ст. 293 УК РФ дается определение халатности как неисполнения или ненадлежащего исполнения должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Соответственно, как в учебной, так и научной литературе есть много мнений об объективных и субъективных признаках состава преступления «халатность».

Особое внимание при квалификации халатности фокусируется не на том, что должностное лицо совершило что-либо, нарушив свои обязанности, а на том, что оно не сделало, чтобы предотвратить наступление общественно опасных последствий. При анализе халатности многие современные ученые до сих пор придерживаются взглядов о «смешанной» форме вины. По мнению этих ученых, смешанная форма вины включает в себя: неосторожность по отношению к его послед-

ствиям и умысел по отношению к общественно опасному деянию. Например, Н.С. Лейкина приводила пример должностного лица, придерживающегося принципа «дабы не работать» и подчинившего интересы службы личным интересам. Данный пример «иллюстрирует» умышленное отношение виновного к невыполнению своих обязанностей и неосторожное – по отношению к последствиям [1, с. 278].

Допущение «смешанной» вины при совершении халатности часто критиковалось еще в советское время. Конечно же, лицо, совершившее халатность, может умышленно не выполнять должностные обязанности, но последствия халатности (крупный ущерб, существенное нарушение прав и законных интересов) не могут охватываться умыслом. Поэтому практически все советские и современные авторы придерживаются позиции о неосторожной форме вины при совершении халатности. Например, по мнению Б.В. Здравомыслова, субъективная сторона халатности может характеризоваться только неосторожной виной, поскольку это положение полностью соответ-

ствуется смыслу закона, устанавливающего ответственность за халатность как за небрежное или недобросовестное выполнение лицом своих служебных обязанностей. Неосторожность при халатности может проявляться как в самонадеянности, так и в небрежности. При этом небрежное отношение соответствует вине в виде преступной небрежности, а недобросовестное – вине в виде преступной самонадеянности [2, с. 122–123].

Тем не менее, в работах некоторых авторов указывается на то, что в ст. 293 УК РФ формулировка «небрежное или недобросовестное отношение к службе» не позволяет определить форму вины в составе халатности. Причиной является то, что данные понятия определяют отношения виновного к службе и его должностным обязанностями, но не к преступному деянию и его последствиям.

Например, Е.В. Царев считает, что, поскольку в основном составе халатности отсутствует указание на форму вины лица, вопрос о форме вины должен решаться с учетом описания в диспозиции признаков объективной стороны состава. Автор считает, что те или иные служебные обязанности могут быть не выполнены должностным лицом как сознательно, так и в результате оплошности, забывчивости, отвлечения на другие дела. Тем не менее, умышленное отношение к причинению общественно опасных последствий при совершении халатности исключается [3, с. 217–218].

При анализе объективной стороны халатности большинство современных авторов говорят о «небрежных» и «недобросовестных» действиях и бездействии при совершении данного преступления. Однако есть авторы, считающие, что халатность совершается только путем бездействия. Например, И.Г. Минакова считает, что «бездействие, согласно ст. 293 УК РФ, заключается в ненадлежащем выполнении должностным лицом своих обязанностей». При этом она подчеркивает, что как в случае неисполнения, так и в случае ненадлежащего исполнения должностным лицом лежащих на нем обязанностей субъект права не выполняет определенные предписания. А разница между неисполнением и ненадлежащим исполнением заключается лишь в «степени неисполнения обязанности», которая «не имеет какого-либо значения для квалификации преступления» [4, с. 84–85].

Так или иначе, объективная сторона халатности выражается в «недобросовестном или

небрежном»: а) неисполнении должностным лицом своих обязанностей, вытекающих из служебного положения; б) ненадлежащем (т.е. не соответствующем установленным требованиям) исполнении должностным лицом своих обязанностей. Обязательным условием уголовной ответственности выступает наступление любого из следующих последствий: 1) причинение любым из указанных деяний последствия в виде крупного ущерба; 2) существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Ответственность за халатность наступает только в результате наступления описанных последствий, т.к. неосторожная форма вины определена в законе применительно только к последствиям; при этом необходимо установление причинной связи между деянием должностного лица и наступившими последствиями [5, с. 544–545].

Например, Р., работая заместителем директора сланцехимического завода, обвинялся в должностной халатности, т.к. не обеспечил пропускной режим на предприятии, в результате чего с территории заводского цеха по производству формалина был похищен метанол. В тот же день 26 жителей города отравились вследствие распития метанола, причем 19 из них скончались. Судом установлено, что комплекс нового цеха формалина сдан за полгода до случившегося и был принят комиссией в эксплуатацию, несмотря на то, что технические сооружения, необходимые для обеспечения охраны и соблюдения пропускного режима, построены не были. О таком положении было известно руководству, а Р. не получал распоряжения взять новый цех под охрану, да и сделать это было невозможно ввиду незавершенности строительства, за которое он не отвечал. В связи с этим осуждение Р. за халатность признано судом необоснованным [6, с. 26–27].

В любом случае при совершении халатности признак крупного ущерба формализован – такой ущерб должен представлять собой причинение имущественного вреда или упущенной выгоды на сумму более ста тысяч рублей.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» при

совершении должностных преступлений под «существенным нарушением» необходимо понимать «оценку существенного вреда». Например, необходимо учитывать степень отрицательного влияния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п.

Надо отметить, что в доктрине высказана позиция о том, что «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства» как последствие халатности должно пониматься более широко и включать, например, нарушение имуще-

ственных прав [7, с. 139–140]. Если исходить из данной точки зрения, то теоретически ответственность за халатность (без отягчающих обстоятельств) может наступить и в случае причинения имущественного вреда в размере менее ста тысяч рублей, если правоприменитель признает этот вред «существенным» для граждан, организаций, общества или государства.

Полагаем, что в целях единообразного применения уголовно-правовой нормы об ответственности за халатность целесообразно в ч. 1 ст. 293 УК РФ вместо оценочного признака «существенное нарушение» определить, какой именно размер имущественного вреда должен быть причинен этим преступлением.

1. Курс советского уголовного права. Т. 4 / отв. ред. Н.А. Беляев. Л., 1978.

2. Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. М., 1975.

3. Царев Е.В. Возможна ли умышленная халатность? // «Черные дыры» в рос. законодательстве. 2008. № 1.

4. Минакова И.Г. Халатность: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008.

5. Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Практический курс уголовного права России. Ставрополь, 2001.

6. Бюл. Верховного Суда СССР. 1987. № 4.

7. Тыняная М.А. Проблемы законодательного определения признаков объективной стороны халатности // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Право». 2012. № 1.

1. Course of Soviet criminal law. Vol. 4 / resp. ed. N.A. Belyaev. Leningrad, 1978.

2. Zdravomyslov B.V. White-collar crimes. Moscow, 1975.

3. Tsarev E.V. Is intended negligence possible? // «Black holes» in Russian legislation. 2008. № 1.

4. Minakova I.G. Negligence: criminal-juridical and criminological aspects: diss. ... Master of Law. Rostov-on-Don, 2008.

5. Kibalnik A.G., Solomonenko I.G. Practical course of Russian criminal law. Stavropol, 2001.

6. Bull. of the Supreme Court of the USSR. 1987. № 4.

7. Tynyanaya M.A. Problems of legislative objective side identifying signs of negligence // Bull. of Omsk university. Ser. «Law». 2012. № 1.

Стешич Елена Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент,
докторант Ростовского юридического института МВД России
(e-mail: esteshich@mail.ru)

Объективное и субъективное в генезисе автотранспортных преступлений

Переоценка значимости правового регулирования общественных процессов привела к бессистемному и малоэффективному законодательству, в том числе в сфере предупреждения дорожно-транспортных преступлений. Первоочередные меры, по мнению автора, должны быть направлены не на криминализацию правонарушений, а на неотвратимость ответственности, улучшение оборудования дорог, безопасную конструкцию отечественных автомобилей и т.п., правильную квалификацию содеянного с учетом субъективной стороны преступления.

Ключевые слова: криминализация, стандарты безопасности дорожного движения, опасное вождение, неосторожность, косвенный умысел.

E.S. Steshich, Master of Law, Assistant Professor, Doctoral Candidate of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: esteshich@mail.ru

Objective and subjective in the genesis of vehicle crimes

Overestimation of the significance of legal regulation of social processes have led to unsystematic and ineffective lawmaking, including in the field of prevention of traffic offences. Priority measures, according to the author, should not be directed at the criminalization of offenses, and on the inevitability of responsibility, improvement of roads equipment, safe design, domestic car, as well as the correct qualification of actions with regard to the subjective side of the crime.

Key words: criminalization, standards of road safety, dangerous driving, negligence, indirect intent.

Переоценка значимости законодательного регулирования общественных процессов, борьбы с негативными социальными явлениями и преступностью привела к бурному, бессистемному, нестабильному и малоэффективному законодательству, которое не обошло и сферу предупреждения дорожно-транспортных происшествий в стране. Неоднократные изменения ст. 264 УК РФ, связанные с ужесточением уголовной ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения (в настоящее время действует восьмая редакция статьи), криминализация административных проступков (ст. 264.1 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию») и повышение санкций за административные нарушения, как и следовало ожидать, не принесли результата и не снизили высокий уровень транспортных рисков в стране.

Так, несмотря на общее снижение показателей аварийности в 2014 г. (число происшествий уменьшилось на 2,1%, число погибших – на 0,2%, число раненых – на 2,6%), рост показателей отмечен в 13 субъектах Российской Федерации, а число погибших увеличилось в 40 регионах.

Четвертый год увеличивается количество происшествий, совершенных в состоянии опья-

нения – темп прироста 21,6% (16517), число погибших и раненых возросло соответственно на 47,8% (3420) и 19,9% (23245). Отмечается рост количества ДТП с особо тяжкими последствиями, в каждом из которых погибло 5 и более либо пострадало 10 и более человек [1, с. 131–135].

Во многом такое положение объясняется отсутствием системного подхода к проблеме, некомпетентностью законодателей, отсутствием криминологических исследований проблемы, переоценки роли инструментов законодательного управления и т.д. (это касается не только сферы ДТП). Очень часто законодатель реагирует на единичное резонансное ДТП, забывая о том, что закон должен быть универсальным и охватывать все криминальные проявления.

Новое резонансное ДТП, произошедшее в самом центре столицы с участием студента МГИМО, управлявшего Ferrari и на «убийственной» скорости протаранившего несколько машин, дало почву для очередных законодательных инициатив. На этот раз СК РФ предложил ввести уголовную ответственность за вождение без прав [2].

Во-первых, справедливости ради стоит отметить, что сама идея о криминализации управления транспортным средством без прав не нова. Первая редакция законопроекта № 186587-6 от 10 декабря 2012 г., на основе ко-

того были внесены последние изменения в ст. 264 УК РФ, предусматривала криминализацию данных действий, правда, не в «чистом» виде, а в том случае, если водитель находился еще и в состоянии опьянения [3]. Как видно, основная цель законодателя сводилась к предупреждению пьянства на дорогах, а не вождению без прав, поскольку в принятой редакции ст. 264.1 УК РФ перечень субъектов ответственности не связывается с правовыми полномочиями водителя, т.е. предельно расширен.

Но по существу выходит, что законодатель, еще год назад не усматривая признаков повышенной общественной опасности в действиях лиц, управляющих транспортным средством без прав, теперь выступает за соответствующую криминализацию. Это наглядно подтверждает произвольность современной законотворческой деятельности, определяемой не научным подходом, а впечатлениями от резонансных правонарушений.

Совершенно непрофессиональными выглядят и предложения о приравнении вождения без прав к ношению оружия без соответствующего разрешения. При этом не исключается введение уголовной ответственности, в том числе, за первичное нарушение [4; 5].

Полагаем, что дискутировать с уважаемым законотворцем по данному вопросу совершенно бессмысленно вследствие безусловной несравнимости транспортного средства с орудием причинения вреда жизни и здоровью – по целевой предназначенности, конструктивным признакам, правовому режиму и сотне других признаков [6].

Лучше внимательно задуматься над научным обоснованием ответственности за вождение без водительского удостоверения.

Специалистам хорошо известны криминологические основания установления уголовно-правовых норм: выявление нового вида общественно опасного поведения; изменение динамики антисоциального поведения в направлении такого роста, который может привести к достижению опасного уровня. Следует также выяснить, каким образом велась борьба с деянием до установления уголовной наказуемости и почему она была недостаточно эффективной, к чему может привести установление данной нормы и может ли она быть реализована, а также подготовлено ли общественное правосознание к соответствующей криминализации [7, с. 68; 8, с. 44].

Так, в 2014 г. лицами, не имеющими права управления транспортным средством, в сфере безопасности дорожного движения было совершено 402594 правонарушения. Эти же цифры в подтверждение необходимости уголовной ответственности приводит СК РФ [2]. Однако в общей массе доля изучаемых деяний состави-

ла всего 1,6%. Остальные 98,4% приходятся на иные, в том числе крайне опасные, нарушения, являющиеся «центральными» причинами тяжких ДТП. И совершаются они не теми, кто лишен водительского удостоверения или никогда не имел его, а вполне «легальными» водителями (хотя и к реалиям процесса получения прав немало вопросов). По данной проблеме депутат С.Н. Решульский отмечал: «Вот выйдем из зала и начнем друг другу рассказывать, как получить права, как купить эти права, как наши автошколы обучают и выпускают учеников, как наши сотрудники ГИБДД за деньги выдают права. Вы что, не видите, какое движение в Москве сейчас стало?! Тут кого ни спросишь, говорят: “Да половина прав куплена!”» [9].

Так, в 2014 г. причиной 2,2% дорожно-транспортных преступлений стало нарушение требований сигнала светофора, 7,6% связано с нарушениями правил проезда пешеходных переходов, 8,3% – с выездом на полосу встречного движения. Вследствие неправильного выбора скорости и значительного превышения разрешенного скоростного режима ежегодно совершается около 1/3 аварий. Но о криминализации не говорят до тех пор, пока какой-нибудь «бриллиантовый» мальчик не совершит ДТП, привлечшее общественное внимание.

Законодательные инициативы на почве «резонансных дел» появляются вопреки открытым упрекам депутатов друг другу. На одном из последних заседаний Государственной Думы РФ депутат Я.Е. Нилов эмоционально отметил: «...мы предупреждали, что будет бардак, что будут скандалы, мы вносили проекты законов – нас, к сожалению, не слышали, пытались не слышать, но общество своей реакцией продемонстрировало нашу правоту. И это касается не только Правил дорожного движения и не только вопросов безопасности, вспомните хотя бы, как в 2012 г. мы вносили проект закона о введении ответственности за агрессивную или безрассудную езду, как профильный комитет его здесь отклонял, а теперь на уровне правительства говорят, что это надо делать; Шувалов, первый заместитель председателя правительства, дает поручение – и в ближайшее время это станет нормой права... идея должна вызревать, созреть, находясь в комитете» [10].

Таким образом, единичные громкие дела по силе влияния на законотворческую деятельность приблизились и почти заменили всестороннюю криминологическую оценку тех или иных правонарушений. Иначе трудно объяснить отсутствие должного внимания к неудовлетворительному транспортно-эксплуатационному состоянию улично-дорожной сети и элементов ее обустройства при том, что они явились причиной совершения 17,9% дорожно-транспортных преступлений в 2008 г., 21,2% в

2011 г., 26% в 2013 г., 25,8% в 2014 г. Известно, что наша страна отстает от современных стандартов безопасности дорожного движения в 5–12 раз (оборудование дорог, пассивная и активная безопасность автомобилей) [11, с. 8].

Еще в 2001 г. постановлением Правительства РФ была утверждена федеральная целевая программа «Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)», в 2013 г. утверждена федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах», в августе текущего года утвержден «План мероприятий, направленных на снижение смертности населения от дорожно-транспортных происшествий» [12; 13; 14]. Получается, что-то в механизме реализации государственных программ не работает. О некоторых «слабых местах» не молчат на самом высоком уровне.

Депутат С.Н. Решульский, например, заявил: «Вот если бы мы поступали по-государственному, то, на мой взгляд, должны были бы рассмотреть вопросы административной и уголовной ответственности прежде всего за состояние наших дорог, ответственность за которое лежит на главах администраций. Но как только я поднимаю этот вопрос, мне все без исключения говорят: “Ты что, вообще ничего не понимаешь?! У них же денег нет, они же не могут дороги привести в нормальное состояние!” Тогда объясните мне, почему тогда такая борьба идет на выборах главы администрации того или иного поселения, города и так далее, что же они туда лезут...» [9].

Изложенное свидетельствует, что среди причин дорожно-транспортных правонарушений вождение без водительского удостоверения, как и вождение в нетрезвом виде, является наименее распространенным, а значит, принципиальное ужесточение борьбы с этим деянием криминологически не обосновано.

Более важным нам представляется комплексный подход, основанный на вычленинии из общей массы нарушений правил дорожного движения (ПДД) тех, которые чаще всего приводят к аварии или создают реальную угрозу ее совершения. А это в первую очередь неудовлетворительное состояние дорог, небезопасная конструкция отечественных автомобилей, отсутствие быстрой медицинской помощи пострадавшим, пребывание водителей за рулем сверх установленных нормативов, отсутствие ремней безопасности в автобусах и т.п. Однако должная работа органами власти и управления не проводится, очевидно, вследствие ее затратности.

Наряду с устранением объективных причин ДТП, следует иметь в виду, что среди субъективных причин многих автотранспортных преступлений – лихачество, стремление проявить

ненужную удаль, неуважение к закону и интересам других людей. Вот на такое дерзкое, агрессивное, опасное вождение должны быть направлены самые решительные меры с соответствующим изменением не только законодательства, но и судебной практики.

В настоящее время процедуру общественного обсуждения проходит проект закона «О внесении изменения в Правила дорожного движения Российской Федерации», разработанный МВД России, в котором предлагается понятие опасного вождения: «создание водителем в процессе управления транспортным средством опасности для движения путем неоднократного совершения одного или нескольких действий, связанных с нарушением Правил, выражающихся в невыполнении при перестроении требования уступить дорогу транспортному средству, пользующемуся преимущественным правом движения; перестроении при интенсивном движении, когда все полосы движения заняты; несоблюдении безопасной дистанции до движущегося впереди транспортного средства; несоблюдении бокового интервала; необоснованном резком торможении; препятствовании обгону» [15].

Учитывая, что данное понятие после его включения в ПДД будет положено в основу соответствующей административной ответственности, следует уточнить некоторые моменты.

1. Чем обосновано внесение в КоАП РФ статьи за деяния, которые сами по себе уже наказуемы? Не лучше ли усилить работу по фиксации и раскрываемости правонарушений, а санкции сделать строже, если существующие не вызывают должный предупредительный эффект?
2. Не ясно, почему в перечне отсутствуют нарушения ПДД, которые чаще всего становятся причиной аварий, а именно: нарушение правил проезда пешеходных переходов, нарушение требований сигнала светофора, превышение установленной скорости движения. Не включены в него и нарушения, находящиеся у всех «на слуху», в частности управление ТС водителем, не имеющим права управления ТС или лишенным такого права, управление ТС водителем, находящимся в состоянии опьянения.
3. Опасное вождение образует совокупность (2 и более) нарушений, перечисленных в проекте статьи, но варианты сочетания любых из предложенных в реальной жизни встречаются нечасто.
4. Признак неоднократности не позволяет признать объективно опасное нарушение опасной ездой без совокупности с другими, даже если оно было связано с реальной угрозой жизни или здоровью человека (например, развитие скорости до 200 км/ч в условиях населенного пункта).

Исходя из изложенного, считаем, что исследуемый проект нуждается в дальнейшем осмыслении (кстати, даже шокирующее об-

ществительность злодеяние мальчика на Ferrari опасное вождение не образует (!), ибо управление ТС без водительского удостоверения и превышение скорости в его понятие не включены).

В своих работах мы писали о возможности рецепировать опыт ряда зарубежных государств, предусматривающих уголовную ответственность за такое нарушение правил дорожного движения, которое создало серьезную опасность для жизни или здоровья людей (опасное вождение) [16, с. 17].

Однако при всей необходимости повышенной ответственности за действия, ставящие в опасность жизнь и здоровье человека, реализация такой нормы из-за оценочного подхода (серьезная опасность) в отечественной юридической практике, к сожалению, будет решаться не в пользу потерпевших. Это, как отмечалось в литературе, является следствием действий государственных органов по необоснованному и несправедливому усилению охраны интересов преступников за счет ослабления защищенности и умаления естественных прав и свобод потерпевших [17, с. 13].

Знает об этом и законодатель. «Я думаю, что большинство сидящих в этом зале депутатов, – отмечал А.Е. Хинштейн, – по крайней мере те, кто своих избирателей видит не с экрана телевизора, регулярно сталкиваются с этими проблемами, когда после ДТП, после гибели людей следственные органы либо не возбуждают уголовные дела, либо прекращают их, приостанавливают. Мне приходится с такими случаями сталкиваться еженедельно...» [9].

Ежегодно более 200 тыс. человек получают травмы различной степени тяжести в результате ДТП, связанных с виной водителей транспортных средств. Только в 2014 г. в ходе аварий было ранено 230617 человек. Если учесть, что 16921 потерпевшему причинен тяжкий вред здоровью, то получится, что более 213 тыс. человек получили средней и легкой степени вред здоровью. Полагаем, что значительная часть таких опасных для здоровья и жизни человека аварий совершается по вине водителей, допускающих опасную езду.

Считаем, что такие действия по своей сути ближе к преступлениям, нежели к административным правонарушениям. Мы не являемся сторонниками частых изменений уголовного законодательства, однако представляется целесообразным рассмотреть вопрос о криминализации «опасного вождения, повлекшего причинение легкого вреда здоровью и вреда здоровью средней тяжести».

Не являемся мы и сторонниками дальнейшего усиления уголовной ответственности по ст. 264 УК РФ, а призываем правоприменителя правильно квалифицировать аварии с тяжкими

последствиями, исходя из тщательного анализа субъективной стороны.

Однако современное законодательство и судебная практика исходят из того, что отношение виновного к последствиям автодорожного преступления может быть исключительно неосторожным. Согласно п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 в том случае, если лицо умышленно использовало транспорт в целях причинения вреда здоровью, наступает ответственность по статьям о преступлениях против личности [18], т.е., например, за причинение вреда здоровью или убийство. Считаем, что данное разъяснение противоречит основам уголовного права в части понимания косвенного умысла и его связи с целеполаганием, в связи с чем существенно сужается уголовная ответственность.

В одной из фундаментальных работ, посвященных раскрытию субъективной стороны преступления, П.С. Дагель и Д.П. Котов пишут о том, что «при сознательном допущении последствий, характерном для косвенного умысла, преступное последствие не является ни целью действия виновного, ни средством ее достижения, ни этапом на пути к цели. Иными словами, преступное последствие не нужно виновному, он его не желает. Это последствие – побочный результат деяния виновного, направленного на иную, саму себе преступную или непротивоправную цель». Деяние может являться и чаще всего (при отрицательном отношении к преступным последствиям) является «контрмотивом» [19, с. 101].

Аналогичным образом косвенный умысел раскрывают иные авторитетные ученые. Так, по мнению Б.С. Никифорова, лицо может безразлично или даже отрицательно относиться к преступным последствиям, активно желать их ненаступления, может надеяться, что они не наступят, но эти «оттенки» отношения к преступным последствиям не устраняют косвенного умысла [20, с. 34]. С.В. Бородин указывал, что если виновный рассчитывает на счастливый случай, или на «авось», то он действует с косвенным умыслом [21, с. 201].

Проблема разграничения «приграничных» видов умысла и неосторожности признается одной из самых актуальных в доктрине уголовного права. Раскрытию субъективной стороны преступления и в настоящее время посвящается много работ, направленных на разрешение теоретических противоречий и практических ошибок. Профессор Л.А. Прохоров, например, призывает правоприменителя правильно трактовать новеллу, связанную с включением в определение косвенного умысла такого волевого элемента, как безразличное отношение к наступившим последствиям. Пока же, и в этом мы согласны с автором, они «не только не оценили, но и боятся ее применять» в тех авариях,

которые «никак не вписываются в рамки неосторожного преступления» [22, с. 33–35].

Даже в высказываниях депутатов некоторые нарушения ПДД стали прямо называться убийством, но правильно квалифицировать такие действия пока никто, к сожалению, не призывает. «Он (о водителе Ferragі, устроившем ДТП на Кузнецком мосту в Москве – Е.С.), используя источник повышенной опасности, коим является автомобиль, осознает, что может нанести вред жизни и здоровью других граждан. То есть, если он в результате своих действий кого-то отправит на тот свет, это будет умышленное убийство, а не убийство по неосторожности» [5].

В связи с изложенным полагаем, что ни цель, ни мотив, связанные с субъективными переживаниями виновного, сами по себе не могут определять квалификацию преступления как ДТП или преступления против личности. Поэтому соответствовать фундаментальным основам уголовного права будет следующая редакция п. 15 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ: «В тех случаях, когда лицо, управлявшее транспортным средством, умышленно причинило вред здоровью потерпевшего, содеянное влечет уголовную ответственность по статьям Особенной части

Уголовного кодекса Российской Федерации о преступлениях против личности».

Считаем, что о косвенном умысле виновного в ДТП по отношению к тяжким последствиям может свидетельствовать совокупность факторов, связанных с преступлением: 1) доминирование над ситуацией, предшествующей ДТП; 2) умышленное обострение этой ситуации и создание угрозы для жизни и здоровья людей; 3) психофизиологическое состояние водителя, при котором становится реальной возможность причинения вреда жизни и здоровью других лиц; психологические исследования позволяют говорить о том, что принятие алкоголя для получения удовольствия лицом, знающим особенности своего характера и специфического действия на него алкоголя, всегда сопровождается представлениями о возможных последствиях действий, но игнорируется им [23, с. 184]; 4) правовое состояние водителя, свидетельствующее о негиблистическом отношении к закону и пренебрежительном отношении к жизни и здоровью других лиц (отсутствие или лишение водительских прав, ранее совершенные преступления или административные правонарушения против жизни и здоровья или безопасности дорожного движения).

1. *Преступность и правонарушения (2010–2014): стат. сб. М., 2015.*

2. *Козлова Н. Бесправным назвали срок // Рос. газ. Федер. вып. 2015. 21 окт.*

3. *Законопроект № 186587-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения».* URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=186587-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=186587-6)

4. *Рогоза Д. Госдума поддерживает уголовную ответственность за вождение без прав.* URL: http://www.molnet.ru/mos/ru/order/o_219783

5. *Козлова Н., Петров И. Убийственная скорость.* URL: <http://www.rg.ru/2015/10/21/ezda.html>

6. *Корецкий Д.А. Криминальная армология.* СПб., 2006.

7. *Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права.* Томск, 1981.

8. *Фефелов П.А. Общественная опасность преступного деяния и основание уголовной ответственности (основные методологические проблемы).* М., 1972.

9. *Стенограмма заседания Государственной Думы РФ 13 марта 2013 г.* URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3815/#sel=661:1,775:126>

10. *Стенограмма заседания Государственной Думы РФ от 20 окт. 2015 г.* URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4349/>

1. *Crime and offences (2010–2014): statistical compilation.* Moscow, 2015.

2. *Kozlova N. Term named disenfranchised // Rus. newsp. Fed. iss. 2015. Oct. 21.*

3. *Bill № 186587-6 «On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on strengthening responsibility for offences in the sphere of road safety».* URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=186587-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=186587-6)

4. *Rogoza D. The State Duma supports criminal liability for driving without a license.* URL: http://www.molnet.ru/mos/ru/order/o_219783

5. *Kozlova N., Petrov I. Killer speed.* URL: <http://www.rg.ru/2015/10/21/ezda.html>

6. *Koretsky D.A. Criminal irmologia.* St. Petersburg, 2006.

7. *Filimonov V.D. Criminological foundations of penal law.* Tomsk, 1981.

8. *Fefelov P.A. Public danger of a criminal act and grounds for criminal liability (base methodological issues).* Moscow, 1972.

9. *Transcript of the meeting of the State Duma of the Russian Federation d.d. March 13, 2013.* URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3815/#sel=661:1,775:126>

10. *Transcript of the meeting of the State Duma of the Russian Federation d.d. Oct. 20, 2015.* URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4349/>

11. *The report «Road safety in Russia: current state and urgent measures to improve the*

11. Доклад «Безопасность дорожного движения в России: современное состояние и неотложные меры по улучшению ситуации» / Экспертный совет института экономики и транспортной политики НИУ «Высшая школа экономики». М., 2013.
12. О федеральной целевой программе «Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)»: постановление Правительства РФ от 5 дек. 2001 г. № 848 // Собр. законодательства РФ. 2001. № 51. Ст. 4895.
13. О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах»: постановление Правительства РФ от 3 окт. 2013 г. № 864 // Рос. газ. 2013. 8 окт.
14. План мероприятий, направленных на снижение смертности населения от дорожно-транспортных происшествий: утв. Правительством РФ 4 авг. 2015 Текст официально опубликован не был. URL: <http://base.garant.ru/71173542/#ixzz3tl2BgiUW>
15. Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов. URL: <http://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=40764>
16. Стешич Е.С., Красненкова С.А. Криминальная предрасположенность как фактор дорожно-транспортного преступления (по материалам конкретного исследования) // Вестн. Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2014. № 2(40).
17. Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб., 2004.
18. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 дек. 2008 г. № 25 // Рос. газ. 2008. 26 дек.
19. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974.
20. Никифоров Б.С. Об умысле по действующему законодательству // Советское государство и право. 1965. № 6.
21. Бородин С.В. Квалификация преступлений против жизни. М., 1977.
22. Прохоров Л.А. Актуальные вопросы противодействия преступным нарушениям правил дорожного движения в России // Рос. следователь. 2012. № 23.
23. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998.
- situation» / The Expert Council of the Institute of economics and transport policy of the National research university «Higher school of Economics». Moscow, 2013.
12. On the Federal target program «Development of transport system of Russia (2010–2020)»: resolution of the Government of the Russian Federation d.d. Dec. 5, 2001 № 848 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2001. № 51. Art. 4895.
13. On the Federal target program «Improving road safety in 2013–2020»: resolution of the Government of the Russian Federation d.d. Oct. 3, 2013 № 864 // Rus. newsp. 2013. Oct. 8.
14. The plan aimed at reducing mortality from road traffic accidents: appr. by the Government of the Russian Federation on Aug. 4, 2015. Text was not published officially. URL: <http://base.garant.ru/71173542/#ixzz3tl2BgiUW>
15. The official site for posting information about the preparation of the Federal bodies of executive power projects of normative legal acts. URL: <http://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=40764>
16. Steshich E.S., Krasnenkova S.A. Criminal predisposition as a factor of road traffic offences (on materials of specific study) // Bull. of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2014. № 2(40).
17. Maltsev V.V. Principles of criminal law and their implementation in law enforcement. St. Petersburg, 2004.
18. On judicial practice in cases on crimes related to violation of traffic rules and operation of vehicles, as well as their misappropriation without the plunder purpose: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Dec. 9, 2008 № 25 // Rus. newsp. 2008. Dec. 26.
19. Dagel P.S., Kotov D.P. Subjective party of a crime and its establishment. Voronezh, 1974.
20. Nikiforov B.S. About the intent under current law // Soviet state and law. 1965. № 6.
21. Borodin S.V. Qualification of crimes against life. Moscow, 1977.
22. Prokhorov L.A. Actual issues of combating criminal violations of traffic rules in Russia // Russian investigator. 2012. № 23.
23. Sitkovskaya O.D. Psychology of criminal responsibility. Moscow, 1998.

Бондарев Сергей Петровичпреподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Новороссийского филиала
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79184661111)

Основные пути оптимизации российского уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере гражданства Российской Федерации и регистрационного учета по месту жительства и месту пребывания

В статье излагаются результаты разработки перспективных направлений совершенствования отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере гражданства Российской Федерации и регистрационного учета по месту жительства и месту пребывания.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, состав преступления, паспорт, гражданство, регистрация, иностранные граждане.

S.P. Bondarev, Lecturer of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Novorossysk branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79184661111.

The main ways of optimization of the Russian criminal legislation on responsibility for crimes in the sphere of Russian citizenship and residence registration at the place of residence and sojourn

The article presents the results of development of perspective directions of improvement of domestic criminal legislation on responsibility for crimes in the sphere of Russian citizenship and residence registration at the place of residence and sojourn.

Key words: crime, criminal liability, corpus delicti, passport, citizenship, registration, foreign citizens.

Уголовно-правовое исследование российского законодательства об ответственности за преступления в сфере гражданства Российской Федерации и регистрационного учета по месту жительства и месту пребывания показывает социальную необходимость и целесообразность противодействия им. Вместе с тем, бесспорным является тот факт, что на сегодняшний день не исчерпан потенциал для совершенствования уголовно-правовых запретов в данной сфере.

Так, применительно к составу незаконной выдачи паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесения заведомо ложных сведений в документы, повлекшего незаконное приобретение гражданства Российской Федерации, в науке уголовного права обращается внимание на не совсем верно реализованный подход относительно предмета состава этого преступления. По утверждению А.К. Князькиной и А.И. Чучаева, «для приведения дан-

ной нормы уголовного закона в соответствие с международными актами число предметов преступления необходимо дополнить иным документом, заменяющим паспорт (согласно Указу Президента РФ от 21 декабря 1996 г. № 1752 «Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации за пределами Российской Федерации») к иным документам относятся: дипломатический паспорт, служебный паспорт и паспорт моряка (удостоверение личности моряка). Кроме того, к документам, удостоверяющим личность, относятся свидетельство о рождении ребенка, справка об освобождении из мест лишения свободы, удостоверение личности военнослужащего и др., а также документы на въезд в Российскую Федерацию или выезд из нее. Таким образом, действие статьи будет распространяться на случаи незаконной выдачи заграничного паспорта и иных подобных документов, а также охватывать ситуации, ког-

да иностранным гражданам и лицам без гражданства незаконно выдаются российские визы и иные документы» [1, с. 113–114].

На наш взгляд, указание авторов на необходимость расширения круга предметов состава преступления, предусмотренного ст. 292.1 УК РФ, является вполне оправданным. Следует принимать во внимание, что, наряду с паспортом гражданина Российской Федерации, наличие гражданства Российской Федерации удостоверяется: заграничным паспортом; дипломатическим паспортом; служебным паспортом; удостоверением личности (военным билетом) военнослужащего с вкладышем, свидетельствующим о наличии гражданства Российской Федерации; свидетельством о рождении, в которое внесены сведения о гражданстве Российской Федерации родителей, одного из родителей или единственного родителя; свидетельством о рождении с отметкой, подтверждающей наличие гражданства Российской Федерации. Поэтому любой из перечисленных документов подтверждает гражданство Российской Федерации. В связи с этим представляется неоправданным установление уголовной ответственности за незаконную выдачу российского паспорта в условиях отсутствия прямого уголовно-правового запрета на незаконную выдачу иных документов, подтверждающих гражданство Российской Федерации.

В то же время считаем, что следует критично оценить предложение об установлении в рамках ст. 292.1 УК РФ уголовной ответственности за незаконную выдачу документов на въезд в Российскую Федерацию или выезд из нее. Такого рода документы не сопоставимы по юридической значимости с документами, подтверждающими гражданство Российской Федерации.

Таким образом, целесообразным является закрепление в ст. 292.1 УК РФ, наряду с ответственностью за незаконную выдачу паспорта гражданина Российской Федерации, ответственности за незаконную выдачу иных документов, подтверждающих гражданство РФ. Данное предложение было одобрено 78% практикующих юристов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

Следует отметить, что в теории уголовного права высказаны предложения об исключении из текста уголовного закона ст. 292.1 УК РФ. Так, М.А. Белова, обосновывая данную позицию, заявляет о необходимости регламентации ответственности за незаконную выдачу паспорта гражданина Российской Федерации,

а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации, в рамках существующих норм об ответственности за служебный подлог и халатность. По мнению автора, реализация этого предложения возможна путем дополнения диспозиции ч. 1 ст. 292 УК РФ указанием на общественно опасные последствия в виде незаконной выдачи паспорта или иного документа, удостоверяющего законное пребывание в Российской Федерации, либо незаконного приобретения гражданства Российской Федерации иностранным гражданином или лицом без гражданства [2, с. 10–11]. В свою очередь, преступление, ныне предусмотренное ч. 2 ст. 292.1 УК РФ, М.А. Белова предлагает «переместить» в норму об ответственности за халатность также посредством указания в ч. 1 ст. 293 УК РФ на общественно опасные последствия в виде незаконной выдачи паспорта либо незаконного приобретения гражданства Российской Федерации иностранным гражданином или лицом без гражданства [2, с. 11].

Полагаем, что такого рода предложение может быть признано дискуссионным. Так, если вопрос о «перемещении» ч. 2 ст. 292.1 УК РФ в норму об ответственности за халатность в целом не вызывает серьезных нареканий, хотя обоснованность данной идеи и может быть поставлена под сомнение, то предложение о включении нормы, сформулированной в ч. 1 ст. 292.1 УК РФ, в ст. 292 УК РФ вряд ли заслуживает поддержки. Прежде всего, стоит заметить, что норма, закрепленная в ч. 1 ст. 292.1 УК РФ, не является в чистом виде специальной по отношению к ст. 292 УК РФ. Кроме того, незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, как показывает анализ материалов следственно-судебной практики, не обязательно связана с внесением в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесением в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание. Неслучайно в существующем виде ч. 1 ст. 292.1 УК РФ законодатель отдельно описывает деяния в виде, собственно, незаконной выдачи паспорта гражданина Российской Федерации и внесения заведомо ложных сведений в документы, повлекшего незаконное приобретение гражданства Российской Федерации.

Более того, на наш взгляд, уголовно-правовой запрет незаконной выдачи паспорта гражданина Российской Федерации приоритетен по отношению к уголовно-правовому запрету

внесения заведомо ложных сведений в документы, повлекшего незаконное приобретение гражданства Российской Федерации. Обусловливается это тем, что логическим завершением процедуры приобретения гражданства Российской Федерации, согласно действующему законодательству, является получение паспорта или иного документа, подтверждающего гражданство Российской Федерации. И любые случаи незаконного приобретения гражданства Российской Федерации оканчиваются получением соответствующих документов.

В связи с этим мы считаем, что в целях оптимизации и упорядочивания существующих предписаний, закрепленных в ст. 292.1 УК РФ, необходимо отказаться от признаков незаконного приобретения гражданства Российской Федерации. В изучаемом составе преступления достаточно с объективной стороны ограничиться указанием только на незаконную выдачу паспорта гражданина Российской Федерации или иного документа, подтверждающего гражданство Российской Федерации, вместо обозначенных признаков. С этим предложением согласилось 70% респондентов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

Немало нареканий в теории и практике уголовного права вызывают проблемы нормативной регламентации ответственности за преступления, состоящие в фиктивной регистрации по месту жительства и месту пребывания. Например, С.В. Борисов обосновывает вывод, согласно которому «более действенным и последовательным было бы установление административной ответственности за фиктивную регистрацию (постановку на учет) по месту пребывания или по месту жительства, а уголовно-правовой запрет целесообразно было увязать с административной преюдицией и (или) определенным количеством совершенных действий по такой регистрации (постановке на учет)» [3, с. 70]. Конечно же, в современной отечественной уголовной политике отчетливо проявляется вектор, направленный на расширение использования административной преюдиции в качестве условия уголовной ответственности. Однако по вопросу о целесообразности такого законодательного приема в науке уголовного права ведутся дискуссии, что, по нашему мнению, уже требует весьма осторожного отношения к административной преюдиции в уголовном праве. При этом на текущий момент использование в составах данных преступлений административной преюдиции представляется преждевременным. Дело в

том, что масштабность распространения фактов фиктивной регистрации требует довольно жестких мер государственного реагирования, чтобы изменить криминальную ситуацию в этой сфере. Не стоит упускать из виду и весьма высокий уровень латентности данных преступлений, который обусловлен, в том числе, объективными факторами – фиктивная регистрация совсем не просто выявляется на практике, поскольку эти общественно опасные деяния, как правило, носят неочевидный характер.

В юридической литературе предпринимаются и другие попытки ограничения пределов криминализации деяний в сфере регистрационного учета по месту жительства и месту пребывания. Некоторыми авторами высказываются суждения, ориентированные на введение в ст. 322.2 и 322.3 УК РФ дополнительных криминообразующих признаков. Так, П. Филиппов полагает, что криминализация фиктивной регистрации была бы обоснованной при условии наличия таких составообразующих признаков, как «системность», «фиктивная регистрация на постоянной основе», «извлечение прибыли или дохода в крупном размере» и т.п. [4, с. 83–92].

Следует отметить, что данные идеи во многом согласованы с нормами международного права. В частности, в соответствии со ст. 6 Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., каждое государство-участник принимает такие законодательные и другие меры, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемых соответствующие деяния, когда они совершаются умышленно и с целью получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду. То есть предполагаемая уголовная наказуемость связывается с корыстными побуждениями виновного. Примечательно, что и в абсолютном большинстве изученных нами материалов следственно-судебной практики по ст. 322.2 и 322.3 УК РФ фигурируют корыстные мотивы лиц, виновных в совершении данных преступлений.

Наше исследование показало, что включение корыстной мотивации в составы преступлений, связанных с фиктивной регистрацией, позволит вывести из сферы уголовно-правового регулирования факты пусть и незаконной, но не достигающей уровня общественной опасности фиктивной регистрации по месту жительства и месту пребывания. Речь ведется, на-

пример, о случаях фиктивной регистрации по месту жительства родственников, не имеющих постоянного жилья и нуждающихся по тем или иным социально-экономическим причинам в наличии такой регистрации.

Таким образом, считаем обоснованным закрепление в качестве криминообразующего признака составов преступлений, связанных с фиктивной регистрацией по месту жительства и месту пребывания, корыстных побуждений виновного. Данное мнение разделяют 69% респондентов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, наглядно свидетельствует, что одним из их проблемных аспектов, прежде всего правоприменительного плана, выступает нормативное определение фиктивности регистрации, которая связывается с отсутствием намерений пребывать (проживать) в этом помещении либо предоставить это жилое помещение для пребывания (проживания). Вообще термин «намерения» является весьма несвойственным для российского уголовного права. И обусловлено это как сложившимися историческими традициями отечественного уголовного права, так и сложностью его идентификации с позиции учения о составе преступления. Кроме того, изучение материалов правоприменительной практики демонстрирует, что установление обозначенного выше отсутствия намерений является чрезмерно затруднительным. Зачастую в уголовных делах рассматриваемой категории отсутствие намерений пребывать (проживать) в этом помещении либо предоставить это жилое помещение для пребывания (проживания) констатируется путем выявления факта непробывания, непроживания в жилом помещении, последовавших после регистрации. Хотя очевидно, что установление отсутствия намерений через фактически последовавшее поведение не совсем логично, поскольку намерения могут не совпадать с действительностью.

В этом контексте уместно привести и толкование слова «фикция» в русском языке – это «намеренно созданное, измышленное положение, построение, не соответствующее действительности и обычно используемое с какой-нибудь определенной целью» [5, с. 597]. Как видно, фикция подразумевает определенное фактическое положение, обстановку, ситуацию, специально созданные. Поэтому и термин «фиктивная» должен означать именно реальность, действительность, а не намерения, планы.

На этом основании считаем необходимым откорректировать формулировку фиктивной

регистрации, указав в ее определении на последовавший факт непробывания, непроживания зарегистрированного лица по соответствующему месту пребывания или месту жительства. Данная нормативная дефиниция могла бы быть представлена следующим образом: под фиктивной регистрацией (постановкой на учет) по месту жительства или месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации понимается регистрация (постановка на учет) лица по месту пребывания (проживания) в жилом помещении, сопряженная с фактическим пребыванием (проживанием) такого лица в ином месте. В поддержку данного определения высказалось 80% опрошенных нами респондентов.

В теории уголовного права обращается внимание на то, что наличие предписаний, закрепленных в ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, в разных статьях уголовного закона не вполне оправданно. Так, по мнению А.А. Кык, «указанные деяния должны содержаться в одной статье УК РФ, возможно, следовало дополнить ст. 322 УК РФ альтернативным составом преступления – фиктивной постановкой на учет по месту пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства, введя дополнительную часть указанной статьи» [6, с. 198–203]. Полагаем, что такого рода рассуждения являются достаточно обоснованными. Убедительным подтверждением тому служит и абсолютно равная наказуемость преступлений, регламентированных ст. 322.2 и 322.3 УК РФ.

На основании изложенного представляется обоснованной целесообразность изложения ряда норм об ответственности за преступления в сфере гражданства Российской Федерации и регистрационного учета по месту жительства и месту пребывания в новой редакции. Так, предлагается следующая редакция ст. 292.1 УК РФ:

«Статья 292.1. Незаконная выдача паспорта или иного документа, подтверждающего гражданство Российской Федерации

1. Незаконная выдача должностным лицом или государственным служащим паспорта или иного документа, подтверждающего гражданство Российской Федерации, – наказывается ...

2. Неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом или государственным служащим своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, если это повлекло незаконную выдачу паспорта или иного документа, подтверждающего гражданство Российской Федерации, иностранному гражданину или лицу без гражданства, –

наказывается ...»

Уголовно-правовые нормы об ответственности за фиктивную регистрацию по месту пребывания и месту жительства предлагается объединить в рамках одной статьи 322.2 УК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 322.2. Фиктивная регистрация (постановка на учет) по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации

Фиктивная регистрация (постановка на учет) по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации, совершенная из корыстных побуждений, – наказывается ...

Примечания. 1. Под фиктивной регистрацией (постановкой на учет) по месту пребывания

или месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации понимается регистрация (постановка на учет) лица по месту пребывания (проживания) в жилом помещении, сопряженная с фактическим пребыванием (проживанием) такого лица в ином месте.

2. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию этого преступления и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Одновременно при реализации данного предложения потребуется исключить из УК РФ ст. 322.3.

1. Князькина А.К., Чучаев А.И. Конвенционные преступления против государственной власти в уголовном законодательстве России // Психология. Экономика. Право. 2012. № 1.

2. Белова М.А. Незаконная выдача иностранному гражданину или лицу без гражданства паспорта гражданина Российской Федерации или внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации: уголовно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

3. Борисов С.В. Уголовная ответственность за фиктивную регистрацию (постановку на учет) по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации // Юрид. наука. 2015. № 2.

4. Филиппов П. Организация незаконной миграции: практика применения ст. 322.1 УК РФ и новеллы законодательства // Уголовное право. 2014. № 3. С. 83–92.

5. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М., 2007.

6. Кзык А.А. Преступления против порядка регистрационного учета в Уголовном кодексе России // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2015. № 3. С. 198–203.

1. Knyazkina A.K., Chuchaev A.I. Convention crimes against the state in the penal legislation of Russia // Psychology. Economy. Law. 2012. № 1.

2. Belova M.A. Unlawful issuance to the foreign citizen or the person without citizenship of the passport of the citizen of the Russian Federation or the making of knowingly false information into documents which has entailed illegal acquisition of citizenship of the Russian Federation: criminal-legal aspect: diss. ... Master of Law. Moscow, 2011.

3. Borisov S.V. Criminal liability for fictitious registration (registration) at the place of stay or residence in premises in the Russian Federation // Legal science. 2015. № 2.

4. Filippov P. Organization of illegal migration: the practice of application of article 322.1 of the Criminal code of the Russian Federation and the new law // Criminal law. 2014. № 3. P. 83–92.

5. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: approx. 53 000 words / ed. by L.I. Skvortsov. 24th ed., rev. Moscow, 2007.

6. Kzyk A.A. Crimes against the order for registration in the Criminal code of Russia // Bull. of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2015. № 3. P. 198–203.

Тарасенко Галина Владимировна

преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: galina.tarasenko.78@mail.ru)

Классификация предметов, находящихся в незаконном владении лиц, совершающих преступления в сфере незаконного оборота оружия

В статье анализируется понятие предметов, находящихся в незаконном владении лиц, совершающих преступления в сфере незаконного оборота оружия. Проводится классификация данных предметов в зависимости от их вредоносных свойств.

Ключевые слова: оружие, незаконный оборот оружия, оружие массового поражения, огнестрельное оружие, газовое оружие, холодное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства.

G.V. Tarasenko, Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: galina.tarasenko.78@mail.ru

Classification of items found in illegal possession of the perpetrators of crimes in the area of illicit arms trafficking

The article is devoted to the notion of objects in the illegal possession of the perpetrators of crimes in the field of illicit arms trafficking. The classification of data objects based on their harmful properties is carried out.

Key words: weapons, illegal arms trafficking, weapons of mass destruction, firearms, gas weapons, cold weapons, ammunition, explosives, explosive devices.

Группа статей 222–226.1 Уголовного кодекса РФ, которые структурно расположены в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности», условно именуется учеными и практическими работниками преступлениями в области незаконного оборота оружия [1].

При незаконном обороте оружия объектом преступления является общественная безопасность в сфере оборота оружия и боеприпасов к нему, а предметом здесь выступает само оружие.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об оружии» [2] под оружием понимаются устройства и предметы как отечественного, так и иностранного производства, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели.

Федеральный закон «Об оружии» является основным нормативным актом, регулирующим правоотношения в области оборота оружия в Российской Федерации. В нем даны понятия предметов оборота оружия («оружие», «боеприпасы», «огнестрельное оружие» и др.), перечислены субъекты, имеющие право

приобретать оружие, закреплен порядок контроля за его оборотом и т.д. В соответствии с положениями данного законодательного акта огнестрельное оружие и боеприпасы к нему должны содержаться в условиях, обеспечивающих их сохранность, безопасность хранения и исключающих доступ к ним посторонних лиц. Нарушение этого требования способствует совершению преступлений, составляющих незаконный оборот оружия.

Уголовный закон предусматривает ответственность не только за противоправные действия с видами оружия, указанными в Федеральном законе «Об оружии», но и с иными видами боевого огнестрельного оружия, которое находится на вооружении в Вооруженных силах РФ, других войсках, воинских формированиях и федеральных органах исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба и на которые действие вышеназванного закона не распространяется. Необходимо учитывать, что правила оборота каждого вида оружия и боеприпасов определены, помимо закона,

соответствующими постановлениями Правительства РФ и ведомственными нормативными правовыми актами, в связи с чем при решении вопроса о привлечении к ответственности за преступления, предусмотренные ст. 222–225 УК РФ, необходимо устанавливать, какие конкретно правила были нарушены.

Анализ диспозиций ст. 222–226.1 УК РФ показывает, что в некоторых случаях законодатель в качестве предмета общественно опасного деяния называет: ядерное, химическое или другие виды оружия массового поражения (ч. 2 ст. 225, ст. 226.1 УК РФ); огнестрельное оружие и его основные части, комплектующие детали к нему (ч. 1 ст. 222, ст. 224, 226 УК РФ); боеприпасы (ст. 225, 226.1 УК РФ); взрывные устройства, взрывчатые вещества (ст. 222.1, 223.1, 226, 226.1 УК РФ).

В юридической литературе можно встретить такое понятие, как общеопасные предметы, к которым обычно относят ядерные материалы, радиоактивные вещества, оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и т.п. В силу присутствия им внутренних свойств они обладают потенциальной опасностью причинения вреда личности, обществу [3, с. 17].

О.Г. Суркова в своем диссертационном исследовании в качестве критерия деления незаконно находящихся во владении виновного лица предметов использует наличие или отсутствие у них особых вредоносных свойств. Автор по данному признаку выделяет две группы подобных предметов: 1) предметы, обладающие вредоносными свойствами, опасными для жизни и здоровья человека; 2) предметы, не обладающие такими свойствами. Оружие применительно к данной классификации относится к первой группе. В свою очередь, в первой группе выделены две подгруппы: а) особо опасные предметы; б) опасные предметы. К особо опасным предметам отнесены: 1) оружие массового поражения, которое запрещено международным договором Российской Федерации (уголовная ответственность за его разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт предусмотрена ст. 355 УК РФ, а за его хищение или вымогательство – ч. 2 ст. 226 УК РФ); б) ядерные материалы и радиоактивные вещества (за их незаконное приобретение, хранение, использование, передачу, разрушение, а также хищение и вымогательство уголовная ответственность наступает в соответствии со ст. 220, 221 УК РФ) [4, с. 53].

В следующую подгруппу опасных предметов О.Г. Суркова относит огнестрельное оружие, его основные части, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства (ст. 222, 226 УК РФ), а также незаконно изготовленное или переделанное огнестрельное оружие ограниченного поражения, незаконно изготовленное газовое оружие, холодное оружие, метательное оружие, незаконно изготовленные или переделанные к огнестрельному оружию ограниченного поражения либо газовому оружию (ст. 223 УК РФ). По мнению автора, в отличие от особо опасных предметов незаконное владение предметами второй подгруппы само по себе не способно причинить какой-либо реальный вред жизни и здоровью человека, лишь их незаконное использование приводит к наступлению названных тяжких последствий. При этом применение опасных предметов не может одновременно вызвать масштабные губительные последствия для всего населения в целом, которые возникают при использовании особо опасных предметов [4, с. 57].

В целом, взяв за основу данную классификацию, можно предметы, находящиеся в незаконном владении лиц, совершающих преступления в сфере незаконного оборота оружия, по степени их вредоносных свойств разделить на особо опасные и опасные. Первую группу составляет оружие массового поражения. Уголовная ответственность за хищение или вымогательство оружия массового поражения предусмотрена ч. 2 ст. 226 УК РФ, за его контрабанду – ст. 226.1 УК РФ.

В Федеральном законе «Об оружии» понятие «оружие массового поражения» отсутствует. В нормах отечественного законодательства его можно встретить в Федеральном законе «Об экспортном контроле» [5], где сказано, что оружие массового поражения – это ядерное, химическое, бактериологическое (биологическое) и токсинное оружие (ст. 1).

В 1948 г. ООН были сформулированы признаки оружия, которое «должно быть определено таким образом, чтобы включать оружие, действующее атомным взрывом, оружие, действующее при помощи радиоактивных материалов, смертоносное химическое и биологическое оружие и любое разработанное в будущем оружие, обладающее характеристиками, сравнимыми по разрушительному действию с атомным и другим упомянутым выше оружием» [6, с. 47].

В Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении [7] в ст. II раскрывается понятие «химическое оружие», что означает в совокупности или в отдельности следующее: а) токсичные химикаты и их прекурсоры, за исключением тех случаев, когда они предназначены для целей, не запрещаемых по настоящей Конвенции, при том условии, что виды и количество соответствуют таким целям; б) боеприпасы и устройства, специально предназначенные для смертельного поражения или причинения иного вреда за счет токсических свойств указанных в подп. «а» токсичных химикатов, высвобождаемых в результате применения таких боеприпасов и устройств; с) любое оборудование, специально предназначенное для использования непосредственно в связи с применением боеприпасов и устройств, указанных в подп. «б». В этой же статье раскрывается ряд других понятий: «токсичный химикат», «прекурсор» и т.д.

Таким образом, к оружию массового поражения можно отнести: химическое оружие массового поражения, биологическое оружие массового поражения, другие виды оружия массового поражения (ядерное и т.д.)

В настоящее время наукой должно быть разработано четкое определение данного понятия и его признаки. Однако в юридической литературе отмечается, что создание такого определения затруднительно в силу того, что порой весьма трудно провести грань между оружием, предназначенным для массового поражения военных и гражданского населения, имущества и военной техники, и обычным оружием неизбирательного действия (противопехотные мины, зажигательное оружие, кассетные боеприпасы и т.д.) [8, с. 41].

Помимо этого к особо опасным предметам следует отнести взрывчатые вещества и взрывные устройства. Федеральным законом от 24 ноября 2014 г. № 370-ФЗ [9] внесены изменения в УК РФ. В настоящее время незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 222.1 УК РФ) и незаконное изготовление взрывчатых веществ, незаконные изготовление, переделка или ремонт взрывных устройств (ст. 223.1 УК РФ) являются самостоятельными составами преступлений. До внесения соответствующих изменений в юридической литературе указывалось, что взрывные устройства имеют более высокую

поражающую способность, приводят, как правило, к большему числу жертв и, следовательно, имеют большую общественную опасность. В связи с этим необходимо дифференцировать ответственность за незаконный оборот оружия [10, с. 13].

В Федеральном законе «Об оружии» отсутствуют определения понятий «взрывное устройство» и «взрывчатые вещества». Они раскрываются в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств».

Под взрывчатыми веществами следует понимать химические соединения или механические смеси веществ, способные к быстрому самораспространяющемуся химическому превращению, взрыву без доступа кислорода воздуха. К ним относятся тротил, аммониты, пластиты, эластиты, порох, твердое ракетное топливо и т.п.

Под взрывными устройствами следует понимать промышленные или самодельные изделия, функционально объединяющие взрывчатое вещество и приспособление для инициирования взрыва (запал, взрыватель, детонатор и т.п.).

Возникает вопрос: можно ли отнести преступления, предусмотренные статьями 222.1, 223.1 УК РФ, к преступлениям в сфере незаконного оборота оружия или следует выделить группу преступлений в сфере незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств? Представляется правильным первый вариант ответа. При этом следует руководствоваться указанием Генпрокуратуры России № 744/11, МВД России № 3 от 31 декабря 2014 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [11], в перечне № 14 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, названы ст. 222.1, 223.1, 225, 226 УК РФ.

Далее следует обратиться к характеристике опасных предметов. Одним из них является огнестрельное оружие. В ст. 1 Федерального закона «Об оружии» под огнестрельным оружием понимается оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда. В п. 2 постановления Плену-

ма Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» разъяснено, что к огнестрельному оружию применительно к ст. 222–226 УК РФ следует относить все виды боевого, служебного, гражданского оружия, в том числе изготовленного самодельным способом, конструктивно предназначенного для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда.

Раскрывая понятие огнестрельного оружия, законодатель исходил из его целевого назначения и конструктивного принципа действия, которые остаются неизменными с момента изобретения огнестрельного оружия, которое создано для поражения человека, животного или определенной преграды снарядом на расстоянии, метаемым силой давления газов, образующихся при сгорании пороха или его заменителей [12, с. 17].

Анализ норм УК РФ (ст. 222–226.1) и ст. 1 Федерального закона «Об оружии» позволяет выделить в рамках группы опасных предметов: огнестрельное оружие (включая огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие, а также огнестрельное оружие ограниченного поражения); газовое оружие; холодное оружие.

Помимо этого в ст. 1 Федерального закона «Об оружии» раскрывается понятие «боеприпасы», которые упоминаются в диспозициях ч. 1 ст. 225, ст. 226.1 УК РФ. Боеприпасы – предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный, пи-

ротехнический или вышибной заряды либо их сочетание. Аналогичное содержание понятия «боеприпасы» разъяснено и в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств». При этом к категории боеприпасов относятся артиллерийские снаряды и мины, военно-инженерные подрывные заряды и мины, ручные и реактивные противотанковые гранаты, боевые ракеты, авиабомбы и т.п., независимо от наличия или отсутствия у них средств для инициирования взрыва, предназначенные для поражения целей, а также все виды патронов к огнестрельному оружию, независимо от калибра, изготовленные промышленным или самодельным способом.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что предметы, находящиеся в незаконном владении лиц, совершающих преступления в сфере незаконного оборота оружия, можно классифицировать на две основные группы. Первая включает в себя особо опасные предметы, к которым можно отнести: оружие массового поражения (химическое оружие массового поражения, биологическое оружие массового поражения, ядерное и т.д.); взрывчатые вещества и взрывные устройства. Вторую группу опасных предметов составляют огнестрельное оружие (включая огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие, а также огнестрельное оружие ограниченного поражения); газовое оружие; холодное оружие, боеприпасы.

1. Баев О.Я., Завидов Д.В. Уголовно-правовой анализ ст. 222–226 УК РФ. URL: <http://www.lawmix.ru/comm/2733>.

2. Об оружии: федер. закон от 13 дек. 1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г. № 230-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 51. Ст. 5681; 2015. № 29, ч. 1. Ст. 4356.

3. Бикеев И.И. Ответственность за преступления против общественной безопасности, связанные с незаконным обращением с материальными объектами повышенной опасности: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.

4. Суркова О.Г. Добровольная сдача предметов, находящихся в незаконном владении

1. Baev O.Ya., Zavidov D.V. Criminal legal analysis of art. 222–226 of the Criminal code of the Russian Federation. URL: <http://www.lawmix.ru/comm/2733>.

2. On weapons: fed. law d.d. Dec. 13, 1996 № 150-FL (as amended on July 13, 2015 № 230-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 51. Art. 5681; 2015. № 29, pt. 1. Art. 4356.

3. Bikeev I.I. Responsibility for crimes against public safety associated with illegal handling of material objects of increased danger: theory and practice: auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 2009.

4. Surkova O.G. Voluntary surrender of objects in the illegal possession of a person who committed a crime and its criminally-

лица, совершившего преступление, и ее уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014.

5. Об экспортном контроле: федер. закон от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г. № 216-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 1999. № 30. Ст. 3774; 2015. № 29, ч. 1. Ст. 4342.

6. Резолюции и решения Генеральной Ассамблеи ООН, принятые на XXII сессии, Нью-Йорк, 1968.

7. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении: заключена в г. Париже 13 янв. 1993 г. // Бюл. международных договоров. 1998. № 4.

8. Жинкин А.А., Жинкина Е.С. Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения как преступление против мира и безопасности человечества // Рос. следователь. 2012. № 23.

9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 24 нояб. 2014 г. № 370-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2014. № 48. Ст. 6651.

10. Багаутдинов Ф., Ширкин А. Ручная граната: оружие, взрывное устройство или боеприпас? // Законность. 2008. № 1.

11. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 744/11, МВД России № 3 от 31 дек. 2014 г. URL: <http://base.consultant.ru/>

12. Королькова О.А., Скосарев В.В., Черненко М.Д. Комментарий к Федеральному закону «Об оружии». М., 2007.

legal value: diss. ... Master of Law. Volgograd, 2014.

5. On export control: fed. law d.d. July 18, 1999 № 183-FL (as amended on July 13, 2015 № 216-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1999. № 30. Art. 3774; 2015. № 29, pt. 1. Art. 4342.

6. Resolutions and decisions of the UN General Assembly adopted at the XXII session, New York, 1968.

7. Convention on the prohibition of the development, production, stockpiling and use of chemical weapons and on their destruction: concluded in Paris on Jan. 13 1993 // Bull. of international agreements. 1998. № 4.

8. Zhinkin A.A., Zhinkina E.S. Development, production, stockpiling, acquisition or sale of weapons of mass destruction as a crime against peace // Russian investigator. 2012. № 23.

9. On amendments to the Criminal code of the Russian Federation and separate legislative acts of the Russian Federation: fed. law d.d. Nov. 24, 2014 № 370-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2014. № 48. Art. 6651.

10. Bagautdinov F., Shirkin A. Hand grenade: weapons, ammunition or explosive device? // Legality. 2008. № 1.

11. On the entry into force of the lists of the articles of the Criminal code of the Russian Federation that are used in the formation of statistical reports: note of the Russian Prosecutor General's Office № 744/11, the Russian Interior Ministry № 3 d.d. Dec. 31, 2014. URL: <http://base.consultant.ru/>

12. Korolkova O.A., Skosarev V.V., Chernenko M.D. Commentary on the Federal law «On weapons». Moscow, 2007.

Вуйчич Ярослав Викторович
аспирант кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права, криминологии
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
(тел.: +78632638423)

Уголовно-правовая охрана прав владельцев эмиссионных ценных бумаг, инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов

В статье проанализирован предмет преступного посягательства в случае иного воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения установленных прав владельцев эмиссионных ценных бумаг и инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов. Четко определены субъекты и предмет охраняемого ст. 185.4 УК РФ общественного отношения.

Ключевые слова: акционерное общество, ценная бумага, предмет преступного воздействия, акция, облигация, инвестиционный пай, инвестиционный фонд, опцион эмитента, эмиссионная ценная бумага.

Ya.V. Vuychich, Postgraduate of the Chair of Criminal and Criminal-executive Law, Criminology of the Rostov State University of Economics; tel.: +78632638423.

Criminal legal protection of the rights of owners of emessive securities, investment units of mutual investment funds

The article analyzes the subject of a criminal assault in another case of obstruction or unlawful restriction of established rights of owners of emessive securities and investment units of unit investment funds. Clearly defined actors and the subject of the public relation protected with the article 185.4 of the Criminal code of Russian Federation.

Key words: joint-stock company, securities, subject of criminal impact, stock, bond, mutual Fund unit, investment Fund, option of the Issuer, emessive securities.

Статья 185.4 УК РФ, как следует из ее названия, предусматривает уголовную ответственность за воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг, инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов [1].

Так в самом общем виде обозначен предмет преступного посягательства [2, с. 129] ст. 185.4 УК РФ: права владельцев ценных бумаг, инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов. Далее в диспозиции статьи уточняется, что в случае иного воспрепятствования или незаконного ограничения защищаются только права владельцев эмиссионных ценных бумаг и инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов.

Нужно четко понимать, о каких правах и каких владельцах идет речь в этом случае. Законодатель в ст. 185.4 УК РФ выделяет: права владельцев ценных бумаг, связанные с уча-

стием в общем собрании владельцев, и права владельцев эмиссионных ценных бумаг и инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов.

Права владельцев эмиссионных ценных бумаги инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов, взятые под защиту ст. 185.4 УК РФ, ограничиваются лишь указанием на то, что они должны быть предусмотрены действующим законодательством Российской Федерации. Следовательно, права эмиссионных ценных бумаг и инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов, связанные с участием в общем собрании владельцев, предусмотренные действующим законодательством РФ, охраняются ст. 185.4 УК РФ.

Помимо законов «О рынке ценных бумаг» [3], «Об акционерных обществах» [4] и «Об инвестиционных фондах» [5], «О приватизации государственного и муниципального имущества» [6] эти права прописаны в постановлении

Правительства РФ от 3 декабря 2004 г. № 738 «Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями открытых акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении открытыми акционерными обществами («золотой акции»)» [7], постановлении Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 600 «Об утверждении Типовых правил доверительного управления биржевым паевым инвестиционным фондом» [8], уставе общества и других нормативных актах.

Несмотря на то, что в диспозиции статьи четко указывается, что уголовный закон охраняет лишь те права, которые установлены законодательством Российской Федерации, в некоторых случаях практические и научные работники игнорируют это прямое указание закона. Они считают, что в случае иного воспрепятствования или незаконного ограничения прав владельцев эмиссионных ценных бумаг, инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов с учетом того, что диспозиция ст. 185.4 УК РФ является бланкетной, права владельцев, упомянутые в любом нормативном акте и не противоречащие закону, охраняются ст. 185.4 УК РФ. В ходе проведенного нами опроса акционеров, менеджмента компании, сотрудников правоохранительных органов, преподавателей юридических вузов установлено, что более 50% из них считают, что в случае иного воспрепятствования или незаконного ограничения прав владельцев эмиссионных ценных бумаг, инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов речь идет о правах, упомянутых в любом нормативном акте и не противоречащих закону. Среди сотрудников правоприменительных органов так считают 70% опрошенных, среди менеджмента компании такой позиции придерживается 87%, а среди акционеров – 98% (2% затруднялось ответить на этот вопрос), так же считают 50% преподавателей юридических вузов. Сложившаяся ситуация вызывает серьезную озабоченность, т.к. она может изменить правоприменительную практику в сторону, явно противоречащую закону.

Выпуск и обращение эмиссионных ценных бумаг регулируются Законом «О рынке ценных бумаг». Особенности и признаки эмиссионных ценных бумаг закрепляются законодательно Федеральным законом от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг». Согласно данному закону эмиссионными ценными бума-

гами признаются акции, облигации, опционы эмитента. Особенности и признаки инвестиционного пая в паевом инвестиционном фонде закрепляются Федеральным законом от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах». Согласно ст. 10 этого закона под паевым инвестиционным фондом понимается обособленный имущественный комплекс, не являющийся юридическим лицом, состоящий из имущества, которое передано в доверительное управление управляющей компании учредителем (учредителями) доверительного управления с условием объединения этого имущества с имуществом иных учредителей доверительного управления, и из имущества, полученного в процессе такого управления, доля в праве собственности на которое удостоверяется ценной бумагой, выдаваемой управляющей компанией [5]. Согласно законодательству выделяют 3 типа паевых инвестиционных фондов: открытый, интервальный, закрытый.

Акция закрепляет право владельца получить в виде дивидендов часть прибыли акционерного общества (АО), участвовать в управлении акционерным обществом и в случае ликвидации АО на часть остающегося его имущества. Облигация закрепляет право владельца получить от ее эмитента в установленный срок ее номинальную стоимость или иной имущественный эквивалент, или фиксированный в ней процент или дисконт, или иные имущественные права. Опцион эмитента закрепляет право владельца купить в оговоренный срок и/или при наступлении определенных обстоятельств установленное сторонами количество акций эмитента такого опциона по определенной в нем цене.

Как видно из вышеуказанного определения акции, последняя закрепляет право владельца на участие в управлении акционерным обществом. Кроме того, право на участие в общем собрании владельца акции оговорено в ст. 51 Закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». В определениях облигации и опциона эмитента не усматривается закрепление права владельца на участие в управлении. Однако в отношении владельцев облигаций отечественный законодатель в ст. 29.7 Закона «О рынке ценных бумаг» предусматривает проведение общего собрания владельцев облигаций и определяет его компетенции. Таким образом, право владельцев

облигаций на созыв общего собрания отражено в законе.

Говоря об ином воспрепятствовании осуществлению или незаконном ограничении прав помимо владельцев эмиссионных ценных бумаг, следует отметить, что в ст. 185.4 УК РФ упоминаются владельцы пая паевого инвестиционного фонда. В соответствии с этой статьей владельцы инвестиционного пая закрытого паевого инвестиционного фонда обладают правом участия в общем собрании владельцев инвестиционных паев и по набору своих прав уподобляются акционерам, избирая, например, доверительного управляющего.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что правом на участие в общем собрании владельцев в соответствии с законодательством Российской Федерации обладают владельцы облигаций, акций, инвестиционных паев закрытых инвестиционных фондов. Помимо этих прав ст. 185.4 УК РФ в части воспрепятствования или незаконного ограничения защищает и другие права владельцев эмиссионных ценных бумаг и владельцев инвестиционных паев. Как было отмечено выше, согласно Закону «О рынке ценных бумаг» акция закрепляет право владельца получать в виде дивидендов часть прибыли акционерного общества (АО), в случае ликвидации АО на часть остающегося его имущества. Кроме этих прав, отмеченных в Законе «О рынке ценных бумаг», Закон «Об акционерных обществах» конкретизирует права акционеров с учетом категории акций и типа акционерного общества (права акционеров, обусловленные категорией акции, включают в себя соответственно права акционеров – владельцев обыкновенных акций и права акционеров, владеющих привилегированными акциями; права акционеров, обусловленные типом акционерного общества, дифференцируются на права акционеров открытых акционерных обществ и права акционеров закрытых акционерных обществ); устанавливает право на получение информации о деятельности акционерного общества;

фиксирует права акционеров, связывая их с наступлением оговоренных обстоятельств: а) в случае аккумуляции акционером определенного пакета акций; б) в случае выпуска или приобретения обществом размещенных акций; в) в случае принятия решений на общем собрании о реорганизации общества, о совершении крупной сделки, о внесении изменений и дополнений в устав акционерного общества.

Инвестиционный пай, являясь ценной бумагой (но не эмиссионной), предоставляет своему владельцу следующие права, которые тоже являются предметом охраны ст. 185.4 УК РФ: право на долю общего имущества фонда в виде определенного количества ценных бумаг, денег или иного имущества. Эта доля не может быть выделена или представлена в натуре; право требования от управляющей компании надлежащего доверительного управления паевым инвестиционным фондом; право получать денежную компенсацию в случае, если договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом со всеми владельцами инвестиционных паев этого паевого инвестиционного фонда прекращен; право требования от управляющей компании владельца открытого и закрытого паевого инвестиционного фонда погасить инвестиционный пай и выплатить денежную компенсацию.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что в случае иного воспрепятствования или незаконного ограничения установленных законодательством Российской Федерации прав владельцев эмиссионных ценных бумаг и инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов речь идет о правах, связанных с участием в общем собрании владельцев, только для владельцев облигаций, акций, инвестиционных паев закрытых инвестиционных фондов. Что же касается остальных прав всех владельцев эмиссионных ценных бумаг и инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов, то они в полном объеме охраняются ст. 185.4 УК РФ, если предусмотрены действующим отечественным законодательством.

1. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Улезко С.И. Теоретические основы исследования уголовно-правовой охраны на-

1. Criminal code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996 № 25. Art. 2954.

2. Ulezko S.I. Theoretical foundations of the study of criminal law protection of tax system of Russia: diss. ... Dr of Law. Moscow, 1998.

логовой системы России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998.

3. О рынке ценных бумаг: федер. закон от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

4. Об акционерных обществах: федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

5. Об инвестиционных фондах: федер. закон от 29 нояб. 2001 г. № 156-ФЗ // Рос. газ. 2001. № 2850.

6. О приватизации государственного и муниципального имущества: федер. закон от 21 дек. 2001 г. № 178-ФЗ // Рос. газ. 2002. № 2884.

7. Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями открытых акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении открытыми акционерными обществами («золотой акции»): постановление Правительства РФ от 3 дек. 2004 г. № 738 // Собр. законодательства РФ. 2004. № 50. Ст. 5073.

8. Об утверждении Типовых правил доверительного управления биржевым паевым инвестиционным фондом: постановление Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 600 // Собр. законодательства РФ. 2013. № 30, ч. 2. Ст. 4111.

3. On securities market: fed. law d.d. Apr. 22, 1996 № 39-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996 № 17. Art. 1918.

4. On joint stock companies: fed. law d.d. Dec. 26, 1995 № 208-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 1. Art. 1

5. On investment funds: fed. law d.d. Nov. 29, 2001 № 156-FL // Rus. newsp. 2001. № 2850.

6. On privatization of state and municipal property: fed. law d.d. Dec. 21, 2001 № 178-FL // Rus. newsp. 2002. № 2884.

7. On management of federally owned shares of open joint stock companies and the use of special right for participation of Russian Federation in managing open joint stock companies («Golden share»): resolution of the Government of the Russian Federation d.d. Dec. 3, 2004 № 738 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2004. № 50. Art. 5073.

8. On approval of Typical rules of trust management of stock exchange unit investment Fund: resolution of the Government of the Russian Federation d.d. July 15, 2013 № 600 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 30, pt. 2. Art. 4111.

Макаеева Ася Александровна

аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Российского государственного университета юстиции
(тел.: +79156812673)

Реальный принцип действия уголовного закона как способ защиты конституционных прав граждан России

В статье в качестве одного из способов защиты прав и интересов граждан Российской Федерации и лиц, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, рассмотрен реальный принцип действия уголовного закона в пространстве. Этот принцип представляет собой правовое средство, позволяющее в полной мере обеспечить охрану интересов России, ее граждан от посягательств на них извне, расширяя возможности экстерриториального применения уголовного закона.

Ключевые слова: уголовный закон, реальный принцип действия, конституционные права, экстерриториальная юрисдикция.

A.A. Makaseeva, Postgraduate of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Russian State University of Justice; tel.: +79156812673.

The real principle of operation of criminal statute as a tool to protect the constitutional rights of russian citizens

In this article, as a means to protect the rights and interests of the Russian federation's citizens, as well as persons permanently residing on the territory of the Russian Federation, considered the real principle of operation of criminal law. This principle is a legal tool to fully protect the interests of Russia and its citizens against attacks on them from the outside, extending the capabilities of the extraterritorial application of the criminal law.

Key words: criminal statute, real principle of operation, constitutional rights, extraterritorial jurisdiction.

В преамбуле Конституции РФ говорится о стремлении многонационального народа к утверждению прав и свобод человека, а согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, в связи с чем их защита представляет собой важнейшую задачу и обязанность государства. Одновременно с этим недостаточно провозгласить основные права и свободы человека и гражданина, важно обеспечить их реализацию и охрану. Вышесказанное обуславливает необходимость совершенствования существующих юридических механизмов применения и реализации норм российского законодательства (в том числе, и уголовного) в целях защиты конституционных прав граждан Российской Федерации.

Реальный принцип действия уголовного закона в пространстве представляет собой правовое средство, позволяющее в полной мере обеспечить охрану интересов государства, а также его граждан от посягательств на них извне, расширяя возможности экстерриториального применения уголовного закона. И важно

отметить, что эффективность данного средства зависит от его правильного толкования правоприменителем, а также механизма его воплощения в рамках не только национального законодательства, но и международного права.

Рассматривая необходимость защиты конституционных прав граждан, следует обратить внимание на тот факт, что далеко не всегда российское законодательство расставляло приоритеты в объектах уголовно-правовой охраны в следующем порядке: личность – общество – государство. История показывает, что в ранее действующем УК РСФСР 1960 г. на первое место была поставлена задача охраны государственных интересов, затем – общественных, и только после этого – интересов личности. Позже произошло принципиальное изменение в расстановке ценностно-нормативных приоритетов в сфере борьбы с преступностью. Утверждая приоритеты социальных ценностей, Декларация прав и свобод человека и гражданина, принятая Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г., признала права и свободы человека высшей ценностью

общества и государства, установив градацию: личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

В соответствии с указанным концептуальным положением была провозглашена ориентация на максимальное обеспечение безопасности личности, охрану жизни и здоровья, чести и достоинства, прав и свобод граждан, их неприкосновенности.

Несомненно, это не могло не отразиться и на закреплении реального принципа пространственного действия уголовного закона. Эволюция норм российского уголовного законодательства показывает, что рассматриваемый принцип, изложенный в ч. 3 ст. 12 УК РФ, новым ни для теории, ни для права не является. Он был известен еще русскому уголовному праву (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовное уложение 1903 г.). В свое время он был отражен и в советском уголовном праве (УК РСФСР 1922 г.), но затем законодатель от него отказался. И, несмотря на то, что в литературе периодически обсуждался вопрос о возвращении реального принципа в уголовный закон [1, с. 276], к более детальной его разработке и формулированию исследователи приступили лишь в 90-х гг. прошлого столетия при подготовке нового уголовного закона.

Лишь в 1996 г. в ст. 12 УК РФ реальный принцип действия уголовного закона в пространстве был законодательно восстановлен, несмотря на то, что такая тенденция возникла еще в период постсоветской реформы. Однако первоначальная редакция ч. 3 ст. 12 УК РФ 1996 г. отличалась от современной: «Иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу в случаях, если преступление направлено против интересов Российской Федерации, и в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации, если они не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации». Иными словами, законодатель при изложении данной нормы ограничился понятием «интересы Российской Федерации», что, в свою оче-

редь, вызвало ряд вопросов у исследователей и правоприменителей.

Из текста уголовного закона в первоначальной (1996 г.) редакции было неясно, о каких преступлениях, совершенных иностранными гражданами и лицами, постоянно не проживающими на территории России, идет речь. Очевидно, что термин «интересы Российской Федерации» не имеет четко определенных границ. Так, например, В.Ф. Щепельков указывал, что при толковании понятия «интересы Российской Федерации» возникают определенные затруднения: из текста закона неясно, то ли это оценочное понятие, то ли имеющее строгую логическую конструкцию, не допускающую элементов усмотрения правоприменителя [2, с. 27].

И по-прежнему сохранялся вопрос о том, можно ли в понятие «интересы Российской Федерации» включать и интересы российских граждан.

Если некоторые исследователи полагали, что под интересами России следует понимать не только государственные интересы, но и интересы личности российских граждан, то, например, Н.Г. Иванов указывал, что декларация политиков на тему «интересы граждан есть интересы России» на практике остается схоластикой и «по существу ничего не выражает». Поэтому на законодательном уровне необходимо «четко различать интересы, касающиеся государства в целом: его экономическая стабильность, вооруженность, экономическая и политическая безопасность и т.п., и интересы, касающиеся конкретного гражданина (его жизнь, здоровье, имущественные и финансовые отношения)» [3, с. 41].

Таким образом, изначальная редакция УК РФ 1996 г. не была безупречной, что обуславливалось не только неопределенностью понятия «интересы Российской Федерации», но и тем, что она не соответствовала представлению о градации приоритетов ценностей, охраняемых уголовным законом: учитывались интересы государства, но не интересы российских граждан – потерпевших от преступления. Устранить указанные пробелы (в частности, необходимость расширительного толкования термина «интересы Российской Федерации») была призвана новая редакция ст. 12 УК РФ, измененная Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ.

Именно новая редакция ст. 12 УК РФ позволила, наконец, говорить о существовании в

российском уголовном праве не только реального принципа (в собственном смысле слова), но и пассивного персонального принципа, который предполагает защиту интересов своих граждан от посягательств на них извне.

Пассивный персональный принцип применяется в случае совершения преступления иностранными гражданами или лицами без гражданства, постоянно не проживающими в Российской Федерации, вне пределов Российской Федерации. Определение места совершения преступления «вне пределов Российской Федерации» для действия рассматриваемого принципа является полностью обоснованным. Именно такая формулировка включает как территорию иностранного государства, так и международное пространство, что позволяет распространять уголовно-правовую юрисдикцию России на всех иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно не проживающих в Российской Федерации, за совершение за пределами ее государственных границ любых преступлений, направленных против интересов граждан Российской Федерации [4, с. 137].

Это означает, что если названные лица окажутся на территории России, то ее правоохранительные органы имеют полное право начать уголовное преследование. Если же указанные лица обнаружены в других государствах, то российская сторона имеет законное право согласно реальному принципу обратиться с официальным запросом о выдаче (при соблюдении всех необходимых условий) данных лиц к государству, где они находятся [5, с. 32].

Таким образом, применение реального принципа действия уголовного закона в пространстве реализует экстерриториальную юрисдикцию государства. Однако данная процедура предполагает не только определение места совершения преступления, но и круга лиц, которыми данные общественно опасные деяния совершаются.

Для наиболее эффективного понимания того, кто может быть субъектом преступления (в случае применения реального принципа), следует обратиться к одному из ключевых понятий – иностранный гражданин. Анализ различных подходов к пониманию данного определения, а также Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», позволяет утверждать, что: а) иностранный гражданин – физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Фе-

дерации, имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства; б) лицо без гражданства – физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации, при этом не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иного государства.

Исходя из п. 2 ст. 2 вышеуказанного Федерального закона, следует отметить, что понятие «иностраный гражданин» включает в себя и понятие «лицо без гражданства», кроме случаев, когда федеральным законом для лиц без гражданства устанавливаются специальные правила, которые в корне отличаются от правил, установленных для иностранных граждан. Таким образом, правовое положение лиц без гражданства в Российской Федерации в целом аналогично положению иностранных граждан.

Как известно, ст. 12 УК РФ выделяет две категории лиц без гражданства: 1) постоянно проживающие на территории Российской Федерации; 2) не проживающие постоянно на территории Российской Федерации.

К первому виду относятся лица, которые проживают в Российской Федерации не менее 183 дней в календарном году. При этом документом, подтверждающим право лица без гражданства на постоянное проживание в Российской Федерации и удостоверяющим его личность, служит вид на жительство. С позиций уголовного права, данных лиц следует приравнять к гражданам Российской Федерации, наделенным всем объемом прав и обязанностей (ключевым отличием является лишь экстрадиция, т.к. согласно ст. 13 УК РФ выдаче иностранному государству не подлежит только гражданин Российской Федерации).

Не проживающие постоянно на территории Российской Федерации лица без гражданства – это физические лица, не являющиеся гражданами Российской Федерации, при этом не имеющие доказательств наличия гражданства (подданства) иного государства, которые проживают на территории РФ менее 183 календарных дней в году. И в данном случае документом, подтверждающим право временно проживать в Российской Федерации до получения вида на жительство, является разрешение на временное проживание.

В определенной ситуации в качестве субъекта преступления может выступить не только иностранный гражданин или постоянно не проживающее на территории Российской Федерации лицо без гражданства, но и также бипатрид

и беженец. В таком случае реальный принцип может распространять свое действие на бипатрида при условии, что он не имеет гражданства Российской Федерации. Что же касается беженцев – это лица, которые не являются гражданами Российской Федерации и которые в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находятся вне страны своей гражданской принадлежности и не могут пользоваться защитой этой страны или не желают пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного места жительства в результате подобных событий, не могут или не желают вернуться в нее вследствие таких опасений. Основываясь на данном определении, закрепленном в Законе РФ от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах», можно прийти к выводу, что в рассматриваемом нами контексте беженцев можно условно отнести к иностранным гражданам либо лицам без гражданства, постоянно не проживающим на территории Российской Федерации.

Таким образом, реальный принцип распространяется только на деяния иностранцев (в том числе бипатридов), беженцев и лиц без гражданства, постоянно не проживающих в Российской Федерации.

Из сферы действия данного принципа исключены граждане Российской Федерации и лица без гражданства, постоянно проживающие в Российской Федерации. Такое решение до внесенных в 2006 г. изменений в УК РФ было не совсем удачным. Например, за государственную измену, совершенную на территории другого государства, российско-го гражданина к уголовной ответственности привлечь было нельзя: реальный принцип в таком случае неприменим, оснований для привлечения по УК РФ российского гражданина и в соответствии с принципом гражданства также не было (из-за отсутствия двойной криминальности деяния, т.к. государственная измена российского гражданина не признается преступлением по УК иностранного государства).

Одновременно с этим некоторые исследователи полагают, что «если гражданин России разгласил государственную тайну, находясь на территории иностранного госу-

дарства, по законам которого это деяние не считается преступным, то он, тем не менее, по возвращении в Россию подлежит уголовной ответственности по ст. 183 УК РФ» [6, с. 45]. Современная редакция ч. 1 ст. 12 УК ликвидировала вышеуказанный пробел.

Важно также учитывать, что для применения реального принципа необходимо, чтобы лицо за совершенное преступление не осуждалось ранее каким-либо другим судом. Такое положение является реализацией российского и международного уголовно-правового принципа «Non bis in idem» («никто не может быть дважды осужден за одно и то же преступное деяние»). Данный принцип является фундаментальным и отражает справедливость международного уголовного права, а именно: 1) никто не может быть привлечен к ответственности и подвергнут наказанию за преступление, если лицо было осуждено или оправдано международным судом; 2) никто не может быть привлечен к ответственности и подвергнут наказанию за совершение преступления, если лицо было уже осуждено или оправдано. Если национальный суд вынес обвинительный приговор, то требуется условие приведения его в исполнение.

Определяя этот принцип, Комиссия международного права ООН исходила из того факта, что одно преступление может порождать только одно последствие в виде наказания [7, с. 96].

Таким образом, для привлечения к уголовной ответственности иностранного лица (лица без гражданства), совершившего преступление вне пределов Российской Федерации против интересов гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства, необходимо наличие и соблюдение трех принципиальных условий:

1. Преступление должно быть направлено против интересов граждан Российской Федерации/постоянно проживающих в Российской Федерации лиц без гражданства.

2. Преступник на момент привлечения его к ответственности по российскому уголовному праву не должен быть осужден в другом государстве за это же преступление (данное условие соответствует требованиям ст. 50 Конституции РФ о том, что «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление», и ст. 6 УК РФ, согласно которой «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление»).

3. Совершившее преступление лицо привлекают к ответственности на территории Российской Федерации российские правоохранительные органы. Это означает, что если названное лицо окажется на территории России, ее правоохранительные органы имеют полное право начать уголовное преследование в соответствии с УК РФ. В случае если указанное лицо обнаружено в другом государстве, российская сторона имеет законное право согласно реальному принципу обратиться с официальным запросом о выдаче (при соблюдении всех необходимых условий) данного лица к тому государству, где оно находится.

Реальный принцип фактически является средством, устраняющим недостатки других принципов действия уголовного закона в про-

странстве, что позволяет в полной мере обеспечить защиту интересов не только нашего государства, но и российских граждан за рубежом (например, находящихся на территории Украины граждан России, в отношении которых совершаются преступления в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера: убийство и похищение журналистов).

Вышесказанное лишней раз подчеркивает тесную взаимосвязь реализации рассматриваемого принципа с институтом экстрадиции. А поскольку уголовное законодательство большинства стран закрепляет запрет выдачи собственных граждан, применение рассматриваемого принципа сопровождается рядом затруднений.

1. Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948.

2. Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М., 2003.

3. Иванов Н.Г. Модельный уголовный кодекс. Общая часть. Опус 1. М., 2003.

4. Харламова Ю.Н. Ответственность иностранных граждан по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

5. Лукашук И.И., Наумов А.В. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве. М., 1998.

6. Бойцов А.И. Выдача преступников. СПб., 2004.

7. Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право. 2-е изд. М., 2010.

1. Shargorodsky M.D. Criminal statute. Moscow, 1948.

2. Shchepelkov V.F. Criminal law: the overcoming of contradictions and non-completeness. Moscow, 2003.

3. Ivanov N.G. The Model criminal code. General part. Opus 1. Moscow, 2003.

4. Kharlamova Yu.N. Liability of foreign citizens according to the Russian Criminal law: diss. ... Master of Law. Moscow, 1998.

5. Lukashuk I.I., Naumov A.V. Extradition of accused and sentenced persons in International criminal law. Moscow, 1998.

6. Boytsov A.I. Extradition of criminals. St. Petersburg, 2004.

7. Kibalnik A.G. Modern international criminal law. 2nd ed. Moscow, 2010.

Мамхягов Зураб Зунелевич

аспирант кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +79280088660)

Об административной преюдиции в уголовном законодательстве

В статье проанализированы основные позиции относительно существования института административной преюдиции в уголовном праве России. Автором рассмотрены тенденции развития административной преюдиции в современной России и соответствующие изменения Уголовного кодекса РФ. Сделан вывод о том, что в настоящее время отсутствуют веские причины существования административной преюдиции в уголовном законодательстве.

Ключевые слова: административная преюдиция, уголовное законодательство, преступление, административное правонарушение, неоднократность деяний.

Z.Z. Mamhyagov, Postgraduate of the Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Federal University; tel.: +79280088660.

On administrative prejudice in criminal legislation

The basic positions regarding the existence of administrative prejudice's institute in criminal law of Russia have been analyzed in this article. The author considers the trends of development of administrative prejudice in modern Russia and the accompanying changes in Criminal code of the Russian Federation. It is concluded that there is currently no compelling reasons for the existence of administrative prejudice in criminal law.

Key words: administrative prejudice, criminal legislation, crime, administrative offence, repeating of actions.

На сегодняшний день в научной литературе все чаще отмечается необходимость поиска оптимального соотношения сфер уголовно-правового и административно-правового воздействия (регулируемая). В связи с этим в литературе резко возрос интерес к обсуждению вопроса о возможности существования и эффективного функционирования института административной преюдиции в российском уголовном праве и законодательстве [1, с. 46–50; 2, с. 64–81; 3, с. 278–282].

Как известно, сам термин «преюдиция» происходит от латинского «praecedentia» – «предрешение вопроса», «заранее принятое решение», а также «обстоятельство, позволяющее судить о последствиях» [4, с. 3]. Под административной преюдицией в российском уголовном праве традиционно понимается средство (способ) криминализации, при котором (при соблюдении определенных условий) повторное совершение административного правонарушения превращает последнее в преступление [5, с. 50–53]. Специалисты выделяют ряд существенных признаков административной преюдиции в уголовном праве.

1. Первый признак – количественный. В нем отражена «числовая» сущность административной преюдиции, т.е. совершение двух или более административных правонарушений, при этом такие правонарушения, взятые сами по себе (независимо друг от друга), не могут расцениваться в качестве преступления.

2. Вторым признаком – качественным. Сторонники существования административной преюдиции полагают, что повторное совершение административного правонарушения изменяет характер и степень его опасности, «превращая» проступок в преступление [6, с. 58–65]. Однако именно этот признак, прежде всего, отрицается противниками рассматриваемого института. В частности, Н.Ф. Кузнецова утверждает, что ни одно административное правонарушение не обладает обязательным качеством преступного деяния – общественной опасностью, поэтому количество административных правонарушений не способно перерасти «механически» в новое качество – преступление [7, с. 14].

3. Третьим признаком – периодичность совершения административных правонарушений. Применительно к данному признаку можно выделить два подхода: а) «срочность» – лицо вновь совершает идентичные два и более ад-

министративных правонарушений в период со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления; б) «бессрочность» – лицо совершает идентичные два и более административных правонарушения в независимости от срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию.

4. Четвертый признак – наличие умышленной формы вины при совершении изначального административного правонарушения и последующего аналогичного проступка, в силу преюдиции признаваемого преступлением.

Как известно, в отечественном праве институт административной преюдиции присутствовал в УК РСФСР, но при принятии действующего УК РФ законодатель от него отказался. В настоящее время в той или иной форме административная преюдиция вновь введена в отечественный Уголовный кодекс, а именно: в ст. 155.1 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции», ст. 264.1 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию», а также – в ранее действовавшей редакции ст. 178 (в настоящее время – «Ограничение конкуренции»).

Некоторые авторы говорят о наличии «скрытой» административной преюдиции в ст. 154 «Незаконное усыновление (удочерение)» и в ст. 180 УК РФ «Незаконное использование товарного знака», в этом случае признак неоднократности рассматривается как «завуалированное» свидетельство административной преюдиции в УК РФ, проявление административной преюдиции в уголовном праве. Однако в большинстве случаев существование «завуалированной» административной преюдиции в указанных статьях УК РФ отрицается.

Например, по мнению И.А. Головизиной, «в конструкции диспозиции ст. 180 УК РФ используется принцип, согласно которому в случае совершения двух и более деяний, подпадающих по отдельности под признаки административного правонарушения, образуется состав преступления». Она считает, что данный прием юридической техники не является административной преюдицией, потому что, во-первых, в статье не упоминается о наложении взыскания за первоначально совершенное административное правонарушение, во-вторых, в данной норме не идет речи о каких-либо сро-

ках давности привлечения к административной ответственности за первый совершенный проступок [8, с. 15–17].

В настоящее время большинство отечественных ученых высказываются негативно относительно существования административной преюдиции в уголовном праве и законодательстве, отрицают возможность ее применения в качестве криминализирующего признака («способа криминализации») в уголовном законе [9, с. 119–125].

Говоря о недопустимости административной преюдиции в уголовном праве, необходимо учитывать тот факт, что ни один административный проступок не обладает свойством криминальной общественной опасности (хотя в современном законодательстве наблюдается «перемещение» правонарушений из КоАП РФ в УК РФ и обратно). Уголовное законодательство и законодательство об административных правонарушениях должны быть четко разграничены во избежание путаницы, двоякого понимания и ошибок правоприменения.

Также особо надо подчеркнуть, что в настоящее время нет строгой определенности критериев общественной опасности как основного и обязательного признака преступного деяния, что также негативно сказывается на определении границ между средствами уголовно-правового и административно-правового характера.

Использование административной преюдиции для криминализации деяний приводит к тому, что в качестве единичного преступления объявляются несколько административных правонарушений, даже не имеющих между собой внутренней связи.

Как справедливо отмечает по этому поводу Н.А. Лопашенко, «все административные правонарушения, совокупность которых на определенном этапе объявляется законодателем преступной абсолютно по механическому признаку – повторяемости и накоплению самостоятельных административных правонарушений, – никоим образом не связаны между собой, они – разные». Каждый раз «воля лица, совершившего это правонарушение, реализуется в указанном отдельном правонарушении до конца». Кроме того, преступления с административной преюдицией составляют «несколько самостоятельных, окончательно исполненных административных правонарушений, не связанных между собой умыслом лица. Умысел на каждое правонарушение возникает отдельно и реализуется полностью, окончательно» [2, с. 79–80].

Поскольку условная «совокупность» административных правонарушений, образующая преступление с административной преюдицией, не обладает содержательным единством, ее законодательная оценка как единичного преступления представляется необоснованной. Ключевым критерием единства преступного деяния, положенным в основу конструирования состава единичного преступления, должна являться именно внутренняя взаимосвязь его элементов, которая в преступлениях с административной преюдицией отсутствует.

Таким образом, в российской доктрине уголовного права сегодня сложились многополярные подходы к пониманию административной преюдиции, возможности ее использования в качестве способа криминализации в уголовном законодательстве. Однако возврат к практике конструирования в УК РФ составов преступлений с административной преюдицией является ошибочным решением: институт административной преюдиции должен быть навсегда исключен из российского уголовного законодательства.

1. Бобрович П.П. Административная преюдиция в уголовном праве // Библиотека криминалиста. 2013. № 2.

2. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестн. Акад. Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3.

3. Юнусов А.А., Серкова Т.В. Административная преюдиция в российском уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1.

4. Худяков Е.А. Эффективность применения норм с административной преюдицией. М., 1981.

5. Овечкина Е.В. Административная преюдиция как средство криминализации и декриминализации в уголовном праве России // Закон и право. 2009. № 5.

6. Малков В.П. Административная преюдиция: за и против // Вестн. Акад. Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3.

7. Кузнецова Н.Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11: Право. 2003. № 1.

8. Головизнина И.А. Проблема двусмысленности термина «неоднократность», содержащегося в ст. 180 УК РФ, и пути ее преодоления // Рос. следователь. 2006. № 11.

9. Кибальник А.Г. Недопустимость административной преюдиции в уголовном законодательстве // Библиотека криминалиста. 2013. № 2.

1. Bobrovich P.P. Administrative prejudice in criminal law // Criminalist's library. 2013. № 2.

2. Lopashenko N.A. Administrative prejudice in criminal law – No! // Bull. of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2011. № 3.

3. Yunusov A.A., Serkova T.V. Administrative prejudice in Russian criminal law // Actual problems of economics and law. 2015. № 1.

4. Khudyakov E.A. Effectiveness of using of norms with administrative prejudice. Moscow, 1981.

5. Ovechkina E.V. Administrative prejudice as a mean of criminalization and decriminalization in Russian criminal law // Statute and law. 2009. № 5.

6. Malkov V.P. Administrative prejudice: pro and contra // Bull. of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2011. № 3.

7. Kuznetsova N.F. Seven years of Russian Criminal code // Bull. of Moscow university. Ser. 11: Law. 2003. № 1.

8. Goloviznina I.A. The problem is the ambiguity of the term «repeated» contained in art. 180 of Criminal code of the Russian Federation, and the ways of its overcoming // Russian investigator. 2006. № 11.

9. Kibalnik A.G. Inadmissibility of administrative prejudice in criminal legislation // Criminalist's library. 2013. № 2.

Мирзоахмедов Фирдавс Ахмадович

соискатель кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (тел.: +79253659592)

Особенности ответственности за терроризм по уголовному праву государств – участников Содружества Независимых Государств

В статье анализируются особенности конструирования норм уголовных кодексов стран – участников Содружества Независимых Государств, предусматривающих ответственность за терроризм (террористический акт), ставится вопрос об их дальнейшей унификации в целях эффективности борьбы с терроризмом.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ, уголовное законодательство стран СНГ.

F.A. Mirzoahmedov, Competitor of the Chair of Criminal Law Disciplines of Law Institute of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; tel.: +79253659592.

Peculiarities of responsibility for terrorism under criminal law of CIS countries

The article reviews the features of construction of norms of criminal codes of the CIS countries, that provide liability for terrorism (act of terrorism); question of their further unification in order to effectively fight against terrorism is raised.

Key words: terrorism, act of terrorism, Model Criminal Code for the CIS countries, criminal legislation of the CIS countries.

Законодательство стран СНГ о борьбе с терроризмом сформировалось в условиях общего развития международных отношений и связей между бывшими республиками СССР и Российской Федерацией. Такая интеграция была вызвана необходимостью объединения усилий всех перечисленных субъектов в целях эффективного противодействия международному терроризму. На этом фоне было принято несколько нормативно-правовых документов, направленных на сближение законодательства стран СНГ по борьбе с терроризмом, к их числу относятся: Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ [1], Модельный закон «О борьбе с терроризмом» (новая редакция) [2], Модельный закон «О противодействии организациям и лицам, деятельность которых имеет целью осуществление актов терроризма на территории других государств» [3], Модельный закон «О противодействии терроризму» [4], а также Договор «О сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом» [5].

Уголовное законодательство государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, построено под влиянием вышеуказанных нормативно-правовых документов. Этим и объяс-

няется некоторое сходство между уголовными законодательствами стран СНГ, в частности, в установлении принципов, в техническом плане и структуре построения уголовного законодательства этих государств.

В уголовном законодательстве стран СНГ нормы об ответственности за терроризм предусматривают аутентичные либо аналогичные по наименованию составы анализируемого преступления. Например, данное деяние в УК Республики Таджикистан (ст. 179), в УК Республики Азербайджан (ст. 214), в УК Республики Армения (ст. 217), в УК Кыргызской Республики (ст. 226), в УК Республики Казахстан (ст. 233), в УК Туркменистана (ст. 271) и в УК Республики Узбекистан (ст. 155) называется терроризмом, в УК РФ (ст. 205), в УК Республики Молдова (ст. 278), в УК Украины (ст. 258) – террористическим актом, а в УК Республики Беларусь (ст. 289) – актом терроризма.

Уголовное законодательство большинства государств – участников СНГ определяет в качестве основного объекта терроризма общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность. Такое единодушие во мнении законодателей государств – стран СНГ связано с унификацией уголовно-пра-

вового механизма борьбы с преступностью в рамках Модельного Уголовного кодекса для государств – участников СНГ. Однако, несмотря на существующие стандарты, УК Республики Узбекистан определяет объект терроризма по-другому, а именно как общественные отношения, обеспечивающие мир и безопасность человечества. Такое определение объекта анализируемого преступления по УК Республики Узбекистан говорит об особенности построения конструкции нормы, предусматривающей уголовную ответственность за терроризм по уголовному законодательству Республики Узбекистан. По вопросу признания объектом терроризма общественных отношений, обеспечивающих мир и безопасность человечества, в литературе уже высказывалась косвенная и, по нашему мнению, справедливая критика. В частности, В.П. Емельянов утверждает о целесообразности закрепления данного преступления именно в главе УК «Преступления против общественной безопасности» [6, с. 53]. По его мнению, в качестве объекта терроризма выступает исключительно общественная безопасность, и он является тем стержнем или сквозным объектом, который позволяет объединить данные деяния в категорию преступлений террористического характера [6, с. 194]. Поддерживая мнение В.П. Емельянова, мы полагаем, что правы те законодатели государств – участников СНГ, которые отнесли составы терроризма именно к преступлениям против общественной безопасности.

Анализ уголовных кодексов стран СНГ, предусматривающих ответственность за терроризм, показывает, что их позиции по вопросу описания объективной стороны терроризма во многом совпадают, что, как уже отмечалось, связано с унификацией ст. 177 Модельного Уголовного кодекса для государств – участников СНГ. Например, ст. 271 УК Туркменистана к объективной стороне терроризма относит «совершение взрыва, поджога или иных действий, которые создают опасность и приводят к гибели людей, причиняющих значительный ущерб имущественного характера или наступление других общественно опасных последствий». А в ст. 278 УК Республики Молдова дается почти идентичное определение. Так, в соответствии с данной статьей объективная сторона терроризма выражается в «совершении взрыва, поджога или иного деяния, создающего опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений или иного вреда здоровью, нанесения существенного ущерба имуществу или окружающей среде либо наступления иных тяжких последствий».

Вместе с тем, при определенном сходстве конструирования объективной стороны терроризма в ряде уголовных кодексов этих стран существуют особенности в описании способа (способов) таких преступлений. Так, например, в УК Республики Узбекистан к способам совершения терроризма, предусмотренным ст. 155, относится также и «деятельность, направленная на обеспечение существования, функционирования, финансирования террористической организации, подготовку и совершение террористических актов, прямое или косвенное предоставление или сбор любых средств, ресурсов, иных услуг террористическим организациям либо лицам, содействующим или участвующим в террористической деятельности». Следует отметить, что подобные деяния в УК Республики Беларусь (ст. 290-1 «Финансирование террористической деятельности»), УК Республики Казахстан (ст. 233-3 «Финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму»), УК Кыргызской Республики (ст. 226-1 «Финансирование терроризма»), УК Республики Молдова (ст. 279 «Финансирование терроризма»), УК Туркменистана (ст. 271-1 «Финансирование терроризма»), УК Украины (ст. 258-5 «Финансирование терроризма») предусмотрены к качеству самостоятельных составов преступления. Кроме того, под действие ст. 155 Республики Узбекистан подпадает и «покушение на жизнь, причинение телесного повреждения государственному или общественному деятелю или представителю власти», тогда как подобные деяния в УК Республики Армения (ст. 305), УК Азербайджанской Республики (ст. 277), в УК Республики Беларусь (ст. 359), УК Кыргызской Республики (ст. 294) предусмотрены в качестве самостоятельных составов преступлений.

Следует отметить, что в нормах УК Республики Армения и Республики Беларусь предусмотрена ответственность за совершение акта международного терроризма, которая не встречается в других УК государств СНГ. Согласно ст. 389 УК Республики Армения международный терроризм – это «организация или осуществление на территории иностранного государства взрыва или поджога либо иных действий, направленных на уничтожение людей или причинение им телесных повреждений, уничтожение или повреждение зданий, сооружений, дорог и коммуникаций, средств связи или иного имущества, совершенных в целях разжигания международных осложнений или войны либо дестабилизации внутренней

обстановки иностранного государства». А в ст. 126 УК Республики Беларусь акт международного терроризма определяется как «совершение на территории иностранного государства либо на территории дипломатического представительства, консульского учреждения иностранного государства, находящихся на территории Республики Беларусь, взрыва, поджога, затопления, иных деяний общепасным способом либо создающих опасности гибели людей, причинения им телесных повреждений или наступления иных тяжких последствий в целях провокации международных осложнений или войны либо дестабилизации общественного порядка в иностранном государстве (акт международного терроризма)». Данные статьи УК Республики Армения и Республики Беларусь, предусматривающие уголовную ответственность соответственно за международный терроризм и акт международного терроризма, по сути, не различаются между собой. Но в УК Республики Беларусь (ч. 3 ст. 126) в отличие от УК Республики Армения (ст. 389) предусматривается ответственность также и за совершение убийства в отношении государственных и общественных деятелей иностранного государства в целях провокации международных осложнений или войны либо дестабилизации общественного порядка в иностранном государстве. Подобные деяния в УК Республики Армения предусмотрены в ст. 388 «Террористическая акция против представителя иностранного государства или международной организации».

Кроме того, следует отметить, что в нормах УК Республики Беларусь предусмотрена уголовная ответственность отдельно за акт терроризма (ст. 289) и угрозу совершением акта терроризма (ст. 290), которая не встречается ни в одном уголовном кодексе стран СНГ. Так, на основании ч. 1 ст. 290 УК Республики Беларусь угроза совершением акта терроризма – «это угроза совершением деяний, предусмотренных статьями 124, 126, 289 или 359 настоящего Кодекса».

Уголовные кодексы всех стран СНГ определяют субъективную сторону терроризма как преступление умышленное и совершаемое с прямым умыслом, что означает осознание лицом общественной опасности действий, предусмотренных в диспозиции статьи УК, предусматривающей ответственность за терроризм, а также наличие желания совершить данные действия. Обязательным признаком субъективной стороны терроризма в указан-

ных кодексах является цель. Однако при этом наблюдается значительная специфика в законодательном определении такой цели. Анализ диспозиций статей уголовных кодексов государств – участников СНГ, предусматривающих ответственность за терроризм, позволил выделить следующие цели совершения данного преступления:

нарушение общественной безопасности (Республика Таджикистан, Туркменистан, Кыргызская Республика, Республика Казахстан, Азербайджанская Республика, Республика Армения);

устрашение населения (Республика Таджикистан, Туркменистан, Кыргызская Республика, Республика Казахстан, Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Молдова, Республика Узбекистан);

оказание воздействия на принятие решений органами власти (Туркменистан, Азербайджанская Республика, Республика Беларусь, Кыргызская Республика, Республика Казахстан) или международными организациями (Кыргызская Республика, Республика Казахстан);

оказание воздействия на принятие решения государственным органом или должностным лицом или на выполнение иного незаконного требования виновного (Республика Армения);

воспрепятствование политической или иной общественной деятельности (Республика Беларусь);

дестабилизация общественного порядка (Республика Беларусь);

привлечение внимания общественности к определенным политическим, религиозным или другим взглядам (Республика Молдова);

понуждение государства, международной организации, юридического или физического лица совершить какое-либо действие либо воздержаться от его совершения (Республика Молдова);

осложнение международных отношений, нарушение суверенитета и территориальной целостности, подрыв безопасности государства, провокация войны, вооруженного конфликта, дестабилизация общественно-политической обстановки (Республика Узбекистан).

В УК большинства государств – участников СНГ относительно единообразно решается вопрос и о субъекте терроризма. Так, ответственность за терроризм по уголовному законодательству Азербайджанской Республики, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан и Украины насту-

пает с 14-летнего возраста. Таким же образом определяется субъект рассматриваемого преступления и в Модельном Уголовном кодексе для государств – участников СНГ (ч. 2 ст. 22). Но в соответствующих статьях УК Армении, Беларуси, Молдовы, Туркменистана и Узбекистана субъектом анализируемого преступления определено лицо, достигшее 16 лет.

Как уже отмечалось, УК Республики Беларусь, кроме ст. 289, предусматривающей ответственность за акт терроризма, также содержит и ст. 290, которая устанавливает уголовную ответственность за угрозу совершением акта терроризма. Субъектом ст. 290 УК Республики Беларусь признается 16-летнее лицо. Также в УК Республики Беларусь существует ст. 126, предусматривающая уголовную ответственность за совершение акта международного терроризма. Ответственность за совершение акта международного терроризма по УК Республики Беларусь наступает также с 16-летнего возраста.

Таким образом, можно констатировать, что, с точки зрения законодателей государств – участников СНГ, описания признаков терроризма очень похожи, но отнюдь не идентичны. Так, в УК этих стран для определения квалифицированных (особо квалифицированных) видов данного преступления используются фактически аутентичные либо сходные по смыслу признаки. Сопоставляя статьи УК стран СНГ, несложно установить, что предусмотренные в них квалифицированные (особо квалифицированные) виды анализируемого преступления в целом основываются на ст. 177 Модельного Уголовного кодекса для государств – участников СНГ и имеют традиционный характер.

На основании анализа статей УК государств – участников СНГ, предусматривающих уголовную ответственность за терроризм, квалифицирующие (особо квалифицирующие) признаки анализируемого преступления в уголовном законодательстве этих стран можно сгруппировать следующим образом:

1) в соучастии – группой лиц по предварительному сговору (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Кыргызская Республика, Республика Беларусь, Республика Таджикистан, Туркменистан, Украина); организованной группой (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Кыргызская Республика, Республика Беларусь, Республика Молдова, Туркменистан); преступным сообществом (Туркменистан); преступной организацией (Республика Молдова);

2) по формам множественности – неоднократно (Азербайджанская Республика, Республика Казахстан); повторно (Республика Беларусь, Республика Таджикистан, Туркменистан, Украина); однако следует отметить, что УК Армении, Киргизии, Молдовы и Узбекистана не содержат данного квалифицированного признака;

3) по орудиям и средствам совершения преступления – с применением огнестрельного оружия (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Кыргызская Республика, Туркменистан, Республика Молдова, Республика Казахстан), взрывчатых веществ или взрывных устройств (Республика Казахстан, Республика Молдова); с угрозой применения оружия массового поражения (Грузия, Республика Армения, Республика Казахстан), радиоактивных веществ (Республика Армения, Республика Беларусь), радиоактивных материалов (Республика Казахстан, Республика Таджикистан), ядерных материалов, сильнодействующих, токсичных химических или биологических веществ (Республика Беларусь); совершение или угроза совершения массовых отравлений, распространения эпидемий или эпизоотий, а равно иных действий, способных повлечь массовую гибель людей (Республика Казахстан); но следует отметить, что в УК Республики Узбекистан и Украины не содержится данный квалифицированный (особо квалифицированный) признак;

4) по общественно опасным последствиям – повлекшие смерть человека (Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан), по неосторожности смерть человека (Республика Молдова, Азербайджанская Республика, Республика Армения, Кыргызская Республика, Республика Казахстан), гибель человека (Украина), иные тяжкие последствия (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Кыргызская Республика, Республика Казахстан, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан, Украина), сопряженные с причинением тяжких телесных повреждений или сопряженные с убийством человека (Республика Беларусь), с причинением тяжких или средней тяжести телесных повреждений или иного тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, с причинением имущественного ущерба в особо крупных размерах (Республика Молдова), повлекшие причинение значительного имущественного ущерба (Украина).

Следует отметить, что понятие «ущерб в особо крупном размере» в уголовных законодательствах государств – участников СНГ име-

ет легальное разъяснение. Так, в соответствии со ст. 126 УК Республики Молдова «под особо крупным, крупным размером понимается стоимость похищенных, добытых, полученных, изготовленных, уничтоженных, использованных, перевезенных, находящихся на хранении, реализованных, перемещенных через таможенную границу ценностей, стоимость ущерба, причиненного лицом или группой лиц, превышающая на момент совершения преступления соответственно 5000 и 2500 условных единиц штрафа». Согласно ст. 64 УК Республики Молдова одна условная единица штрафа равняется 20 леям.

В соответствии с примечанием к разд. X УК Республики Беларусь крупным размером ущерба в статьях глав настоящего раздела, предусматривающих ответственность за преступления против общественной безопасности и безопасности движения и эксплуатации транспорта, признается размер ущерба на сумму, в двести пятьдесят и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, особо крупным – в тысячу и более раз превышающую размер такой базовой величины. Согласно постановлению Совета министров Республики Беларусь от 26 сентября 2013 г. № 842 размер базовой величины в Республике Беларусь с 1 октября 2013 г. по настоящее время составляет 130000 рублей.

Сравнительно-правовое исследование санкций норм, предусматривающих наказание за совершение терроризма по уголовному законодательству государств – участников СНГ, показывает, что за совершение терроризма каждое государство определяет наказание в зависимости от своих традиций, культуры, правосознания и принципов правовой культуры. Вместе с тем, существенное влияние на национальную уголовную политику при определении наказания за совершение терроризма, которое должно соответствовать характеру и степени общественной опасности данного деяния, оказывают международные нормы о противодействии терроризму. Следует отметить, что в соответствии со ст. 177 Модельного Уголовного кодекса для государств – участников СНГ основной состав акта терроризма относится к категории тяжких преступлений. Тяжкими преступлениями по ч. 4 ст. 18 Модельного Уголовного кодекса для государств – участников СНГ считаются умышленные деяния, наказание за которые в анализируемом Кодексе не может превышать 12 лет лишения свободы. Данное положение, «привязанное» к основному составу террориз-

ма, наблюдается во всех уголовных законодательствах государств – участников СНГ, кроме Республики Беларусь. Так, наказание по ч. 1 ст. 289 УК Республики Беларусь за совершение терроризма составляет от 8 до 15 лет лишения свободы.

Следует отметить, что в качестве предела наказания при квалифицированном (особо квалифицированном) составе терроризма уголовное законодательство государств СНГ предусматривает:

лишение свободы до 15 лет (УК Республик Азербайджан и Армения);

лишение свободы сроком до 15 лет либо пожизненное лишение свободы (УК Украины);

лишение свободы до 20 лет (УК Кыргызской Республики);

лишение свободы до 20 лет или пожизненное заключение (УК Республики Молдова);

лишение свободы до 20 лет, смертную казнь либо пожизненное лишение свободы (УК Казахстана);

лишение свободы до 25 лет (УК Туркменистана);

лишение свободы сроком до 25 лет или пожизненное лишение свободы (УК Республики Узбекистан);

лишение свободы сроком до 25 лет или пожизненное лишение свободы, или смертную казнь (УК Республики Беларусь).

Следует отметить, что одной из задач уголовного закона, наряду с охраной определенных общественных отношений, является также предупреждение совершения преступления. Данная задача уголовного закона осуществляется через поощрительные нормы, которые направлены, в частности, на решимость лиц способствовать в предотвращении осуществления преступления. Предупреждение совершения преступления с помощью этих норм широко используется в уголовных законодательствах многих государств, в частности, в уголовных законодательствах государств – участников СНГ.

Анализ статей УК стран СНГ, предусматривающих уголовную ответственность за терроризм, показал, что в них следующим образом предусмотрены поощрительные нормы в виде условий освобождения от уголовной ответственности за анализируемое преступление, которые можно сгруппировать следующим образом:

1. Участие лица лишь при подготовке терроризма. Данное условие содержится во всех статьях УК стран СНГ об ответственности за терроризм.

2. Своевременное предупреждение (сообщение) органов власти (государственных органов) либо иным способом способствование

предотвращению (пресечению) осуществления акта терроризма (УК Республики Армения, Азербайджанской Республики, Кыргызской Республики, Республики Казахстан, Республики Молдова, Туркменистана) или способствование предотвращению наступления тяжких последствий (УК Республики Беларусь) и реализации целей террористов (УК Республики Узбекистан).

3. Отсутствие в действиях лица иного состава преступления (признаков другого преступления). Данное условие освобождения от уголовной ответственности за терроризм также присутствует во всех УК стран СНГ.

Таким образом, выявленные особенности ответственности за терроризм по уголовному

праву государств – участников СНГ позволяют прийти к выводу, что согласованная и эффективная уголовно-правовая борьба с терроризмом на всей территории СНГ и за его пределами может вестись тогда, когда устранены или хотя бы минимизированы расхождения при понимании одних и тех же явлений, связанных с терроризмом в уголовном законодательстве разных государств – участников СНГ. Для устранения этих расхождений необходима дальнейшая унификация уголовного законодательства государств – участников СНГ с учетом специфики соответствующих международно-правовых актов, что предполагает и доктринальную разработку данной проблемы.

1. Информ. бюл. Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1996. № 10. Прил.

2. Информ. бюл. Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 2004. № 33.

3. Интерпол против терроризма: сб. междунар. док. / сост. В.С. Овчинский. М., 2008. XVIII. С. 370–404.

4. Информ. бюл. Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 2010. № 46.

5. Интерпол против терроризма. С. 308–317.

6. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. СПб., 2002.

1. Information bull. of Interparliamentary Assembly of the CIS countries. 1996. № 10. App.

2. Information bull. of Interparliamentary Assembly of the CIS countries. 2004. № 33.

3. Interpol against terrorism: coll. of Intern. documents / comp. V.S. Ovchinsky. Moscow, 2008. XVIII. P. 370–404.

4. Information bull. of Interparliamentary Assembly of the CIS countries. 2010. № 46.

5. Interpol against terrorism. P. 308–317.

6. Emelyanov V.P. Terrorism and crimes with signs of terrorizing: criminal-legal research. St. Petersburg, 2002.

Фадеева Мария Авинеровна

аспирант кафедры уголовного права

Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

(e-mail: mari.2729@inbox.ru)

Общественная опасность как социально-правовая категория

В данной статье автор анализирует один из самых спорных признаков преступления – признак общественной опасности. Отмечает его изменчивость, зависимость от времени, социальной и нравственной ориентации общества.

Ключевые слова: общественная опасность, общественные отношения, объективно-субъективная категория, уголовное законодательство, девиация, социальный конструкт.

M.A. Fadeeva, Post-graduate of the Chair of Criminal Law of the Herzen Russian State Pedagogical University; e-mail: mari.2729@inbox.ru

Public danger as social and legal category

In this article the author analyses one of the most controversial signs of a crime, its variability. Marks a dependence on time, social and moral orientation of society.

Key words: public danger, public relations, objectively-subjective category, criminal statute, deviation, social constructing.

Общественная опасность как материальный признак преступления выражает его «социальную сущность» [1, с. 33]. В советское время общественная опасность понималась не только как некое свойство деяния, которое причиняет вред общественным отношениям, но и как «оценочная категория, основанная на классовом подходе» [2, с. 71]. А.А. Пионтковский обращал внимание именно на «социально-политическую» характеристику общественной опасности «в целом» [3, с. 156–157].

Представляется, что само понятие «общественная опасность», ее степень и, наконец, ее актуальность для общества не являются неизменными. Развитие информационных технологий, компьютеризация основных сфер деятельности человека, коммерциализация отраслей здравоохранения, образования и многих других порождает деяния, ранее не известные, но сегодня приносящие реальный вред общественным отношениям. Характеристика общественной опасности преступлений трансформируется при модификации экономической системы общества «под влиянием изменений в сфере морали и нравственности» [4, с. 352].

Как справедливо отмечал А.А. Пионтковский, несмотря на то, что опасность преступного деяния не способна поддаваться «чувственному восприятию», она «объективно существует» и познается рассудком через понимание отрицательного значения данного деяния [3, с. 157]. Деяния, характеризующиеся законодателем как общественно опасные, «разрушают» те или

иные общественные отношения, порядок которых структурирован и важен для общества и государства именно в данный момент времени.

Итак, в зависимости от политической, экономической, социальной обстановки в стране, от ценностной ориентации членов общества (по мнению Н.Н. Рыбушкина, именно ценность как таковая «выступает определенным свойством» запрещающих норм [5, с. 44]) степень общественной опасности деяния может не только варьироваться, но и утрачиваться вообще. Учеными отмечена не только «изменчивость» предметов правового регулирования, но и их «эволюция» «из разряда запретных... до статуса защищаемых законом» [6, с. 80]. Достаточно вспомнить спекуляцию, представлявшую общественную опасность во времена командной экономики Советского государства и являвшуюся неотъемлемым элементом рыночных отношений сегодня. В подтверждение вышесказанного отметим, что в УК РСФСР 1960 г. законодателем было внесено 25 новых составов преступлений, а исключено более 60 [3, с. 158]. Однако вряд ли можно говорить о радикальной смене ценностной ориентации общества за достаточно короткий период времени с 1926 по 1960 г.

Можно сравнить объекты уголовно-правовой охраны УК РСФСР 1960 и УК РФ 1996 г.: если последний главенствующее место уделяет преступлениям против жизни, которые считаются наиболее тяжкими, то советский законодатель таковыми считал преступления против интересов государства.

А.Э. Жалинский отмечал значимость оценки противоправности как «общей уголовно-правовой категории» и возникновение «нового уголовного права» именно в эпоху социальных перемен [7, с. 179]. Иными словами, именно оно (уголовное право) должно реагировать на указанные перемены ослаблением или усилением репрессии, а непосредственно деяния, имеющие «статус» опасных для общества, под воздействием этих самых перемен могут и вовсе перестать быть таковыми.

С одной стороны, такие преступления, как умышленное лишение жизни другого человека, терроризм, всегда в той или иной степени представляют угрозу для общества. Однако нельзя игнорировать и тот факт, что отношение к указанным деяниям в силу объективных (недостаточная распространенность и масштаб) и субъективных (например, идеологических) факторов в разное время было неоднозначным (отметим, что одна из улиц Ленинграда в советское время носила имя революционного террориста Халтурина). Убийство «само по себе, вне зависимости от его оценки» нельзя отнести к преступлению [8, с. 20]. Примером тому является причинение вреда охраняемым уголовным законом объектам (жизни, здоровью, имуществу) в случае необходимой обороны, крайней необходимости, обоснованного риска.

Ю.А. Демидов справедливо утверждает, что «оперирование реальной общественной опасностью возможно лишь в рамках законодательной ее оценки» [9, с. 80], т.е. на определенном этапе конкретное деяние оценивается законодателем как вредоносное. Представляется, что законодательная власть с учетом исключительно государственного интереса (а следовательно, и интереса всего общества, которое делегирует свои полномочия законодателю) принимает нормативно-правовые акты, устанавливает запреты. Однако и здесь трудно говорить об объективности как таковой. В.В. Лунеев справедливо отмечает не только отсутствие традиций, а также исторической, экономической, криминологической базы уголовного законодательства, но и его «субъективизм» и «ситуативность» [10, с. 26].

По мнению В.Н. Кудрявцева, постановка вопроса и решение о принятии той или иной нормы уголовно-правового регулирования находятся между «крайними полюсами», одним из которых является стабильность уголовного законодательства, другим – «неизбежность его изменчивости», связанная с постоянным развитием общественных отношений во всех сферах [11, с. 4].

В.Н. Кудрявцев предлагает выделить несколько этапов криминализации деяния, среди

них наличие «распространенности» представляющего опасность для общества того или иного деяния, наличие его основных признаков и «социальных последствий», а также возможное направление перспектив борьбы с ним [11, с. 3].

Однако существуют деяния, криминализация и декриминализация которых затрагивает не непосредственные интересы государства и общества в целом, а интересы отдельной личности. Здесь уместно сказать о пересечении публичных и частных интересов, о необходимости их координации. Автор данной работы по этическим и иным соображениям категорически против смены пола, однополых браков, однако нельзя не отметить и тот факт, что в современном социуме подобные явления не редкость, и связано это не только с возрастающим потенциалом медицинской науки, но и возможностью самореализации конкретного индивида, его конституционным правом на самоопределение. Следует отметить, что в советское время некоторые из указанных деяний были уголовно наказуемы.

Е.А. Епифанова справедливо отмечает, что общественная опасность – это «объективно-субъективная категория», находящаяся под влиянием времени [12, с. 46].

Бесспорно, публичное право состоит из множества частных интересов, удовлетворение которых и является необходимостью для эффективного функционирования государства. По мнению А.Э. Жалинского, право «по своей природе» является публичным, но оно отражает также совокупность частных интересов, «которые передаются... публичной власти для реализации и... рассматриваются как интересы публичные» [4, с. 83]. Аналогичной точки зрения придерживается и А.В. Наумов, по мнению которого обеспечение интересов государства напрямую зависит от обеспечения интересов отдельной личности [13, с. 58].

Сегодня речь идет о междисциплинарном подходе к проблеме феномена общественной опасности и непосредственном воздействии на уголовное право криминологии и девиантологии. Большой вклад в развитие указанных дисциплин внес Я.И. Гилинский, который в своих трудах подводит итог многолетних научных споров о влиянии социального контекста на общественную опасность как таковую. По мнению ученого, именно общество с учетом тех или иных факторов (социальных, идеологических, культурных, религиозных) само конструирует проблему девиантности. Иными словами, деяний, во все времена признаваемых преступлениями, не существует [14, с. 34]. Я.И. Гилинский отмечает, что коррупция, нарко-

тизм, терроризм, гомосексуализм, проституция есть не что иное, как «социальный конструкт», а конструируются «как сами социальные феномены, так и результат их осознания как проблемы». Следовательно, в основе признания тех или иных деяний преступлениями, или их «конструирования», все равно лежат «объективные условия», т.е. «проблематизация феноменов-конструктов»

как средства «реагирования общества на нежелательные виды поведения» [14, с. 16].

Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод, что понятие общественной опасности не только уголовно-правовая, но и социальная категория, именно поэтому мы не можем говорить о монолитности этого понятия, его стабильности.

1. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.И. Рарога. М., 2008.

2. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права: в 2 т. М., 2001. Т. 1.

3. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Общая часть. 1: Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961.

4. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015.

5. Рыбушкин Н.Н. Запрещающие нормы в советском праве. Казань, 1990.

6. Политико-правовые ценности: история и современность / отв. ред. В.С. Нерсисянц. М., 2000.

7. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004.

8. Яковлев А.М. Индивидуальные действия как объект уголовно-правового запрета // Уголовное право в борьбе с преступностью: сб. ст. М., 1981.

9. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975.

10. Лунеев В.В. Истоки и пороки российского уголовного законодательства. М., 2014.

11. Кудрявцев В.Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью: сб. ст. М., 1981.

12. Епифанова Е.А. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность. М., 2012.

13. Наумов А.В. Идеологические основы уголовного закона // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: сб. науч. тр. Саратов, 2008.

14. Гилинский Я.И. Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире»: сб. ст. СПб., 2013.

1. Russian criminal law. General and Special parts: textbook / ed. by A.I. Rarog. Moscow, 2008.

2. Ignatov A.N., Krasikov Yu.A. Course of Russian criminal law: in 2 vol. Moscow, 2001. Vol. 1.

3. Piontkovsky A.A. Rate of the Soviet criminal law. Generalities. 1: The doctrine of the crime on the Soviet criminal law. Moscow, 1961.

4. Zhalinsky A.E. Criminal law in anticipation of change: theoretical and instrumental analysis. Moscow, 2015.

5. Rybushkin N.N. Prohibitory rules in Soviet law. Kazan, 1990.

6. Political and legal values: history and modernity / ed. by W.S. Nersesyants. Moscow, 2000.

7. Zhalinsky A.E. The current German criminal law. Moscow, 2004.

8. Yakovlev A.M. Individual action as an object of criminal prohibition // Criminal law in the fight against crime: coll. of papers. Moscow, 1981.

9. Demidov Yu.A. Social value and evaluation in criminal law. Moscow, 1975.

10. Luneev V.V. The origins and defects of the Russian criminal lawmaking. Moscow, 2014.

11. Kudryavtsev V.N. Criminalization: optimal models // Criminal law in the fight against crime: coll. of papers. Moscow, 1981.

12. Yepifanova E.A. Public danger, as a scientific and legal definition of the category: past and present. Moscow, 2012.

13. Naumov A.V. The ideological foundations of the criminal law // Criminal and legal prohibition and its effectiveness in the fight against modern crime: coll. of sci. papers. Saratov, 2008.

14. Gilinskiy Ya.I. Deviancy, criminality and social control in the «new world»: coll. of papers. St. Petersburg, 2013.

Фирсов Илья Владимирович

соискатель кафедры уголовного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
(e-mail: iliatash@mail.ru)

Объективные признаки преступления, предусмотренного статьей 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации

В статье поднимаются вопросы применения уголовно-правовой нормы об обращении фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборота фальсифицированных биологически активных добавок (ст. 238.1 УК), исследуются альтернативные формы общественно опасного деяния, оценивается отсутствие в уголовном законе ответственности за производство недоброкачественных лекарственных средств и медицинских изделий. Аргументируются предложения: а) изменить название ст. 238.1 УК и дать в примечании к ст. 238.1 УК легальное толкование термина «производство»; б) уточнить понятие ввоза предмета преступления на территорию Российской Федерации через государственную границу Российской Федерации.

Ключевые слова: фальсифицированные, незарегистрированные, недоброкачественные лекарственные средства, медицинские изделия, биологически активные добавки.

I.V. Firsov, Competitor of the Chair of Criminal Law of the Moscow State University of Law of O.E. Kutaphin (MSAL); e-mail: iliatash@mail.ru

The objective signs of the crime under article 238.1 of the Criminal code of the Russian Federation

The article raises questions about the application of the criminal law on the treatment of falsified, poor-quality and unregistered medicines, medical products and trafficking of biologically active additives (art. 238.1 of the Criminal code), explores alternative forms of socially dangerous acts, estimated the absence of criminal law responsibility for the production of substandard drugs and medical devices. Argues the proposal: a) to change the title of the art. 238.1 of the Criminal Code and to give in the note to art. 238.1 of the Criminal code the legal interpretation of the term «production»; b) to clarify the meaning of import of the subject of crime to the Russian Federation across the state border of the Russian Federation.

Key words: falsified, unregistered, poor-quality medicines, medical products, biologically active additives.

Непродолжительный срок существования новой уголовно-правовой нормы (ст. 238.1 УК РФ) объясняет весьма скромную судебную практику ее применения, но уже позволяет сделать некоторые выводы о несовершенстве этой нормы.

Объективная сторона преступления описана в законе с помощью альтернативных действий, которые совершаются в отношении разных предметов. Если в этом качестве выступают фальсифицированные либо незарегистрированные лекарственные средства или медицинские изделия, а также фальсифицированные биологически активные добавки, то по ст. 238.1 УК ответственность наступает за их производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации.

В отношении недоброкачественных лекарственных средств или медицинских изделий преступны только их сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации, но не их производство. Является ли это законодательным пробелом? Думается, что нет, потому что производство заведомо некачественных средств или изделий в зависимости от обстоятельств может получить различную оценку. Если, например, указывается состав лекарственного средства, не соответствующий действительности, то речь идет о его фальсификации и об ответственности по ст. 238.1 УК. Если же произведено некачественное лекарственное средство или медицинское изделие, не отвечающее требованиям безопасности жизни или здоровья потребителя, уголовная ответственность должна наступать по ст. 238 УК.

Под производством лекарственных средств, согласно п. 31 ст. 4 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», понимается деятельность по «производству лекарственных средств организациями-производителями лекарственных средств на одной стадии, нескольких или всех стадиях технологического процесса, а также по хранению и реализации произведенных лекарственных средств» [1]. Приведенную дефиницию производства в целом и для целей ст. 238.1 УК в частности нельзя признать удачной по следующим основаниям.

Во-первых, определяемый термин разъясняется тавтологично. Во-вторых, им необоснованно охватываются хранение и реализация лекарственных средств, причем под реализацией понимается продажа, которая почему-то изолирована от сбыта, который в ст. 238.1 УК выделен в качестве самостоятельной формы деяния. Из этого вытекает трудность правовой оценки продажи, если она не является звеном производственного процесса.

Опираясь на Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [2] и на п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14, можно предложить следующее определение, закрепив его в примеч. 1.1 к ст. 238.1 УК:

«Под производством следует понимать совершенные в нарушение законодательства Российской Федерации умышленные действия, направленные на серийное получение фальсифицированных либо незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий; фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, в результате которых получен хотя бы один из перечисленных предметов, готовый к потреблению (использованию)».

Сбыт предмета преступления в ст. 238.1 УК понимается традиционно, как любые (возмездные или безвозмездные) способы отчуждения (например, продажа, обмен, дарение и т.д.).

Одной из форм деяния является ввоз на территорию Российской Федерации фальсифицированных или недоброкачественных лекарственных средств или медицинских изделий, незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий, фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции.

Он осуществляется в порядке, установленном Правительством РФ, в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза ЕАЭС и (или) законодательством Российской Федерации о таможенном деле [1]. Ввозимые в Российскую Федерацию лекарственные средства должны быть включены в государственный реестр лекарственных средств.

В Российскую Федерацию можно ввозить лекарственные средства, качество которых подтверждено сертификатом производителя лекарственных средств, удостоверяющим соответствие ввозимых лекарственных средств требованиям фармакопейных статей либо в случае их отсутствия нормативной документации или нормативного документа [1].

Запрещается ввоз в Российскую Федерацию фальсифицированных лекарственных средств, недоброкачественных лекарственных средств, контрафактных лекарственных средств [1].

На территории Российской Федерации разрешается обращение медицинских изделий, зарегистрированных в порядке, установленном Правительством РФ, уполномоченным им федеральным органом исполнительной власти [3].

Впервые ввозимые на территорию Российской Федерации и предназначенные для реализации на территории Российской Федерации пищевые продукты (к которым относятся биологически активные добавки) подлежат государственной регистрации. В п. 3 ст. 21 Федерального закона от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» запрещается ввоз на территорию Российской Федерации пищевых продуктов, материалов и изделий, не прошедших государственную регистрацию в порядке, установленном в ст. 10 данного Федерального закона [4].

Для уяснения содержания «ввоза» необходимо обратиться к п. 3 ст. 4 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС), в котором ввоз понимается как «совершение действий, связанных с пересечением таможенной границы, в результате которых товары прибыли на таможенную территорию таможенного союза любым способом, включая пересылку в международных почтовых отправлениях, использование трубопроводного транспорта и линий электропередачи, до их выпуска таможенными органами» [5]. Однако уголовный закон не предусмотрел в качестве обязательного признака состава преступления обстоятельство места – таможенной границы, а говорит о ввозе на территорию Российской Федерации,

поэтому разъяснение, данное в ТК ТС, нуждается в дополнении указанием на государственную границу Российской Федерации. Без этого ввоз предмета преступления с территорий Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Кыргызской Республики не будет влечь уголовной ответственности.

Незаконность ввоза, осуществляемого через таможенную границу Таможенного союза, определяется перемещением «товаров через таможенную границу вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным декларированием или недекларированием товаров, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации, равно как и покушение на такое перемещение» [5].

Перечисленные способы незаконного перемещения через таможенную границу товаров раскрывались в ныне утратившем силу постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 6 «О судебной практике по делам о контрабанде»: перемещение товаров помимо таможенного контроля и с сокрытием от таможенного контроля – п. 8; с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации – п. 9; с недекларированием или с недостоверным декларированием – п. 10.

Порядок ввоза лекарственных средств на территорию Российской Федерации для медицинского потребления, наряду с Федеральным законом от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», регламентируется постановлением Правительства РФ [3]. Ввозить лекарственные средства на территорию Российской Федерации можно при наличии разрешения Министерства здравоохранения РФ. В п. 9 названного документа перечислены основания ввоза на территорию Российской Федерации лекарственных средств без такого разрешения (для личного использования физическими лицами, прибывшими на территорию Российской Федерации; использования лекарственных препаратов работниками дипломатического корпуса или представителями международных организаций, аккредитованных в Российской Федерации; лечения пассажиров и членов экипажей транспортных средств, поездных бригад и водителей транспортных средств, прибывших на территорию Российской Федерации; лечения участников международных культурных, спортивных меро-

приятый и участников международных экспедиций) [3].

Кроме того, допускается ввоз на территорию Российской Федерации конкретной партии незарегистрированных лекарственных средств, предназначенных для проведения клинических исследований лекарственных препаратов, конкретной партии незарегистрированных лекарственных средств, предназначенных для проведения экспертизы лекарственных средств в целях осуществления государственной регистрации лекарственных препаратов, конкретной партии незарегистрированных лекарственных средств для оказания медицинской помощи по жизненным показаниям конкретного пациента (далее – конкретная партия лекарственных средств) на основании разрешения, выдаваемого Министерством здравоохранения РФ по заявлениям юридических лиц, предусмотренных в п. 2 рассматриваемых Правил [3].

Порядок ввоза медицинских изделий на территорию Российской Федерации регулируется Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [6] и приказом Минздрава России от 15 июня 2012 г. № 7н «Об утверждении Порядка ввоза на территорию Российской Федерации медицинских изделий в целях государственной регистрации».

Под ввозом предмета преступления на территорию Российской Федерации следует понимать фактическое пересечение ими государственной границы Российской Федерации и доставку товаров на территорию Российской Федерации любым способом.

Статья 238.1 УК названа «Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок».

Согласно ст. 1 Федерального закона от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» под оборотом пищевых продуктов (в том числе биологически активных добавок) понимают куплю-продажу (в том числе экспорт и импорт) и иные способы передачи пищевых продуктов, материалов и изделий (далее – реализация), их хранение и перевозку. Уголовный закон к обороту этих предметов относит несколько иные действия – производство, сбыт и ввоз.

Такая же ситуация и с обращением лекарственных средств. Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» определяет его как

разработку, доклинические исследования, клинические исследования, экспертизу, государственную регистрацию, стандартизацию и контроль качества, производство, изготовление, хранение, перевозку, ввоз в Российскую Федерацию, вывоз из Российской Федерации, рекламу, отпуск, реализацию, передачу, применение, уничтожение лекарственных средств (п. 28 ст. 4).

Очень широко толкует обращение медицинских изделий и п. 3 ст. 38 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который включает в это понятие «технические испытания, токсикологические исследования, клинические испытания, экспертизу качества, эффективности и безопасности медицинских изделий, их государственную регистрацию, производство, изготовление, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации, подтверждение соответствия, государственный контроль, хранение, транспортировку, реализацию, монтаж, наладку, применение, эксплуатацию, в том числе техническое обслуживание, предусмотренное нормативной, технической и (или) эксплуатационной документацией производителя (изготовителя), а также ремонт, утилизацию или уничтожение» [6].

Основываясь на трех приведенных дефинициях, можно сделать вывод, что название статьи не соответствует ее содержанию, поэтому предлагается ее новое название:

«Производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации фальсифицированных или незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий, фальсифицированных биологически активных добавок либо сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации недоброкачественных лекарственных средств или медицинских изделий».

Законодатель связывает наступление уголовной ответственности за совершаемое деяние с крупным размером. Им, согласно примечанию к ст. 238.1 УК, признается стоимость лекарственных средств, медицинских изделий или биологически активных добавок в сумме, превышающей сто тысяч рублей. Преступление признается оконченным в момент совершения деяния в крупном размере.

Квалифицирующими признаками законодатель признает совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «а» ч. 2), а также причинение по неосторожности последствий в

виде тяжкого вреда здоровью или смерти человека (п. «б» ч. 2), а особо квалифицирующим признаком – причинение по неосторожности смерти двух или более лиц (ч. 3).

Г.А. Варданян, занимаясь методикой исследования преступлений, связанных с производством и обращением не соответствующих лицензионно-разрешительным требованиям и (или) фальсифицированных, недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий или биологически активных добавок, пришла к выводу, что в современных условиях развития общества преступникам-одиночкам подобная деятельность не свойственна. Она объясняет это тем, что «помимо имитации высокой степени внешнего сходства поддельных лекарственных средств с подлинными аналогами, для данной деятельности характерны не только большие объемы производства, но и активная, длительная и стабильная экспансия в легально существующий фармацевтический рынок, что требует наличия не только соответствующей квалификации, но и деловых связей в данном сегменте. Фальсификаты лекарственных препаратов ... оптом поставляются на реализацию в официально функционирующие и имеющие лицензии на право соответствующей деятельности аптечные учреждения, а также в лечебно-профилактические заведения, где лишь постепенно в течение определенного периода времени сбываются в розницу или реализуются по прямому назначению» [7, с. 97–99].

Состав организованных групп, действующих как самостоятельное образование либо являющихся структурным элементом преступных сообществ, как правило, немногочислен – 3–10 человек. Это обусловлено скрытым характером деятельности, необходимостью длительного криминального сотрудничества соучастников, предотвращения утечки информации и вовлечения в данный бизнес случайных и ненадежных с точки зрения реализации преступного умысла людей. Вместе с тем, в ее состав входят лица, компетентные в сфере медицины, фармацевтики, занимающие определенное должностное положение в сфере легального оборота лекарственных средств или в лечебно-профилактических и аптечных учреждениях.

В число членов организованной группы, наряду с непосредственными изготовителями препаратов, входят лица, отвечающие за оптовую поставку сырья, различных ингредиентов, расходных материалов; оптовый сбыт «готовой продукции», а также за расширение рынков

сбыта; урегулирование возможных конфликтов с другими участниками рыночных отношений и должностными лицами государственных органов; а также консультанты или интеллектуальные лидеры, собственно организаторы данного криминального бизнеса [8, с. 16].

Приведенные характеристики анализируемого преступления позволяют сделать вывод, что его квалификация по ч. 1 ст. 238.1 УК практически невозможна, а это служит дополнительным свидетельством несовершенства этой статьи УК РФ.

1. Об обращении лекарственных средств: федер. закон от 12 апр. 2010 г. № 61-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О наркотических средствах и психотропных веществах: федер. закон от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О порядке ввоза лекарственных средств для медицинского применения на территорию Российской Федерации (вместе с «Правилами ввоза лекарственных средств для медицинского применения на территорию Российской Федерации»): постановление Правительства РФ от 29 сент. 2010 г. № 771. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О качестве и безопасности пищевых продуктов: федер. закон от 2 янв. 2000 г. № 29-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Таможенный кодекс Таможенного союза. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Варданян Г.А. Криминалистически значимые особенности организованных групп, осуществляющих серийное производство и оборот фальсифицированных лекарственных средств, как информационный ориентир для организации раскрытия и расследования указанных преступлений // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. 2014. № 3–2. С. 97–102.

8. Варданян Г.А. Методика расследования преступлений, связанных с производством и обращением не соответствующих лицензионно-разрешительным требованиям и (или) фальсифицированных, недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий или биологически активных добавок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2015.

1. On circulation of medicines: fed. law d.d. Apr. 12, 2010 № 61-FL. Access from reference legal system «ConsultantPlus».

2. On narcotic drugs and psychotropic substances: fed. law d.d. Jan. 8, 1998 № 3-FL. Access from reference legal system «ConsultantPlus».

3. On the procedure of the import of drugs for medical use on the territory of Russian Federation (with the «Rules of import of medicines for medical use to the territory of the Russian Federation»): resolution of the Government of the Russian Federation d.d. Sept. 29, 2010 № 771. Access from reference legal system «ConsultantPlus».

4. On quality and safety of food: fed. law d.d. Jan. 2, 2000 № 29-FL. Access from reference legal system «ConsultantPlus».

5. The Customs Code of the Customs Union. Access from reference legal system «ConsultantPlus».

6. On the basis of public health protection in the Russian Federation: fed. law d.d. Nov. 21, 2011 № 323-FL. Access from reference legal system «ConsultantPlus».

7. Vardanyan G.A. Criminalistic significant features of the organized groups engaged in full-scale production and trafficking of falsified drugs, as an information guide for organization of detection and investigation of these crimes // Bull. of the Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2014. № 3–2. P. 97–102.

8. Vardanyan G.A. Methods of investigation of crimes related with production and circulation of do not comply to licensing and permitting requirements and (or) falsified, poor-quality medicines, non-registered medicines, medical products or dietary supplements: auth. abstr. ... Master of Law. Tula, 2015.

Хисамова Зарина Илдузовна
старший научный сотрудник
научно-исследовательского отдела
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: alise89@inbox.ru)

Об особенностях квалификации преступлений, совершаемых в сфере использования информационно-коммуникационных технологий

В статье на основе проведенного исследования сформулированы предложения по квалификации преступных деяний в сфере использования информационно-коммуникационных технологий. Отдельно рассмотрены проблемные вопросы квалификации фишинга и скимминга.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, преступления, хищения, мошенничество в сфере компьютерной информации, электронные средства платежа, уголовная ответственность, неправомерный оборот средств платежа.

Z.I. Khisamova, Senior Researcher of Research Department of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: alise89@inbox.ru

On the specifics of qualification of crimes committed in the sphere of information and communication technologies

In the article on the base of the research proposals for the qualification of criminal acts in the field of information and communication technologies are formulated. Concern questions of phishing and skimming qualification are considered.

Key words: information and communication technologies, crimes, thefts, frauds in the sphere of computer information, electronic means of payment, criminal liability, illegal turnover of means of payments.

Проблема противодействия преступлениям, совершаемым в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, продолжает оставаться одной из наиболее злободневных. Обращает на себя внимание непоследовательный подход законодателя к криминализации деяний, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Не исключением стал и Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым введена ответственность за квалифицированные виды мошенничества, среди которых и преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий: ст. 159.3 «Мошенничество с использованием платежных карт» и ст. 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации».

Инициатором изменений выступил Верховный Суд РФ [1]. Позиция судебного органа объясняется тем, что «конкретизация в УК РФ составов мошенничества, в зависимости от сферы правоотношений, в которой они совершаются, должна была уменьшить число оши-

бок и злоупотреблений при возбуждении уголовных дел о мошенничестве, способствовать повышению качества работы по выявлению и расследованию таких преступлений» [2].

В научном мире разразилась бурная полемика по поводу целесообразности отнесения деяния, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, к компьютерному мошенничеству. Так, В.В. Хилюта отмечает сомнительность наличия такого неотъемлемого признака мошенничества, как «обман»: «Компьютер, как и замок у сейфа, нельзя обмануть, поскольку технические устройства лишены психики» [3]. Возможен обман только физического лица, которое вследствие введения его в заблуждение передает добровольно свое имущество преступнику. Н.Ш. Козаев также отмечает экстраполяцию общих признаков мошенничества на рассматриваемый состав [4].

Противники указанной позиции отмечают, что обман, напротив, имеет место быть, т.к. при несанкционированном видоизменении компьютерной информации возникает искажение действительности в сознании человека, эксплуатирующего модифицированную систему, что можно отнести к обману, как к искажению истины [5].

В свою очередь, мы солидарны с мнением П.С. Яни, относящим мошенничество в сфере компьютерной информации к новому виду хищений, «когда завладение имуществом или приобретение права на имущество сопряжено с проникновением в информационную среду, в которой осуществляются различного рода информационные операции, юридическое значение и последствия которых состоят в приобретении участниками оборота имущества в виде наличных денег, безналичных денежных средств, иных имущественных прав» [6]. П.С. Яни также отмечает тот факт, что название статьи «Компьютерное мошенничество» никак не препятствует ее применению. Учитывая характер использования информационно-коммуникационных технологий в целом и электронных средств платежа в частности при совершении хищений, указанная позиция представляется приемлемой, ввиду чего считаем целесообразным квалифицировать по ст. 159.6 УК РФ все хищения в сети Интернет, совершаемые со всеми видами вмешательств в функционирование средств хранения, обработки и передачи компьютерной информации, в том числе и случаи неправомерного доступа и использования систем дистанционного банковского обслуживания, электронных кошельков и реквизитов платежных карт. Такое понимание мошенничества в сфере компьютерной информации, на наш взгляд, позволит сделать данную норму универсальной и применимой ко всем видам корыстных посягательств в IT-сфере.

Отсутствие системности в действиях законодателя привело к тому, что ряд составов, предусматривающих ответственность за незаконные манипуляции с использованием информационно-коммуникационных технологий, находятся в отношениях полной или частичной конкуренции.

Указанное обстоятельство вызвано тем, что перечень альтернативных действий по совершению мошенничества в сфере компьютерной информации гораздо шире перечня последствий, возможных при неправомерном доступе. Особенно остро это противоречие наблюдается при неоконченном преступлении, когда установить умысел на хищение чужого имущества достаточно сложно. Конкурируют между собой и квалифицирующие признаки указанных статей: неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, повлекший указанные в законе последствия, причинивший крупный ущерб или совершенный из корыстной заинтересованности, идентичен по содержанию мошенничеству в сфере компьютерной информации, совершенному в крупном размере. Так,

если лицо из корыстных побуждений осуществило неправомерный доступ к системе «Банк-клиент», повлекший модификацию информации о средствах на счету законного пользователя системы в пользу злоумышленника, то его действия содержат признаки хищения, т.к. имущественные права на активы, переведенные со счета законного владельца, были нарушены. Вместе с тем, был осуществлен неправомерный доступ из корыстной заинтересованности, повлекший модификацию информации и, как следствие, причинение крупного ущерба. В анализируемой ситуации имеет место коллизия уголовно-правовых норм, поскольку фактически они устанавливают ответственность за одно и то же деяние.

По нашему мнению, ст. 159.6 УК РФ является специальной по отношению к ст. 272, 273 УК РФ, поскольку неправомерный доступ к компьютерной информации из корыстной заинтересованности представляет собой действия, направленные на хищение, т.е. компьютерная информация выступает средством доступа к чужому имуществу, что охватывается объективной стороной ст. 159.6 УК РФ, ввиду чего в силу ч. 3 ст. 17 УК РФ дополнительной квалификации по ст. 272, 273 УК РФ преступных посягательств в IT-сфере не требуется.

Относительно ситуации, связанной с использованием подложной карты для оплаты товаров в торговых и иных организациях, хотелось бы отметить, что законодателем указанные неправомерные действия криминализованы в рамках ст. 159.3 УК РФ, однако следует подчеркнуть, что под объективную сторону рассматриваемой статьи подпадает мошенничество конкретно указанным способом – путем обмана сотрудника кредитной, торговой или иной организации в подлинности карты и ее принадлежности. То есть под уголовно-правовой запрет подпадают действия, характеризующиеся сознательным сообщением заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений работнику банка, например оператору, либо сотруднику магазина или кассиру.

Иные виды незаконных действий по использованию платежной карты под действие данной нормы не подпадают и, по нашему мнению, должны быть квалифицированы либо по ст. 158 УК РФ как тайное хищение – при использовании банкомата (в соответствии с разъяснениями, данными в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»), либо по ст. 159.6 УК РФ – при иных видах хищений и использовании различных видов информационно-коммуникационных технологий.

Правоохранительные органы также нередко сталкиваются со случаями совершения преступлений путем использования нескольких разновидностей информационно-коммуникационных технологий: возможностей сети Интернет с созданием и распространением вредоносных программ, влекущих неправомерный доступ к компьютерной информации, которая впоследствии необходима для создания поддельной (подложной) карты, используемой через систему АТМ-банкинга либо для осуществления платежей с использованием онлайн-банкинга. Очевидно, что деяния должны быть квалифицированы по совокупности различных составов УК РФ. Если с квалификацией действий злоумышленников по использованию вредоносных программ и неправомерному доступу ситуация более или менее ясная, то вопрос, как быть с изготовлением подложной карты и использованием ее реквизитов, требует изучения.

Долгое время однозначного ответа на данный вопрос не было, кроме того, эксперты и аналитики были едины во мнении, что конструкция ст. 187 УК РФ неэффективна. И законодатель длительное время не предпринимал никаких мер в данном направлении. Однако 8 июня 2015 г. был принят Федеральный закон № 153-ФЗ «О внесении изменений в ст. 187 Уголовного кодекса РФ», вступивший в силу 19 июня 2015 г. Данным законом полностью изменены название ст. 187 УК РФ и диспозиция, в то время как санкция осталась прежней. Так, в статью включен ряд противоправных и альтернативных действий со средствами платежа, таких как приобретение, хранение, транспортировка в целях использования или сбыта, а статья получила название «Неправомерный оборот средств платежей». Вместе с тем, данная новелла уголовного закона порождает ряд вопросов правоприменительного плана, среди которых разграничение этого общественно опасного деяния с другими преступными посягательствами.

Указание в диспозиции рассматриваемой нормы на создание компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств, на наш взгляд, создает конкуренцию со ст. 273 УК РФ, предметом которой, как известно, является «компьютерная программа либо иная компьютерная информация, заведомо предназначенная для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации».

Неправомерный оборот средств платежей выражен рядом альтернативных действий: изготовление, приобретение, хранение, транспортировка в целях использования или сбы-

та, а равно сбыт средств платежей, таких как поддельные платежные карты, распоряжения о переводе денежных средств, документов или средств оплаты, электронные средства, электронные носители информации, технические устройства, компьютерные программы, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи и перевода средств.

Так, создание, распространение вредоносной компьютерной программы в целях фишинга – действий, направленных на получение конфиденциальной информации о владельце средств платежа посредством установки на компьютер клиента вредоносного программного обеспечения либо путем перенаправления на подложный сайт, охватывается ст. 187 УК РФ, т.к. действия по созданию указанной вредоносной программы, заведомо предназначенной для копирования и модификации компьютерной информации, посягают в первую очередь на общественные отношения в сфере установленного законом порядка эмиссии, выпуска и оборота информационно-коммуникационных технологий в банковской сфере, а затем уже на отношения, складывающиеся в сфере безопасного использования электронных средств платежа, обеспечения информационной безопасности в сфере компьютерной информации. Ввиду чего представляется, что ст. 187 УК РФ выступает в качестве специальной по отношению к ст. 273 УК РФ в случаях создания, распространения или использования электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств или компьютерных программ для неправомерного осуществления приема, выдачи, передачи денежных средств.

Обратимся к наглядному примеру. В ноябре 2015 г. в ходе совместной операции управления «К» МВД России и центра информационной безопасности ФСБ России был задержан предполагаемый главарь преступной группы, грабившей клиентов крупного российского банка с помощью Android-тroyнца. Было установлено, что злоумышленники действовали на территории России около полутора лет и использовали «банкер» для хищения данных, необходимых для проведения мошеннических транзакций. В целом преступникам удалось заразить более 16 тыс. мобильных устройств на базе операционной системы «Андроид». Украденная у их владельцев информация передавалась на четыре командных сервера, размещенных на территории Украины. Материалами предварительной проверки установлено, что реализацией мошеннической схемы руководил задержанный житель Ярославля. Все C&C-серверы банковского тroyнца уже обезврежены [7]. Представляется уместным квалифицировать действия указанного лица по ч. 4 ст. 159.6 УК

РФ. Вместе с тем, подозреваемый также должен быть привлечен к ответственности за действия по изготовлению, в данном случае созданию либо приобретению компьютерной программы для фишинга. Указанные действия должны быть квалифицированы по ч. 2 ст. 187 УК РФ.

Необходимо отметить, что ряд депутатов Государственной Думы предлагают внести изменения в Уголовный кодекс и предусмотреть в рамках гл. 28 отдельную норму за «фишинг» [8], что, на наш взгляд, необоснованно и лишено достаточной аргументации, поскольку указанные действия охватываются объемом диспозиции ст. 187 УК РФ.

Следует также подчеркнуть, что «скимминг» – противоправные действия по установке накладок на банкоматы для считывания пин-кода карты либо для ее удержания – также охватывается диспозицией ст. 187 УК РФ, т.к. указанные устройства представляют собой технические устройства, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи и перевода денежных средств.

В целом, приходится констатировать, что правотворческая деятельность по уголовно-правовому противодействию преступлениям в сфере использования информационно-коммуникационных технологий на сегодняшний день имеет ряд существенных недоработок, обусловленных бессистемным и хаотичным изменением законодательства в указанной сфере, что неизбежно порождает трудности и сложности при квалификации деяний по указанным нормам. Выход из сложившейся ситуации возможен только при комплексном подходе к разрешению проблем противодействия преступлениям в IT-сфере, к которому будут привлечены как специалисты по информационной безопасности, представители банковского сообщества, так и сотрудники правоохранительных органов. Вместе с тем, учитывая специфику рассматриваемых правоотношений, считаем необходимым разъяснение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ правил квалификации по указанным нормам и содержания использованных при конструкции уголовно-правовых норм понятий.

1. Паспорт проекта Федерального закона № 53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О проекте Федерального закона № 53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации»: письмо Верховного Суда РФ от 25 мая 2012 г. № 2-ВС-2733/12. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Хилюта В.В. Уголовная ответственность за хищения с использованием компьютерной техники // Журн. рос. права. 2014. № 3. С. 111–118.

4. Козаев Н.Ш. Современные технологии и проблемы уголовного права (анализ зарубежного и российского законодательства): / под ред. А.В. Наумова. М., 2015.

5. Воронцова С.В. К вопросу о квалификации преступлений в сфере электронных платежей // Банковское право. 2009. № 1. С. 35–37.

6. Яни П.С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 8. С. 35–40.

7. URL: www.threatpost.ru

8. Согласно новому законопроекту киберпреступникам грозит до 4 лет заключения за создание фишинговых ресурсов. URL: http://www.itsec.ru/newstext.php?news_id=106860

1. The passport of the draft Federal Law № 53700-6 «On amendments to the Criminal code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation». Access from the reference legal system «ConsultantPlus».

2. About draft of Federal law № 53700-6 «On amendments to the Criminal code of the Russian Federation and other legislative acts of the Russian Federation»: letter of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. May 25, 2012 № 2-VS-2733/12. Access from reference legal system «ConsultantPlus».

3. Khilyuta V.V. Criminal liability for theft with use of computer technology // Journal of Russian law. 2014. № 3. P. 111–118.

4. Kozhaev N.Sh. Modern technologies and the problems of criminal law (analysis of foreign and Russian legislation) / ed. by A.V. Naumov. Moscow, 2015.

5. Vorontsova S.V. On the question of qualification of crimes in the sphere of electronic payments // Banking law. 2009. № 1. P. 35–37.

6. Jani P.S. Special types of fraud // Legality. 2015. № 8. P. 35–40.

7. URL: www.threatpost.ru

8. According to the new bill cyber criminals face up to 4 years in prison for creating phishing resources. URL: http://www.itsec.ru/newstext.php?news_id=106860

Симоненко Александр Викторович
 доктор юридических наук, профессор,
 начальник Краснодарского университета МВД России
 (e-mail: a18071959@yandex.ru)

Грибанов Евгений Викторович
 кандидат юридических наук, доцент,
 начальник кафедры теории и истории права и государства
 Краснодарского университета МВД России
 (e-mail: egribanov@yandex.ru)

Криминологические технологии и инженерия: место в науке и значение для правоохранительной практики

Статья представляет собой одну из первых криминологических работ, в которой криминологическому осмыслению подвергнуты социальные технологии и инженерия. Дано определение категориям «криминологические технологии» и «криминологическая инженерия». Определена их предметная область в криминологической науке и значение для правоохранительной практики.

Ключевые слова: технологии, социальные технологии, инженерия, методология, криминологические технологии, криминологическая инженерия, преступность, предупреждение, профилактика, правоохранительная деятельность, правоохранительная практика, криминология.

A.V. Simonenko, Doctor of Law, Professor, Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: a18071959@yandex.ru;

E.V. Gribanov, Master of Law, Assistant Professor, Head of the Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: egribanov@yandex.ru

Criminological technologies and engineering: place in the science and law enforcement practice meaning

The article is a one of the first criminological researches, in which social technologies and engineering were the subject of criminological conception. Categories «criminological technologies» and «criminological engineering» are defined. Their subject area in criminological science and law enforcement practice meaning are determined.

Key words: technologies, social technologies, engineering, methodology, criminological technology, criminological engineering, crime, prevention, prophylaxis, law enforcement activity, law enforcement practices, criminology.

За добродетелью же и пороком в государствах заботливо наблюдают те, кто печется о соблюдении благозакония; в этом и сказывается необходимость заботиться о добродетели граждан тому государству, которое называется государством по истине, а не только на словах.

Аристотель

Криминологическая наука, аккумулируя знания о криминальном феномене и опыте воздействия на него, имеет своим логическим итогом реализацию практически-преобразовательной функции путем трансляции накопленных знаний в правоохранительную практику. Основу этих знаний составили прогрессивные идеи, выдвинутые в прошлом великими зарубежными и отечественными гуманистами: Ч. Беккариа, Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо, П. Лафаргом, Ф. Листом,

Г. Тардом, Вольтером, Дж. Локком, А.Н. Радищевым, И.А. Ильиным, М.Н. Гернетом, Д.А. Дрилем, С.В. Познышевым, Н.С. Таганцевым, И.Я. Фойницким и многими другими.

В трудах отечественных криминологов Г.А. Аванесова, Ю.М. Антоняна, А.И. Алексеева, М.М. Бабаева, Ю.Д. Блувштейна, С.В. Бородина, Я.И. Гилинского, С.Е. Вицина, А.И. Долговой, А.Э. Жалинского, К.Е. Игошева, И.И. Карпеца, В.Е. Квашиса, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского, А.Б. Саха-

рова, А.М. Яковлева и многих других эти идеи были значительно развиты. Именно это поколение ученых смогло создать фундаментальную академическую криминологию. Их теории и учения в значительной мере были восприняты правоохранительной практикой Советского государства и по-прежнему оказывают влияние на модальность современной правоохранительной деятельности. Новые поколении российских криминологов, основываясь на прочном теоретическом фундаменте своих предшественников, развивают их криминологические идеи.

Вместе с тем, современная правоохранительная практика слабо ориентирована на эти достижения, она все больше дистанцируется от криминологической науки. Это обусловлено комплексом как объективных, так и субъективных причин. Объективные причины вызваны отсутствием обоснованных критериев оценки эффективности мер предупреждения и контроля над преступностью, профессиональной деятельности специалистов, ее осуществляющих; отставленным во времени положительным эффектом, нормативной и организационной неопределенностью форм и методов профилактической работы, проблемами кадрового и ресурсного обеспечения профилактической (криминологической) деятельности. Субъективные причины лежат в плоскости излишнего консерватизма и инертности правоохранительной системы, не допускающей изменений устоявшихся стереотипов организации правоохранительной деятельности [1, с. 121–122].

С другой стороны, существуют препятствия в практической реализации криминологических идей, относящиеся к проблемам собственно науки. Главным образом это недостаток в криминологических исследованиях, результатом которых становятся технологии реализации в правоохранительной практике фундаментальных положений криминологической науки, развитие прикладных теоретико-методологических инноваций.

Современная криминологическая наука, активно формируя новые криминологические теории и учения, отдает на откуп практике технологии их реализации. В правоохранительной практике такие технологии не формируются либо их слияние проходит с потерей качественного содержания, имеет стихийный, усеченный, часто научно не обоснованный характер, что сводит на нет предпринимаемые усилия.

Итоги проведенного нами эмпирического исследования наглядно иллюстрируют поднятую проблему. Его основу составили результаты интервьюирования респондентов из числа участковых уполномоченных полиции и сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних

органов внутренних дел в количестве 280 человек, представляющих 24 региона России. Объект выборки был определен не случайно. Профилактическая (криминологическая) составляющая в объеме служебных полномочий наших респондентов имеет наибольший удельный вес по сравнению с полномочиями сотрудников иных подразделений полиции.

На вопрос, насколько часто в своей практической деятельности респондентам приходится сталкиваться с необходимостью применения на практике знаний и умений, полученных в результате изучения курса «Криминология» и смежных дисциплин, 41% опрошенных ответили, что не сталкивались с подобной необходимостью, а 59% применяют такие знания достаточно редко. Долю профилактической работы (тракуемой при опросе максимально широко) в своей правоохранительной практике опрошенные специалисты оценили не более чем в 10–20%.

В качестве применяемых в профессиональной деятельности форм профилактической работы респонденты отметили привлечение нарушителей к административной и уголовной ответственности, проведение индивидуальных и коллективных профилактических бесед, постановку на профилактический учет, осуществление административного надзора. Большинство опрошенных респондентов имели достаточно поверхностное представление об иных формах профилактической деятельности и методах ее осуществления (более 80%).

Респонденты выделили наибольшие препятствия в реализации профилактической деятельности своей правоохранительной практики: значительный приоритет иных форм правоохранительной деятельности (административно-правовой и уголовно-процессуальной) по отношению к профилактической работе отметили 26%, 23% указали на низкую востребованность профилактической работы со стороны их непосредственных руководителей, 19% отразили недостаточную нормативную правовую регламентацию этой деятельности, 17% склонились к отсутствию четких критериев оценки и алгоритмов осуществления профилактической работы, 15% посетовали на трудоемкость этой деятельности и отсутствие служебного времени для ее осуществления.

Данные проведенного опроса наглядно показывают значительный разрыв между криминологической теорией, правовыми декларациями и правоохранительной практикой. Криминологический компонент в сравнении с иными направлениями деятельности полиции, как видно из приведенных выше данных, наиболее ограниченно представлен в правоохранительной практике органов внутренних дел.

Указанные выше проблемы явно демонстрируют потребность в разработке технологий, способных транслировать знания о криминальном феномене в практическую деятельность. Этому может способствовать развитие в рамках криминологической науки направлений технологизации и инженерии.

В научное употребление термин «технология» в 1772 г. ввел Иоганн Бекман [2]. Большой толковый социологический словарь «Collins» определяет данное понятие как «практическое применение знания и использование методов в производственной деятельности» [3]. Понятие «технология» чаще всего используют применительно к сферам промышленности и производства. Наиболее прогрессивные и наукоемкие технологии относят к высоким технологиям.

Во всех сферах науки и практики информационные технологии, определяемые в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» как процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов, играют особую роль.

Технологии определяют и как наукоемкий ресурс, реализация которого позволяет достичь социального результата [4; 5]. Их внедрение в конкретные сферы человеческой жизни оптимизирует происходящие в них процессы, тем самым обеспечивая достижение планируемого эффекта при максимально эффективном использовании ресурсов [6]. Степень же освоения технологии и применение ее на практике в различных сферах деятельности в конечном счете определяют квалификацию специалиста.

Важной характеристикой технологий является их свойство опредмечивания научных знаний [7]. Это обеспечивает их трансляцию в реальную жизнь и тем самым меняет ее характеристики в заданных параметрах.

После включения в объект технологий социальных процессов технологизация получила широкое распространение и в общественных науках. Здесь стоит указать на исследования начала XX в. Р. Паунда в работе «Введение в философию права» [8], а также результаты деятельности коллектива Центрального института труда СССР и его руководителя А.К. Гастева.

Методологические принципы социальной технологии и инженерии получили отражение в исследованиях 40-х гг. XX столетия (К. Симкина) [9]. В этот же период научную оценку данной проблематике дал Ф.А. фон Хайек [10]. В середине столетия данное направление по-

лучило уже фундаментальную теоретическую разработку в трудах К.Р. Поппера [11–14].

Во второй половине XX в. и в современный период данное направление получило развитие в социальных исследованиях Г.М. Андреевой, Г.А. Антонюка, В.Н. Иванова, А. Кребера, Т. Парсонса, Ю.М. Резника, Г. Телен, П. Штомпки и др.

Социальные технологии применяются в различных сферах: политике, педагогике, экономике, культуре, массовых коммуникациях. В предпринимательской деятельности они используются для извлечения прибыли путем продвижения товаров и услуг, повышения производительности труда. В политической сфере социальные технологии используются для идеологической работы и формирования общественного мнения. В государственном управлении социальные технологии используются для реализации программ и планов развития различных сфер и отраслей. В политической науке и практике широко представлены политические технологии, обеспечивающие реализацию кампании политика (партии) по формированию необходимого общественного мнения, имиджа и иных политических условий победы, обуславливая наличие профессии политтехнолога [15].

Среди социальных технологий значительное распространение получили педагогические технологии [16; 17], определяемые как специальный набор форм, методов, способов, приемов обучения, воспитательных средств, системно используемых в образовательном процессе, приводящих к достижению прогнозируемого образовательного результата с допустимой нормой отклонения [18, с. 14].

В настоящем исследовании под социальными технологиями мы понимаем совокупность приемов, методов и воздействий, применяемых для достижения прогнозируемого социального результата путем осуществления воздействий, оказывающих влияние на поведение людей, культурные и социальные структуры, системы или ситуации, посредством опредмечивания научных знаний в социальной практике.

Наряду с понятием социальных технологий, в отечественной и зарубежной социальной науке используется понятие социальной инженерии, предположительно введенное Р. Паундом [8, р. 99].

К.Р. Поппер определил социальную инженерию как деятельность по проектированию новых социальных институтов, а также по перестройке и управлению уже существующими социальными институтами путем постепенных, поэтапных изменений [12].

Ю.М. Резник, раскрывая признаки социальной инженерии, указывает на создание в процессе социоинженерной деятельности организационных структур, призванных регулировать и контролировать человеческое поведение, осуществление в ходе социального инжиниринга управленческой деятельности, а также наличие совокупности специальных средств и методов, создаваемых и используемых для решения социальных проблем, адаптации социальных групп и институтов к новым условиям, внедрения социальных новшеств [19, с. 87].

Как видно из этих определений и признаков, используемые нами понятия «социальные технологии» и «социальная инженерия» близки по смысловому содержанию. В некоторых случаях К.Р. Поппер определял их как тождественные («социальная инженерия частных (piecemeal) решений» и «технология постепенных социальных преобразований») [13, с. 31]. Вместе с тем, признавая все же некоторое различие указанных терминов, следует указать, что мы соотносим данные понятия как часть (социальная инженерия) и целое (социальные технологии). Собственно сам К.Р. Поппер указывал, что «систематическое применение частичной инженерии поможет нам создать эмпирическую социальную технологию» [13, с. 361].

Позволим себе не согласиться с авторитетным мнением Ю.М. Резника, проводящего в своих работах существенные терминологические различия между понятиями социальных технологий и инженерии, а также сводящего социальную инженерию к созданию и изменению искусственных социальных систем и объектов [19, с. 88, 90]. По поводу последнего утверждения следует сослаться на позицию К.Р. Поппера, определяющего, что «технолог или инженер знает, что спроектированным (искусственным – прим. авт.) является лишь незначительное меньшинство социальных институтов, все остальные просто «выросли», это непреднамеренные результаты человеческих действий» [12]. В данном случае важна не столько природа социальных институтов, сколько функциональный или инструментальный методологический подход к ним.

Методология технологизации и социоинжиниринга нашла свое отражение в теоретико-правовой науке. В.И. Червонюк в своих работах раскрывает природу и методологическое значение юридических технологий и «правовой инженерии» [20, с. 189–194; 21, с. 195–198]. Другие авторы рассматривают юридические технологии как особый вид социальных технологий [22, с. 246–248]. В иных теоретико-

правовых работах юридические технологии рассматриваются в контексте исследований юридической техники, сравнительного правоведения, юридического образования, правовой политики, правотворческой и правоприменительной деятельности, правовой экспертизы, предупреждения юридических конфликтов, юридического познания и ряда других направлений.

Процессы технологизации и инженерии напрямую затрагивают криминологическую материю и правоохранительную практику. Фундаментальные и прикладные исследования советских криминологов позволили в 70–80-х гг. XX столетия встроить в практику правоохранительной деятельности (имеющую в то время выраженный карательный вектор) систему профилактики преступлений [23; 24]. Здесь были впервые в отечественной правоохранительной истории реализованы технологии, правовые и управленческие решения, имеющие криминологический генезис и обоснованность. Сегодня их можно смело назвать криминологическими технологиями.

Многие криминологи в своих работах в той или иной степени, не используя предлагаемую нами терминологию, развивали это направление, формируя криминологические технологии в тех или иных предметных областях. Это исследования различных прикладных аспектов предупреждения и профилактики преступлений, криминологического моделирования, прогнозирования и планирования, управления и организации деятельности правоохранительных органов, оперативных криминологических исследований, инноваций в криминологии, изучения криминологической обстановки и ряд других. Здесь следует назвать имена К.Р. Абызова, Г.А. Аванесова, А.И. Алексеева, Ю.Д. Блувштейна, С.Е. Вицина, Г.Н. Горшенкова, К.К. Горяинова, А.Э. Жалинского, С.М. Иншакова, В.П. Клейменова, П.Н. Кобеца, Л.В. Кондратюк, В.Н. Кудрявцева, С.Я. Лебедева, В.Д. Малкова, В.С. Овчинского, В.А. Плешакова, А.Ф. Токарева и многих других.

Вместе с тем, комплексные криминологические исследования, рассматриваемой предметной области до сих пор не проводились. Отсюда ряд пробелов, связанных с ограниченностью знаний о криминологических технологиях, с недостаточной разработанностью соответствующего методологического аппарата, с отсутствием концептуальной теоретической модели, адекватно отражающей сущность исследуемого технолого-криминологического (инженерного) подхода.

Социальные технологии и инженерия, имея в качестве объекта приложения криминальный феномен, не могут рассматриваться вне криминологической науки. Отсюда социальные технологии, сферой приложения которых выступает, в том числе, и криминальный феномен, адекватная ему правоохранительная практика, следует рассматривать как криминологические технологии и инженерия.

Криминологические технологии следует определить как совокупность различного рода приемов, способов, средств, методов и форм применения криминологических теорий и учений в практике правоохранительной деятельности, а также прикладных теоретико-методологических инноваций.

Криминологическая инженерия как составная часть криминологических технологий означает деятельность по созданию, внесению изменений и ликвидации правоохранительных институтов, обладающих признаками социальных организаций, путем внесения в них постепенных и последовательных изменений.

Технологический подход исключает радикальное решение правоохранительных проблем. Напротив, он направлен на планомерную, кропотливую настройку правоохранительной системы, ее постоянную отладку и совершенствование путем многочисленных улучшений, необходимость в которых будет дополнительно возникать по мере развития социальных отношений (в терминологии К.Р. Поппера «поэлементное налаживание» [12]).

В качестве иллюстрации можно привести следующий пример. Пункт 5 разд. 6 Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 [25], предусматривает создание в Российской Федерации системы пробации. Цель создания данного правоохранительного института состоит в обеспечении высокой эффективности работы с детьми, находящимися в конфликте с законом. Вместе с тем, в российской правоохранительной системе уже созданы и функционируют социально-правовые институты административнонадзора, условного осуждения, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, судимости, профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Их частичное совершенствование и доработка во многом позволят реализовать те функции, которые приписываются институту пробации. Такой эволюционный подход социально-правового конструирования не

требует ломки устоявшейся системы профилактики преступности, внедрения принципиально нового способа организации субъектов предупредительной деятельности, их кадрового формирования, значительных объемов финансирования [26, с. 8].

Внедрение в практику накопленных криминологической наукой достижений во многом тормозится высокой мерой ответственности за возможные последствия принимаемых мер. Криминологические технологии позволяют обеспечить необходимую гибкость и вариативность, определяя в качестве ведущего принципа реализации выявление ошибок и препятствий и их устранение. Ошибки здесь выступают необходимым условием и результатом деятельности.

Криминологическая технологизация позволит разрешить и фундаментальную проблему криминологических исследований, многие из которых завершаются прикладной частью, носящей выраженный спекулятивный и популистский характер, полностью оторванной от реальной возможности реализации предлагаемых мер. Не секрет, что многие криминологические исследования сегодня грешат однообразными мерами и предложениями, выдвигаемыми исследователями. Здесь по-прежнему царит наивная криминологическая безграмотность, а результаты исследований сводятся к популистским предложениям: улучшить экономическое развитие, поднять уровень жизни, обеспечить социальную защищенность, повысить уровень правовой культуры и т.п., кочующие из одной криминологической работы в другую.

Криминологические технологии и инженерия позволят подчинить криминологические исследования определенным критериям и стандартам, вносящим необходимую ясность, эмпирическую достоверность и практическую проверяемость сделанных исследователем выводов и выработанных рекомендаций.

Развитие криминологических технологий неизбежно приведет к совершенствованию методологии криминологической науки в части ее эмпирической составляющей. Применение прикладных методов позволит выявить необходимые ошибки, получить оправданную критику, реакция на которые сможет привести к появлению новых научных решений и эмпирических методов. Речь идет о полевых криминологических исследованиях, наблюдении, моделировании, исследованиях критических ситуаций. Положительным примером может послужить криминологическое исследование масштабов школьного насилия, методика которого целиком бази-

руется на криминологических технологиях [27, с. 220]. Особое звучание в таком контексте должен приобрести метод эксперимента, в основу которого может быть положен социальный опыт, приобретенный субъектами правоохранительной деятельности в ходе достижения конкретной практической цели. В данном случае речь идет не только о приложении теоретических выводов академической криминологии в правоохранительной практике, но и, в пер-

вую очередь, о развитии прикладной области криминологии за счет собственных теоретико-методологических инноваций.

Сказанное предопределяет необходимость разработки проблематики криминологических технологий и их выделение в качестве самостоятельного компонента предметной области криминологической науки, что, естественно, требует широкого обсуждения, научной и профессиональной дискуссии.

1. Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Культура противодействия преступности в деятельности органов внутренних дел // *Вестн. Моск. ун-та МВД России*. 2015. № 4.

2. Salomon J. *What is Technology? The Issue of its origins and definitions // History of technology*. 1984. Vol. 1.

3. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: в 2 т. / пер. с англ. Н.Н. Марчук. М., 1999. Т. 2.

4. Иванов В.Н., Патрушев В.И. *Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления*. М., 2001.

5. *Социальные технологии управления обществом: региональный уровень / под ред. Я.А. Маргуляна*. СПб., 2010.

6. Грызова У.И. *Социальные технологии: информационно-коммуникативная типология // Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2012. № 3.

7. Дулина Н.В., Овчар Н.А. *Прикладное социологическое исследование как социальная технология // Изв. ВолгГТУ*. 2010. № 7.

8. Pound R. *Introduction to the Philosophy of Law*. 1922.

9. Simkin C. *Budgetary Reform // Australian Economic Record*. 1941.

10. Хайек Ф. *Дорога к рабству // Вопросы философии*. 1990. № 10–12.

11. Поппер К.Р. *Логика и рост научного знания*. М., 1983.

12. Поппер К.Р. *Нищета историцизма*. М., 1993. URL: <http://profilib.com/chtenie/96543/karl-popper-nischeta-istoritsizma.php> (дата обращения: 01.02.2016).

13. Поппер К.Р. *Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона / пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского*. М., 1992.

14. Поппер К.Р. *Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д.Г. Лахути; отв. ред. В.Н. Садовский*. М., 2002.

15. Сильвачева Н.А. *Регулирование и саморегулирование профессиональной деятель-*

1. Simonenko A.V., Gribanov E.V. *Culture of combating crime in the activities of internal affairs bodies // Bull. of Moscow university of the Ministry of the Interior of Russia*. 2015. № 4.

2. Salomon J. *What is Technology? The Issue of its origins and definitions // History of technology*. 1984. Vol. 1.

3. Jerry D., Jerry J. *Big explanatory sociological dictionary: in 2 vol. / transl. from English by N.N. Marchuk*. Moscow, 1999. Vol. 2

4. Ivanov V.N., Parushev V.I. *Innovative social technologies of state and municipal control*. Moscow, 2001.

5. *Social technologies of society management: regional level / ed. by Ya.A. Margulan*. St. Petersburg, 2010.

6. Gryzova W.I. *Social technologies: information and communication typology // Intelligence. Innovation. Investments*. 2012. № 3.

7. Dulina N.V., Ovchar N.A. *Applied sociological research as a social technology // Proc. of VSTU*. 2010. № 7.

8. Pound R. *Introduction to the Philosophy of Law*. 1922.

9. Simkin C. *Budgetary Reform // Australian Economic Record*. 1941.

10. Hayek F. *Road to serfdom // Issues of philosophy*. 1990. № 10–12.

11. Popper K.R. *The logic and growth of scientific knowledge*. Moscow, 1983.

12. Popper K.R. *The poverty of historicism*. Moscow, 1993. URL: <http://profilib.com/chtenie/96543/karl-popper-nischeta-istoritsizma.php> (date of access: 01.02.2016).

13. Popper K.R. *Open society and its enemies. Vol. 1: The spell of Plato / transl. from English ed. by V.N. Sadovsky*. Moscow, 1992.

14. Popper K.R. *Objective knowledge. An evolutionary approach / transl. from English by D.G. Lahuti; resp. ed. V.N. Sadovsky*. Moscow, 2002.

15. Silvacheva N.I. *Regulation and self-regulation of professional political technologists in Russia: diss. ... Master of Political Sciences*. Moscow, 2003.

ности политических технологов в России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2003.

16. Сивохина Л.Н. Становление и развитие теоретических основ педагогической технологии: дис. ... канд. пед. наук. Новосибирск, 2000.

17. Горлинский И.В. Технология педагогического процесса в образовательных учреждениях МВД России. М., 1997.

18. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии. М., 1988.

19. Резник Ю.М. Социальная инженерия: предметная область и границы применения // Социологические исследования. 1994. № 2.

20. Червонюк В.И. Юридические технологии («правовая инженерия»): методологическое значение, природа, соотношение с юридической техникой, статус в системе правоведения // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2010. № 5.

21. Червонюк В.И. Юридические технологии («правовая инженерия»), или прикладная юриспруденция: методологическое значение, природа, соотношение с юридической техникой, статус в системе правоведения: в 4 вып. Вып. 2: Юридические технологии и юридическая техника // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2010. № 6.

22. Миронов А.Н. Юридическая технология как вид социальной технологии // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Уфа, 21 февр. 2011 г.: в 3 ч. Ч. I: Государственно-правовые проблемы. Уфа, 2011.

23. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учеб. / под. ред. В.Я. Кикотя, С.Я. Лебедева. М., 2009.

24. Зинченко О.В. Становление и развитие отечественной системы предупреждения преступлений органами внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

25. Собр. законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

26. Грибанов Е.В., Иванченко Р.Б. Криминологическая оценка места института probation в российской правовой и правоохранительной действительности // Вопросы ювенальной юстиции. 2015. № 2.

27. Соловьев В.С. Криминологическая диагностика масштабов школьного насилия (по материалам анонимного интернет-опроса школьников) // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2014. № 4.

16. Sivokhina L.N. The formation and development of the theoretical foundations of educational technology: diss. ... Master of Pedagogics. Novosibirsk, 2000.

17. Gorlinsky I.V. Technology of pedagogical process in educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, 1997.

18. Selevko G.K. Modern educational technologies. Moscow, 1988.

19. Reznik Yu.M. Social engineering: the scope and limits of application // Sociological researches. 1994. № 2.

20. Chervonyuk V.I. Legal technologies («legal engineering»): methodological significance, nature, correlation with legal technique, the status in the system of law // Bull. of Moscow university of the Ministry of the Interior of Russia. 2010. № 5.

21. Chervonyuk V.I. Legal technology («legal engineering»), or the applied jurisprudence: methodological significance, nature, correlation with legal technique, the status in the system of law: in 4 iss. Iss. 2: Legal technology and legal technique // Bull. of Moscow university of the Ministry of the Interior of Russia. 2010. № 6.

22. Mironov A.N. Legal technology as a kind of social technology // Actual problems of improvement of legislation and law enforcement: proc. of the intern. sci.-pract. conf., Ufa, Febr. 21, 2011: in 3 pt. Pt. I: State-legal problems. Ufa, 2011.

23. Prevention of crimes and administrative offenses by internal affairs agencies: textbook / ed. by V.Ya. Kikot, S.Ya. Lebedev. Moscow, 2009.

24. Zinchenko O.V. The formation and development of the national system of prevention of crimes by the organs of internal affairs: diss. ... Master of Law. Moscow, 2006.

25. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2012. № 23. Art. 2994.

26. Griбанov E.V., Ivanchenko R.B. Criminological evaluation of the importance of the institution of probation in the Russian legal and law enforcement reality // Questions of juvenile justice. 2015. № 2.

27. Soloviev V.S. Criminological diagnosis of the extent of school violence (on materials of anonymous Internet survey of schoolchildren) // Bull. of the Voronezh state university. Ser.: Law. 2014. № 4.

Шкеля Олег Викторович

старший преподаватель кафедры административной деятельности
в органах внутренних дел
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79181667773)

Раздобудина Анастасия Альбертовна

инспектор по исполнению административного законодательства
Центра автоматизированной фиксации
административных правонарушений в области дорожного движения ГИБДД
(дислокация г. Краснодар) ГУ МВД России по Краснодарскому краю
(e-mail: arazdobudina@yandex.ru)

Некоторые проблемы, возникающие в области противодействия коррупции в подразделениях ГИБДД, и пути их решения

В статье рассматриваются актуальные проблемы противодействия коррупционным факторам и укрепления служебной дисциплины и законности. Авторы предлагают пути решения этих проблем на примере зарубежного законодательства и законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: коррупция, служебная дисциплина, законность, уголовная ответственность, антикоррупционные меры, профилактика, Госавтоинспекция, ГИБДД.

O.V. Shkelya, Senior Lecturer of the Chair of Administrative Activity in Internal Affairs Agencies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +7918667773;

A.A. Razdobudina, Inspector of Implementation of Administrative Law of the Center for Automated Recording of Traffic Offences of the State Traffic Safety Inspectorate (STSI) of the Main Directorate of the Ministry of the Interior of Russia for the Krasnodar Region; e-mail: arazdobudina@yandex.ru

Some problems arising in the field of countering corruption in divisions of State Traffic Safety Inspectorate and their solutions

The article deals with actual problems of countering corruption factors and of strengthening office discipline and legality. The authors propose the solutions of these problems by example of the foreign legislation and the legislation of the Russian Federation.

Key words: corruption, office discipline, legality, criminal liability, anti-corruption measures, prevention, State Automobile Inspectorate, State Traffic Safety Inspectorate (STSI).

Коррупция является одним из самых древних преступлений, представляющих огромную опасность, которая дискредитирует власть и ее представителей, усиливая тем самым пренебрежение к закону. На сегодняшний день в России наряду с повышением штрафов за нарушение правил дорожного движения расширяются полномочия сотрудников ГИБДД. Тем самым создается благоприятная почва для развития коррупции, хотя ее масштабы и без того немалые.

Проведенное исследование изучения коррупционных рисков и уровня эффективности противодействия коррупции в ГУ МВД России по Краснодарскому краю показывает, что наиболее пораженной коррупцией сферой деятельности органов внутренних дел, по мнению

38% опрошенных сотрудников, являются подразделения ГИБДД, на втором месте – службы, обеспечивающие государственные закупки (16,9%), на третьем – службы, обеспечивающие кадровое сопровождение.

Самыми распространенными коррупционными явлениями в органах внутренних дел, согласно мнению большинства опрошенных, являются взяточничество, фаворитизм, кумовство, покупка должностей, нарушения при проведении закупок, откаты, работа в одном органе близких родственников, использование служебного положения в личных целях.

Проведенные исследования также показали, что многие сотрудники недовольны своим социальным статусом. Из числа опрошенных у 70% возникало желание перейти на

другую работу, 37,5% респондентов ответили, что использовали свое служебное положение для помощи родственникам или знакомым, что свидетельствует о том, что сотрудники органов внутренних дел рассматривают место службы как инструмент повышения своего благосостояния. Типичным поведением становится использование сотрудниками ОВД преимуществ статуса своей службы.

Невысоко оценивают сотрудники и эффективность борьбы с коррупцией в ОВД. Только 40% респондентов высказались положительно по этому поводу, 50% респондентов указали, что борьба с коррупцией в ОВД ведется неэффективно, а 10% опрошенных отметили, что борьба с коррупционными проявлениями вообще не осуществляется. Можно сделать вывод, что ценностные ориентации сотрудников полиции носят эгоистический, материальный характер. Так, основной причиной коррупционных проявлений сотрудники называют экономические факторы (низкий уровень вознаграждения, неразвитость механизмов реализации социальных гарантий и т.д.).

Отвечая на вопрос о том, какие антикоррупционные меры при внедрении их в органы внутренних дел будут наиболее эффективными, большая часть выделила ужесточение наказания за коррупцию, усиление мер контроля за государственными закупками, создание системы материальной мотивации служащих и повышение уровня технического и информационного оснащения.

Проблема коррупции среди сотрудников ОВД актуальна не только на территории Российской Федерации, но и во всем мире. Формальный подход к этой проблеме может привести к довольно печальным последствиям в политической и экономической сферах, а также стать причиной повышения уровня криминальной обстановки в МВД в целом. Следовательно, необходимо понимать возможность наступления данных последствий и сделать вывод, что жизненно важно бросить все силы на борьбу с этим опасным явлением, используя при этом все возможные рычаги и инструменты.

Полностью избавиться от коррупции невозможно, но это не значит, что с ней не надо бороться. Антикоррупционные механизмы могут быть различными в зависимости от структуры и размеров организации. Чем сложнее система, тем значительней должны быть задействованные в ней антикоррупционные мероприятия.

На наш взгляд, начать нужно с усовершенствования нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность подразделений органов внутренних дел.

Вся деятельность, направленная на борьбу с коррупцией, должна быть законодательно закреплена. До 2008 г. законодательного акта по борьбе с коррупцией просто не было. Однако на сегодня действуют Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции» и еще несколько нормативно-правовых актов. Законодательную основу противодействия коррупции в России составляют Конституция РФ, федеральные законы, а также нормы и принципы международного права, другие федеральные законы, нормативно-правовые акты Президента Российской Федерации, иных федеральных органов государственной власти, а также субъектов Российской Федерации и муниципальные акты.

Основные принципы противодействия коррупции в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации [1, ст. 3]:

- 1) признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;
- 2) законность;
- 3) публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления;
- 4) неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений;
- 5) комплексное использование политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер;
- 6) приоритетное применение мер по предупреждению коррупции;
- 7) сотрудничество государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами.

Из вышесказанного следует, что реализация правовых положений Федерального закона «О противодействии коррупции» должна четко основываться и не противоречить общепризнанным стандартам соблюдения и защиты прав человека, а также должна быть законодательно закреплена. На сегодняшний день проблема коррупции представляет собой «социальную болезнь» мирового сообщества, которая выражается в неправомерном и противоречащем закону перераспределении материальных благ с использованием своего служебного положения. Именно поэтому для борьбы с этим негативным явлением необходимо реализовывать

меры социального воздействия не только правового характера, но и информационно-пропагандистского. Также существует необходимость в применении не только карательных мер, но и мер, направленных на профилактику и предупреждение данного негативного явления. Но для этого недостаточно деятельности одних государственных органов. Для решения данной проблемы требуется участие каждого члена современного общества с целью обмена положительным опытом в борьбе с коррупцией и предупреждения коррупционного поведения.

Статья 12 Федерального закона «О противодействии коррупции» содержит ограничения, которые налагаются на гражданина, замещающего должность государственной и муниципальной службы при заключении трудового договора [1]:

1. Гражданин, замещавший должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации, в течение двух лет после увольнения с государственной или муниципальной службы имеет право замещать должности в коммерческих и некоммерческих организациях, если отдельные функции государственного управления данными организациями входили в должностные (служебные) обязанности государственного или муниципального служащего, с согласия соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Российской Федерации и урегулированию конфликта интересов, которое дается в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации.

2. Гражданин, замещавший должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации, в течение двух лет после увольнения с государственной или муниципальной службы обязан при заключении трудовых договоров сообщать представителю нанимателя (работодателю) сведения о последнем месте своей службы.

Лицо, совершившее коррупционное правонарушение, может быть лишено права занимать определенные должности государственной и муниципальной службы в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Однако к сожалению, Федеральный закон «О противодействии коррупции» имеет немалое количество недостатков, неточностей, не совсем удачных понятий и определений, таких как, например, формальные фразы типа «создание механизма», «оптимизация», «усиление контроля».

Следовательно, можно говорить о том, что данного законодательного акта недостаточно для эффективной борьбы с коррупцией. Закон требует доработки и коренных изменений. Существует также необходимость в доработке отдельных положений Федерального закона «О службе в органах внутренних дел», в котором должны быть отражены аспекты антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел с подробным описанием запретов и ограничений.

Основным законом, лежащим в основе деятельности сотрудников органов внутренних дел, должен быть Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», регулирующий все права и обязанности сотрудников органов внутренних дел. Данный нормативный акт является заменой Положению о службе в органах внутренних дел, в нем должны быть объединены все вопросы, касающиеся деятельности ОВД – от вопросов трудовых отношений до вопросов несения службы. Также в законе должна быть четко определена вся структура ОВД, так и вопросы, касающиеся трудоустройства, несения службы и увольнения из органов. Отдельным пунктом необходимо указать запреты и ограничения для сотрудников ОВД.

Еще одним направлением борьбы с коррупцией с точки зрения правового регулирования должны быть изменения уголовно-правовых средств. Так, необходимо увеличить срок лишения свободы за дачу и получение взятки до 20 лет, приравняв данный вид преступлений к категории особо тяжких на основании Уголовного кодекса РФ, ввести запрет на занятие государственной должности лицам, которые осуждены за совершение преступлений коррупционного характера.

Наряду с этим, важно ввести ограничения на назначение условного срока, досрочного освобождения, а также ограничения на условно-досрочное освобождение и амнистию для лиц, совершивших коррупционные преступления.

В настоящее время в нашей стране разрабатывается множество целевых программ, пла-

нов, направленных на борьбу с коррупцией. Задачей данных документов является концентрация в едином документе целого комплекса мер по нейтрализации, блокировке и профилактике преступных деяний. Для решения проблемы коррупции в подразделениях ГИБДД необходимо разработать и внедрить подобную специальную систему профилактики, учитывая при этом специфику работы сотрудников подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения и все особенности распространения коррупционных проявлений конкретно в Госавтоинспекции. Это послужит частью общей специальной системы по борьбе с коррупцией в органах внутренних дел.

Однако профилактика коррупции в органах внутренних дел не должна основываться только на изменении правовой основы деятельности сотрудников.

Еще одним направлением профилактики коррупционных проявлений со стороны сотрудников правопорядка должно стать совершенствование системы материального обеспечения. Сегодня сотрудники ГИБДД во время исполнения своих служебных обязанностей испытывают высокие физические и психологические нагрузки, но система оплаты труда не соответствует данному факту. Этот вопрос следует считать приоритетным при рассмотрении проблемы взяточничества и коррупции.

Во-первых, следует увеличить оклад сотрудников ОВД, деятельность которых напрямую связана с борьбой с преступностью. Среди этих сотрудников можно выделить сотрудников подразделений Госавтоинспекции, которые ежедневно рискуют своей жизнью на дорогах. Во-вторых, следует создать систему специальных премиальных выплат за счет возмещения ущерба государству. Это будет являться хорошим стимулом к улучшению результатов деятельности и снижению фактора развития взяточничества и коррупции.

Также к мерам материального обеспечения следует отнести создание механизма обеспечения сотрудников ОВД жильем, поскольку жилищный вопрос является одним из самых острых, причем не только для сотрудников ГИБДД, но и ОВД в целом. Так, к примеру, сотруднику, имеющему стаж службы не менее 5 лет и не имеющему действующих дисциплинарных взысканий, нужно предоставлять жилье, а при привлечении к дисциплинарной ответственности и увольнении из органов внутренних дел лишать их предоставленного жи-

лья и социального пакета. Реализация такой меры послужит стимулом для сотрудников к правомерному поведению и снижению уровня коррупции.

Необходимо ввести систему поощрений за отказ от взятки. Сотрудник полиции, который изобличил взяточдателя, должен получать премию, к примеру, в размере половины предложенной ему суммы вознаграждения. Однако данное решение вопроса требует подробного изучения, экспериментальной проверки, и принятие решения о распространении такой меры должно осуществляться лишь после детального обсуждения с обязательным учетом мнения общественности.

Стоит отметить позитивный опыт США, который помог эффективно снизить полицейскую коррупцию в 80-х гг. XX в. Должностные оклады всех полицейских были единовременно увеличены до уровня так называемого среднего класса американского общества. Сотрудники правопорядка были наделены следующими социальными льготами: медицинская страховка, бесплатное высшее образование, льготное кредитование, высокое пенсионное обеспечение. Служба в полиции стала приоритетнее и создала здоровую конкуренцию на этапе отбора кандидатов на службу. В тот же момент были учреждены специальные отделы внутренних расследований – предвестники аналогов российских подразделений собственной безопасности МВД России, которые возникли в России в 1995 г.

Органы собственной безопасности ОВД имеют большое значение в борьбе с коррупцией. Целью их работы является предупреждение совершения коррупционных преступлений со стороны сотрудников полиции. Данная цель определила большой круг задач, возложенных на УСБ в сфере борьбы с коррупцией.

К основным задачам подразделений собственной безопасности относятся:

предупреждение проникновения в органы внутренних дел лиц, преследующих противоправные цели;

выявление и пресечение преступлений и иных правонарушений, совершаемых сотрудниками и работниками органов внутренних дел;

организация государственной защиты сотрудников, работников органов внутренних дел и их близких от противоправных посягательств на их жизнь, здоровье и имущество, совершаемых в связи с исполнением ими служебных обязанностей;

выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений сотрудниками и работниками органов внутренних дел.

В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий и проверок сотрудники подразделений собственной безопасности при наличии специального вкладыша имеют право:

беспрепятственно входить во все здания и помещения системы МВД России;

получать доступ к личным делам сотрудников и другим закрытым учетным данным, за исключением личных дел негласных сотрудников;

истребовать служебную и бухгалтерскую документацию;

знакомиться с материалами проверок по фактам дисциплинарных проступков сотрудников и работников органов внутренних дел, а также с архивными материалами;

осматривать служебный автотранспорт, а также сейфы и рабочие места сотрудников и работников органов внутренних дел [2].

Данными полномочиями подразделения собственной безопасности наделяют министр внутренних дел Российской Федерации и начальник ГУСБ МВД России.

Однако любая структура подразделения собственной безопасности органов внутренних дел имеет свои недостатки. Необходимо закрепить за каждым крупным подразделением органов внутренних дел сотрудника управления собственной безопасности, что позволит с высокой эффективностью выявлять факты коррупционных проявлений и своевременно принимать эффективные меры по их профилактике.

Следует привести в пример опыт Соединенных Штатов Америки, в которых в целях предупреждения и пресечения коррупционных преступлений создаются специальные подразделения, из которых выделяются соответствующие сотрудники, осуществляющие работу с жалобами граждан и внутриведомственными жалобами на служебные злоупотребления с целью получения личной выгоды.

Немалую роль в полиции США уделяют внутриведомственным расследованиям, смысл которых заключается в том, что ни один дисциплинарный проступок и ни одно противоправное действие не могут остаться без внимания руководства полиции. Целью данной службы является предупреждение и пресечение коррупционных проявлений среди сотрудников, при этом сама цель определяет круг задач, возложенных на подразделения службы. Так,

подразделения обязаны осуществлять расследование преступной деятельности сотрудников полиции, а также проводить расследование административных правонарушений, которые совершили сотрудники полиции (из общего числа расследований, проводимых службой собственной безопасности, только 5–6% составляют уголовные преступления, остальные противоправные деяния являются административными правонарушениями); проводить работу с жалобами граждан, содержащих информацию о незаконной деятельности сотрудников полиции (в службу собственной безопасности полиции в США за год поступает около 9 тыс. жалоб, более 70% из них остаются неподтвержденными); также они должны осуществлять работу с кадрами и подготавливать рекомендации по принятию мер административного воздействия.

Уровень коррупции в подразделениях полиции США гораздо ниже, чем в нашей стране. В связи с этим необходимо учитывать опыт борьбы с этим негативным явлением, а именно нужно совершенствовать механизм работы с обращениями граждан, содержащими сообщения о фактах коррупции со стороны сотрудников полиции.

Для борьбы с коррупционными проявлениями в подразделениях ГИБДД следует разработать и внедрить специальную программу профилактики. В данной программе должны быть учтены все особенности распространения коррупции именно в подразделениях ГИБДД и выработаны такие меры, которые помогли бы в наиболее короткие сроки снизить уровень коррупционных проявлений. Конечно, указанная профилактическая программа не должна существовать отдельно, она должна быть частью общей специальной программы борьбы с коррупцией в органах внутренних дел Российской Федерации.

В общем, в целях противодействия коррупционным факторам и укрепления служебной дисциплины и законности в подразделениях ГИБДД необходимо:

реализовать меры, направленные на усовершенствование нормативно-правовой базы деятельности сотрудников ОВД;

создать систему материальной и нематериальной (поощрения за хорошую работу в виде грамот, благодарностей и пр.) мотивации служащих;

повысить уровень технического и информационного оснащения;

организовать и взять под контроль совместную работу сотрудников аппарата ГИБДД с подразделением собственной безопасности; увеличить число гласных и скрытых проверок несения службы сотрудниками ГИБДД;

по всем фактам возбуждения уголовных дел в отношении сотрудников подразделений ГИБДД в обязательном порядке осуществлять выезды на места для проверки состояния законности и служебной дисциплины, давать принципиальную оценку роли непосредственных и прямых руководителей; принимать исчерпывающие меры профилактического и воспитательного характера, направленные на недопущение подобного рода происшествий, которые пагубно влияют на имидж сотрудника органов внутренних дел;

в рамках реализации института наставничества в случаях совершения сотрудником правонарушения рассматривать вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности лиц, выступивших поручителями при назначении сотрудника на должность;

в работе по укреплению законности среди личного состава основной упор делать на индивидуальное воспитание подчиненных, обратив особое внимание на лиц, склонных к совершению проступков;

поддерживать и укреплять в служебных коллективах общественное мнение и настроения, обстановку нетерпимости к нарушениям служебной дисциплины и законности, общественное осуждение противоправного поведения нарушителей и объективную оценку их действий как на рабочем месте, так и в быту;

постоянно осуществлять разъяснение требований норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, предусматривающих ответственность сотрудников Госавтоинспекции за совершение преступлений; раскрывать содержание норм служебной дисциплины и профессиональной этики;

ежедневно доводить до подчиненного личного состава сведения о происшествиях, а также о мерах, принятых в отношении сотрудников, допустивших чрезвычайные происшествия.

1. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 22 дек. 2014 г. № 431-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2008. № 52, ч. I. Ст. 6228.

2. Сухов Д.С. Криминологическая характеристика и предупреждение коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками ГИБДД: по материалам Восточной Сибири: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009.

1. On countering corruption: fed. law of the Russian Federation d.d. Dec. 25, 2008 № 273-FL (as amended on Dec. 22, 2014 № 431-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2008. № 52, pt. I. Art. 6228.

2. Sukhov D.S. The criminological characteristic and the prevention of the corruption crimes committed by the staff of STSI: by information of Eastern Siberia: auth. abstr. ... Master of Law. Irkutsk, 2009.

Озерская Алина Геннадьевна

адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583563)

К вопросу о роли органов внутренних дел в осуществлении профилактики преступности в Российской Федерации

В статье рассматриваются проблемы функционирования подразделений органов внутренних дел как субъекта системы предупреждения преступности в современной России. Указывается на необходимость уточнения места и роли полиции в указанной системе с учетом существующей криминогенной ситуации, реформирования законодательства, регламентирующего эту деятельность.

Ключевые слова: система предупреждения преступности, профилактика преступлений, субъекты профилактики, органы внутренних дел.

A.G. Ozyorskaya, Adjunct of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

To the question about the role of internal affairs bodies in prevention of crime in the Russian Federation

The article deals with the problem of functioning of internal affairs bodies as the subject of crime prevention in modern Russia. It points to the need to clarify the place and role of the police in this system given the current crime situation, reform of legislation regulating the activities.

Key words: system of crime prevention, prevention of offences, subject of crime prevention, internal affairs bodies.

Предупреждение преступности как наиболее эффективный метод борьбы с этим негативным социальным явлением представляет собой сложную социальную проблему, решению которой посвящали свои труды на протяжении многих веков ученые и специалисты-практики различных отраслей научного знания и социальной деятельности. До настоящего времени этот вопрос несколько не утратил своей актуальности. Сложно найти в международном сообществе систему предупреждения преступности, которая могла бы быть названа абсолютно эффективной. В полной мере это касается и России. В качестве иллюстрации приведем положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., где в пп. 38–39 гл. 2 разд. IV прямо указывается, что «главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу должны стать... совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью... Обеспечению государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу будут также способствовать повышение эффективности

деятельности правоохранительных органов и спецслужб, создание единой государственной системы профилактики преступности... и иных правонарушений, включая мониторинг и оценку эффективности правоприменительной практики, разработку и использование специальных мер, направленных на снижение уровня коррумпированности и криминализации общественных отношений» [1].

Органы внутренних дел традиционно являются одним из ключевых субъектов предупреждения преступности в силу специфики целей и задач, которые ставит перед ними общество и государство. Главная цель их функционирования – консолидация усилий органов законодательной, исполнительной, судебной власти, общественных формирований, отдельных граждан при осуществлении комплекса мероприятий по выявлению и нейтрализации причин и условий совершения преступлений и иных правонарушений на территории Российской Федерации.

Приоритетными направлениями, на которые должны быть ориентированы превентивные меры системы профилактики, являются:

предупреждение общеуголовной преступности, которая в основе своей находится в ком-

петенции органов внутренних дел и составляет большую часть официальной преступности в России;

превенция административных правонарушений, в значительной мере подведомственных названной выше правоохранительной структуре;

повышение результативности борьбы с негативными социальными явлениями, прямо влияющими на воспроизводство криминального поведения, такими как наркотизация населения, алкоголизм, детская безнадзорность и беспризорность, бродяжничество, незаконная миграция, где роль полиции также трудно переоценить;

обеспечение процесса ресоциализации преступников, отбывших различные виды наказания;

обеспечение безопасности дорожного движения.

Как видим, практически все перечисленные направления не могут обойтись без активного участия органов внутренних дел, работа которых является залогом успешного осуществления комплексных мер и достижения ожидаемого результата. Кроме того, специалисты-практики подразделений полиции, представители научно-исследовательских и образовательных учреждений МВД России должны активно участвовать в реализации законодательной инициативы – в подготовке проектов, экспертизе и издании федеральных законов, регламентирующих осуществление профилактических функций государства, а также в совершенствовании нормативной базы региональных органов власти. Разработка и реализация федеральных и региональных программ по стабилизации криминогенной ситуации, выявлению и устранению факторов преступности также требует помощи со стороны полиции.

Руководители органов внутренних дел различного уровня в субъектах Российской Федерации обязываются оказывать помощь главам администраций регионов и органов местного самоуправления в разработке комплексных программ профилактики правонарушений по различным направлениям деятельности с учетом региональной специфики. В этом плане хотелось бы отметить, что при наличии проблем финансового, организационного, технического характера, заключающихся, например, в дефиците или прямом отсутствии учреждений социального обслуживания, наркодиспансеров, специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа и других учреждений, способствующих оказанию индивидуального профилактического воздействия, недостат-

ки общесоциальной профилактики пытаются компенсировать возложением на сотрудников полиции функций, несвойственных им в силу специфики выполняемых задач. Данное обстоятельство не только не позволяет достичь поставленной цели, но и снижает результативность деятельности подразделения в целом. Борьба с преступностью как первостепенная задача органов внутренних дел может стать эффективной только в случае адекватных мер со стороны других субъектов профилактики правонарушений.

Приведем в пример осуществление мер общесоциальной профилактики в отношении несовершеннолетних. Безусловно, перед соответствующими подразделениями полиции в данном случае стоит целый комплекс задач по формированию позитивного правосознания рассматриваемого контингента нашего населения – проведение бесед, правового информирования, занятий в образовательных учреждениях. Однако вряд ли можно надеяться на значительные сдвиги в борьбе с правонарушениями несовершеннолетних без грамотной организации досуга подростков и молодежи с целью предотвращения вовлечения их в группы криминальной направленности. С этой целью должны планироваться и реализовываться мероприятия физкультурно-оздоровительного и спортивно-массового характера, включая проведение товарищеских матчей, различных социальных конкурсов, антинаркотических массовых акций, организацию спортивных праздников и иных спортивно-массовых мероприятий, введение в эксплуатацию новых спортивных площадок, стадионов, спортивных комплексов, работу кружков, клубов, спортивных секций.

Другим важнейшим направлением профилактики правонарушений является предупреждение рецидивной преступности. Здесь роль органов внутренних дел заключается в обеспечении стимулирования правопослушного поведения имеющимися полномочиями, контроле за поведением отбывшего или отбывающего наказание преступника в быту, его образом жизни, проведении рейдовых мероприятий в дневное и ночное время по их проверке по месту жительства, работы или учебы. Достаточно эффективной мерой профилактики повторных преступлений лиц, осужденных к условному лишению свободы и не вставших на путь исправления, является инициирование замены условного лишения свободы на реальное. Однако для того, чтобы перечисленные выше мероприятия были действенными, требуется

активная работа иных субъектов профилактики, заключающаяся в проведении консультаций для профессиональной ориентации лиц, подлежащих освобождению из мест лишения свободы, с целью содействия их трудоустройству; проведение курсов реабилитации для лиц, освободившихся из мест лишения свободы; профессиональное обучение лиц, освободившихся из мест лишения свободы и признанных безработными, по профессиям и специальностям, пользующимся спросом на рынке труда. По плечу местным органам самоуправления воздействие на работодателей, предоставляющих рабочие места для трудоустройства освобожденных из мест лишения свободы путем стимулирования предпринимательской деятельности. Положительный опыт такой работы имеется и в Краснодарском крае [2].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что анализ деятельности органов внутренних дел в системе предупреждения преступности в Российской Федерации, в частности в ходе подготовки и реализации федеральных и региональных программ профилактики, позволяет выделить наиболее существенные, на наш взгляд, проблемы:

недостатки, связанные с формированием федерального законодательства в сфере профилактики преступности и иных правонарушений, к которым следует отнести отсутствие

системности и взаимосвязи между различными нормативными правовыми актами;

следствием проблем законодательного регулирования является, на наш взгляд, отсутствие согласованности усилий субъектов системы предупреждения преступности, это проявляется в том, что региональные субъекты профилактической работы зачастую не полностью и поверхностно выполняют свои функции;

насуточной потребностью времени является реорганизация системы информационного обеспечения предупредительной деятельности, без которой согласованные синхронные мероприятия субъектов воздействия на причины и условия преступности крайне затруднительны и во многих случаях практически невозможны;

весьма ощутима проблема недостаточности финансового и материально-технического обеспечения субъектов профилактики правонарушений, которая в конечном счете сводит к минимуму результативность работы государственных структур и субсидируемых общественных организаций, осуществляющих превентивные функции;

наиболее значимой частной проблемой профилактики нам представляется дефицит специализированных учреждений и отработанных механизмов ресоциализации лиц, ранее совершавших преступления, прежде всего отбывавших уголовное наказание в виде изоляции осужденного от общества.

1. *Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Рос. газ. 2009. 19 мая.*

2. *О ходе реализации региональных программ профилактики правонарушений в субъектах Российской Федерации: аналит. обзор. Подготовлен на основании отчетов председателей межведомственных комиссий по профилактике правонарушений субъектов Российской Федерации и сведений ГИАЦ МВД России за 9 месяцев 2011 г. «О ходе реализации комплексной программы профилактики правонарушений» № 34/4/1-964, Ф. Профилактика-КП (039). URL: <https://mvd.ru/upload/site1/434a0f0bb0.doc>*

1. *Strategy of the national security of the Russian Federation till 2020: approved by the Decree of the President of the Russian Federation d.d. May 12, 2009 № 537 // Rus. newsp. 2009. May 19.*

2. *On the realization of regional programs of offences prevention in the subjects of the Russian Federation: analytical review. Based on reports of chairman of interdepartment commissions for offences prevention of the subjects of the Russian Federation and information of the Main Informational and Analytical Centre of the Ministry of the Interior of Russia for 9 months of 2011 «On the realization of complex program of offences prevention» № 34/4/1-964, F. Prevention-KP (039). URL: <https://mvd.ru/upload/site1/434a0f0bb0.doc>*

Власова Светлана Владимировна
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России
(e-mail: Vlasovasvetla@yandex.ru)

Хмельницкая Татьяна Владимировна
преподаватель кафедры предварительного расследования
Нижегородской академии МВД России
(e-mail: ket7219@rambler.ru)

О доктринальной модели формирования уголовно-процессуальных доказательств в состязательном уголовном судопроизводстве

В статье представляются основы новой теории уголовно-процессуальных доказательств, разработанной нижегородскими процессуалистами под руководством профессора А. Александрова. Авторы объясняют философию и идеологию «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России». Анализируют основные понятия и нормативно-правовые конструкции, используемые в этой Доктринальной модели. Обосновывают тезис о необходимости использования новой теории доказательств для реформы российского уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, уголовный процесс, доктринальная модель, доказательственное право.

S.V. Vlasova, Master of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Vlasovasvetla@yandex.ru;

T.V. Hmel'nitskaya, Lecturer of the Chair of Preliminary Investigation of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: ket7219@rambler.ru

On the doctrinal model of formation of criminal procedural evidences in adversarial criminal proceedings

This article is the basis of the new theory of criminal procedure evidence developed by Nizhny Novgorod school of criminal proceeding led by professor Aleksandrov. The authors explain the philosophy and ideology of the «Doctrinal model of the criminal procedure law of evidence of Russia». They analyze the basic concepts and the legal structure used in this doctrinal models. They justified the thesis of the need for a new theory of evidence for the reform of the Russian criminal justice system.

Key words: evidence, proving, criminal procedure, Doctrinal model, evidence law.

Споры о состоятельности существующей модели уголовно-процессуального права идут с момента опубликования УПК РФ. То, что они небезосновательны, подтверждается многочисленными поправками и дополнениями, внесенными в него законодателем. Впрочем, поправки не сняли, а, напротив, усилили к настоящему времени остроту вопроса о конструктивных дефектах существующей уголовно-процессуальной формы и необходимости принятия принципиально нового Кодекса.

К традиционно проявляемой сторонниками состязательной идеологии [1] нетерпимости к

существующему следственному уголовно-процессуальному строю добавились упреки в «обвинительном уклоне», низком правозащитном потенциале [2], но еще и в неэффективности [3]. Причем критика уголовного судопроизводства с экономической и социологической сторон [4; 5], обвинения в информационно-технологической отсталости [6, с. 3–7] звучат особенно актуально и убедительно. Вряд ли какая-либо страна потерпит уголовное правосудие, которое не только бесполезно как в плане защиты прав личности, так и в плане защиты общества, но и представляет угрозу для экономики, предпринимательства. Весьма многозна-

чительным является то, что на существующие недостатки уголовного судопроизводства обратил внимание Президент России [7].

Впрочем, до последнего времени «критики» не предлагали сколько-нибудь серьезной позитивной альтернативы как официальной доктрине, так и существующей уголовно-процессуальной системе. Наша уголовно-процессуальная модель в целом не отрицалась и считалась если не оптимальной, то вполне адекватной. Положение изменилось после того, как страны ближайшего зарубежья, в том числе входящие в СНГ, стали менять уголовно-процессуальное законодательство на принципиально новое, отличное от Модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств – участников СНГ [8]. Стало очевидным, что они пошли «другим путем», чем мы. Это говорит как об ослаблении «мягкой силы» России, так и ставит под сомнение перспективность существующего у нас уголовно-процессуального порядка.

«Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права России» [9; 10] стала первой внятной реакцией русской уголовно-процессуальной мысли на происходящие в постсоветском пространстве события (которые уже неприлично игнорировать) и, что важнее, ответом на насущные потребности нашей страны. В ней обобщен и осмыслен как опыт уголовно-процессуального развития наших соседей, так и достижения отечественной процессуалистики, в том числе нижегородской школы процессуалистов – самой прогрессивной правовой школы в современной России. Одним из подтверждений тому стал круглый стол, проведенный 2 сентября 2015 г. Комитетом гражданских инициатив А. Кудрина на тему «Эффективный суд как основа экономического роста» [11].

Рассмотрим одно из центральных положений данной доктрины, а именно: модель формирования уголовно-процессуального доказательства в состязательном уголовном судопроизводстве. Полагаем, что в этом комплексном понятии содержится концентрированное объяснение того, что такое доказательство и как оно образуется, т.е. сущность доказательства представлена в динамике, развитии и становлении.

Отметим, что указанная проблематика привлекала в последнее время некоторых исследователей, пытавшихся сказать нечто в теории уголовно-процессуальных доказательств: получилось ничто. Ведь изобретательность теоретиков ограничивается созданием новых терминов, вроде «предположительные дока-

зательства» [12], «источник осведомленности» [13, с. 84], «материальные носители информации» [14, с. 240]. Ощущение раскола ранее цельного понятия уголовно-процессуального доказательства налицо, а средств описания этого явления не хватает, создания целостной концепции формирования доказательства не получается. Даже те, кто ставит под сомнение исключительность следственной технологии получения «совершенных» доказательств и включает в смешанный (солидарный) процесс формирования доказательства судью, в качестве конечной инстанции – проверку и оценку материалов уголовного дела [15], полагают, что производство следователем следственных действий приводит к формированию доказательств [16, с. 190–192] (в том числе на основе результатов ОРД), разумеется, в форме протокола следственного действия [17, с. 125; 18, с. 177].

Рассуждения о последовательности, единстве процесса доказывания во всех стадиях процесса [19, с. 11], о смешанной, судебно-следственной модели доказывания на самом деле только оправдывают фактически господствующее положение следователя в доказывании и приоритет протоколов следственных действий, иных процессуальных документов, составленных им, среди «источников доказательств». Volens-nolens орган предварительного расследования формирует, в отсутствие критики со стороны противника и контроля суда, доказательства, способные стать основанием для итогового процессуального решения по делу, в том числе отвечающего на вопрос о совершении обвиняемым преступления, – прекратить дело по одному из «нереабилитирующих оснований». В такой системе суд неизбежно становится придатком или продолжением следственного по своей сути способа создания доказательства: если полный цикл формирования доказательства имеет место во время предварительного расследования [20, с. 12], тогда зачем судебное следствие?

Поэтому правы В.П. Гмырко и И.А. Зинченко [21], оценивающие подобные теоретические построения как упражнения в рамках следственной парадигмы. А надо, между тем, переходить на новую парадигму, что сопряжено со структурными изменениями уголовного судопроизводства.

Именно этот переход сделан в «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права РФ» (далее – ДМ). Он включает в себе следующие «ходы»:

1. Постулирование того, что уголовно-процессуальное доказывание – это исключитель-

но судебное доказывание, т.е. деятельность двух сторон и суда в состязательной форме судебного заседания.

2. Трактовка доказательства как факта, который является результатом оценки судей по своему внутреннему убеждению «фактического материала», собранного и представленного сторонами в виде лиц, способных удостоверить факты на суде, документов (включая протоколы), а также «вещественных доказательств». Авторы ДМ определяют их как «предметы, документы, вещества, иные физические объекты, процессы, поля, которые по происхождению, месту и времени обнаружения, свойствам, признакам, оставшимся на них следам связаны с событием, ставшим предметом уголовного дела, и могут служить средствами к обнаружению преступления, установлению преступника или оправданию невинного, опровержению либо подтверждению обвинения».

3. Признание досудебной деятельности каждой из сторон собиранием «фактических материалов» для подготовки к судебному доказыванию своих утверждений в суде. Тем самым проведена принципиальная граница между судебным доказательством, настоящим уголовно-процессуальным доказательством и досудебным фактическим материалом, собранным сторонами, содержащим сведения, из которых после судебной проверки и оценки может сформироваться доказательство-факт.

4. Наделение доказательств новыми свойствами: полезности и убедительности. Оба эти свойства характерны именно для судебной проверки и оценки содержимого «фактических материалов» и преобразования их в «факты».

Поясним каждый из этих четырех «ходов».

В определении доказательства авторы ДМ сделали акцент на том, что это сведения, имеющие отношение к уголовному делу и полезные для установления истины, «сообщенные суду». Таким образом, существенным признаком доказательства является его «судебность»: «суд (следственный судья) устанавливает наличие или отсутствие доказательства». Те сведения, что не сообщены суду, не проверены и не оценены судом (желательно из первоисточников), не являются вполне доказательством – средством формирования убеждения в принятии решения по делу.

Относимость и полезность выведены на первый план: именно они, по мнению авторов ДМ, являются системообразующими при формировании доказательства. «Доказательства относимые» трактуются ими как «сведения, имеющие доказательственное значение для конкретного уголовного дела, без которых выяснение тех или иных существенных доказыва-

емых фактов этого дела было бы невозможно или затруднительно» [10, с. 18]. В свою очередь, «доказательства полезные» – это доказательства, содержание которых обуславливает необходимость их использования для разрешения дела или для ответа на иной существенный вопрос по делу, несмотря на нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные при их получении [10, с. 18]. И наконец, «убедительные доказательства» – это сведения, относящиеся к уголовному делу и влияющие на внутреннее убеждение судьи (следственного судьи), равно как и любого здравомыслящего человека, ибо то не доказательство, что не убеждает [10, с. 18]. В совокупности со свойствами допустимости, достаточности они характеризуют судебный «доказательственный факт» (*factum probans*), т.е. средство, которым доказывается *factum probandum*.

Продолжая сказанное о новых свойствах доказательств, надо отметить, что свойство полезности, очевидно, введено для смягчения крайностей формализма допустимости: если доказательство получено с нарушением закона, но полезно, то судья может и допустить (при соблюдении некоторых условий, например при установлении достоверности и полезности доказательства или возможности нейтрализовать допущенные нарушения закона состязательной процедурой их последующей проверки и исследования в суде). Прагматизм уравнивается требованием убедительности, которое происходит из сферы этики, справедливости. «Убедительность» связана с концептом «моральной достоверности» и его составной частью – стандартом «разумных сомнений» (доказательственный стандарт третьей (вышей) степени вероятности), под которыми понимаются не опровергнутые обвинением предположения защиты о невинности подсудимого в совершении инкриминируемого ему преступления [10, с. 22]. Три позитивных свойства доказательства (относимость, убедительность и полезность) дополняются четвертым свойством – допустимости, которое выполняет негативную функцию «отсечения» доказательственного материала, не отвечающего этому стандарту. «Доказательства допустимые – доказательства, полученные и представленные стороной, исследованные сторонами с участием суда (следственным судьей) без существенных нарушений закона и признанные судом доказательственными фактами» [10, с. 18].

Из дефиниции доказательства, даваемой в ДМ, следует, что сведения становятся доказательствами в ходе допросов сторонами лиц (личные доказательства) или представления сторонами предметов, документов, иных объ-

ектов (физических процессов, полей), которые были получены с соблюдением стандартов допустимости и являются доступными для верификации. Из дальнейшего определения следует, что авторы отождествляют судебное доказательство со сведением, в аутентичности, допустимости, относимости и полезности которого убедился судья и посчитал возможным использовать его в качестве основания своего решения по отдельному вопросу или по уголовно-правовому спору. На основе исследованных доказательств стороны в суде подтверждают или отрицают факты, дают им правовую оценку, строят свою аргументацию, защищают свои права и законные интересы, выполняют обязанности, а суд (следственный судья) устанавливает наличие или отсутствие доказательства, доказываемого факта или предмета доказывания в целом [10, с. 18, 22]. Таково понятие «доказательства – в работе», в процессе формирования (внутреннего убеждения судьи). Получается, что до представления судье (следственному судье), т.е. до суда, сторона имеет «фактический материал» [10, с. 26] – любые средства хранения и передачи информации, которые делают ее доступной для оценки и формирования судебных доказательств. К ним относятся «материалы уголовного дела» [10, с. 26] – совокупность носителей информации, собранных на данный момент органом, ведущим уголовное дело. «Фактический материал» может быть получен «скрытым агентом» (обвинительной власти) – он приобретает доказательственную силу после представления прокурором и исследования в суде наравне с другими доказательствами сторон [10, с. 24]. Аналогичный фактический материал собирает сторона защиты («дело защиты» [10, с. 26]) и представляет его суду, посредством чего убеждает судью в наличии фактов в свою пользу и использует для иных целей.

Через введение понятия «фактический материал» авторы ДМ уравнивают стороны (перед судьей) в правах на самостоятельное, одностороннее получение своих «досудебных доказательств»: «гласными следственными действиями», но также и любыми другими способами и средствами, прямо не запрещенными законом. Постулат «разрешено все, что прямо не запрещено» заложен и в подход к определению «стандарта допустимости». В определении,

даваемом в ДМ критерию «негативной допустимости», говорится: «Существенное (фундаментальное) нарушение уголовно-процессуального закона в ходе доказывания, повлиявшее на промежуточное или окончательное решение по уголовному делу, – такое непоправимое нарушение прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации, Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, иными международными договорами, российскими федеральными законами, которое обесценивает правосудие и потому делает юридически ничтожными результаты следственного действия, иного доказательственного действия» [10, с. 24]. На дискреционное усмотрение судьи предоставлена оценка сравнительной пользы (силы) данного доказательства, определяемой из соотношения: 1) способности к изобличению преступника; 2) тяжести преступления; 3) издержек властей в связи с его получением, прежде всего в виде ограничения прав личности. Это проявляется в трактовке авторами ДМ «провокации»: не являются провокацией или подстрекательством действия участников тайного следственного действия, если они выявляют сформировавшийся преступный умысел обвиняемого, но не подавляют волю последнего и не вводят его в заблуждение относительно характера совершаемых им действий, и при этом отсутствует иная разумная возможность изобличить обвиняемого (ч. 9 ст. 4.1 ДМ). Получается, допустима «правомерная провокация» (аналог «entrapment evidence») [10, с. 24].

Таким образом, оказался возможным переход от современной следственной, формально-догматической концепции доказательств и доказывания, основанной: 1) на постулате о монополии судебно-следственной власти на установление фактов и одновременно 2) идее самоограничения государства посредством дифференциации правовых режимов досудебного доказывания (ОРД и процессуальное доказывание), к концепции «свободного доказывания» сторон в состязательном уголовном процессе, в основе которого лежит релятивистская философия и прагматизм. Впервые создана целостная новая система доказательственного права, когнитивная [22] теория доказательств, имеющая в своей основе не концепт объективной истины и философию фундаментализма, а релятивистскую теорию познания, формирующую конкурентную среду в ходе уголовного процесса как игры [23].

1. Александров А.С. Состязательность и объективная истина // Библиотека криминалиста. 2012. № 3. С. 142–157.
2. Барщевский М., Морщакова Т. Сверим правописание. Как избавиться от обвинительного уклона в судах // Рос. газ. 2013. 24 сент.
3. Эксклюзивное интервью с главой МВД Владимиром Колокольцевым от 26 нояб. 2015 г. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1577741>
4. Произвольная активность правоохранительных органов в сфере борьбы с экономической преступностью. Анализ статистики. СПб., 2010. URL: <http://www.enforce.spb.ru/publikatsii-sotrudnikov/>
5. Титов Б. Бизнес под «статьей». URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/2014/12/02/36727921>
6. Пастухов П.С. Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества. М., 2015.
7. Путин В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 3 дек. 2015 г., Москва, Кремль. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 03.12.2015).
8. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ: рекомендательный законодательный акт: принят на седьмой Ассамблее государств – участников СНГ 17 февр. 1996 г. // Информ. бюл. М., 1996. № 10. Прил.
9. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ. URL: <http://www.iaaj.net/node/1766>
10. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней / А.С. Александров, И.А. Александрова и др. М., 2015.
11. URL: <http://www.iaaj.net/node/1852>
12. Демидов И.Ф. Реструктуризация уголовного судопроизводства (Концепция как гипотеза) // Государство и право. 2012. № 1. С. 35–37.
13. Зажицкий В.И. Источники в доказательственном праве // Государство и право. 2013. № 10.
14. Белкин А.Р. УПК РФ: нужны ли перемены. М., 2013.
15. Смирнов Г.К. О необходимости восстановления в УПК РФ объективной истины как
1. Alexandrov A.S. Competitiveness and objective truth // Library CSL. 2012. № 3. P. 142–157.
2. Barshchevsky M., Morshchakova T. Check your spelling. How to get rid of accusatory bias in the courts // Rus. newsp. 2013. Sept. 24.
3. Exclusive interview with the interior Minister Vladimir Kolokoltsev on Nov. 26, 2015. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1577741>
4. Arbitrary activity of law enforcement bodies in the sphere of fight against economic crime. Statistical analysis. St. Petersburg, 2010. URL: <http://www.enforce.spb.ru/publikatsii-sotrudnikov/>
5. Titov B. Business under the «article». URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/2014/12/02/36727921>
6. Pastuhov P.C. Doctrinal model of improvement of criminal procedure evidence in the context of the information society. Moscow, 2015.
7. Putin V. Presidential address to the Federal Assembly on Dec. 3, 2015. The Kremlin, Moscow. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (date of access: 03.12.2015).
8. Model Criminal procedure code for the CIS member States: the recommendatory legislative act: adopt. at the seventh Assembly of States – participants of the CIS on Febr. 17, 1996 // Newsletter. Moscow, 1996. № 10. Appendix.
9. Doctrinal model of criminal procedure law of evidence of the Russian Federation. URL: <http://www.iaaj.net/node/1766>
10. Doctrinal model of criminal procedure law of evidence of the Russian Federation and Comments to it / A.S. Aleksandrov, I.A. Aleksandrova et al. Moscow, 2015.
11. URL: <http://www.iaaj.net/node/1852>
12. Demidov I.F. Restructuring of the criminal proceedings (as a hypothesis) // State and law. 2012. № 1. P. 35–37.
13. Zazhicky V.I. Sources of evidence law // State and law. 2013. № 10.
14. Belkin A.R. Criminal procedure code of the Russian Federation: do we need change? Moscow, 2013.
15. Smirnov G.K. Needs to be restored in the Criminal procedure code of objective truth as objective evidence // Criminal process. 2012. № 4. P. 18–20.
16. Borulenkov Yu.P. Legal knowledge (some methodological, theoretical and praxiological aspects). Moscow, 2014.
17. Dolya E.A. About the gathering and the formation of evidence in the Criminal procedure code of the Russian Federation // New Criminal proce-

цели доказывания // Уголовный процесс. 2012. № 4. С. 18–20.

16. Боруленков Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты). М., 2014.

17. Доля Е.А. О собирании и формировании доказательств по УПК РФ // Новый уголовно-процессуальный кодекс России в действии: материалы круглого стола, 13 нояб. 2003 г. М., 2004.

18. Костенко Р.В. Новое понимание сущности доказательств в науке российского уголовного процесса // Библиотека криминалиста. 2013. № 4.

19. Ляхов Ю.А. Единство процесса доказывания в досудебном уголовном судопроизводстве России // Государство и право. 2014. № 11.

20. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972.

21. Гмырко В.П., Зинченко И.А. Парадоксы доказательственного права // Библиотека криминалиста. 2014. № 2. С. 9–17.

22. Александров А.С. Диспозитив доказывания и аргументация в уголовном судопроизводстве // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1 / под ред. А.В. Полякова. СПб., 2009. С. 473–497.

23. Александров А.С., Никонов М.А. К основаниям теории доказательств в состязательном уголовном процессе // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. 2013. № 2(25). С. 68–77.

dure code of the Russian Federation in action: proc. of the round table, Nov. 13, 2003. Moscow, 2004.

18. Kostenko R.V. New understanding of the nature of evidence in science of the Russian criminal process // Library CSL. 2013. № 4.

19. Lyakhov Yu.A. The unity of the process of proof in pre-trial criminal proceedings in Russia // State and law. 2014. № 11.

20. Schaefer S.A. The nature and methods of gathering evidence in the Soviet criminal process. Moscow, 1972.

21. Gmyrko V.P., Zinchenko I.A. Paradoxes of the law of evidence // Library CSL. 2014. № 2. P. 9–17.

22. Alexandrov A.S. Dispositive of proof and argumentation in criminal proceedings // Russian Yearbook of legal theory. 2008. № 1 / ed. by A.V. Polyakov. St. Petersburg, 2009. P. 473–497.

23. Alexandrov A.S., Nikonov M.A. Bases of the theory of evidence in adversarial criminal proceedings // Bull. of the Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2013. № 2(25).

Скогорева Татьяна Федоровна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры организации следственной работы
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России

Чхвимиани Эдуард Жюльенович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России

(e-mail: Eduard-1981@yandex.ru)

Совершенствование правового и организационного участия понятых в досудебном производстве по уголовным делам

В статье рассматриваются понятие «понятой», требования, предъявляемые уголовно-процессуальным законодательством к понятым. Анализируется возможность использования технических средств при проведении процессуальных действий в качестве альтернативы понятым.

Ключевые слова: следователь, понятой, следственные действия, технические средства, видеозапись.

T.F. Skogoreva, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Management of Investigative Activities of the Educational and Research Complex of Preliminary Investigation in Internal Affairs Agencies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;

E.Z. Chkhvimiani, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Eduard-1981@yandex.ru

Improving the legal and institutional participation of witnesses in pretrial proceedings in criminal matters

This article discusses concepts such as «witness», requirements in the criminal procedure legislation to witnesses. The possibility of use of technical means in the proceedings as an alternative to witnesses is analyzed.

Key words: investigator, witness, investigation actions, technical means, video recording.

За последние годы преступность приобрела более организованные формы. Этому способствовали общественно-политические и социально-экономические преобразования в России, которые повлияли на существенные изменения уровня и структуры преступности, представляющей в настоящее время реальную угрозу для развития практически всех видов социальных отношений.

Преступный мир значительно расширил сферу интересов, надеясь на то, что сможет установить в ней свой контроль. Он стал проявлять интерес не только к экономике, но и к политике, культуре, оказывая отрицательное воздействие на нравственность и общественное правосознание. Такое положение приводит к общественному безразличию, что проявляется, в частности, в нежелании граждан выполнять функции понятых при проведении процессуальных действий.

Безусловно, это снижает результативность и качество деятельности правоохранительных органов, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений. Принимая во внимание наличие многих негативных сторон социалистического устройства общества, следует признать, что за 70 лет строительства социализма в СССР в обществе были созданы идеалы, правосознание находилось на достаточно высоком уровне, что позволило широко и достаточно активно вовлекать общественность в правоохранительную деятельность.

Конституционные положения того времени возлагали на граждан обязанность участвовать в правоохранительной деятельности. Так, в ст. 65 Конституции СССР было закреплено: «Гражданин СССР обязан уважать права и законные интересы других лиц, быть нетерпимым к антиобщественным поступкам, всемерно со-

действовать охране общественного порядка». В связи с распадом Советского союза произошли социально-экономические изменения, которые привели к утрате прежних институтов идеологии, новые же находятся в состоянии становления, а это, в свою очередь, оказывает негативное воздействие на деятельность правоохранительных органов по расследованию преступлений.

В УПК РСФСР обязательное участие понятых было предусмотрено при производстве большинства следственных действий, таких как выемка, обыск, осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент, предъявление для опознания, эксгумация, наложение ареста на имущество, также с их участием удостоверялся факт невозможности подписания протокола следственного действия в силу физических недостатков обвиняемым, подозреваемым, свидетелем или другим лицом. Тем не менее, в гл. 3 УПК РСФСР «Участники процесса, их права и обязанности» о понятых как участниках уголовного судопроизводства ничего не говорилось. Регламентация участия понятых получила свое отражение только в гл. 10 «Общие условия производства предварительного следствия» – в ст. 135 УПК РСФСР.

На протяжении всего периода действия УПК РСФСР в него был внесен ряд дополнений и изменений. Тем не менее, следует отметить, что эти изменения никак не коснулись участия понятых.

Согласно УПК РФ понятые являются участниками уголовного процесса, в отличие от предшествовавших ему законодательных актов уголовного судопроизводства, в том числе и УПК РСФСР, в которых понятые не признавались участниками уголовного процесса.

Впервые понятие о понятых как участниках уголовного судопроизводства было дано в гл. 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства». В нее была включена ст. 60 «Понятой». Регламентация же участия понятых в следственных действиях отражена в гл. 22 УПК РФ «Предварительное следствие» – в ст. 170 «Участие понятых».

В УПК РФ институт понятых не только сохранился, но и получил дальнейшее свое развитие: участие понятых стало обязательным по всем вышеназванным следственным действиям. Более того, их участие расширено: они участвуют в осмотре и прослушивании фонограммы, полученной в результате контроля и записи телефонных переговоров (ст. 186 УПК РФ), и при проверке показаний на месте (ст. 194 УПК РФ).

Общее понятие понятого, относящееся не только к уголовному процессу, дано в юридическом словаре и звучит оно следующим образом: понятой – лицо, приглашаемое для уча-

стия в производстве осмотра, обыска, выемки, освидетельствования, опознания и других следственных действий в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным, а также административным законодательством (УПК, КоАП, ТК РФ). Понятым должно быть не менее двух. В качестве понятых могут выступать любые не заинтересованные в деле лица. Понятые обязаны удостоверить факт, содержание и результаты действий, производившихся в их присутствии. Они вправе делать замечания, которые подлежат занесению в протокол соответствующего следственного действия [1].

Согласно п. 1 ст. 60 Уголовно-процессуального кодекса РФ понятой – это не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия [2].

В соответствии с п. 2 ст. 60 УПК РФ в качестве понятых не могут быть привлечены: несовершеннолетние, лица, являющиеся участниками уголовного судопроизводства, а также их близкие родственники и родственники; работники органов исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности и (или) предварительного расследования [3].

Значительно расширены УПК РФ права и обязанности понятого.

В целях обеспечения независимости и объективности понятого, привлеченного к участию в следственных действиях, закон предоставляет ему право: 1) участвовать в следственном действии и делать по поводу следственного действия заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол; 2) знакомиться с протоколом следственного действия, в производстве которого он участвовал; 3) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя и прокурора, ограничивающие его права.

Кроме того, на лицо, которое приглашается в качестве понятого, возлагается обязанность подчиняться требованию следователя (дознавателя и др.).

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством понятой обязан:

являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд (ч. 4 ст. 60 УПК РФ);

не разглашать данные предварительного расследования, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ (ч. 4 ст. 60 УПК РФ).

Также в обязанности понятого входит удостоверение своей подписью факта, содержания и результатов следственного действия, в производстве которого он участвовал (ч. 1 ст. 60 УПК РФ, ч. 1 ст. 170 УПК РФ), всех вне-

сенных замечаний о дополнении и (или) уточнении протокола (ч. 6 ст. 166 УПК РФ), запиши следователя (дознателя) об отказе лица, участвующего в следственном действии, подписать протокол следственного действия, если такой отказ имел место (ч. 1 ст. 167 УПК РФ), факта невозможности подписания протокола следственного действия подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим и (или) свидетелем, который в силу физических недостатков или состояния здоровья не может подписать протокол (ч. 3 ст. 167 УПК РФ).

В УПК РФ, помимо сказанного, есть специальные требования к привлечению понятых. Так, в соответствии с п. 5 ст. 185 УПК РФ для участия в осмотре, выемке и при снятии копий с задержанных почтово-телеграфных отправок в учреждениях связи понятые должны привлекаться из числа работников данного учреждения.

Для обеспечения достаточной активности понятых при проведении следственного действия закон обязывает следователя разъяснять им цель следственного действия, их права и ответственность, предусмотренные законом [4].

В некоторых случаях законодатель закрепил возможность производства следственных действий без участия понятых при наличии определенных условий, таких как труднодоступная местность; отсутствие надлежащих средств связи; когда производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей. Однако в этом случае применяются технические средства фиксации хода и результатов следственных действий (ч. 3 ст. 170). При невозможности применения технических средств в ходе следственного действия следователь должен сделать в протоколе соответствующую запись.

Хотелось бы уточнить, что само понятие «труднодоступная местность» уголовно-процессуальным законодательством не определено. Имеющаяся редакция ситуаций, которые позволяют производить следственные действия в отсутствие понятых, создала обстоятельства, когда законность итогов таких действий может быть поставлена под сомнение, несмотря на соблюдение всех требований, предусмотренных законодательством.

Так, в комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу РФ под редакцией А.В. Смирнова дается следующее разъяснение, что необходимо понимать под труднодоступной местностью: это такое место, к которому трудно подойти, которое трудно достичь обычным способом. Труднодоступность обусловлена и отсутствием достаточных средств транспортного сообщения, и отсутствием средств связи. В связи с

этим практически труднодоступность означает невозможность доставить понятых на место производства следственного действия. Однако такая невозможность не должна быть обусловлена субъективными причинами (например, отсутствием автомобиля или его неисправностью, чтобы отвезти понятых в другой район, т.к. есть другие средства для доставления понятых в нужное место).

Кроме того, производство следственного действия связано с конкретной опасностью для жизни и здоровья понятых. При этом опасность должна существовать уже до начала производства следственного действия, поскольку создание самим следователем опасности для здоровья прямо запрещено законом (ч. 4 ст. 164 УПК). Опасность должна быть не абстрактной (гололед на улице может привести к падению понятого во время осмотра), а конкретной (например, повышенный радиационный фон приводит к получению дозы облучения, опасность взрыва при осмотре пиротехнического объекта). Наличие опасности исключает участие понятых даже при их добровольном желании и готовности на это (в отличие от первого основания) [5].

В большинстве же случаев труднодоступная местность определяется невозможностью привлечения понятых к участию в следственном действии в связи с проведением его вдали от населенных пунктов, отсутствием дорог, транспорта, на котором можно было доставить понятых до места его производства, а также наличием опасности для жизни и здоровья. Широта толкования и неопределенность условий, при которых можно не привлекать к следственным действиям понятых, дали возможность проведения следственных действий без их участия.

По общему правилу для производства освидетельствования и получения образцов для сравнительного исследования также не требуется участие понятых. Тем не менее, в соответствии с ч. 2 ст. 170 УПК РФ при заявлении ходатайства участниками уголовного судопроизводства или по собственной инициативе следователь вправе производить с участием понятых следственные действия, в которых их участие не является обязательным. Если в таком случае проведение любого из этих следственных действий будет сопряжено с обнажением лица, которое освидетельствуется либо у которого берутся образцы, понятые должны быть одного пола с этим лицом.

Анализируя следственную и судебную практику, сложившуюся на протяжении последних лет, следует сказать, что тенденция вовлече-

ния понятых в сферу уголовного судопроизводства постоянно растет.

Однако ни в Конституции РФ, ни в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, который вступил в действие 1 июля 2002 г., не говорится о том, что гражданин обязан оказать помощь правоохранительным органам в борьбе с преступностью, а это способствует отказу граждан выполнять функции понятых и значительно усложняет деятельность правоохранительных органов. Разрешение проблемы по участию понятых в уголовном судопроизводстве осложнена и тем, что институт понятых, существовавший с середины XVII в., не подвергался существенным изменениям. Это приводит к неоднозначным и противоречивым оценкам института понятых и негативно сказывается на правоприменительной деятельности правоохранительных органов.

Исходя из реальности, следует отметить, что граждане, которые бы согласились участвовать в следственных действиях в качестве понятых, не всегда идут на это, а если неотложное следственное действие производится в ночное время, то привлечь их в качестве понятых практически невозможно.

Широкое распространение получила практика привлечения в качестве понятых работников органа, в чьем производстве находится уголовное дело, т.е. лиц, не имеющих отношения к предварительному расследованию: делопроизводителей, технических служащих, водителей служебных машин. Но несмотря на это, привлечение их в качестве понятых является нежелательным. Участники уголовного судопроизводства могут заявить ходатайство о заинтересованности таких понятых в исходе дела, и впоследствии следственные действия, проведенные с их участием, могут быть признаны недопустимыми, что в итоге отрицательно повлияет на дальнейший ход и результаты расследования.

Кроме того, несовершенство правовых норм, регулирующих правовой статус понятых, и игнорирование рекомендаций науки криминалистики относительно тактики их участия в следственных действиях приводит к тому, что функции понятых на практике зачастую сводятся лишь к формальному подписанию протокола соответствующего следственного действия.

Как следует из вышесказанного, несмотря на то, что уголовно-процессуальное законодательство конкретизирует понятие такого участника уголовного судопроизводства, как понятой, устанавливает ограничения, которые связаны с участием в качестве понятого отдельных лиц, в правоприменительной деятельности возникают проблемы, связанные с вопросами правомерности участия лица в качестве понятого.

В последнее время целесообразность участия понятых при производстве следственных действий широко обсуждалась в юридических кругах. В октябре 2011 г. Президентом РФ Д. Медведевым было внесено предложение об упразднении понятых и замене их по некоторым уголовным делам техническими средствами. «Институт понятых сложился, когда не было других способов фиксации доказательств. Это рудимент прошлого, с учетом мирового опыта нам действительно нужно его скорректировать!» [6].

15 марта 2013 г. вступили в силу изменения в УПК РФ, внесенные Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в ст. 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Одно из основных изменений коснулось сокращения случаев обязательного участия в следственных действиях понятых.

Из УПК РФ были исключены положения, в соответствии с которыми участие понятых в следственных действиях является обязательным условием. Из содержания ст. 170 УПК РФ в новой редакции следует, что участие понятых обязательно только при производстве обыска, выемки информации на электронных носителях, личного обыска и опознания. В остальных случаях понятые могут участвовать в следственных действиях на усмотрение следователя.

Если следователь принял решение, что не будет привлекать понятых к участию в следственных действиях, он должен принять меры к обеспечению фиксации хода и результатов следственного действия с помощью технических средств, таких как фотоаппарат, видеокamera.

Участие понятых в следственных действиях перестало быть обязательным условием. Следователю предоставлено право самостоятельного выбора способа удостоверения хода и результатов следственных действий: он может либо использовать помощь понятых, либо применять технические средства. Такая свобода выбора следователю предоставлена при наложении ареста на имущество, почтово-телеграфные отправления, осмотре, в том числе трупа, эксгумации, следственном эксперименте, выемке, контроле и записи переговоров, проверке показаний на месте.

Как видим, и понятой, и технические средства фиксации (видеозапись) в уголовном судопроизводстве выполняют одну и ту же удостоверительную функцию по обеспечению гарантий достоверности результатов следственных действий.

В целях сокращения риска злоупотреблений, связанных с фальсификацией доказательств при использовании в уголовном процессе технических средств фиксации, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» внесено изменение в санкцию ч. 2 ст. 303 УК РФ по увеличению срока лишения свободы с трех до пяти лет за фальсификацию доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником.

В современных условиях новых технологий использование при проведении процессуальных действий специальных технических средств является альтернативой понятым, в отличие от которых воспроизведение хода и содержания следственных действий происходит со стопроцентной точностью, т.к. видеозапись содержит более полную информацию

о ходе и результатах следственных действий, чем свидетельства понятых.

Кроме того, видеозапись позволяет наглядно отследить порядок проведения процессуального действия, применение криминалистической и специальной техники, а также поведение (реакцию) конкретных лиц в ходе следственных действий.

Несмотря на все положительные стороны изменений, внесенных в УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, вопросы, касающиеся тактики производства отдельных следственных действий с использованием технических средств фиксации на стадии предварительного следствия, недостаточно разработаны, сотрудникам органов предварительного расследования необходимо нарабатывать практику применения технических средств, по результатам изучения которой вносить в законодательство изменения, направленные на решение задач государства по борьбе с преступностью.

1. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/17234>

2. URL: http://www.consultant.ru/popular/upkrf/11_9.html#p1331

3. URL: http://www.consultant.ru/popular/upkrf/11_9.html#p1331

4. Конюхова И.А. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ. М., 2006.

5. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. СПб., 2003. URL: <http://www.kalinovsky-k.narod.ru/>

6. URL: <http://www.rg.ru/2011/10/25/ponyatye.html>

1. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/17234>

2. URL: http://www.consultant.ru/popular/upkrf/11_9.html#p1331

3. URL: http://www.consultant.ru/popular/upkrf/11_9.html#p1331

4. Konyuhova I.A. *Commentary to the Criminal procedure code of the Russian Federation*. Moscow, 2006.

5. Smirnov A.V., Kalinovsky K.B. *Commentary to the Criminal procedure code of the Russian Federation* / ed. by A.V. Smirnov. St. Petersburg, 2003. URL: <http://www.kalinovsky-k.narod.ru/>

6. URL: <http://www.rg.ru/2011/10/25/ponyatye.html>

Фадеев Павел Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
(e-mail: fadeevpv2001@yandex.ru)

Место и роль правовой помощи участникам уголовного судопроизводства в системе правоохранительной и правозащитной деятельности

В статье на основе анализа юридической литературы и уголовно-процессуального законодательства рассматриваются проблемы, связанные с определением сущности и характера правовой помощи участникам уголовного процесса с учетом особенностей правоохранительной и правозащитной деятельности. Такой подход позволяет автору исследовать особенности правовой помощи, охраны и защиты, определить цель правовой помощи в уголовном процессе, включающей в себя международную правовую помощь и юридическую помощь.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, правовая помощь, международная правовая помощь, юридическая помощь, защита, охрана, участники уголовного судопроизводства.

P.V. Fadeev, Master of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia of V.Ya. Kikot; e-mail: fadeevpv2001@yandex.ru

Place and role of legal aid to participants in criminal proceedings in the system of law and advocacy

The article, based on an analysis of the legal literature and criminal procedural law deals with the problems associated with the definition of the essence and nature of legal aid to participants of criminal proceedings, taking into account peculiarities of the law enforcement and human rights activities. This approach allows the author to explore the features of legal assistance, safety and protection, and to define the purpose of legal aid in criminal proceedings, including mutual legal assistance and legal aid.

Key words: criminal procedure legislation, legal aid, international legal assistance, legal assistance, protection, security, participants in criminal proceedings.

В сфере уголовного судопроизводства правовая помощь является правовой категорией, входящей в институт прав человека и гражданина. Под ней понимается основанная на нормах международного и национального права деятельность государственных органов уголовного судопроизводства, профессиональных юристов (адвокатов, защитников, представителей) и иных уполномоченных лиц, связанная с использованием соответствующих юридических средств (способов, методов, процедур) и направленная на содействие физическим и юридическим лицам в целях защиты, охраны и реализации их прав и законных интересов при выявлении преступлений, их расследовании и судебном разбирательстве, а также реализации приговоров и иных решений [1, с. 241].

Однако правовая помощь в уголовном процессе как самостоятельная комплексная за-

конодательная и научная категория по различным причинам еще находится в стадии становления. В большей мере термин «правовая помощь» используется либо в узком смысле слова – для обозначения правовых отношений, связанных с международным сотрудничеством различных государств по гражданским, семейным и уголовным делам или оказанием квалифицированной юридической помощи профессиональными юристами (адвокатами, нотариусами, юрисконсультами; здесь следует отметить, что слово «юридический» в русском языке определяется как «относящийся к праву, правовой» [2, с. 745]), либо в очень широком смысле – как обобщающее понятие правоприменительной деятельности.

Одна из причин такого положения объясняется отсутствием понимания места и роли правовой помощи в системе правоохранительной и правозащитной деятельности. Все это влечет

за собой не только изменение первоначального смысла дефиниции «правовая помощь», но и в зависимости от отрасли права и субъектов применения разнообразную трактовку ее содержания, применяемых правовых средств (способов, методов, процедур) и стоящей цели. Так, определяя содержание правовой помощи в уголовном процессе, только 30% опрошенных должностных лиц органов уголовного судопроизводства указали на международное сотрудничество и 16% – на квалифицированную юридическую помощь.

Правовые отношения, в которые вступает личность на национальном уровне, существенно отличаются от межгосударственного уровня, а ее права и законные интересы не являются объектом международной правовой помощи. Например, по мнению должностных лиц органов уголовного судопроизводства, основной целью международной правовой помощи (международного сотрудничества) по уголовным делам является раскрытие и расследование преступлений, разрешение уголовных дел, реализация приговоров и иных решений, а не защита прав и законных интересов жертв преступления или злоупотребления властью (70%).

Как показывает анализ, понятия «правовая помощь», «защита» и «охрана» качественно различаются между собой по сути, содержанию и форме [3, с. 88], т.к. представляют собой различные аспекты обеспечения прав человека и гражданина. Однако разграничение этих понятий представляет некоторую сложность, связанную, во-первых, с их активным, но произвольным использованием в нормативных правовых актах, в том числе международно-правового характера. В законодательстве до сих пор нет не только устоявшихся понятий «защита», «охрана», «правовая помощь», но и комментариев по их содержанию. Нередко законодатель использует данные термины без учета их сущности и особенностей.

Противоположные взгляды на содержание указанных терминов находят отражение в уголовно-процессуальном законодательстве и отмечаются в литературе. Так, в ст. 6 УПК РФ в качестве принципа и основного назначения уголовного судопроизводства определяются: 1) защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. То есть защита прав и законных интересов является, с одной стороны, основной целью деятельности всех участников уголовного процесса, независимо от того, какие уголовно-процессуальные функции они выполняют. С другой – предполагает не только пресечение нарушения прав и законных интересов жертвы преступления или злоупотребле-

ния властью, их восстановление в случае нарушения, но и недопущение нарушения прав, создание условий для их реализации.

В свою очередь, анализ ст. 11 УПК РФ «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» показывает, что охрана охватывает деятельность, связанную не только с принятием мер по недопущению нарушений прав и законных интересов участников уголовного процесса, но и с их защитой (принятие мер безопасности, возмещение вреда – ч. 3 и 4), оказанием правовой помощи (разъяснение прав, обязанностей и ответственности) и обеспечением прав (ч. 1).

Такой подход способствует тому, что должностные лица органов уголовного судопроизводства считают, что в содержание деятельности по защите прав и законных интересов участников уголовного процесса входит деятельность по пресечению преступлений и восстановлению прав в случае их нарушения (60,5%), профилактике и недопущению нарушений прав (46,8%). В то же время в содержание деятельности по охране прав и законных интересов участников уголовного процесса также входит деятельность по профилактике и недопущению нарушений прав (44,5%), пресечению преступлений и восстановлению прав в случае их нарушения (40,5%).

Во-вторых, с наличием множества точек зрения по их определению в юридической литературе, отсутствием убедительной научной аргументации по их содержанию и соотношению друг с другом и иными понятиями. Надо отметить, что вопрос о соотношении указанных терминов превратился в достаточно сложную научную проблему, т.к. они трактуются и используются произвольно, без должной научной интерпретации [4, с. 127].

Указанные обстоятельства затрудняют выработку единого мнения по определению сущности и соотношения указанных терминов, мешают глубокой дифференциации этих правовых явлений, ведут не только к их смешению, но и снижению эффективности использования, а также умалению научной и практической значимости.

Так, анкетирование должностных лиц органов уголовного процесса показывает, что, в отличие от иерархии принципов уголовного судопроизводства, основной целью их деятельности являются: обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса (54%); расследование преступлений, разрешение уголовных дел, реализация приговоров и иных решений (41%); защита прав и законных интересов участников уголовного процесса (39%); охрана прав и законных интересов участников уголовного процесса (16%); правовое (юридическое) содействие (помощь) участ-

никам уголовного процесса в целях защиты и охраны их прав и законных интересов (14%).

Наиболее предпочтительной, на наш взгляд, является точка зрения, в которой охрана, защита и правовая помощь, с одной стороны, представляются самостоятельными правовыми категориями, наделенными различным содержанием, хотя и соприкасающимися друг с другом по многим параметрам [5; 6]. Так, по мнению В.С. Шадрина, охрана прав личности заключается в предупреждении любого возможного нарушения, контроле за их соблюдением и готовности реагировать на возможное нарушение, иными словами – в поддержании состояния беспрепятственного осуществления; защита в широком смысле является деятельностью, осуществляемой при посягательстве на права, их ограничении или возникновении реальной угрозы их нарушения [7, с. 45].

С другой стороны, указанные термины, во-первых, имеют некоторую лексическую и смысловую близость, широко используются в качестве обобщающих понятий в международном и национальном праве, юридической литературе. Как справедливо отмечается в литературе, такой результат – это «в одних случаях своего рода прием законодательной техники, когда в какой-то юридической формуле применяется весь порядок родственных терминов – “защита”, “охрана”, “обеспечение”, чтобы не было повторений, тавтологии и т.д.; в других случаях в правовом акте указывается конкретный термин как способ редактирования, в котором логичнее читать и зрительно воспринимать какое-то устоявшееся в литературных источниках словосочетание» [8, с. 19].

Так, в качестве схожих свойств охраны, защиты, правовой помощи следует выделить такой общий объект деятельности, как права человека. Объект – это то, по поводу чего складываются правоотношения, или то, на что направлены субъективные права и обязанности [9, с. 369]. Конституция РФ (ст. 2, 18) признает человека, его права и свободы высшей ценностью, а их соблюдение и защиту – обязанностью государства, т.к. они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Конституционные права личности, их содержание и механизм обеспечения выражают как фактическое и юридическое положение личности в обществе, так и уровень гуманности, демократизма, зрелости самого общества [10, с. 19].

В свою очередь, одинаковый объект правоотношений, присущий указанным видам деятельности, предполагает использование схожих по форме и содержанию правовых средств (спо-

собов, методов, процедур). Как верно отмечает В.М. Шафиров, прямой юридический долг всех стоящих на страже интересов личности органов, организаций, должностных лиц – снять затруднения в реализации прав и свобод, оградить их от нарушений, восстановить права и свободы, а если необходимо, компенсировать ущерб [11, с. 34–35].

Во-вторых, указанные термины активно используются в качестве отдельных признаков в законодательстве и юридической литературе. Такой подход представляется наиболее целесообразным, поскольку позволяет показать, что правовая помощь, как разновидность уголовно-процессуальной деятельности, оказывается различными субъектами, применяющими соответствующие правовые средства, носит целенаправленный характер. При этом основные свойства защиты, охраны и реализации выступают в качестве одного из существенных признаков правовой помощи, определяющего ее цель [12].

Представляется, что основной целью правовой помощи в уголовном процессе является содействие со стороны государственных органов уголовного судопроизводства, профессиональных юристов и иных уполномоченных лиц в защите, охране и реализации прав и законных интересов участников уголовного процесса при выявлении преступлений, их расследовании и судебном разбирательстве, исполнении приговоров и иных решений.

В этом случае защита прав и законных интересов участников уголовного процесса, как цель правовой помощи, связана с пресечением и предотвращением противоправных деяний, восстановлением нарушенных прав, возмещением причиненного ущерба, реабилитацией невиновного, принятием мер безопасности и др. Так, пресечение противоправных посягательств, принятие мер государственной защиты в отношении свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства определяются в качестве основных целей в ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

Охрана прав и законных интересов предполагает принятие мер по предупреждению их нарушений, в том числе незаконного и необоснованного обвинения, ограничения прав и свобод, уголовного преследования и др. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлении; истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение и др.

Таким образом, правовая помощь как понятие и законодательная категория взаимосвязана по смыслу с понятиями «защита», «охрана», т.к. все они имеют общую направленность – признание высокой ценности личности, ее прав и свобод. Указанные понятия широко используются в качестве ключевых слов и правовых категорий в международном и национальном праве, составляют основу конституционных прав человека и гражданина.

Вместе с тем, эти понятия качественно различаются между собой по своей сути, содержанию, форме и активно используются в законодательстве и юридической литературе в качестве самостоятельных правовых категорий для обозначения правоохранительной,

правозащитной и обеспечительной деятельности. Одним из важных условий отнесения тех или иных мер к охране или защите являются наличие или отсутствие нарушенного права, а также момент, когда появляется угроза нарушения права или произошло нарушение и, соответственно, возникает необходимость в защите права. Охрана есть тогда, когда нет нарушения права, а защита должна наступать тогда, когда есть правонарушение. В отличие от правовой помощи, целью которой является содействие в реализации, охране и защите прав, цель охраны направлена на недопущение нарушений прав, защиты – пресечение нарушений прав и восстановление их в случае нарушения.

1. *Фадеев П.В. Теоретические основы правовой помощи участникам уголовного судопроизводства / под ред. О.А. Зайцева. М., 2014.*

2. *Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стер. М., 1988.*

3. *Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996.*

4. *Анисимов П.В. Теоретические проблемы правового регулирования защиты прав человека: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005.*

5. *Бессарабов В.Г., Кашаев К.А. Защита российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина. М., 2007.*

6. *Фадеев П.В. О проблемах соотношения охраны, защиты и обеспечения прав участников уголовного судопроизводства // Общество и право. 2013. № 4(46).*

7. *Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000.*

8. *Терехин В.А. Суд в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека: теория и практика. М., 2013.*

9. *Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права: учеб. пособие для вузов / под общ. ред. В.И. Червонюка. М., 2003.*

10. *Мельников В.Ю. Права личности в уголовном процессе Российской Федерации. М., 2012.*

11. *Шафиров В.М. Обеспечение права: человекоцентристский подход. Красноярск, 2005.*

12. *Фадеев П.В. О проблемах определения цели механизма правовой помощи в уголовном процессе // Вестн. Коми республиканской академии государственной службы и управления. Сер. «Государство и право». 2014. № 18. С. 75–99.*

1. *Fadeev P.V. Theoretical foundations of legal assistance to participants in criminal proceedings / ed. by O.A. Zaitsev. Moscow, 2014.*

2. *Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: about 57000 words / ed. by N.Yu. Shvedova. 20th ed., ster. Moscow, 1988.*

3. *Mordovets A.S. Socio-legal mechanism of ensuring the rights of man and citizen. Saratov, 1996.*

4. *Anisimov P.V. Theoretical problems of legal regulation of protection of human rights: diss. ... Dr of Law. Nizhny Novgorod, 2005.*

5. *Bessarabov V.G., Kashaev K.A. Protection by the Russian Prosecutor's office the rights and freedoms of man and citizen. Moscow, 2007.*

6. *Fadeev V.P. Relationship problems of security, protection and welfare of rights of members of criminal proceedings // Society and law. 2013. № 4(46).*

7. *Shadrin V.S. Ensuring the rights of the individual when investigating crimes. Moscow, 2000.*

8. *Terekhin V.A. The court in the state-legal mechanism of ensuring rights and freedoms: theory and practice. Moscow, 2013.*

9. *Goyman-Kalinsky I.V., Ivanets G.I., Chervonyuk V.I. The beginning of the General theory of law: textbook for universities / gen. ed. by V.I. Chervonyukh. Moscow, 2003.*

10. *Melnikov V.Yu. The rights of individuals in criminal procedure of the Russian Federation. Moscow, 2012.*

11. *Shafirov V.M. Ensuring the right: human centric approach. Krasnoyarsk, 2005.*

12. *Fadeev P.V. The problems of defining the target of the mechanism of legal aid in criminal proceedings // Bull. of the Komi Republican academy of state service and management. Ser. «State and law». 2014. № 18. P. 75–99.*

Якоби Ирина Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +79064901455)

Адвокат в уголовном процессе: проблемы уголовно-процессуальной регламентации и практики

В статье рассматриваются вопросы по осуществлению полномочий адвоката-защитника по собиранию и представлению доказательств в уголовном судопроизводстве. Выявляются пробелы законодательства и ошибки правоприменительной практики.

Ключевые слова: адвокат, защитник, доказательства, доказывание, оценка доказательств.

I.V. Yakobi, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Federal University; tel.: +79064901455.

Advocate in criminal procedure: problems of criminal-proceeding regulation and practice

Article discusses on the exercise of the powers of attorney-counsel on the collection and presentation of evidence in criminal proceedings. Identifies gaps in legislature and errors in law-enforcement practice.

Key words: advocate, defender, evidence, proof, evaluation of evidence.

Право на получение квалифицированной юридической помощи гарантировано Конституцией РФ и рядом международных нормативно-правовых актов. В соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» такую помощь оказывают адвокаты. Особую значимость имеет участие адвоката в уголовном процессе.

В современных условиях адвокат является основным и практически единственным участником уголовного процесса, который может выступать как со стороны защиты, на ком лежит бремя обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на такую защиту, так и со стороны обвинения – в случае представления интересов потерпевшего, гражданского истца или частного обвинителя.

Взгляд на адвокатуру как на свободную профессию, отправляемую в виде публично-го интереса, выражал известный российский процессуалист XIX в. И.Я. Фойницкий. По его мнению, свобода адвокатуры выражалась, во-первых, в том, что доступ к ней должен быть открыт любому желающему, достаточно к тому подготовленному, физически и нравственно способному посвятить себя ей; во-вторых, в том, что при отправлении ее адвокат должен пользоваться возможно более широкой свободой слова, без которой немислимо и процветание адвокатуры [1, с. 484].

Е.В. Васьковский отмечал, что «только признание адвокатов уполномоченными предста-

вителями общества, а не наемными пособниками частных лиц, дает адвокатуре право на существование, и только с этой точки зрения может быть доказана ее необходимость» [2, с. 13–14].

На современном этапе развития Российского государства адвокатура не утратила своей важности и значимости. Вместе с тем, она приобрела новые качества и формы адвокатской деятельности.

Правовую основу деятельности адвокатов составляют Конституция РФ, Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в редакции от 13 июля 2015 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и др. Процессуальная деятельность адвокатов, безусловно, регулируется уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Квалифицированная юридическая помощь особенно важна для лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, на первоначальном этапе его участия в процессе. К моменту судебного разбирательства подсудимый уже ознакомлен со своими правами и обладает определенным опытом их использования на предварительном расследовании. Более того, адвокатская практика показывает, что на следствии часто нарушаются права подозреваемых (обвиняемых), потому без профессионального защитника (адвоката) не обойтись.

Нарушение процессуальных прав защитника одновременно влечет и нарушение права на

защиту обвиняемого (подозреваемого), которому он должен оказать квалифицированную юридическую помощь. Следовательно, права и обязанности защитника, так же как и права иных участников уголовного процесса, являются объектом обеспечения прав личности в уголовном процессе.

Адвокатская практика показывает, что, несмотря на большой перечень полномочий, определенных законодательством, адвокат не может в полной мере осуществлять полномочие по собиранию доказательств в уголовном судопроизводстве. Так, Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» содержит исчерпывающий перечень тех органов и организаций, куда можно сделать адвокатский запрос с целью получения справок, информации и иной документации, имеющей значение для дела. Отсюда следует, что для получения документов и справок из иных органов и организаций адвокат должен обратиться с ходатайством о запросе необходимых документов (информации) либо к следователю (дознавателю), либо к судье, рассматривающему данное уголовное дело. Поскольку запрашиваемые справки и иные документы могут повлиять на исход дела не в пользу стороны обвинения, чаще всего указанные ходатайства адвокатов отклоняются, чем нарушаются принципы равноправия сторон и состязательности процесса.

Кроме того, указанные принципы нарушаются следователями и судом при безосновательном отказе в удовлетворении заявленных адвокатом ходатайств о допросе новых свидетелей, о проведении повторных экспертиз, о привлечении к участию в деле специалистов и т.д.

Несмотря на то, что УПК РФ определяет полномочия защитника по собиранию доказательств (ч. 3 ст. 86), он в полной мере лишен возможности реализовать свои функции, т.к. следователь является властным должностным лицом, определяющим ход следствия и зачастую отклоняющим все ходатайства защитника. Единственный выход – обжаловать действия и решения следователя в прокуратуру или суд, однако не всегда это оправданный способ, поскольку защитник опасается, что подобные действия вызовут агрессию со стороны следователя и положение подзащитного еще более усугубится.

Участие защитника лишь в собирании доказательств – начальном этапе доказывания – свидетельствует о его неравноправном статусе в уголовном судопроизводстве, а также о деформации принципа состязательности и рав-

ноправия сторон. Дознаватель, следователь, прокурор и суд наделены правом не только собирать доказательства, но и осуществлять их проверку и оценку, и поэтому лишение права защитника на проверку и оценку собранных им доказательств означает ущемление его процессуального статуса.

Между тем защитник этой возможности лишен, т.к. согласно ст. 87 УПК РФ проверка доказательств производится дознавателем, следователем, прокурором и судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

Изучение правоприменительной практики показывает, что в последнее время подавляющее большинство следственных действий проводятся следователями с нарушениями требований норм УПК, попираются процессуальные права обвиняемых. Потому адвокаты-защитники, как правило, участвуют во всех следственных действиях вместе со своим доверителем. Цель их участия – не только оказывать квалифицированную юридическую помощь подзащитному, но и следить за правомерностью и законностью действий следователя при проведении того или иного следственного действия и вовремя реагировать на нарушения норм закона со стороны следственных органов.

Полнота и правильность фиксации в протоколе результата следственного действия подтверждаются, в том числе, и подписью участвующего адвоката. И это весьма ответственный этап участия адвоката в следственном действии. Если адвокат не отразит по какой-либо причине (по невнимательности, не проявит настойчивости, принципиальности и т.п.) в протоколе допущенные нарушения или неполноту установленных обстоятельств, в последующем он фактически утрачивает возможность оспаривать результаты проведенного следственного действия.

Так, при проведении очной ставки между обвиняемым М. и свидетелем Д. следователь, используя компьютер при оформлении протокола очной ставки, не записал показания свидетеля Д., данные им при проведении очной ставки, а скопировал показания из протокола допроса, включив их в протокол очной ставки. Это привело к искажению обстоятельств дела, поскольку на очной ставке были выявлены важные факты и детали по делу, которые не отражены в протоколах допроса. Адвокат-

защитник был вынужден принести замечания на протокол следственного действия [3].

Как регламентирует УПК РФ в пп. 1–3 ч. 3 ст. 86, защитник вправе собирать доказательства путем:

1) получения предметов, документов и иных сведений;

2) опроса лиц с их согласия;

3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Изучение следственной практики позволяет сделать вывод о том, что следственные органы не заинтересованы в приобщении к материалам дела сведений и предметов в качестве доказательств, представленных защитником, и потому, как правило, отказывают в удовлетворении подобных ходатайств.

Так, по вышеуказанному делу по обвинению М. по ч. 3 ст. 264 УК РФ защитнику было отказано в приобщении к материалам дела протоколов опроса лиц, явившихся свидетелями ДТП и его последствий, а также в допросе их в качестве свидетелей по делу.

Парадоксальна ситуация и с допустимостью доказательств, собранных стороной защиты. В соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК предметы, документы, сведения, полученные при опросе защитником, по своему содержанию могут являться доказательствами, но без процессуального оформления судом, прокурором, следователем или дознавателем не могут быть признаны допустимыми.

Этот вопрос широко обсуждается в литературе, т.к. является актуальным на практике. Процессуалисты считают, что «только тот полученный адвокатом-защитником предмет (документ) будет процессуально легализован как вещественное доказательство, который будет затем изъят, осмотрен и приобщен к делу следователем, прокурором, судом» [4, с. 91].

Таким образом, указанный пробел в уголовно-процессуальном законодательстве дает возможность следственным органам отказывать в удовлетворении ходатайства защитника о приобщении к материалам уголовного дела протоколов опроса (объяснений) лиц в качестве доказательств. Кроме того, отклоняются ходатайства о допросе в качестве свидетелей опрошенных адвокатом лиц, т.к. следствию не выгодно, чтобы в деле имелись доказательства, противоречащие основной версии обвинения. Так, по вышеназванному делу по обвинению М. по ч. 3 ст. 264 УК РФ следователь, отклоняя ходатайство защитника о допросе в качестве свидетелей опрошенных им лиц по факту ДТП, рекомендовал их привести в суд, который обязан допросить лиц, явившихся в судебное заседание.

Таким образом, все сведения, собранные защитником, – это всего лишь информация, которая без соответствующего оформления не может стать доказательством по делу. Понятие доказательства едино для всех участников уголовного процесса. Потому в указанных выше обстоятельствах видится нарушение принципа состязательности и равенства сторон, а значит, редакция ст. 86 УПК РФ нуждается в уточнении.

1. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912. Т. 1.

2. Васильковский Е.В. Будущее русской адвокатуры. СПб., 1893.

3. Уголовное дело № 114123100127 по обвинению М. по ч. 3 ст. 264 УК РФ // Архив Кочубеевского районного суда Ставропольского края за 2013 г.

4. Кузнецова Н.А. Собрание и использование документов в качестве доказательств по уголовным делам. М., 2003.

1. Foynitsky I.Ya. Course of criminal proceeding. St. Petersburg, 1912. Vol. 1.

2. Vaskovsky E.V. Future of Russian advocacy. St. Petersburg, 1893.

3. Criminal case № 114123100127 on the charge M. by pt. 3 of art. 264 of the Criminal code of the Russian Federation // Archive of the Kochubeev district court of the Stavropol region in 2013.

4. Kuznetsova N.A. Gathering and using documents as evidences in criminal cases. Moscow, 2003.

Яковлева Людмила Валериевна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: yalv777@mail.ru)

Актуальные проблемы развития уголовно-процессуального законодательства

Статья посвящена современным проблемам состояния уголовно-процессуального законодательства. В ней рассматриваются причины, приведшие УПК РФ к внутренней несогласованности и нестабильности норм. Проанализировав их содержание, автор приходит к выводу о необходимости разработки концепции формирования уголовно-процессуального законодательства и создания на ее основе нового УПК.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс, уголовно-процессуальное законодательство, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное право, кодифицированный закон, уголовно-процессуальное регулирование.

L.V. Yakovleva, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: yalv777@mail.ru

Actual problems of development of criminal-procedural legislation

The article is devoted to modern problems of state criminal procedure law. It discusses the reasons that led the code's internal inconsistency and instability of norms. After analyzing the content, the author comes to conclusion about necessity of development of conception of the criminal procedure legislation and the creation of the new Criminal procedure code.

Key words: Criminal procedure code, criminal procedure legislation, criminal procedure, criminal proceeding, criminal procedural law, codified law, criminal procedural regulation.

Характерной чертой современного российского законодательного процесса стали очень частые изменения, которые вносятся не только в законы, применяемые уже длительный период, но и в недавно принятые, а иногда, как это было с УПК РФ, еще до их вступления в законную силу.

В юридической литературе отмечается, что Россия переживает в настоящее время своеобразный правотворческий бум, чего не было в «застойный» период в нашем государстве. При этом одной из объективных тенденций развития законодательства современной России является повышение социальной значимости и авторитета закона как акта, стоящего на вершине правовой системы, регламентирующего наиболее важные вопросы жизни страны и обладающего наибольшей юридической силой в системе источников права Российской Федерации [1, с. 15]. Закон носит верховный характер, его авторитетность и стабильность выгодно отличаются от других источников права. Однако современное стремительное изменение российского законодательства противоречит этим, казалось бы, неоспоримым качествам закона.

Уголовно-процессуальное законодательство подвергается частым изменениям, что суще-

ственным образом отрицательно отражается на уголовно-процессуальной деятельности в целом. Несмотря на то, что ряд изменений в УПК РФ носили по своему содержанию и актуальности прогрессивный характер (разграничение проверочных судебных производств, уточнение имеющихся в УПК РФ положений, улучшение редакции изложения ряда статей кодекса, введение некоторых упрощенных производств и др.), состояние действующего уголовно-процессуального законодательства близко к критичному.

Следует признать, что развивающаяся политическая, экономическая, социальная жизнь России требует интенсивных изменений, и это существенным образом отражается на такой политизированной отрасли российского права, как уголовно-процессуальное. Очевидной причиной множества внесенных в УПК РФ изменений является несовершенство первоначальной редакции кодекса, а также недостаточно глубокая проработка некоторых его положений.

Эффективность кодификационного акта во многом зависит от того, смог ли законодатель учесть объективные тенденции развития отношений, являющихся предметом его регулирования, и их динамику. Как показала практика

применения УПК РФ, законодатель «произвел на свет» совершенно «сырой» закон. Модернизация и переосмысление УПК РФ уже перешли все допустимые пределы, что приводит к тревожной ситуации, связанной с его применением. Практика в ряде отношений бойкотирует Кодекс или колеблется в понимании и применении отдельных институтов [2, с. 7].

Отмечается парадоксальность современной сложившейся в уголовном судопроизводстве ситуации: чем выше уровень уголовно-процессуальных гарантий прав личности, тем труднее работать правоохранительным органам. При этом некоторые юристы считают, что Кодекс должен создавать как можно больше удобств для этих органов (длительное задержание, отсутствие предельного срока заключения под стражу при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела и т.д.) [2, с. 9]. Многие поправки в УПК РФ принимаются под давлением правоохранительных органов, требующих для своей работы более благоприятных условий [3, с. 38].

Следует отметить, что за период применения УПК РФ в него были внесены изменения 182 законами, 19 постановлениями и 1 определением Конституционного Суда РФ. Анализ изменений, внесенных за последние 5 лет, показывает, что количество законов, вносящих данные изменения, только увеличивается. В настоящее время на рассмотрении законодательных органов находятся два проекта законов о внесении изменений в УПК РФ. Таким образом, тенденции стабильности уголовно-процессуального законодательства не прослеживаются. При этом большая часть изменений в УПК РФ вносится федеральными законами и незначительная, по сравнению с законодательными, решениями Конституционного Суда. Однако такое количество законов, вносящих изменения в УПК РФ, – а некоторые из них перекроили не только отдельные статьи, но и целые главы – говорит о зыбком положении уголовно-процессуального законодательства.

Коренные проблемы той действительности, с которой в настоящее время сталкиваются субъекты применения УПК РФ, состоят, по-видимому, в том, что при разработке УПК РФ не были учтены метод и механизм регулирования, применяемые в отрасли «уголовно-процессуальное право». По-видимому, наука уголовного процесса в настоящее время стоит на этапе перехода «на качественно иной уровень познания ее предмета и повышения эффективности уголовно-процессуального регулирования» [4, с. 118]. В связи с этим предлагается одной из приоритетных задач современной уголовно-процессуальной науки считать исследование вопросов механизма уголовно-процессуального регулирования [5,

с. 191]. Уголовно-процессуальное регулирование определяется как «осуществляемое при помощи уголовно-процессуального права и всей совокупности процессуальных средств, образующих его механизм, юридическое воздействие государства на общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства» [6, с. 32].

Следует согласиться с А.С. Бахтой в том, что если предписания, установленные в нормах права, реализуются с максимально положительным результатом, то механизм правового регулирования вполне эффективен [5, с. 192]. Однако автор также считает, что «влияние уголовного процесса на предмет, составляющий особую сферу общественных отношений, происходит при помощи механизма уголовно-процессуального регулирования», ошибаясь в уголовно-процессуальных понятиях. Уголовный процесс (уголовно-процессуальная деятельность) не может влиять на механизм уголовно-процессуального регулирования, т.к. уголовный процесс является предметом данного механизма, поэтому нормативное содержание влияет на уголовно-процессуальную деятельность, т.к. регламентирует эту деятельность (уголовный процесс). В этой связи именно от правильно разработанного нормативного содержания зависит состояние уголовно-процессуальной деятельности, ее эффективность в процессе производства и принятия решений по уголовным делам с учетом соблюдения установленных международных стандартов прав и интересов участников уголовного производства.

Несомненно, огромное влияние в разработке механизма данной деятельности принадлежит государственной власти, которая переводит определенные общественные отношения под свою юрисдикцию и защиту, придает им упорядоченность, стабильность, устойчивость, желаемую направленность, вводит в нужное русло (в частности, уголовно-процессуальные отношения в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации относятся к исключительной юрисдикции Российской Федерации). Их участники наделяются правосубъектностью, юридическими правами и обязанностями [7, с. 472]. Уголовно-процессуальное регулирование – это «осуществляемое при помощи уголовно-процессуального права и всей совокупности процессуальных средств, образующих его механизм, юридическое воздействие государства на общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства» [6, с. 32]. Поэтому установление механизма уголовно-процессуального регулирования в современных условиях очевидно и требуется для того, чтобы уголовное судопроизводство сделать сбалансированным и стабильным. В этом случае можно говорить о конкретных направлениях совершенствования правотворчества и правоприменения [5, с. 192].

Как уже было сказано, данный механизм должен быть эффективным. При этом под эффективностью правового регулирования понимается отношение между результатом правового регулирования и стоящей перед ним целью. Разработаны и условия повышения эффективности правового регулирования. К ним, в частности, относят: 1) совершенствование правотворчества; 2) совершенствование процесса правоприменения; 3) повышение уровня правовой культуры субъектов права [8, с. 581]. Данные условия являются лишь общей основой функционирования механизма правового регулирования. Непосредственным средством регулирования уголовно-процессуальных отношений являются нормы уголовно-процессуального закона, в котором они сосредоточены.

Правовой базой совершенствования уголовно-процессуального законодательства служит Конституция РФ, которая объединяет систему всех нормативных правовых актов и определяет направление ее развития. Несмотря на то, что законодатель при принятии УПК РФ заверил, что он создан в соответствии с нормами Конституции и международных стандартов, до сих пор постановления Конституционного Суда продолжают оказывать значительное правовое влияние на нормативное содержание уголовного судопроизводства.

Современное уголовно-процессуальное законодательство находится на переходном этапе его преобразования. Мы не призываем изменить полностью Уголовно-процессуальный кодекс. Установление норм и институтов должно быть связано с сохранением прежних, оправдавших себя и способных эффективно действовать в новых условиях, юридических установлений, регламентирующих уголовное судопроизводство. Преемственность в данном случае обязательно должна быть соблюдена, но с условием исключения правовых норм, которые не оправдали себя. Однако современные изменения, которым подвергается УПК РФ, напоминают перекраивание и латание дыр. Посредством таких изменений УПК РФ потерял свою системность, логичность построения, обобщенность, компактность, упорядоченность, которые присущи кодифицированному закону.

Кодифицированный уголовно-процессуальный закон должен представлять собой единый, внутренне связанный документ, включающий оправдавшие себя в ходе уголовно-процессуальной деятельности действующие нормы, а также новые правила, обусловленные динамикой современной жизни и назревшими потребностями развития российского общества. Поэтому мы согласны с утверждением П. Крашенинникова о том, что Уголовно-процессуальный кодекс России (как и Уголовный кодекс)

превратился в свод законов, т.е. стал не кодифицированным, а инкорпоративным актом, где отдельные законодательные положения объединены механически. В связи с этим возникла необходимость создавать новый кодекс, предварительно разработав его концептуальную основу [9, с. 9]. Здесь уместно также отразить мнение главы общественного совета при МВД России А.Г. Кучерена: «Если мы посмотрим на то, как работают правоохранительные органы, суды, на правоприменительную практику, то увидим, что много серьезных проблем, которые связаны с применением статей действующего законодательства либо подзаконных актов... Порой даже высокопрофессиональные юристы не могут разобраться в этом нагромождении поправок и так далее, поэтому сегодня в рамках национальной безопасности очень важно провести проверку и убрать то, что негативно влияет на качество жизни россиян» [10].

Такое положение дает основание признать, что в настоящем состоянии Уголовно-процессуальный кодекс России потерял концептуальную основу. Поэтому назрела необходимость на основе действующего УПК РФ разработать новый уголовно-процессуальный закон. При его разработке следует критически переосмыслить действующие нормы, устранить противоречия и несогласованность между ними, ликвидировать повторения, устаревшие положения, пробелы, дублирование норм. Основная цель законодателя – эффективное совершенствование правовой системы Российской Федерации, поэтому и устранять правовые пробелы необходимо с учетом стандартов Европейского Суда, правовых позиций, изложенных в постановлениях Конституционного Суда и Верховного Суда РФ [11, с. 57].

В ходе данной деятельности необходимо осуществлять мониторинг, который является одним из важных средств проверки эффективности и совершенствования законодательства. Как справедливо отметил председатель Комиссии по методологии реализации конституционных полномочий Совета Федерации Г.Э. Бурбулис, достойного качества принимаемых законов можно добиться мониторингом правового пространства и правоприменительной практики и, в частности, мониторингом законодательства [12, с. 3].

В Указе Президента РФ «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» от органов власти требуется «принимать в пределах своих полномочий меры по устранению выявленных в ходе мониторинга недостатков в нормотворческой и (или) правоприменительной деятельности» [13]. Данный Указ был принят вместе с Положением о мониторинге правоприменения в Российской Федерации. Мониторинг призван реализовать задачу выявления отклонений в правоприменительной практике, их анализа с целью выработки механизмов устранения выявленных проблем, ко-

торые влекут негативные последствия, а также вопросы совершенствования уголовно-процессуального закона.

Следовательно, применение мониторинга является в современный период уголовно-процессуальной реформы одним из главных инструментов совершенствования уголовно-процессуального законодательства, к которому в последнее время законодатель неоправданно перестал обращаться при разработке уголовно-процессуальных норм.

Подводя итог изложенному, отметим, что на развитие современного уголовно-процессуального законодательства влияют следующие факторы: множественные изменения, вносимые в УПК РФ, приводящие к несогласованности и нестабильности норм; отсутствие эффективного механизма уголовно-процессуального регулирования, концептуальной основы; игнорирование использования мониторинга содержания и практики применения уголовно-процессуальных норм.

1. *Систематизация законодательства в Российской Федерации* / под ред. А.С. Пиголкина. СПб., 2003.

2. Петрухин И.Л. *Теоретические основы реформы уголовного процесса в России*. М., 2005. Ч. II.

3. Смирнов А.В. *Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью в современной России // Проблемы противодействия преступности в современных условиях* / под ред. З.Д. Еникеева. Самара, 2003.

4. Зинатуллин З.З. *Понятие и структура механизма уголовно-процессуального регулирования // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф.* / под ред. З.Д. Еникеева. Уфа, 2003. Ч. 2.

5. Бахта А.С. *Механизм уголовно-процессуального регулирования как приоритетное направление развития уголовно-процессуальной теории // Пробелы в рос. законодательстве*. 2011. № 2.

6. Зусь Л.Б. *Правовое регулирование в сфере уголовного судопроизводства*. Владивосток, 1984.

7. Матузов Н.И. *Правовые отношения // Теория государства и права*. М., 1997.

8. *Теория государства и права: учеб.* / под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

9. *Рос. газ.* 2011. 16 дек.

10. URL: <http://ria.ru/society/20150120/1043396376.html#ixzz3PuhmZ6sq> (дата обращения: 11.10.2015).

11. Мартышкин В.Н., Гавин А.С. *Актуальные проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства // Право и безопасность*. 2012. № 1(41).

12. Бурбулис Г.Э. *Предисловие // Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики: методология и мировоззрение: материалы Всерос. науч.-практ. конф.* М., 2003.

13. *О мониторинге правоприменения в Российской Федерации: указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 (в ред. Указа Президента РФ от 25 июля 2014 г. № 529) // Собр. законодательства РФ*. 2011. № 21. Ст. 2930; 2014. № 30, ч. I. Ст. 4286.

1. *Systematization of legislation in the Russian Federation* / ed. by A.S. Pigolkin. St. Petersburg, 2003.

2. Petrukhin I.L. *Theoretical basis for the reform of the criminal process in Russia*. Moscow, 2005. Pt. II.

3. Smirnov A.V. *Criminal procedural and criminalistic problems of struggle with criminality in modern Russia // Problems of combating crime in modern conditions* / ed. by Z.D. Enikeev. Samara, 2003.

4. Zinatullin Z.Z. *The concept and structure of the mechanism of criminal procedural regulation // Problems of combating crime in modern conditions: proc. of the intern. sci.-pract. conf.* / ed. by Z.D. Enikeev. Ufa, 2003. Pt. 2.

5. Bahta A.S. *Mechanism of criminal procedural regulation as a priority direction of development of the theory of criminal procedures // Gaps in Russian legislation*. 2011. № 2.

6. Zus L.B. *Legal regulation in the sphere of criminal proceedings*. Vladivostok, 1984.

7. Matuzov N.I. *Legal relations // Theory of state and law*. Moscow, 1997.

8. *Theory of state and law: textbook* / ed. by A.S. Pigolkin, Yu.A. Dmitriev. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow, 2010.

9. *Rus. newsp.* 2011. Dec. 16.

10. URL: <http://ria.ru/society/20150120/1043396376.html#ixzz3PuhmZ6sq> (date of access: 11.10.2015).

11. Мартышкин В.Н., Гавин А.С. *Actual problems of improving criminal procedural legislation // Law and security*. 2012. № 1(41).

12. Burbulis G.E. *Preface // Monitoring of legal space and legal enforcement practice: methodology and worldview: proc. of All-Russian sci.-pract. conf.* Moscow, 2003.

13. *About monitoring of law application in the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation d.d. May 20, 2011 № 657 (in an ed. of decree of the President of the Russian Federation d.d. July 25, 2014 № 529) // Coll. of legislations of the Russian Federation*. 2011. № 21. Art. 2930; 2014. № 30, pt. I. Art. 4286.

Вецкая Светлана Анатольевна
доцент кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: Vetsky_@mail.ru)

Особенности окончания предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними

В статье рассмотрены виды и особенности окончания предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними.

Ключевые слова: несовершеннолетний, предварительное следствие, преступление, прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, ознакомление с материалами уголовного дела.

S.A. Vetskaya, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Vetsky_@mail.ru

Features of the end of the preliminary investigation of criminal cases involving crimes committed by minors

The article describes the types and features of the preliminary investigation of criminal cases involving crimes committed by minors.

Key words: minor, preliminary investigation, crime, termination of the criminal case, termination of the criminal prosecution, familiarization with the materials of the criminal case.

Расследование уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, может завершиться прекращением уголовного дела и (или) уголовного преследования в случаях, предусмотренных ст. 24–28.1 УПК РФ; прекращением уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ); направлением уголовного дела в суд с обвинительным заключением (ст. 215 УПК РФ).

Прекращение уголовного дела и уголовного преследования можно рассматривать как закрепленный в процессуальном документе официальный отказ государства от дальнейшего производства по уголовному делу и привлечения лица к уголовной ответственности. Понятия «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования» не являются идентичными. Первое означает прекращение производства по уголовному делу в полном объеме, а второе – прекращение производства в отношении конкретного лица, которое по процессуальному статусу являлось подозреваемым, обвиняемым. Закон предусматривает для каждого из названных вариантов завершения процессуальной деятельности самостоятельные основания, при наличии ко-

торых уголовное дело (уголовное преследование) может быть прекращено.

В соответствии со ст. 212 УПК РФ решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) принимается в том случае, когда в ходе предварительного расследования установлены основания, предусмотренные в ст. 24–28.1 УПК РФ.

Уголовное дело подлежит прекращению в случаях, предусмотренных ст. 24–25 УПК РФ. При этом в ч. 3 ст. 24 УПК РФ сказано, что прекращение уголовного дела влечет за собой и прекращение уголовного преследования. Далее, уголовное преследование прекращается по основаниям, предусмотренным ст. 27–28.1 УПК РФ. В случаях прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в отношении несовершеннолетних по основаниям, указанным в названных нормах, предусмотрены общие правила. Тем не менее, следует учитывать отдельные особенности прекращения уголовного дела (уголовного преследования), обусловленные участием в уголовном судопроизводстве несовершеннолетних. В частности, если в ходе предварительного следствия установлено, что несовершеннолетний в силу возраста не является субъектом уголовной ответственности (ст. 20 УК РФ), то дело подлежит

прекращению по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т.е. за отсутствием в деянии состава преступления. Согласно ч. 3 ст. 27 УПК РФ уголовное преследование в отношении такого лица прекращается. Здесь же сказано, что по данному основанию прекращается уголовное преследование в отношении несовершеннолетнего, который хотя и достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения преступления.

Если лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести, то уголовное дело может быть прекращено при условии примирения с потерпевшим и возмещения причиненного ему вреда (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ). Применительно к производству с участием несовершеннолетних необходимо учитывать, что прекращение уголовного дела возможно при наличии заявления потерпевшего или его законного представителя. В последнем случае речь идет о несовершеннолетнем потерпевшем. При этом необходимо учитывать и интересы несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), а также мнение его защитника, законного представителя и предоставленное законодателем право возражать против прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по данному основанию (ч. 2 ст. 27 УПК РФ).

В законе предусмотрена возможность прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ, ст. 28 УПК РФ). В этих случаях также следует учитывать мнение лиц, которые представляют интересы несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), а также право несовершеннолетнего возражать против прекращения уголовного преследования (ч. 4 ст. 28 УПК РФ).

Одним из видов окончания производства по делу о преступлениях, совершенных несовершеннолетним, является прекращение уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ). Это возможно в отношении несовершеннолетнего, который совершил впервые преступление небольшой или средней тяжести. Следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора вправе вынести поста-

новление о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия. Данное постановление вместе с уголовным делом направляется руководителем следственного органа или прокурором в суд.

Принудительные меры, которые могут быть применены судом, включают в себя: 1) предупреждение; 2) передачу под надзор родителей либо лиц, их заменяющих, или специализированного государственного органа; 3) возложение обязанности загладить причиненный вред; 4) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 90 УК РФ). Несовершеннолетнему может одновременно назначаться несколько принудительных мер.

Суд рассматривает ходатайство и материалы уголовного дела в порядке, установленном ч. 4, 6, 8, 9, 11 ст. 108 УПК РФ, за исключением предусмотренных этой статьей процессуальных сроков. Однако единственным сроком является срок обжалования постановления судьи в вышестоящий суд в апелляционном порядке в течение трех дней с момента вынесения судом постановления. Отсюда следует, что в данном случае действует 10-суточный срок обжалования (ч. 1 ст. 389.4 УПК РФ). Вместе с тем, законодатель умалчивает, в течение какого срока суд обязан рассмотреть ходатайство следователя (дознателя) о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия [1]. В ч. 4 ст. 108 УПК РФ сказано, что постановление об избрании меры пресечения заключения под стражу рассматривается в течение 8 часов с момента поступления материалов в суд. Означает ли это, что применение данных сроков действует и применительно к рассмотрению ходатайств и материалов уголовного дела о прекращении уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия? Учитывая отсылку в ст. 427 УПК РФ к ч. 4 ст. 108 УПК РФ, суды должны руководствоваться именно этими сроками.

На этапе окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения подводятся итоги расследования (о достаточности имеющихся доказательств, виновности лица в совершении общественно опасного деяния и т.д.). При завершении предварительного расследования составлением обвинительного заключения в ходе производства по уголовным делам о преступлениях, со-

вершенных несовершеннолетними, следователю надлежит учитывать ряд особенностей. Так, ознакомление несовершеннолетнего обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела осуществляется по общим правилам, предусмотренным ст. 217–219 УПК РФ. Вместе с тем, необходимо учитывать и специальные нормы, содержащиеся в гл. 50 УПК РФ. В частности, законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого наделен правом по окончании предварительного расследования знакомиться со всеми материалами уголовного дела, выписывать из него любые сведения и в любом объеме (п. 7 ч. 2 ст. 426 УПК РФ).

По окончании предварительного расследования следователь вправе вынести постановление о непредъявлении несовершеннолетнему обвиняемому для ознакомления тех материалов уголовного дела, которые могут оказать на него отрицательное воздействие. При этом ознакомление с этими материалами уголовного дела законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого является обязательным.

О.В. Боровик, рассматривая вопросы окончания предварительного расследования в отношении несовершеннолетних, указывает на положения ч. 2 ст. 215 УПК РФ, в которых отсутствует регламентация обязанности следователя разъяснять законному представителю несовершеннолетнего обвиняемого его право на ознакомление, что противоречит содержанию п. 7 ч. 2 ст. 426 УПК РФ. Автор считает, что в ст. 426 УПК РФ следует закрепить правило, в соответствии с которым ознакомление несовершеннолетнего обвиняемого с материалами уголовного дела должно происходить с помощью защитника или законного представителя. Этот вывод объясняется процессуальными функциями названных участников уголовного

судопроизводства, которые являются гарантиями защиты и соблюдения прав несовершеннолетнего [2, с. 187].

Вместе с тем, следует согласиться с мнением других авторов о том, что обязательное участие защитника несовершеннолетнего обвиняемого в уголовном судопроизводстве закреплено в п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ и в дополнительной регламентации не нуждается. Целесообразно закрепить в ч. 2 ст. 215 УПК РФ обязанность следователя разъяснять законному представителю несовершеннолетнего обвиняемого его право на ознакомление. Однако вопрос о возможности несовершеннолетнего обвиняемого знакомиться с материалами уголовного дела совместно или отдельно с законным представителем должен решаться непосредственно самим несовершеннолетним обвиняемым. Мотивы принятия такого решения могут быть самыми различными: конфликтные отношения с родителями, укоры совести за совершенное преступление и т.д. [3, с. 168].

Подводя итог, можно сказать, что применительно к производству по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, законодатель уделяет особое внимание профилактическому воздействию на данных лиц. Такой подход налагает на органы предварительного следствия ответственность за качество расследования данной категории уголовных дел и способствует правильному пониманию сущности правосудия в отношении данных участников уголовного судопроизводства. На этапе окончания предварительного расследования принимаемые следователем (дознавателем) решения требуют индивидуального подхода к исследованию обстоятельств совершенного несовершеннолетним деяния, особенностей его личности.

1. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Боровик О.В. Особенности окончания предварительного расследования по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // «Черные дыры» в рос. законодательстве. 2006. № 2.

3. Голова С.И. Процессуальная деятельность следователя по уведомлению участников уголовного судопроизводства об обвинительном заключении // Общество и право. 2014. № 3(49).

1. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (itemized) / gen. ed. by A.V. Smirnov. Access from legal reference system «Consultant-Plus».

2. Borovik O.V. Features of the preliminary investigation of criminal cases against minors // «Black Holes» in Russian legislation. 2006. № 2.

3. Golova S.I. Procedural actions of the investigator to notify participants of criminal proceedings that the preliminary investigation to the indictment // Society and law. 2014. № 3(49).

Голова Светлана Ивановнастарший преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583181)

Принцип состязательности на этапе окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения

Реализация принципа состязательности в досудебном производстве является одним из наиболее дискуссионных вопросов в отечественной доктрине. В статье проанализированы различные взгляды ученых на данную проблематику, рассмотрены вопросы реализации данного принципа на этапе окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения.

Ключевые слова: досудебное производство, обвинительное заключение, окончание предварительного следствия, принцип состязательности, судопроизводство, уголовный процесс.

S.I. Golova, Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583181.

The adversarial principle at the stage of the end of preliminary investigation with indictment compilation

The implementation of the adversarial principle in the pre-trial proceedings is one of the most controversial issues in the domestic doctrine. The article analyzes the different views of scientists on this perspective, the issues of the implementation of this principle at the stage of the end of the preliminary investigation with preparation the indictment compilation.

Key words: pre-trial proceedings, indictment, end of preliminary investigation, adversarial principle, proceedings, criminal proceedings.

Принцип состязательности закреплен в качестве основополагающего в Конституции РФ (ч. 3 ст. 123). Правовая регламентация состязательности в уголовном процессе законодательно закреплена в ст. 15 УПК РФ, в соответствии с которой установлено, что «уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности. Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган и то же должностное лицо. Суд не является органом уголовного преследования. Стороны обвинения и защиты равноправны перед судом». Из этого следует, что состязательность провозглашена в УПК РФ принципом всего уголовного процесса, т.е. не только в отношении судебного разбирательства, но и досудебного производства.

Законодательная формулировка принципа состязательности отсутствует, поэтому приведем одну из доктринальных дефиниций.

Состязательность в уголовном судопроизводстве представляет собой деятельность (действия, бездействие) сторон, которая направлена на усложнение формирования и полное или частичное опровержение конечно-процессуального тезиса, формулируемого противоположной стороной в зависимости от уголовно-процессуальной функции в уголов-

ном судопроизводстве, который противоречит интересам противоположной стороны [1].

В соответствии с названным принципом осуществляется разделение сторон (п. 45 ст. 5 УПК РФ). Это означает, что обвинение и защита выступают в качестве сторон, т.е. участников уголовного процесса, имеющих определенный процессуальный интерес, которым закон предоставил права для обоснования своих доводов, а также для оспаривания доводов другого участника процесса. Сторона защиты представлена следующими участниками уголовного процесса: обвиняемый, его законный представитель, защитник. Кроме того, на стороне защиты выступает гражданский ответчик, его законный представитель и защитник. Сторона обвинения – прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, которые отстаивают публичные интересы. Потерпевший, его законный представитель и представитель, а также гражданский истец, его представитель являются участниками стороны обвинения с частными интересами. Как известно, суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или защиты (ч. 3 ст. 15 УПК РФ).

Наиболее полное выражение принцип состязательности находит в стадии судебного процесса. Тем не менее, мы убеждены, что со-

ствязательность предполагает активность сторон, их процессуальное противодействие, протекающее в урегулированных законом формах и в досудебном производстве, в том числе и на этапе окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения.

Эту точку зрения разделяют далеко не все ученые. Так, В.Ю. Мельников полагает, что принцип состязательности распространяется только на судебные стадии уголовного процесса. В целях обеспечения данного принципа на стадии досудебного производства необходимо создать специализированную систему, т.е. аппарат следственных судей [2, с. 8].

Аналогичную точку зрения высказывают и другие авторы, они также предлагают создать особую структуру судебной власти – федеральных следственных судей, передать часть следственных функций в компетенцию суда, возродить существовавший в уголовном процессе дореволюционного периода институт судебного следователя и т.д. Таким образом, на судей будет возлагаться функция судебного контроля на досудебных стадиях, они будут свободными от обязанности осуществлять правосудие при разбирательстве уголовного дела по существу [3].

По мнению В.П. Божьева, нельзя реализовывать состязательность в тех стадиях и на тех этапах уголовного судопроизводства, на которых: а) нет суда; б) отсутствует обвинение; в) нет разграничения полномочий в соответствии с ч. 2 ст. 15 УПК РФ [4, с. 4]. Речь идет об отрицании действия принципа состязательности в период предварительного расследования, когда отсутствуют подозреваемый либо обвиняемый.

Сторонники данной позиции полагают, что, несмотря на многие положения Общей части УПК РФ, которые направлены на реализацию состязательности в уголовно-процессуальной деятельности, включая досудебное производство, в частности выделение сторон, закрепление состязательности в качестве принципа уголовного процесса, отказ от объективной истины в качестве цели доказывания и т.д., в нормах Особенной части УПК РФ фактически закреплено розыскное досудебное производство. Это выражается в том, что следователь и дознаватель сохранили статус полноправных «хозяев» дела, а защита как была, так и остается ходатаем перед ними. Поэтому органы уголовного преследования и защита не являются равноправными сторонами, а их противоборство не разрешается независимым арбитром. Иная ситуация складывается на стадии судебного производства [5, с. 65].

О.Я. Баев считает, что как уголовное преследование в целом, так и состязательность

существуют и в период предварительного расследования преступлений, но в опосредованном виде. В качестве веских аргументов автор называет два случая возможности вступления адвоката в производство по делу еще до начала уголовного преследования. Это право свидетеля присутствовать на допросе с адвокатом, а также право лица, которое не является ни подозреваемым, ни обвиняемым по уголовному делу, на присутствие при производстве у него обыска адвоката (ст. 182, 189 УПК РФ) [1].

В.З. Лукашевич, А.Б. Чичканов видят проявление состязательности в досудебном производстве в том, что УПК РФ регламентирует право участникам уголовного процесса обжаловать в суд любые действия (бездействие) и решение дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб их конституционным правам и свободам либо затруднить доступ граждан к правосудию (ч. 1 ст. 125 УПК РФ) [6, с. 66].

Е.Б. Мизулина высказалась следующим образом: выполнение следователем функций обвинения позволяет обосновать гарантии принципа состязательности на стадии досудебного производства, такие как наделение защитника полномочиями по собиранию доказательств, предоставление стороне защиты права обжаловать любые действия и решения следователя, введение института недопустимых доказательств и т.д. Таким образом, закрепление состязательности в досудебном производстве в УПК РФ связано с двумя новшествами: возможностью обращения лица, подвергнутого уголовному преследованию, и его защитника в суд с жалобой на органы следствия и дознания в порядке ст. 125 УПК РФ, а также расширением правомочий данного лица и его защитника в самостоятельном собирании доказательственной информации [5, с. 65].

Помимо названных признаков, проявлением принципа состязательности на исследуемом этапе окончания предварительного следствия может являться возможность участников как стороны защиты, так и стороны обвинения после ознакомления с материалами уголовного дела в качестве контраргумента на позицию противника заявлять ходатайства о производстве дополнительных следственных действий. Этот принцип проявляется и при составлении следователем обвинительного заключения, поскольку в нем указываются не только перечень доказательств, которые подтверждают обвинение, и краткое изложение их содержания, но и перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты.

Важной составляющей блока гарантий обеспечения реализации принципа состязатель-

ности сторон на стадии предварительного расследования является совокупность субъективных прав участников уголовного судопроизводства. При этом следует заметить, что на этапе окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения права участников стороны защиты и стороны обвинения, которые заинтересованы в исходе дела, не являются идентичными. В первую очередь, можно назвать те права, которыми наделены стороны:

право на уведомление об окончании предварительного расследования (ч. 1 ст. 215 УПК РФ);

право на ознакомление с материалами уголовного дела (ст. 216, 217 УПК РФ);

право на заявление ходатайств о проведении дополнительных следственных действий (ч. 1, 2 ст. 219 УПК РФ);

право на обжалование постановления следователя об отказе в удовлетворении ходатайств (ч. 3 ст. 219 УПК РФ);

право на получение копии обвинительного заключения (ч. 2 ст. 222 УПК РФ).

Помимо этого, во-первых, обвиняемый наделен правом на разъяснение следователем положений ст. 217 УПК РФ о возможности ознакомления с материалами уголовного дела как лично, так и с помощью защитника, законного представителя, в ходе которого составляется протокол. Во-вторых, сторона защиты имеет право на ознакомление с материалами уголовного дела полностью, а участники стороны обвинения, имеющие материально-правовую и процессуально-правовую заинтересованность в исходе дела, в этом праве ограничены. Они знакомятся с материалами уголовного дела лишь при наличии их ходатайства и не всегда в полном объеме. Кроме того, гражданский истец, гражданский ответчик или их представители знакомятся с материалами уголовного дела лишь в той части, которая непосредственно относится к гражданскому иску.

В связи с этим в юридической литературе можно встретить высказывания о незащищенности потерпевшего. Так, В.С. Шадрин считает, что государственные органы, возбуждив уголовное дело в связи с причинением лицу вреда, отводят его на задний план и отводят ему роль пассивного созерцателя процессуальных действий. Как полагает автор, они работают в основном на себя, придерживаясь формализованных показателей в работе. Они забывают о том, что, по сути, весь механизм уголовного судопроизводства приводится в действие ради восстановления нарушенных прав потерпевшего [7, с. 157].

Другие современные ученые-процессуалисты считают, что потерпевший интересуется

следователя и прокурора лишь постольку, поскольку он им необходим для обоснования обвинения [8, с. 8].

Критике подвергается и защита интересов ребенка, пострадавшего от преступления. С точки зрения отдельных авторов, в практической деятельности следователей центральной фигурой уголовного судопроизводства является обвиняемый (подозреваемый), обеспечению его права на защиту уделяется особое внимание. В значительной степени это обусловлено существенной диспропорцией в объеме процессуальных прав обвиняемого и несовершеннолетнего потерпевшего [9, с. 13].

Вместе с тем, в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г. (Резолюция 40/34) [10, с. 165–167], сказано, что лица, которым в результате преступного деяния причинен вред, должны иметь право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию причиненного вреда (п. 4). При этом все государства – члены ООН обязаны содействовать тому, чтобы судебные и административные процедуры в большей степени отвечали потребностям жертв преступлений путем обеспечения им возможности изложения своей позиции по существу дела и предоставления надлежащей помощи на всех этапах судебного разбирательства в соответствии с национальным законодательством, без ущерба для обвинения (п. 6).

В свою очередь, в юридической литературе можно встретить и высказывания об ущемлении прав обвиняемого. С.И. Мартынова считает, что принцип состязательности в досудебном производстве нарушается, когда обвиняемый и его защитник заявляют ходатайства о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений после выполнения требований ст. 217 УПК РФ. В удовлетворении таких ходатайств следователи в большинстве случаев отказывают [11, с. 27].

Гарантом обеспечения состязательности сторон, включая досудебное производство, является суд. Для этого существуют законодательные предпосылки и механизм обеспечения соответствующей функции суда на стадии предварительного расследования. В частности, к ним можно отнести обжалование решений и действий органов предварительного расследования и прокурора, а также полномочия суда по принятию решений о возможности ограничения в ходе досудебного производства ряда конституционных прав граждан. Суд наделен правом возвращения уголовного дела прокурору в случаях, предусмотренных ст. 237 УПК РФ, а также правом исключения из дела

доказательств как недопустимых (ст. 235 УПК РФ) [12].

Завершая исследование, можно еще раз акцентировать внимание на том, что состязательность провозглашена в УПК РФ принципом всего уголовного процесса, включая досудебное производство и этап окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства: наделение защитника полномочиями по сбору доказательств, предоставление стороне защиты права обжалования любых действий и решений следователя, введение института

недопустимых доказательств. Проявлением принципа состязательности является возможность участников стороны защиты либо стороны обвинения после ознакомления с материалами уголовного дела в качестве контраргумента на позицию противника заявлять ходатайства о проведении дополнительных следственных действий. Этот принцип соблюдается и при составлении следователем обвинительного заключения, в котором указывается перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое изложение их содержания, а также перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты.

1. Баев О.Я. О состязательности в досудебном производстве по уголовному делу. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». 2004.

2. Мельников В.Ю. Судебный контроль в условиях состязательности уголовного процесса // Рос. судья. 2010. № 8.

3. Карякин Е.А. Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве (вопросы теории и практики). Оренбург, 2005.

4. Божьев В.П. Состязательность на предварительном следствии // Законность. 2004. № 1.

5. Давлетов А.А. Состязательность в современном уголовном процессе России // Бизнес, менеджмент и право. 2012. № 2.

6. Лукашевич В.З., Чичканов А.Б. Принцип состязательности и равноправия сторон в новом УПК РФ // Правоведение. 2002. № 5.

7. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000.

8. Ревина И.В., Козьявин А.А. Подлинные и мнимые гарантии потерпевшего в условиях изменения телеологической концепции уголовного процесса России // Рос. следователь. 2009. № 23.

9. Арчаков М.Ю. Уголовно-процессуальные гарантии обеспечения реализации прав несовершеннолетних потерпевших // Рос. следователь. 2011. № 12.

10. Международные акты о правах человека: сб. документов. М., 2000.

11. Мартынова С.И. Состязательность сторон на досудебной стадии уголовного процесса: теоретико-прикладные проблемы // Адвокат. 2011. № 4.

12. Кузьмин М.А. Проблемы реализации принципа состязательности в уголовном процессе [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo-k.ru/%D0%BE> (дата обращения: 06.09.2015).

1. Baev O.Ya. About the competition in pre-trial proceedings in a criminal case. Access from legal reference system «ConsultantPlus». 2004.

2. Melnikov V.Yu. Judicial review under the adversarial criminal process // Russian judge. 2010. № 8.

3. Karyakin E.A. The implementation of the adversarial principle in criminal proceedings (theory and practice). Orenburg, 2005.

4. Bozhyev V.P. Adversariality in the preliminary investigation // Legality. 2004. № 1.

5. Davletov A.A. Adversariality in the modern criminal trial of Russia // Business, management and law. 2012. № 2.

6. Lukashevich V.Z., Chichkanov A.B. Principle of adversariality and equality of the parties in the new Criminal procedure code of the Russian Federation // Jurisprudence. 2002. № 5.

7. Shadrin V.S. Ensuring individual rights during the investigation of crimes. Moscow, 2000.

8. Revina I.V., Kozyavin A.A. The real and imaginary guarantee injured in a changing teleological conception of the criminal trial of Russia // Russian investigator. 2009. № 23.

9. Archakov M.Yu. Criminal procedural safeguards to ensure the rights of victims of juvenile // Russian investigator. 2011. № 12.

10. International acts on human rights: coll. of documents. Moscow, 2000.

11. Martynova S.I. Competitiveness of parties at the pre-trial stage of the criminal process: theoretical and applied problems // Lawyer. 2011. № 4.

12. Kuzmin M.A. Problems of realization of the adversarial principle in criminal proceedings [Electronic resource]. URL: <http://pravo-k.ru/%D0%BE> (date of access: 06.09.2015).

Литвинов Михаил Васильевичпреподаватель кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583757)

К вопросу о наиболее типичных ошибках в обвинительном заключении

В статье рассмотрены вопросы содержания обвинительного заключения. Дан анализ наиболее типичных ошибок органов предварительного расследования при его составлении.

Ключевые слова: обвинительное заключение, судебная практика, вводная часть, описательно-мотивировочная часть, резолютивная часть, приложения.

M.V. Litvinov, Lecturer of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583757.

To the question of the most typical mistakes in indictments

The paper deals with the content of the indictment. It is analyzed the most typical mistakes of the preliminary investigation in its drafting.

Key words: indictment, litigation, introductory part, descriptive-motivational part, operative part, applications.

Эффективность предварительного расследования во многом зависит от качества процессуальных документов. В первую очередь это касается обвинительного заключения как итогового документа, завершающего предварительное следствие. Однако анализ сложившейся судебной правоприменительной практики показывает, что в подавляющем большинстве случаев уголовные дела возвращаются прокурору для устранения препятствий к их рассмотрению судом в связи с тем, что обвинительное заключение (обвинительный акт, обвинительное постановление) составлены с нарушением требований УПК РФ [1]. Данные обстоятельства побудили автора статьи к исследованию этих проблем.

В отличие от УПК РСФСР [2] (ч. 1 ст. 205) действующее законодательство (ст. 220 УПК РФ), раскрывая содержание обвинительного заключения, четко не определяет его структуру. Вернее, его элементы в названной норме перечислены, но различными являются рекомендации по размещению их в обвинительном заключении. В связи с этим данный вопрос является достаточно дискуссионным среди ученых-процессуалистов.

Руководствуясь ранее действующей ст. 205 УПК РСФСР, в юридической литературе, как правило, выделяли две структурные части обвинительного заключения – описательную и резолютивную [3, с. 4]. Отдельные авторы называли вводную и описательную части [4, с. 307]. Существуют и сторонники трехчленной структуры обвинительного заключения, пред-

полагающей наличие вводной, описательной и резолютивной частей [5, с. 7].

Однако наиболее распространенной является позиция ученых, выступающих за структуру обвинительного заключения, состоящую из четырех частей: вводной, описательно-мотивировочной, резолютивной и приложений. Разделяя эту точку зрения, можно сказать, что во вводной части отражаются: наименование документа; фамилия, имя и отчество лица, привлеченного к уголовной ответственности; пункт, часть, статья уголовного закона, по которой лицо привлечено к уголовной ответственности. При совершении преступления группой лиц данные каждого обвиняемого целесообразно указывать в той последовательности, которая соответствует роли каждого из них в инкриминируемом деянии.

Полагаем, что к этой же части можно отнести резолюцию прокурора по утверждению обвинительного заключения [6, с. 115].

В описательно-мотивировочную часть входят сведения, указанные в пп. 3–9 ч. 1 ст. 220 УПК РФ. К ним относятся существо обвинения, а также место, время и способы совершения преступления. Помимо этого закон называет мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Здесь же указываются перечни доказательств, которые подтверждают обвинение (их краткое содержание), и доказательств, на которые ссылается сторона защиты (их краткое содержание). В описательно-мотивировочной части должны быть отражены обстоятельства,

смягчающие и отягчающие наказание; сведения о потерпевшем, характере и размере вреда, который был причинен ему преступлением; сведения о гражданском истце, гражданском ответчике [7, с. 13].

По мнению Т.А. Гумерова, основное требование, предъявляемое к составлению описательно-мотивировочной части обвинительного заключения, состоит в том, чтобы, с одной стороны, охватить всю совокупность элементов, входящих в ее содержание, с другой – не загромождать ее излишним описанием и разбором обстоятельств, не относящихся к существу дела. Выделение именно «описательно-мотивировочной» части диктуется наличием упоминания в УПК РФ описательно-мотивировочной части приговора, которая по своему содержанию примерно схожа с аналогичной частью обвинительного заключения [8, с. 154].

Недостатки описательно-мотивировочной части обвинительного заключения достаточно часто в судебной-следственной практике являются основанием для возвращения в соответствии с ч. 1 ст. 237 УПК РФ уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Не всегда в обвинительном заключении раскрыты все элементы объективной стороны обвинения. В частности, в ходе судебного разбирательства по обвинению С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, суд по ходатайству защитника обвиняемого возвратил уголовное дело прокурору, поскольку в обвинительном заключении отсутствовали сведения о том, что преступление (хищение акций) начато в одном месте, а окончено в другом. Помимо этого в обвинительном заключении отсутствовало указание на конкретные заведомо подложные документы [9].

Характеризуя эту часть обвинительного заключения, следует остановиться на вопросе анализа доказательств, который, по мнению одних, необходим, а с точки зрения других, отрицательно сказывается в процессе составления обвинительного заключения. Неоднозначная реакция ученых и практических работников возникла после принятия и введения в действие норм пп. 5, 6 ст. 220 УПК РФ, в которых в первоначальной редакции был назван лишь перечень доказательств. Нельзя не сказать, что в течение первого года действия УПК РФ большинство следователей в своей правоприменительной практике так и поступали, т.е. в обвинительном заключении лишь перечисляли доказательства обвинения. Вместе с тем, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от

5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [10] разъяснил, что обвинительное заключение или обвинительный акт в соответствии с пп.5 и 6 ст. 220 УПК РФ и п. 6 ч. 1 ст. 225 УПК РФ должны включать в себя, в частности, перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты. Если по делу привлечены несколько обвиняемых или обвиняемому вменяется несколько эпизодов обвинения, то перечень указанных доказательств должен быть приведен в отдельности по каждому обвиняемому и по каждому эпизоду обвинения. При этом под перечнем понимается не только ссылка в обвинительном заключении на источники доказательств, но и приведение в нем краткого содержания доказательств.

Федеральным законом от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [11] в пп. 5, 6 ч. 1 ст. 220 УПК РФ были внесены изменения, в соответствии с которыми в обвинительном заключении должен быть указан не только перечень доказательств, но также и краткое изложение их содержания. Данные коррективы норм ст. 220 УПК РФ имеют важное значение. Во-первых, изложение содержания и анализ доказательств является гарантией обеспечения прав обвиняемого, позволяющей ему тщательно подготовиться к защите в судебном процессе. Во-вторых, при изучении материалов уголовного дела прокурор получает полное представление о доказательственной базе, что позволяет ему оценить преимущества либо недостатки обвинительного заключения. В-третьих, позволяет суду понять логику обвинения, определить круг обстоятельств, которые подлежат исследованию в ходе судебного разбирательства.

Термин «анализ» означает «метод исследования путем рассмотрения отдельных сторон, свойств, составных частей чего-нибудь», «всесторонний разбор, рассмотрение» [12, с. 22]. А.С. Золотарев понимает под анализом доказательств «оценочный, логический комментарий к изложенным доказательствам» [5, с. 25]. В соответствии с ч. 1 ст. 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве уголовного дела.

Анализ сложившейся судебной правоприменительной практики показывает, что зачастую

процесс составления обвинительных заключений сводится к техническому копированию собранных по делу доказательств в полном объеме без учета их необходимости и достаточности для доказывания обстоятельств, предусмотренных УПК РФ. Так, по ряду категорий дел, например о преступлениях против собственности, в сфере экономики, изымается значительное количество документов, которые признаются вещественными доказательствами и приобщаются к материалам уголовного дела. Такие документы могут составлять несколько томов, а так называемыми «рабочими», информативными материалами являются единицы томов, остальные же включают в себя вещественные доказательства, которые фактически доказательственного значения не имеют [13, с. 10].

При составлении обвинительного заключения следует учитывать, что потерпевшими по уголовному делу могут быть как физические, так и юридические лица. В отношении потерпевшего – физического лица, указываются полностью его фамилия, имя, отчество, число, месяц, год, место рождения и жительства, род занятий, место работы, семейное положение, наличие иждивенцев. Способами индивидуализации юридических лиц являются наименование и юридический адрес. Учитывая, что потерпевшему может быть причинен моральный, физический или имущественный ущерб, следует конкретизировать его вид и размер, дать оценку вреда, причиненного деловой репутации, иным охраняемым законом правам и интересам организации. Это является гарантией защиты прав потерпевших, гражданских истцов. Так, в обвинительном заключении по уголовному делу в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного пп. «б», «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, следователем не были соблюдены требования ст. 220 УПК РФ, т.е. не указан характер и размер вреда, причиненный преступлением. Данное нарушение в совокупности с другими недостатками послужило основанием для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ [14].

Из содержания п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ также следует, что при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, по-

скольку суд при назначении наказания обязан учитывать не только характер и степень общественной опасности преступления, но и личности виновного (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Поэтому п. 2 ч. 1 ст. 220 УПК РФ обязывает следователя указать в обвинительном заключении данные о личности каждого обвиняемого. Необъективная, формальная характеристика личности обвиняемого в заключительном акте отрицательно сказывается как на защите обвиняемого в процессе судебного разбирательства, так и при вынесении приговора при индивидуализации наказания.

Резолютивная часть является юридическим выводом, логическим завершением описательно-мотивировочной части. В ней излагается формулировка обвинения с указанием на квалификацию преступления – пункт, часть, статью УК РФ. Если по делу несколько обвиняемых, то резолютивная часть должна быть персональной для каждого из них.

Вопрос о соотношении резолютивной части обвинительного заключения и постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого неоднозначно оценивается учеными-процессуалистами и практическими работниками. Так, О.Д. Жук высказывается по этому поводу следующим образом: «При описании существа обвинения следует иметь в виду, что по общему правилу содержание обвинения не должно выходить за пределы описания деяния, которое было сделано в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого» [15, с. 189]. Эти проблемы связаны с соблюдением пределов судебного разбирательства. В соответствии с ч. 1 ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство производится в отношении обвиняемого и по предъявленному обвинению.

Резюмируя изложенное, подчеркнем, что большинство из обозначенных недостатков можно отнести к системным, которые связаны с ненадлежащим выполнением следователем требований УПК РФ. Для искоренения названных недостатков следует использовать меры, направленные на повышение квалификации работников, осуществляющих предварительное расследование (систематическое прохождение курсов повышения квалификации; проведение совместных семинаров работников предварительного следствия, прокуратуры и суда и т.д.).

1. *Собр. законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921; 2015. № 29, ч. 1. Ст. 4354; Ст. 4391.*

1. *Coll. of legislation of the Russian Federation. 2001. № 52, pt. 1. Art. 4921; 2015. № 29, pt. 1. Art. 4354; Art. 4391.*

2. Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
3. Питерцев С.К. Составление обвинительного заключения. СПб., 1998.
4. Гриненко А.В. Окончание предварительного следствия с обвинительным заключением и дознания с обвинительным актом: учеб. пособие // Уголовный процесс: сб. учеб. пособий. Особенная часть. М., 2002. Вып. 2.
5. Золотарев А.С. Обвинительное заключение: структура, стиль и логика доказывания: учеб.-практ. пособие. Екатеринбург, 1997.
6. Лящев Д.В. Окончание предварительного следствия составлением обвинительного заключения: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007.
7. Ефимичев С.П. Обвинительное заключение, его содержание и структура // Рос. следователь. 2005. № 12.
8. Гумеров Т.А. Обвинительное заключение: правовая природа, содержание, процессуальные последствия: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009.
9. Решение Ленинского районного суда г. Краснодара от 22 марта 2013 г. // Архив Ленинского районного суда г. Краснодара.
10. Бюл. Верховного Суда РФ. 2004. № 5.
11. Собр. законодательства РФ. 2010. № 11. Ст. 1168.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.
13. Толкаченко А.А. Типичные ошибки и недостатки следствия с точки зрения судов // Уголовный процесс. 2014. № 9.
14. Уголовное дело № 1-84-13 // Архив Майкопского городского суда Республики Адыгея.
15. Жук О.Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций). М., 2004.
2. Bull. of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. № 40. Art. 592.
3. Pitertsev S.K. Drafting of the indictment. St. Petersburg, 1998.
4. Grinenko A.V. The end of the preliminary investigation and the inquiry with the indictment // Criminal procedure: coll. of study aid. The Special part. Moscow, 2002. Iss. 2.
5. Zolotarev A.S. Indictment: the structure, style and logic of proof: teaching and practical manual. Ekaterinburg, 1997.
6. Lyashev D.V. Drawing up the preliminary investigation of the indictment: diss. ... Master of Law. Tyumen, 2007.
7. Efimichev S.P. The indictment, its contents and structure // Russian investigator. 2005. № 12.
8. Gumerov T.A. Indictment: legal nature, content and procedural consequences: diss. ... Master of Law. Ekaterinburg 2009.
9. The decision of the Leninsky district court of Krasnodar d.d. March 22, 2013 // Archive of the Leninsky district court of Krasnodar.
10. Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2004. № 5.
11. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2010. № 11. Art. 1168.
12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Dictionary of Russian language. Moscow, 1995.
13. Tolkachenko A.A. Typical mistakes and shortcomings of the investigation in terms of vessels // Criminal proceedings. 2014. № 9.
14. Criminal case № 1-84-13 // Archive of the Maikop city court of the Republic of Adygea.
15. Zhuk O.D. Criminal prosecution of criminal cases on the organization of criminal community (criminal organization). Moscow, 2004.

Гулиев Рафаил Матлабович

адвокат Нижегородской коллегии адвокатов № 3
(e-mail: 39455 77@mail.ru)

Хохлов Дмитрий Константинович

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Нижегородской правовой академии
(e-mail: dc.khokhlov@gmail.com)

Реальные возможности сторон защиты по получению оправдательных доказательств в стадии предварительного расследования

В статье исследуются реальные возможности стороны защиты на получение доказательств в свою пользу на стадии предварительного расследования. Правовой статус защитника анализируется в контексте стандартов справедливого судебного разбирательства. Авторами предлагаются меры по изменению уголовно-процессуального законодательства на основе доктринальной модели уголовно-процессуального права Российской Федерации.

Ключевые слова: состязательность, предварительное расследование, защитник, доказательства, доказывание.

R.M. Guliev, Lawyer of the Nizhny Novgorod Bar № 3; e-mail: 39455 77@mail.ru;

D.K. Khokhlov, Postgraduate of the Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of the Nizhny Novgorod Legal Academy; e-mail: dc.khokhlov@gmail.com

Real opportunities of the parties of protection for obtaining justificatory proofs in a stage of preliminary investigation

The article examines the real possibilities of the defense to obtain the evidence in their favour at the stage of preliminary investigation. The legal status of the defense is analyzed in the context of fair trial standards. The author proposes measures to change the criminal procedural law, based on the doctrinal model of criminal procedure of the Russian Federation

Key words: competitiveness, preliminary investigation, defender, evidence, proving.

Современное российское уголовно-процессуальное законодательство основывается на том, что «уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон» (ч. 1 ст. 5 УПК РФ). Этот принцип имеет конституционное происхождение (ст. 123 Конституции РФ) и по идее должен определять действия сторон на всех стадиях уголовного судопроизводства, в том числе и на стадии предварительного расследования.

Общепризнанные международно-правовые стандарты в сфере уголовного судопроизводства также включают в себя положения о состязательности и равноправии сторон. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [1] в ст. 6 закрепила право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство, что подразумевает равенство возможностей защиты и обвинения по доказыванию своих утверждений. Эти положения имеют силу в

ходе всего уголовного процесса, а не только в судебных стадиях. Право на защиту возникает с момента начала уголовного преследования, т.е. с момента задержания, предъявления обвинения и т.п. Соответственно, у сторон защиты должны быть и необходимые для выполнения своей функции права на собирание доказательств в свою пользу. Вывод об этом вытекает из ряда решений Европейского Суда по правам человека [2].

Статьями 46, 47, 48, 53, 54, 55 УПК РФ сторона защиты наделена широким перечнем прав, в частности: представлять доказательства, заявлять ходатайства, обжаловать действия и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, которыми она вправе воспользоваться на любой стадии уголовного судопроизводства. Особое внимание заслуживает предоставление законодателем права на участие стороны защиты в собирании доказательств. Согласно ч. 2 ст. 86 УПК РФ

подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения к уголовному делу в качестве доказательств. Кроме этого, защитнику предоставлено право участвовать в допросе подозреваемого, обвиняемого, а также в иных следственных действиях, производимых с участием подозреваемого, обвиняемого либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника, а также привлекать к доказыванию специалиста в соответствии со ст. 58 УПК РФ.

Между тем реальность далека от этих красивых правовых деклараций, в чем убеждает ежедневная адвокатская практика. В качестве типичного примера приведем уголовное дело, по которому один из авторов осуществлял защиту. Факты таковы. Гражданин П.М.О. был обвинен в том, что 23 августа 2012 г. после 18 часов, без осадков, в светлое время суток он, управляя автомобилем «Форд фокус», двигался за автомобилем «Ауди 100» под управлением С.В.Г., впереди которого в попутном направлении двигались на мопеде «Верховина» – водитель С.В.А., на мопеде «Дельта» – водитель Г.Е.А. При движении водитель П.М.О. в нарушение пп. 1.4, 1.5, 8.1, 9.4, 10.1, 10.3 ПДД РФ выбрал скорость движения управляемого им автомобиля 125 км/ч (установлено экспертизой), которая значительно превышала скоростной режим – 90 км/ч – и не обеспечивала ему возможность постоянного контроля за движением транспортного средства. В силу допущенных вышеуказанных нарушений ПДД РФ действиями водителя П.М.О. была создана опасность для движения иным участникам дорожного движения, поскольку, при выполнении автомобилем «Ауди 100» маневра обгона водителей мопедов водитель П.М.О., обнаружив мопеды на полосе своего движения, ближе к разделительной полосе, совершил столкновение с мопедами «Верховина» и «Дельта», в результате чего оба водителя мопедов скончались. По мнению следствия, своими действиями П.М.О. совершил преступление, предусмотренное ч. 5 ст. 264 УК РФ – нарушение лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности смерть двух лиц.

Реализуя свои права, защитник обвиняемого при ознакомлении с заключением

автотехнической экспертизы 4095/4096/07-1, выполненной экспертом федерального бюджетного учреждения судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ, заявил ходатайство следователю о проведении дополнительной автотехнической экспертизы, чтобы поставить перед экспертом вопросы об определении момента возникновения опасности для движения водителя П.М.О. и о технической возможности водителя П.М.О. избежать столкновения при скорости 90 км/ч с учетом сложившейся обстановки. Однако в проведении дополнительной экспертизы адвокату было отказано в полном объеме. В результате обжалования данного решения следователя ходатайство было удовлетворено и дополнительная автотехническая экспертиза проведена только по вопросу возможности избежать столкновения водителем П.М.О. при скорости его автомобиля 90 км/ч. При ознакомлении с данной дополнительной автотехнической экспертизой № 1221Э защитником – адвокатом было установлено, что она проведена не в прежнем экспертном учреждении, а в экспертно-криминалистическом центре ГУ МВД России по Нижегородской области.

Требования, которым должен отвечать эксперт, – это, прежде всего, объективность, его незаинтересованность в деле, отсутствие обстоятельств, имеющих возможность отрицательно повлиять на правильность выводов эксперта в его заключении. Кроме этого, неприемлемо участие лица, находящегося или находившегося в служебной или иной зависимости от сторон или их представителей, видимо, имеется в виду сторон защиты или обвинения. Тем не менее, в законе отсутствует прямое упоминание о зависимости эксперта от стороны, поддерживающей обвинение, но ведь именно сторона обвинения определяет, какое экспертное учреждение или какой эксперт будет проводить экспертизу. В данном случае эксперт являлся сотрудником организации, входящей в систему МВД России, и выводы, мнения, утверждения эксперта по исследованным им обстоятельствам дела являются доказательством в уголовном процессе в виде оформленного им экспертного заключения. Вполне резонно задаться вопросом, почему на поставленные следователем вопросы отвечает эксперт, представляющий организа-

цию, являющуюся составной частью системы, обеспечивающей обвинение.

Полагаем, вряд ли в этой ситуации можно надеяться на абсолютную объективность эксперта. И действительно, в своем заключении эксперт делает вывод, что при скорости 90 км/ч водитель П.М.О. мог избежать столкновения и вовремя остановиться, но в основу расчетов эксперт ЭКЦ ГУ МВД России заложил скоростной показатель мопедов 35 км/ч, двигавшихся с указанной скоростью в попутном направлении. Как указано в экспертном заключении № 1221Э, данный скоростной показатель был предоставлен следователем и взят из протокола допроса свидетеля С.В.Г. – водителя «Ауди 100», который предположил, что мопеды двигались со скоростью примерно 35–40 км/ч.

В ходе ознакомления с экспертизой 1121Э защитником было заявлено ходатайство о признании скоростного показателя мопедов 35 км/ч недопустимыми данными, поскольку они основаны на предположительных выводах свидетеля С.В.Г. и не подтверждаются никакими другими данными, об исключении этого показателя из поставленных перед экспертом вопросов и о проведении дополнительной экспертизы.

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ показания свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности, относятся к недопустимым доказательствам. Однако в удовлетворении данного ходатайства защитнику было отказано в полном объеме. В постановлении следователя это мотивировалось тем, что при назначении дополнительной экспертизы указаны данные и обстоятельства, установленные при производстве следственных действий по уголовному делу, а именно при допросе свидетеля С.В.Г. Обжалование действий и решений следователя в порядке ст. 124 УПК РФ в прокуратуру результатов не дало.

Тогда, воспользовавшись правом, предоставленным ст. 53 УПК РФ, защитник самостоятельно обратился на платной основе к специалисту для получения ответов на вопросы, которые не были получены в ходе предварительного расследования. Специалист в своем заключении № 56-10 указал, что по имеющимся в материалах уголовного дела данным определить момент возникновения

опасности для движения водителя П.М.О. не представляется возможным, соответственно, невозможно и определить техническую возможность водителя П.М.О. избежать столкновения при скорости 90 км/ч с учетом сложившейся обстановки.

Впоследствии, в ходе судебного заседания в Балахнинском городском суде Нижегородской области стороной защиты было приобщено данное заключение специалиста № 56-10 и допрошен сам специалист. Из-за имеющихся противоречий стороной защиты было заявлено ходатайство о проведении повторной экспертизы у другого эксперта и в другом экспертном учреждении. Однако судом в данном ходатайстве было отказано с мотивировкой, что у суда нет оснований не доверять заключению эксперта ЭКЦ ГУ МВД России по Нижегородской области. «При вынесении обвинительного приговора суд в описательно-мотивировочной части указал, что предоставленное подсудимым П.М.О. и его защитником Х.Д.К. заключение специалиста № 56-10 не может быть принято судом во внимание, поскольку проведено лицом, которому не разъяснились требования ст. 57 УПК РФ, оно не предупреждалось об уголовной ответственности по ст. 307, и опровергается другими ранее проведенными экспертизами, которые проведены в установленном законом порядке, которые не вызывают сомнений, они аргументированы, объективны и полны» [3].

Из примера видно, что неравенство на досудебном производстве порождает неравенство и на стадии судебного разбирательства, потому что суд склонен верить данным, полученным в результате следственных действий на предварительном расследовании, и не заинтересован в том, чтобы посредством процессуальных действий защиты разрушать сложившуюся картину произошедшего, полученную из материалов дела органов уголовного преследования.

Казалось бы, права, предусмотренные гл. 7 УПК РФ, и предоставление законодателем возможности участия стороны защиты в собирании доказательств на этапе досудебного производства по уголовному делу делают сторону защиты полноправной участницей процесса доказывания. Однако действительность такова, что на этапе досудебного производства единственным субъ-

ектом по сбору доказательств были и остаются органы уголовного преследования. Ни о каком равенстве возможностей говорить не приходится. Н.А. Лукичев отмечает, что «ни о каком фактическом или юридическом равенстве не может быть и речи, когда на одной стороне находится представитель государственной власти, предъявляющий суду доказательства виновности, а на другой – гражданин, чья судьба в буквальном смысле слова решается в результате судебного разбирательства» [4, с. 43]. Аналогичной точки зрения придерживаются и иные авторы [5, с. 142–157].

Хотя и ч. 3 ст. 86 УПК РФ наделяет защитника правом на получение предметов, документов и иных сведений; опрос лиц с их согласия; истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии, но в действительности данные права трудно воплощать на практике в процессе их реализации на предварительном расследовании.

Во-первых, действия защитника по истребованию документов не имеют обязательного значения для запрашиваемых органов, несмотря на то, что в ст. 86 УПК РФ отмечено обратное. Это связано с тем, что ни процессуальных сроков ответа на запрос адвоката, ни ответственности этих лиц за отказ предоставить информацию действующее законодательство не предусматривает. Не обязывает УПК РФ и обосновать отказ в предоставлении необходимой информации.

Во-вторых, действия по собиранию доказательств со стороны защиты не являются следственными действиями и не могут быть к ним приравнены, потому что УПК РФ не предусматривает такого порядка закрепления доказательств стороной защиты. Перечень субъектов, обладающих полномочиями по процессуальному закреплению доказательств, указан в ст. 74 УПК РФ, таковыми являются лишь суд, прокурор, следователь и дознаватель, данная статья также перечисляет доказательства, которые могут быть закреплены процессуальным путем этими субъектами с помощью всех предусмотренных действующим УПК РФ процедур. Таким образом, даже если защитник в рамках ч. 3 ст. 86 УПК РФ получает сведения, интересующие сторону защиты, то эти

сведения только тогда станут допустимыми, когда субъекты, уполномоченные вести производство по уголовному делу, предпримут действия по процессуальному закреплению собранных защитой доказательств.

Выходит, что единственным способом, которым сторона защиты может получить и процессуально закрепить свои доказательства, остается ее право на заявление ходатайства дознавателю, следователю либо в суд о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ст. 119 УПК РФ). Впрочем, и ходатайство не имеет для указанных лиц обязательственной силы. Кроме этого, учитывая, что прокурор, следователь, дознаватель отнесены УПК РФ к стороне обвинения, т.е. к стороне, которая противостоит стороне защиты в уголовном процессе, ожидания от них решений в пользу противной стороны сводятся к нулю. Более того, ныне действующий уголовный закон не содержит принципов установления объективной истины по делу, а также всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Это, в свою очередь, негативно повлияло на обеспечение законности в уголовном судопроизводстве на его досудебных стадиях

Таким образом, участие защитника в процессе доказывания на досудебных стадиях в настоящее время находится в прямой зависимости от стороны обвинения, и, зафиксировав в ст. 86 УПК РФ право защитника на участие в процессе доказывания, законодатель, в свою очередь, не обеспечил действенного механизма его реализации на стадии досудебного производства. Результат этого – отсутствие равных возможностей сторон обвинения и защиты на реализацию своих прав на досудебных стадиях уголовного производства. Как следствие – невозможность исполнения фундаментального принципа, закрепленного в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, – обеспечение права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство в уголовном процессе. Соответственно, если у сторон уголовного процесса нет равных возможностей по собиранию доказательств, значит, о том, что отечественное уголовное судопроизводство на этапе предварительного расследо-

вания осуществляется на основе состязательности сторон, утверждать нельзя.

Полагаем, сложившуюся ситуацию необходимо менять путем внесения ряда изменений в уголовно-процессуальный закон, которые наделяли бы сторону защиты правом за собственный счет, самостоятельно осуществлять сбор доказательств, которые будут иметь равную юридическую силу с доказательствами, собранными стороной обви-

нения, а также урегулировали бы форму и процессуальное закрепление данных доказательств. Такого рода возможности заложены в Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права РФ [6], которую считаем полезной для создания такого типа уголовного процесса в России, который соответствовал бы европейским стандартам справедливого уголовного судопроизводства, к чему прямо призывают авторы этого текста [6, с. 5].

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 нояб. 1950 г.; с изм. от 21 сент. 1970 г., 20 дек. 1971 г., 1 янв., 6 нояб. 1990 г., 11 мая 1994 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.12.2015).

2. Дело «Павленко (Pavlenko) против Российской Федерации»: постановление ЕСПЧ от 1 апр. 2010 г. (жалоба № 42371/02) [рус., англ.]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Приговор Балахнинского городского суда Нижегородской области. Уголовное дело № 1-153/2013. URL: <http://balahninsky.nnov.sudrf.ru>

4. Лукричев Н.А. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.

5. Александров А.С. Состязательность и объективная истина // Библиотека криминалиста. 2012. № 3.

6. Александров А.С. и др. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней. М., 2015.

1. Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms (Rome, Nov. 4, 1950; as amended on Sept. 21, 1970, Dec. 20, 1971, Jan. 1, Nov. 6, 1990, May 11, 1994). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 05.12.2015).

2. Case «Pavlenko (Pavlenko) against the Russian Federation»: resolution of the ECtHR d.d. Apr. 1, 2010 (complaint № 42371/02) [Rus, Eng.]. Access from legal reference system «Consultant-Plus».

3. The verdict of the Balakhna city court of Nizhny Novgorod region. Criminal case №1-153/2013. URL: <http://balahninsky.nnov.sudrf>

4. Lukichev N.A. Competitiveness and equality of parties in criminal proceedings: diss. ... Master of Law. Saratov, 2003.

5. Alexandrov A.S. Competitiveness and objective truth // Library CSL. 2012. № 3.

6. Alexandrov A.S. et al. Doctrinal model of criminal procedure law of evidence of the Russian Federation and Comments to it. Moscow, 2015.

Гасанова Ульвия Надировнааспирант отдела международного сотрудничества
и сравнительного правоведения

Научно-исследовательского института

Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

(e-mail: g.ulviyye.nadir@gmail.com)

Понятие и содержание беспристрастности, объективности и справедливости применительно к сфере уголовного судопроизводства

Анализ вопросов беспристрастности, объективности и справедливости во все времена привлекал к себе внимание ученых вследствие их несомненного актуального теоретического и практического интереса. В теоретическом плане они углубляют наши представления о всесторонности и полноте исследования обстоятельств уголовного дела, механизме воздействия юридических норм на общественные отношения. Для практики, несомненно, важны рекомендации по усовершенствованию обеспечения беспристрастности, объективности и справедливости уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: беспристрастность, объективность, справедливость, назначение уголовного судопроизводства.

U.N. Gasanova, Postgraduate of the Chair of International Cooperation and Comparative Jurisprudence of the Research Institute of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; e-mail: g.ulviyye.nadir@gmail.com

The concept and content of the impartiality, objectivity and justice in relation to criminal proceedings

Analysis of issues of impartiality, objectivity and fairness at all times attracted the attention of scientists due to their undoubted theoretical and practical interest. From a theoretical perspective they deepen our understanding of the comprehensiveness and completeness of research of circumstances of the criminal case, as well as the mechanism of influence of legal rules on social relations. For practice, of course, important recommendations for improvement to ensure impartiality, objectivity and fairness of criminal proceedings.

Key words: impartiality, objectivity, fairness, purpose of criminal procedure.

Особую значимость для повышения эффективности правовой системы России, укрепления доверия граждан к праву, государству и правосудию имеет деятельность лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, обязанных в процессе правоприменения обеспечивать беспристрастность, объективность и справедливость при принятии решений по уголовным делам.

В современном уголовном процессе эти требования в значительной мере достигаются путем реализации определенных критериев, обязательных условий, которым должны отвечать должностные лица и государственные органы, ведущие уголовный процесс. В известной степени проблема обеспечения объективности и беспристрастности лиц, осуществля-

ющих отправление правосудия, стыкуется с нравственными и этическими аспектами уголовного судопроизводства, что обуславливает пристальное внимание ученых и практиков к ее изучению. Право на справедливое судебное разбирательство – центральное во всей конструкции правового государства [1, с. 9].

Беспристрастность и объективность в рассматриваемом аспекте предполагают, что профессиональные участники уголовного судопроизводства не заинтересованы в исходе дела и их воля полностью подчинена интересам правосудия в строгом соответствии с законом. Только объективный и беспристрастный профессиональный участник уголовного судопроизводства способен реализовать на практике положение УПК РФ о том, что уголов-

ное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

Объективность и беспристрастность профессиональных участников уголовного судопроизводства является основой обеспечения законности, обоснованности, справедливости и качества правосудия. Неслучайно в ряде международно-правовых актов (ст. 10 Всеобщей декларации прав человека [2], п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [3], ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах [4] и др.) получило отражение требование объективности и беспристрастности профессиональных участников уголовного судопроизводства, справедливости судебного разбирательства уголовных дел.

Так, согласно вышеупомянутому п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод обвиняемый имеет право на разбирательство его уголовного дела независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. В данной норме под «судом, созданным на основании закона» понимается соблюдение установленного порядка назначения судей и порядка привлечения к отправлению правосудия народных и присяжных заседателей. Так, 4 марта 2003 г. Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) принял беспрецедентное для нашей страны решение по жалобе гражданина С.В. Посохова, в котором признал нарушение права заявителя на рассмотрение его дела судом, созданным на основании закона. Суд указал, что рассмотрение уголовного дела заявителя народными заседателями, которые были назначены в нарушение порядка, установленного Федеральным законом от 2 января 2000 г. № 37-ФЗ «О народных заседателях судов общей юрисдикции в Российской Федерации», является несовместимым с требованием ст. 6 Конвенции и нарушает право гражданина на рассмотрение его дела судом, созданным на основании закона.

Необходимо заметить, что подобные ситуации имели место во всех субъектах России, поэтому признание ЕСПЧ нарушения права заявителя на рассмотрение его дела судом, созданным на основании закона, дает нам все основания полагать, что в течение двух лет

приговоры и решения в нашей стране выносились незаконными составами судей.

Кроме того, под «судом, созданным на основании закона» понимается суд, к подсудности которого отнесено рассмотрение того или иного дела. Действующий в настоящее время УПК РФ довольно четко решил проблему подсудности уголовных дел, он установил конкретные основания изменения подсудности и процедуру принятия решения (ст. 31–35). Толкование таких критериев, как независимость и беспристрастность суда, содержащихся в решениях ЕСПЧ, свидетельствует о наличии при этом как объективных, так и субъективных элементов. К примеру, в деле «Моисеев против Российской Федерации» [5] ЕСПЧ детально проанализировал соблюдение Россией критерия независимого и беспристрастного судебного разбирательства. Жалоба заявителя была связана с тем, что частые изменения в составе суда осуществлялись произвольно и с нарушением требования независимости и беспристрастности суда (по делу гражданина Моисеева одиннадцать раз меняли судей).

Сомнения в беспристрастности суда, по мнению ЕСПЧ, могут иметь место в тех случаях, когда дело рассматривает судья, принимавший решение о заключении обвиняемого под стражу.

Кроме того, ЕСПЧ было обращено внимание на то, что для разрешения вопроса о том, был ли суд независимым в аспекте анализируемого п. 1 ст. 6 Конвенции, необходимо выяснить, каким образом назначаются судьи, срок их полномочий, существуют ли гарантии против внешнего давления, а также имеются ли внешние атрибуты независимости. Что касается критерия беспристрастности, то, во-первых, суд должен быть субъективно беспристрастен, т.е. ни один из судей не должен быть субъективно предвзят или пристрастен. Личная беспристрастность презюмируется, если только не существуют доказательства обратного. Во-вторых, суд должен быть беспристрастным с объективных позиций, т.е. должны быть обеспечены действенные гарантии, чтобы исключить любое законное сомнение в этом отношении. Необходимо убедиться, имеются ли достоверные факты, которые могут подвергнуть сомнению беспристрастность судьи. Суд должен быть уверенным, что передача дела от одного судьи другому либо из одного суда в другой должна быть совместимой с п. 1 ст. 6 Конвенции, в том числе, и

с требованиями независимости и объективной беспристрастности.

Думаем, что нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в данном случае очевидно.

Согласно российскому уголовно-процессуальному законодательству объективность уголовного судопроизводства является одним из обязательных условий, без которых невозможно реализовать назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ [6]). Объективность производства по уголовному делу является обязательным условием его справедливого решения. Такая справедливость не может быть обеспечена без установления (доказанности) фактов, отражающих объективные (имевшие место в действительности) обстоятельства события, являющегося предметом расследования или судебного разбирательства.

Законодательное закрепление процессуальных гарантий объективности и беспристрастности профессиональных участников процесса имеет большое значение для защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. На эту проблемную ситуацию обращают внимание не только ученые, но и практики [7, с. 307]. Так, А.Н. Смирнова отмечает, что нормативные предписания, содержащиеся в гл. 9 УПК РФ и представляющие собой метод защиты прав и законных интересов участников процесса, способствуют объективному расследованию и разрешению уголовных дел и тем самым осуществлению назначения уголовного судопроизводства, однако они нуждаются в дальнейшей разработке в целях повышения уровня объективности и беспристрастности правоприменителя [8, с. 126].

В этой связи необходимо, прежде всего, ответить на вопрос о том, что именно обусловливает существование обозначенных проблем и необходимость их разрешения. Полагаем, что проблемы беспристрастности и объективности нередко связаны с нравственными аспектами деятельности должностных лиц и государственных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство: с профессиональной деформацией, с дефектами правосознания и отставанием «корпоративных» интересов. Так, в научных исследованиях неоднократно указывалось, что в настоящее время формируется порочная практика игно-

рирования норм УПК РФ, регламентирующих порядок разрешения ходатайств об отводе, при этом в большей мере также ходатайства относятся к отводам, заявленным участниками процесса судье [9, с. 85].

В системе субъектов уголовного процесса суд занимает исключительное положение, поскольку только он является государственным органом, осуществляющим правосудие. Презюмируется, что, рассматривая и разрешая возникшие правовые конфликты, суд (судья) осуществляет защиту нарушенного права и восстановление его посредством применения закона, а вся его деятельность основана на положениях ст. 6 УПК РФ.

Одной из составляющих правосудия является отсутствие предубежденности относительно обстоятельств дела. Судья должен обладать умением абстрагироваться от негативного воздействия внешних отрицательных факторов. Свое мнение по делу судья должен формировать на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, на основе внутреннего убеждения, руководствуясь при этом законом и совестью.

По мнению Э.М. Мурадьяна, на справедливое правосудие оказывает губительные свойства предвзятость, особенно в тех случаях, когда судья заранее знает о результате рассмотрения и разрешения дела [10, с. 103]. Предвзятость означает неприязненность отношения, заранее сложившееся предубеждение, в то время как само предубеждение представляет собой отрицательное предвзятое отношение, мнение, которое заранее сложилось о ком-либо или о чем-либо [11, с. 513, 515].

Предубеждение соотносится с беспристрастностью. Если судья не является беспристрастным, то он может отдавать предпочтение одной из сторон. Т.Ю. Якимова предлагает рассматривать предубеждение как одну из причин отсутствия беспристрастности [12, с. 29].

В соответствии со ст. 3 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (в редакции от 29 декабря 2015 г.) «О статусе судей в Российской Федерации» судья обязан неукоснительно соблюдать Конституцию Российской Федерации и другие законы, осуществляя свои полномочия, исполняя профессиональный долг и принимая меры для того, чтобы дело было своевременно рассмотрено, при этом требуя от работников аппарата суда и иных непосред-

ственных подчиненных добросовестности и преданности своему делу. Во внеслужебных отношениях – избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности.

В силу ст. 12.1 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» за совершение дисциплинарного проступка на судью может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий. Основанием привлечения судьи к дисциплинарной ответственности является деятельность судьи по отправлению правосудия, которая отражается в судебных актах. При этом правомерность применения судьей действующего материального и процессуального законодательства в рамках рассматриваемого дела свидетельствует о его профессионализме.

Таким образом, из сказанного можно заключить, что гарантией добросовестности является также и ответственность судей.

Беспристрастность, объективность и справедливость обеспечиваются также и посредством выявления допущенных органами дознания или предварительного следствия процессуальных нарушений судом, который вправе принимать предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры по их устранению с целью восстановления нарушенных прав и создания условий для всестороннего и объективного рассмотрения дела по существу. Возвращая в этих случаях уголовное дело прокурору, суд не подменяет сторону обвинения – он лишь указывает на выявленные нарушения, ущемляющие процессуальные права участников уголовного судопроизводства, требуя их восстановления. Основанием для возвращения уголовного дела прокурору являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, совершенные дознавателем, следователем или прокурором, в силу которых исключается возможность постановления судом законного, обоснованного и справедливого приговора или иного решения. Как отметил Конституционный Суд РФ в постановлении от 2 июня 2013 г. № 16-П, подобные нарушения требований УПК РФ в досудебном производстве, которые не могут быть устранены в судебном заседании и исключают принятие по делу судебного решения, отвечающего требованиям справедливости, всегда свидетельствуют, в

том числе, о несоответствии обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления требованиям данного Кодекса [13].

В целях обеспечения беспристрастности и независимости суда недопустимым считается принятие как самим судом, так и вышестоящими судебными инстанциями решений, определяющих в той или иной мере выводы, которые должны быть сделаны судом по результатам рассмотрения находящегося в его производстве уголовного дела. Высказанная судьей в процессуальном решении до завершения рассмотрения уголовного дела позиция относительно наличия или отсутствия события преступления, обоснованности вывода о виновности в его совершении обвиняемого, достаточности собранных доказательств определенным образом ограничивала бы его свободу и независимость при дальнейшем производстве по делу и постановлении приговора или иного итогового решения [14].

В качестве важной гарантии объективности судебного решения выступает также институт особого мнения судьи. Право судьи на особое мнение – как устное, так и изложенное письменно – выступает процессуальной гарантией принципа его независимости. Особое мнение судьи по уголовному делу формируется на фактической, юридической и нравственной основе. По утверждению Е.Г. Мартыничка, рассматриваемый правовой институт концентрирует в себе мировоззренческие, нравственно-психологические и волевые качества судьи, он призван служить предпосылкой принятия законного, обоснованного и справедливого приговора, поводом для проверки того, присущи ли этому акту перечисленные выше требования [15, с.14–15]. Особое мнение судьи не является актом, определяющим права и обязанности участников судопроизводства или влекущим для них какие-либо иные процессуальные последствия. Вместе с тем, суды кассационной и надзорной инстанций должны исследовать письменно изложенное особое мнение судьи и учесть приведенные в нем доводы при оценке правосудности принятых по уголовному делу решений [16].

Из всего сказанного можно сделать вывод, что беспристрастность является одним из важнейших условий обеспечения активного непредвзятого и всестороннего расследования, рассмотрения дела и вынесения по нему справедливого и обоснованного решения.

Если судья, прокурор, следователь или дознаватель действительно заинтересованы в исходе дела, либо имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнения в их объективности, справедливости и способности расследовать или разрешить дело по существу в соответствии с законом, то они не могут беспристрастно разрешить все вопросы по уголовному делу. Следовательно, беспристрастность можно рассматривать и как необходимое качество судьи, и как требование, предъявляемое к судье в процессе рассмотрения и разрешения по существу уголовного дела.

С учетом этого в специальных исследованиях, проведенных Л.Б. Алексеевой, беспристрастность оценивается по двум критериям: субъективному и объективному. Субъективный критерий связывается с личными качествами судьи, его поведением в ходе судебного разбирательства. Однако личная беспристрастность судей, по мнению Л.Б. Алексеевой, презюмируется, пока не будет доказано обратное. Объектив-

ные критерии требуют определения достаточности гарантий, исключающих какие-либо сомнения в беспристрастности суда. Объективные критерии практически совпадают с основаниями отвода судей, установленными ст. 61 и 63 УПК РФ [17, с. 23].

Объективность – это и объективное восприятие всего происходящего в ходе рассмотрения дела в суде, и объективность выводов по уголовному делу.

Категория «справедливость» – очень широкое понятие, включающее в себя иные нравственные, а также правовые критерии. Справедливость тесно связана с правами человека и правом вообще, законностью, объективностью, истиной, правосудием, поэтому в уголовном судопроизводстве невозможно отделить справедливость как «принадлежность нравственности» от правовой, юридической, процессуальной справедливости. Они образуют одно понятие – справедливость в правоприменительной деятельности, справедливость в уголовном процессе.

1. *Европейские стандарты права на справедливое судебное разбирательство и российская практика / под общ. ред. А.В. Деменевой. Екатеринбург, 2004.*

2. *Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. // Рос. газ. 1998. 10 дек.*

3. *Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г. (с изм. от 13 мая 2004 г.) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.*

4. *Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 дек. 1966 г. // Бюл. Верховного Суда РФ. № 12. 1994.*

5. *Дело «Моисеев (Moiseyev) против Российской Федерации»: постановление ЕСПЧ от 9 окт. 2008 г. (жалоба № 62936/00) // Рос. хроника Европейского Суда. 2009. № 3.*

6. *Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14 дек. 2015 г.) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52, ч. I. Ст. 4921.*

7. *Аргунова В.Н. Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ. Иваново, 2004.*

8. *Смирнова А.Н. Уголовный процесс: проблемы и перспективы. М., 2008.*

1. *The European standards of the right for fair judicial proceedings and the Russian practice / ed. by A.V. Demeneva. Yekaterinburg, 2004.*

2. *Universal declaration of human rights: it is accepted by the United Nations General Assembly d.d. Dec. 10, 1948 // Rus. newsp. 1998. Dec. 10.*

3. *Convention on protection of human rights and fundamental freedoms: it is concluded in Rome on Nov. 4, 1950 (as amended on May 13, 2004) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2001. № 2. Art. 163.*

4. *The International covenant on the civil and political rights d.d. Dec 16, 1966 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 1994. № 12.*

5. *Case «Moiseyev (Moiseyev) against the Russian Federation»: resolution of the ECHR d.d. Oct. 9, 2008 (complaint № 62936/00) // Rus. chronicle of the European Court. 2009. № 3.*

6. *Criminal procedure code of the Russian Federation d.d. Dec 18, 2001 № 174-FL (as amended on Dec 14, 2015) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2001. № 52, pt. I. Art. 4921.*

7. *Argunova V.N. Social justice: valuable and institutional analysis. Ivanovo, 2004.*

8. *Smirnova A.N. Criminal trial: problems and prospects. Moscow, 2008.*

9. Яковлев Н.А. *Институт отводов в демократическом обществе // Экспертиза. 2008. № 12.*
10. Мурадян Э.М. *Истина как проблема судебного права. М., 2002.*
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка. 21-е изд. М., 1983.*
12. Якимова Т.Ю. *Объективность суда в стадии судебного разбирательства: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.*
13. *Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2013. № 6.*
14. *Определение Конституционного Суда РФ от 1 марта 2012 г. № 425-О-О. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 31.12.2015).*
15. Мартынчик Е.Г. *Особое мнение судьи по уголовному делу. Кишинев, 1981.*
16. *Определение Конституционного Суда РФ от 17 янв. 2012 г. № 174-О-О. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 31.12.2015).*
17. Алексеева Л.Б. *Право на справедливое судебное разбирательство: реализация в УПК РФ общепризнанных принципов и норм международного права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.*
9. Yakovlev N.A. *Institute of branches in democratic society // Examination. 2008. №12.*
10. Muradyan E.M. *Truth as problem of the judicial right. Moscow, 2002.*
11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Explanatory dictionary of Russian. 21st ed. Moscow, 1983.*
12. Yakimova T.Yu. *Objectivity of court in a stage of judicial proceedings: diss. ... Master of Law. Krasnodar, 2004.*
13. *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. July 2, 2013 № 16-P // Bull. of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2013. № 6.*
14. *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. March 1, 2012 № 425-O-O. Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 31.12.2015).*
15. Martynchik E.G. *A dissenting opinion of the judge on criminal case. Kishinev, 1981.*
16. *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. Jan. 17, 2012 № 174-O-O. Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 31.12.2015).*
17. Alekseeva L.B. *Right for fair judicial proceedings: realization in the Criminal procedure code of the Russian Federation of the conventional principles and rules of international law: diss. ... Dr of Law. Moscow, 2003.*

Зайцев Евгений Олеговичсоискатель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Юридического института Московской академии экономики и права
(e-mail: 1b1@list.ru)

Обеспечение конфиденциальности данных о защищаемом свидетеле в ходе его допроса на стадии предварительного расследования

В статье рассматриваются особенности допроса анонимного свидетеля в ходе дознания и предварительного следствия. Особое внимание уделено специфике участия рассматриваемого участника уголовного процесса в очной ставке. Автор обосновывает предложения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства, направленные на повышение эффективности участия свидетеля, содействующего правосудию.

Ключевые слова: анонимный свидетель, защищаемое лицо, допрос, очная ставка, предварительное расследование, мера безопасности.

E.O. Zaitsev, Competitor of the Chair of Criminal Law Disciplines of the Law Institute of the Moscow Academy of Economics and Law; e-mail: 1b1@list.ru

Ensuring the privacy of the protected witness during his interrogation at the stage of preliminary investigation

In the article features of questioning the anonymous witness in the inquiry and preliminary investigation are considered. Particular attention is paid to the specifics of participation considered party to criminal proceedings in the confrontation. The author justifies the proposals for improving the current criminal procedure legislation, aimed at improving the participation of witness, justice assistance.

Key words: anonymous witness, protected person, questioning, confrontation, preliminary investigation, safety measure.

Проявляемые в последнее время изошренность и откровенный цинизм преступников обуславливают необходимость в качественно новом подходе к обеспечению прав, законных интересов и, главным образом, личной безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству. Особенно это касается процессуального положения свидетеля, который, несмотря на нововведения УПК РФ 2001 г., остается одной из самых бесправных фигур уголовного процесса. Право на защиту и безопасность должно быть обеспечено не только обвиняемому, но и тем, кто сотрудничает с обвинением или заявил в правоохранительные органы о готовящемся или совершенном преступлении, а также сообщил изобличающие преступников сведения в ходе допроса. Вместе с тем, должны приниматься беспрецедентные меры к обеспечению безопасности близких им лиц и сохранности имущества свидетелей [1, с. 4].

В связи с этим предусмотренная в ч. 9 ст. 166 УПК РФ возможность допроса свидетеля под псевдонимом, без указания данных о личности в протоколе следственного действия – давно назревшая необходимость. Участие анонимного свидетеля как институт не ново для меж-

дународной практики. Термин «анонимность» в буквальном смысле означает «что-то без указания имени автора» [2, с. 25]. Положения этого института применяются во Франции [3, с. 27], США и других странах [4, с. 119]. Кроме того, анонимное участие стимулирует свидетелей к содействию производству по уголовному делу, получению важной по делу информации лицом, осуществляющим дознание или предварительное следствие.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство устанавливает право следователя с согласия руководителя следственного органа вынести постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне данных о защищаемом лице, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи. Данный образец подписи в дальнейшем будет использоваться защищаемым лицом в протоколах следственных действий, произведенных с участием указанного субъекта уголовно-процессуальных отношений (ч. 9 ст. 166 УПК РФ). Такое постановление помещается в опечатанный конверт и приобщается к материалам уголовного дела. Вместе с тем, в этой

правовой норме указан только факт помещения подлинных сведений о защищаемом лице в отдельный конверт, который опечатывается и приобщается к уголовному делу.

В целях установления подлинных гарантий прав и законных интересов защищаемых лиц необходимо законодательно закрепить запрет доступа иных лиц к конверту с подлинными сведениями, кроме надзирающего прокурора и должностного лица, в чьем производстве находится дело (дознавателя, следователя и судьи) [5, с. 46]. Ограничение круга лиц, имеющих доступ к этим секретным данным, направлено, в числе прочего, и на обеспечение гарантий защиты законных интересов анонимного свидетеля.

По мнению Л.В. Брусницына, с которым мы согласны, не следует подшивать конверт с постановлением в уголовное дело и нумеровать его как очередной лист либо приклеивать его к внутренней стороне обложки дела. Такой способ не способствует, как показывает судебная практика, сохранности информации. Так, по одному из уголовных дел был использован вышеуказанный способ размещения постановления о сохранении в тайне данных о защищаемом лице. После поступления уголовного дела в суд защитник заявил ходатайство о дополнительном ознакомлении с материалами дела и в ходе ознакомления вскрыл конверт с постановлением, вследствие чего подлинные сведения о защищаемом лице стали известны стороне защиты [6, с. 24]. Конечно, защитник мог и не передать информацию об анонимном свидетеле обвиняемому или его соучастникам, находящимся на свободе, однако сама потенциальная возможность постановления в опасность участника процесса уже может создать существенные препятствия в судьбе уголовного дела.

Согласно ч. 9 ст. 166 УПК РФ в постановлении о сохранении в тайне данных о защищаемом лице указывается его псевдоним. Порядок выбора следователем псевдонима участнику следственного действия законодательством не регламентируется. В имевшемся ранее приложении 55 к ст. 476 УПК РФ (ст. 473 УПК РФ утратила силу и Приложения к УПК РФ были исключены из его содержания на основании Федерального закона от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [7]), содержащем образец бланка постановления о сохранении в тайне данных о личности, лишь указывалось на то, что в протоколах следственного действия с участием защищаемого лица в качестве псевдонима используются фа-

милия и инициалы. Однако при выборе псевдонима нужно принимать во внимание следующие правила.

Во-первых, при выборе защищаемому лицу псевдонима следует избегать в его названии малейших совпадений с подлинными данными о личности в целях недопущения их возможной расшифровки со стороны лиц, виновных в совершении преступления. Как отмечает М.П. Фадеева, при этом важно и необходимо, чтобы псевдоним в виде имени не совпадал с настоящим именем защищаемого лица. Если применяется литера, то она должна быть иной, чем начальная буква фамилии защищаемого лица [8, с. 100].

Во-вторых, вымышленные присваиваемые анонимному свидетелю фамилия и имя могут быть противоположного или одинакового пола с защищаемым лицом. Вполне допустимо применение условных имен и фамилий другого пола, если использование псевдонима, соответствующего полу защищаемого, может позволить идентифицировать его [6, с. 24].

Представляется оптимальным также использование при составлении процессуальных документов формулировок среднего рода, исходя из понятия «защищаемое лицо». В этом случае предоставляется возможность засекретить не только личные данные, но и половую принадлежность защищаемого лица [8, с. 101].

По нашему мнению, возможны и иные варианты псевдонима, которые могут обеспечить его конфиденциальность, например нумерация свидетелей под номерами начиная с «1» и т.д.

Вызывая лицо, участвующее в деле под псевдонимом, на допрос, следователь должен учитывать особенности статуса анонимного свидетеля с целью сохранения конфиденциальности данных о нем. Так, следователь должен тщательно продумывать и по возможности согласовывать с участником процесса время и место допроса с целью избежать его встречи с лицом, от которого может исходить угроза. Кроме того, допрос может производиться по месту жительства или нахождения анонимного свидетеля.

При реализации мер, направленных на обеспечение конфиденциальности личности анонимного свидетеля как защищаемого лица, с учетом его должностного положения, следователь обязан также продумывать и сам порядок вызова по уголовному делу. Не стоит афишировать по месту работы свидетелей факт приглашения их к следователю. В определенных случаях целесообразно совмещать их вызов

со служебными делами, обеспечивать охраной и транспортом для прибытия в следственные органы и обратно [9, с. 44].

Разумным для обеспечения конфиденциальности данных о свидетеле представляется также вариант проведения допроса по месту его пребывания. Статья 157 ранее действовавшего УПК РСФСР предусматривала такой допрос только по усмотрению следователя. Формулировка ст. 187 УПК РФ воспроизводит данное положение, не меняя его. Статья 11 УПК РФ не предусматривает в качестве мер, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства, допрос в месте нахождения свидетеля или потерпевшего. По мнению Е.В. Евстратенко, «нет смысла допрашивать свидетеля под псевдонимом, вызывая его для проведения допроса в правоохранительные органы, да и на усмотрение следователя отдавать такой важный вопрос, видимо, не стоит. Для решения этого вопроса необходимо предусмотреть в ст. 187 УПК РФ, что для обеспечения безопасности свидетелей, потерпевших их допрос должен проводиться в месте нахождения указанных участников уголовного судопроизводства». Следует согласиться с автором в том, что «вопрос о проведении допроса свидетеля в месте его нахождения приобретает особое значение в связи с участвовавшей практикой оказания давления на свидетеля, запугивания его с целью отказа от дачи показаний или дачи ложных показаний (угроза убийством, причинения физического или имущественного вреда)» [4, с. 39].

В то же время известно, что обеспечение конфиденциальности данных о свидетеле – это чрезвычайно сложная, многоуровневая и продолжительная по времени деятельность по осуществлению мер защиты. По действующему законодательству Российской Федерации руководство этой деятельностью на стадии предварительного расследования осуществляет следователь (дознатель). Очевидно, что в каждом конкретном уголовном деле существуют свои особенности и слабые стороны системы обеспечения безопасности участника уголовного судопроизводства. И именно следователь (дознатель) имеет возможность оперативно отреагировать на постоянно изменяющуюся тактику поведения обвиняемого и заранее предотвратить нарушение сохранности той или иной информации о защищаемом лице. В связи с этим представляется правильным оставить на усмотрение следователя (до-

знавателя) выбор места производства данного следственного действия. А действующую в настоящее время ч. 1 ст. 187 УПК РФ признать отвечающей интересам безопасности участников уголовного судопроизводства и, следовательно, оставить в прежней формулировке.

Довольно сложным и противоречивым следственным действием в свете участия в нем анонимного свидетеля является очная ставка. Данное следственное действие весьма специфично не только в процессуально-тактическом, но и в психологическом отношении. Очная ставка – одно из наиболее острых средств психологического воздействия на участников процесса. Она дает возможность «испытывать показания на прочность» [10, с. 217–218]. Данное следственное действие часто играет роль кульминационного, переломного пункта в дальнейшем поведении участников уголовного процесса на следствии [11, с. 499]. Отметим, что очная ставка может проводиться при наличии строго определенных в УПК РФ условий: наличие существенных противоречий между ранее допрошенными лицами. При их отсутствии проведение очной ставки будет являться незаконным, а полученные в этом случае результаты не будут иметь юридической силы (ст. 75 УПК РФ).

В настоящее время в соответствии со ст. 192 УПК РФ, если в показаниях допрошенных лиц имеются существенные противоречия, следователь вправе провести очную ставку. Очная ставка является, безусловно, очень специфической, детальной формой дополнительного допроса участника уголовного судопроизводства. Она применяется в ситуациях, когда в содержании полученных ранее показаний имеются существенные противоречия, которые не удастся исключить иными методами и средствами. В таком случае может возникнуть вполне логичный вопрос о возможности участия в очной ставке свидетеля под псевдонимом.

На фоне целого комплекса действий, осуществляемых правоохранительными органами по обеспечению конфиденциальности сведений о свидетеле с момента возбуждения уголовного дела до проведения данного этапа, участие анонимного свидетеля в очной ставке по общим правилам уголовного производства лишило бы смысла всю их подобную деятельность. Уже из самого наименования данного следственного действия становится очевидным, что очная ставка с участием анонимного свидетеля привела бы если не к его полной де-

конспирации, то к результатам, близким к ней. С этой точки зрения проведение очной ставки при участии анонимного свидетеля недопустимо. Поэтому в случае заявления ходатайства стороны защиты о проведении очной ставки с участием анонимного свидетеля представляется целесообразным отказывать по причинам обеспечения безопасности защищаемого лица.

В этих целях предлагаем дополнить ст. 192 УПК РФ «Очная ставка» новой частью 7 следующего содержания: «7. Очная ставка не может проводиться в случае, если это может повлиять на безопасность участников процесса, в отношении которых принято такое решение».

Примером подобного подхода является законодательство Республики Польша. Институт анонимного свидетеля существует в данном государстве еще с 1995 г., когда были приняты первые поправки в Уголовно-процессуальный кодекс этой страны, предусматривающие статус анонимного свидетеля. В настоящее время Польша имеет достаточно развитое законодательство об анонимном свидетеле [12, с. 50–52]. Поэтому к вопросу об участии анонимного свидетеля в очной ставке здесь уже сформирован однозначный подход. Уголовно-процессуальный кодекс РП в ч. 2 ст. 172 не допускает такой возможности.

Тем не менее, в условиях современного развития технологий, даже в условиях российской действительности, проблема сокрытия внешности человека и изменения его голосовых характеристик, исключающих последующую идентификацию его личности, не представляется неразрешимой. То есть в особо важных случаях на практике возможно обеспечить конфиденциальность сведений о личности свидетеля, сохраняя при этом перспективу процесса диалога между участниками очной ставки. Оптимальным вариантом данного следственного действия представляется проведение очной ставки с аудио- и видеопомехами, исключающими идентификацию защищаемого лица. Такая возможность предусмотрена, например, в законодательстве Латвии [13, с. 85] и Молдавии [14, с. 99–100]. Однако в данном случае очная ставка будет лишена своей сути – очного контакта сторон [15, с. 101]. Вместе с тем, цель

проведения очной ставки заключается в устранении существенных противоречий. Представляется, что очная ставка с применением видеотехнологий может являться компромиссным решением баланса стороны обвинения и защиты (состязательности).

Действующий УПК РФ устанавливает возможность допроса свидетеля в судебном заседании с применением видеоконференцсвязи (ст. 278.1 УПК РФ). Использование видеопомех может быть применено в отношении анонимного свидетеля, участие которого в таких условиях обеспечивает его безопасность. Возможность использования видеоконференцсвязи как меры безопасности в судебном заседании подтвердили 64,1% опрошенных нами прокуроров.

В случае необходимости проведения очной ставки в досудебном производстве, как полагаем, можно применить аналогию права и использовать процедуру ст. 278.1 УПК РФ. В связи с этим считаем необходимым дополнить ст. 192 УПК РФ новой частью 8 следующего содержания: «8. Очная ставка с участием защищаемого лица может быть проведена на условиях, установленных ст. 278.1 настоящего Кодекса».

Известно, что очная ставка обладает высокой степенью воздействия на ее участников. Это воздействие может играть и положительную, и отрицательную роль в процессе установления истины по уголовному делу. Недобросовестный участник очной ставки, как правило, не ограничивается изложением своих показаний, а стремится склонить другое лицо к изменению показаний в свою пользу [10, с. 220]. В случае же проведения очной ставки с аудио- и видеопомехами анонимный свидетель будет защищен от подобного рода влияния. Обвиняемый в данной ситуации лишается возможности увидеть свидетеля, войти с ним в непосредственный психологический контакт. Однако отсутствие личного контакта не только защищает анонимного свидетеля от посткриминального воздействия, но и создает препятствия в установлении истины. Эти препятствия обусловлены уникальными особенностями очной ставки при стандартной форме ее проведения.

1. Саушкин С.А. *Актуальные вопросы теории и практики участия свидетеля в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.*

2. Ожегов С.И. *Словарь русского языка. 20-е изд. М., 1989.*

1. Saushkin S.A. *Actual problems of the theory and practice of the participation of the witness in the criminal process: diss. ... Master of Law. Moscow, 2002.*

2. Ozhegov S.I. *Russian dictionary. 20th ed. Moscow, 1989.*

3. Прадель Ж. Право на защиту во Франции // *Милиция*. 1997. № 3.
4. Евстратенко Е.В. Защита свидетелей и потерпевших в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004.
5. Епихин А.Ю. Правовое регулирование мер безопасности участников процесса // *Законность*. 2003. № 5.
6. Брусницын Л.В. Допрос под псевдонимом // *Законность*. 2003. № 1.
7. Собр. законодательства РФ. 2003. № 27, ч. 1. Ст. 2706.
8. Фадеева М.П. Теория и практика государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
9. Григорьев В.Н. Расследование массовых беспорядков в условиях чрезвычайного положения. М., 1992.
10. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967.
11. Васильев В.Л. Юридическая психология: учеб. пособие. Л., 1974.
12. Зайцев Е.О. Анонимный свидетель в уголовном процессе Республики Польша // *Рос. следователь*. 2006. № 10.
13. Шешуков М.П. Латвийское законодательство о защите лиц, содействующих правосудию по уголовным делам // *Государство и право*. 1999. № 2.
14. Рашков П. В Молдове свидетели будут защищены // *Прокурорская и следственная практика*. 1998. № 3.
15. Шейфер С.А. Проблемы регламентации доказывания в уголовно-процессуальном законодательстве РФ // *Государство и право*. 1995. № 10.
3. Pradel J. Right to protection in France // *Militia*. 1997. № 3.
4. Evstratenko E.V. Protection of witnesses and victims in the criminal trial of Russia: diss. ... Master of Law. Chelyabinsk, 2004.
5. Epikhin A. Yu. Legal regulation of security actors // *Legality*. 2003. № 5.
6. Brusnitsyn L. V. Interrogation under the pseudonym // *Legality*. 2003. № 1.
7. Coll. Of legislation of the Russian Federation. 2003. № 27, pt. 1. Art. 2706.
8. Fadeeva M.P. Theory and practice of state protection of persons assisting in criminal proceedings: diss. ... Master of Law. Moscow, 2006.
9. Grigoriev V. The investigation of mass disorders in emergency situations. M., 1992.
10. Ratinov A.R. Forensic psychology for investigators. Moscow, 1967.
11. Vasiliev V.L. Legal psychology: study aid. Leningard, 1974.
12. Zaitsev E.O. Anonymous witness in the criminal procedure of the Republic of Poland // *Russian investigator*. 2006. № 10.
13. Sheshukov M.P. Latvian legislation on the protection of persons, justice assistance in criminal matters // *State and law*. 1999. № 2.
14. Rashkov P. In Moldova, witnesses will be protected // *Prosecutorial and investigative practices*. 1998. № 3.
15. Shafer S.A. Problems of regulation of evidence in the criminal procedure legislation of the Russian Federation // *State and law*. 1995. № 10.

Пономаренко Елена Васильевна

адъюнкт кафедры уголовного процесса
Воронежского института МВД России
(e-mail: pev.ponomarenko@yandex.ru)

Производство следственных действий как способ реализации процессуальной функции следователя

Статья посвящена вопросам реализации процессуальной функции следователя при производстве по уголовным делам. В ней рассматриваются общие признаки, характерные для процессуальной деятельности следователя, исследуется характер доказательственной базы, формирующейся следователем путем производства следственных действий.

Ключевые слова: процессуальная функция следователя, функция обвинения, следственные действия, формирование доказательств.

E.V. Ponomarenko, Adjunct of the Chair of Criminal Procedure of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: pev.ponomarenko@yandex.ru

The performance of investigative actions as a way of implementing procedural functions of the investigator

The article is devoted to the implementation of procedural functions of an investigator in the criminal proceedings. It deals with the general characteristics common to procedural activities of the investigator, explores the nature of the evidence base, emerging investigator by investigative actions.

Key words: procedural function of the investigator, the function of the prosecution, investigation actions, formation of the evidence.

Процессуальная деятельность следователя является одной из разновидностей деятельности, которую осуществляют государственные органы и должностные лица в ходе раскрытия и расследования преступлений. Деятельность следователя и других субъектов в обозначенной сфере осуществляется в рамках уголовного судопроизводства, следовательно, обладает свойственными ему признаками, такими как детальная регламентация законом; существование в форме правоотношений; направленность на реализацию назначения уголовного судопроизводства. В свою очередь, для процессуальной деятельности следователя характерны признаки, позволяющие ей беспрепятственно существовать в рамках уголовного процесса наряду с деятельностью других субъектов (прокурора, руководителя следственного органа и т.д.). К ним относятся:

1) активность, выражающаяся в основном в активном применении соответствующих процессуальных средств данным субъектом;

2) направленность на достижение конкретных целей, по которым можно судить о видах осуществляемой деятельности;

3) наличие определенной структуры;

4) реализация ее субъектами уголовного судопроизводства, ответственными за судьбу уголовного дела;

5) наличие определенной уголовно-процессуальной формы, предполагающей порядок проведения тех или иных процессуальных действий.

Поскольку все указанные признаки свойственны процессуальной деятельности следователя, то их по праву можно считать характеристиками тех действий, которые выполняет следователь согласно УПК РФ и которые в совокупности образуют содержание его процессуальной деятельности.

Среди таких действий важное место отводится следственным действиям. Это связано, прежде всего, с тем, что они, как верно отмечает С.А. Шейфер, входят в число методов доказывания [1, с. 127], что обусловлено их применением в целях собирания (формирования) доказательств, на что совершенно справедливо обращается внимание в научной литературе [2, с. 127].

Однако сама роль следственных действий в формировании доказательств по-разному оценивается учеными. Так, одни считают, что доказательства, полученные судом, но не исследованные им, не являются доказательством [3]. Другие с той или иной оговоркой,

опираясь на ч. 1 ст. 86 УПК РФ, полагают, что в ходе следственных действий собираются доказательства [4, с. 108]. При этом в «досудебном производстве лидирующим субъектом в юрисдикционном процессе выступают следователь и дознаватель, именно они на этом этапе формируют доказательства, придавая обнаруженной ими самими информации и сведениям, представленным участниками процесса либо истребованным у них, статус доказательств, когда облачают данную информацию (сведения) в установленную законом процессуальную форму» [5, с. 42].

В связи с рассматриваемой дискуссией полагаем верным следующее высказывание, в определенной мере примиряющее противоположные взгляды: «Доказательства, собранные органами расследования, хотя и не могут быть положены в основу приговора без их исследования в суде, все же создают доказательственную основу судебного разбирательства и во многом (не во всем) предопределяют принимаемые судом решения» [1, с. 130].

При этом возникает вопрос: каков же в своей основной части характер доказательственной базы, формирующейся следователем путем производства следственных действий? Поскольку в суд передается уголовное дело, содержащее такие процессуальные документы обвинительного плана, как постановление о привлечении в качестве обвиняемого, постановление об избрании меры пресечения, обвинительное заключение, то очевидно, что большинство собранных следователем доказательств являются обвинительными доказательствами. Однако это вовсе не означает, что на предварительном следствии собираются только доказательства в целях изобличения обвиняемого в совершении преступления.

Необходимо иметь в виду, что некоторые уголовно-процессуальные нормы (например, ч. 2 ст. 154 УПК РФ) требуют всесторонности и объективности предварительного расследования, иные – и его полноты (ч. 4 ст. 152 УПК РФ), а также то, что, наряду с обстоятельствами обвинительного толка (например, виновность лица), в предмет доказывания по уголовному делу, который на предварительном следствии устанавливает следователь, должны быть включены и обстоятельства оправдательного характера (например, обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния). Все это обязывает следователя, наряду с обвинительными доказательствами, собирать и оправдательные, свидетельствующие о непричастности лица к совершению преступления.

Вместе с тем, доминирующими в общей массе доказательств, содержащихся в уголовном деле, являются именно обвинительные доказательства. Иначе неоткуда было бы взяться ни постановлению об избрании меры пресечения, ни обвинительному заключению.

Все это заставляет задуматься над вопросом о том, какая же уголовно-процессуальная функция свойственна следователю. Прежде чем ответить на данный вопрос, необходимо определиться с понятием «уголовно-процессуальная функция», в которое зачастую вкладывается разный смысл, что порождает дискуссии о характере и количестве уголовно-процессуальных функций, выполняемых участниками уголовного судопроизводства, включая следователя. Разброс мнений по данному вопросу особенно нагляден – от понимания функций как отдельных направлений уголовно-процессуальной деятельности [6, с. 99] до отождествления их с местом и ролью участников процесса [7, с. 8] или с процессуальной обязанностью [8, с. 87].

Такое положение дел обуславливает разные взгляды на уголовно-процессуальные функции следователя. Одни полагают, что для следователя характерна лишь одна функция (например, предварительное расследование) [9, с. 10], другие наделяют его сразу несколькими функциями (например, защитой, обвинением (уголовным преследованием), правосудием).

Постараемся преломить указанные теоретические конструкции к следственной деятельности. Для этого необходимо обратиться к базовой для уголовно-процессуального института следователя норме, закрепленной в ст. 38 УПК РФ. В ходе ее анализа несложно убедиться, что все эти виды сводятся к одному – магистральному направлению в деятельности следователя – уголовному преследованию, которое, как представляется, относится к обвинительной деятельности.

Реализуется уголовное преследование прежде всего с помощью таких полномочий, как возбуждение уголовного дела (п. 1 ст. 38 УПК РФ) и самостоятельное направление хода расследования (п. 3 ст. 38 УПК РФ). Более того, все полномочия следователя так или иначе способствуют реализации уголовно-процессуальной функции обвинения. Кроме того, сам законодатель отнес следователя к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения (гл. 6 УПК РФ). Исходя из доказательств, собираемых в ходе производства следственных действий, содержания ключевых процессуальных документов, есть все основания

утверждать, что деятельность следователя является обвинительной. Следовательно, основной уголовно-процессуальной функцией следователя является функция обвинения, которая в определенной мере и получила свою правовую регламентацию в УПК РФ.

Следственные действия и иные процессуальные действия, осуществляемые следователем в ходе реализации своих полномочий, применяются им при выполнении уголовно-процессуальной функции обвинения. И в этом смысле являются способами реализации указанной функции. Такой подход соответствует и лексическому значению слова «способ». Так, один из толковых словарей видит это значение в действиях или системе действий, применяемых при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь.

Далее требуется отметить, что анализ норм, регламентирующих участие следователя в уголовном судопроизводстве, позволяет конкретизировать способы реализации его уголовно-процессуальной функции и свести ее к действиям, которые могут быть классифицированы по разным признакам. Одним из них является отношение действий следователя к собиранию доказательств. По этому критерию способы реализации уголовно-процессуальной функции следователя можно разделить на следственные и процессуальные. Соответственно, следственные способы представлены следственными действиями – основным средством собирания доказательств, причем в основном обвинительных. Процессуальные способы соответствуют иным процессуальным действиям, выполняемым следователем для реализации функции обвинения (например, возбуждение уголовного дела, привлечение лица в качестве обвиняемого, применение к нему меры пресечения, составление обвинительного заключения и др.).

Следующим критерием разграничения способов, применяемых следователем для реализации своей функции, является степень самостоятельности следователя в выполнении действий, их образующих. Этот критерий позволяет распределить их также на две группы: способы, применяемые следователем самостоятельно, и способы, применение которых обусловлено сочетанием решения следователя с решением других субъектов уголовного судопроизводства (например, руководителя следственного органа, суда). К первой группе способов следует отнести, например, возбуждение уголовного дела публичного обвинения (ст. 146 УПК РФ), применение подписки о невы-

езде (ст. 102 УПК РФ), выделение уголовного дела (ч. 2 ст. 154 УПК РФ), проведение допроса (ст. 173 УПК РФ) и др. Вторая группа способов представлена, например, такими действиями, как избрание меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 108, 109 УПК РФ), производство обыска и выемки в жилище (п. 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ) и др.

В зависимости от этапа досудебного производства, на котором реализуется функция следователя, способы, применяемые для реализации функции обвинения, можно подразделить на следующие виды: применяемые в начале досудебного производства; применяемые в ходе досудебного производства по уголовному делу; применяемые следователем в конце производства по уголовному делу.

Набор этих способов специфичен и продиктован нормами действующего уголовно-процессуального законодательства. Так, в начале досудебного производства выполняются, например, такие действия, как осмотр места происшествия (ст. 176 УПК РФ), возбуждение уголовного дела (ст. 146 УПК РФ), принятие уголовного дела к своему производству (п. 2 ч. 2 ст. 38 УПК РФ) и др.

В ходе досудебного производства применяются все следственные действия и многие иные процессуальные действия, например при появлении оснований для изменения предъявленного обвинения следователь выносит новое постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и предъявляет ему обвинение (ст. 175 УПК РФ).

В конце досудебного производства следователь оканчивает предварительное следствие составлением обвинительного заключения (ст. 215 УПК РФ), прекращает уголовные дела по нереабилитирующим основаниям (ст. 212 УПК РФ), выполняет дополнительные следственные действия по ходатайствам участников уголовного судопроизводства (например, обвиняемого, его защитника), заявленным при ознакомлении с материалами уголовного дела (ч. 2 ст. 219 УПК РФ), и др.

Целесообразно говорить и о таком критерии классификации, как метод, используемый в ходе осуществления следственных и иных процессуальных действий (убеждения или принуждения). Большая часть следственных действий носит принудительный характер. Ему же соответствуют и избираемые следователем меры пресечения как разновидность процессуальных действий. В то же время не прослеживается использование принуждения при вручении участникам уголовного судопроизводства копий процессуальных документов.

Из приведенных классификаций нетрудно заметить, что следственные действия являются достаточно распространенным способом реализации процессуальной функции следователя, который в тех или иных объемах осуществляется на протяжении всего досудебного производства; в некоторых случаях требует получения согласия руководителя следственного органа и судебного решения. Они всегда направлены на собирание доказательств, носят в своем большинстве принудительный характер, обладают процессу-

альной формой, предусмотренной нормами УПК РФ.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что указанные специфические особенности следственных действий как способа реализации уголовно-процессуальной функции следователя обуславливают необходимость не только тщательного соблюдения их процессуальной формы, но и грамотного установления оснований их производства в целях исключения возможной угрозы нарушения прав и свобод граждан, вовлекаемых в досудебное производство по уголовному делу.

1. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. 2-е изд., испр. и доп. М., 2014.

2. Соловьев А.Б. Система следственных действий как средство уголовно-процессуального доказывания. М., 2006.

3. Михайловская И.Б. Соотношение судебных и следственных доказательств // Государство и право. 2006. № 9. С. 39–47.

4. Безлепкин Б.Т. Настольная книга следователя и дознавателя. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

5. Зайцева Е.А., Садовский А.И. Формирование доказательств следователем с использованием специальных познаний и научно-технических средств. Волгоград, 2013.

6. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958.

7. Романов С.В. Понятие, система и взаимодействие процессуальных функций в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

8. Якуб М.Л. О понятии процессуальной функции в советском уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1973. № 5. С. 83–89.

9. Бусыгин А.Ю. Действие принципа состязательности на досудебном производстве в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009.

1. Schaefer S.A. Evidence and proof in criminal cases. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2014.

2. Soloviev A.B. The system of investigative actions as a means of criminal procedure evidence. Moscow, 2006.

3. Mikhailovskaya I.B. The correlation of judicial and investigative evidence // State and law. 2006. № 9. P. 39–47.

4. Bezlepkin B.T. Handbook of investigator and investigator. 3d ed., rev. and add. Moscow, 2014.

5. Zaitseva E.A., Sadovsky A.I. Formation of evidence by the investigator with the use of special knowledge and scientific and technical resources. Volgograd, 2013.

6. Strogovich M.S. Course of the Soviet criminal process. Moscow, 1958.

7. Romanov S.V. The concept, the system and the interaction of procedural functions in the Russian criminal proceedings: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2007.

8. Jakub M.L. On the concept of procedural functions in the Soviet criminal proceedings // Jurisprudence. 1973. № 5. P. 83–89.

9. Busygin A.Yu. The effect of adversarial principle to pre-trial proceedings in the Russian Federation: diss. ... Master of Law. Irkutsk, 2009.

Павличенко Николай Владимирович

доктор юридических наук, профессор,
первый заместитель начальника ВНИИ МВД России
(e-mail: aldan1973@rambler.ru)

Самоделкин Александр Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент,
докторант ВНИИ МВД России
(e-mail: putin@list.ru)

Конвергенция оперативно-розыскного законодательства государств – участников Содружества Независимых Государств

В статье рассматривается принятый в новой редакции (постановление от 16 ноября 2006 г. № 27-6) Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», который содержит нормы, регламентирующие национальное оперативно-розыскное законодательство государств – участников Содружества Независимых Государств. Авторы провели анализ норм, содержащихся в Модельном законе, и предложили свое видение решения существующих нормативных проблем.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, Модельный закон, Содружество Независимых Государств, оперативно-розыскные мероприятия.

N.V. Pavlichenko, Doctor of Law, Professor, First Deputy Head of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: aldan1973@rambler.ru;

A.S. Samodelkin, Master of Law, Assistant Professor, Doctoral Candidate of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: putin@list.ru

The convergence of operational search laws of the CIS Member States

The article addresses the newly adopted in the new edition (by act 27-6 d.d. November 16, 2006) Model law «On the operational search activity», which contains rules regulating the national operational search legislation of the Commonwealth of Independent States countries. The authors analyze these rules and offer their view on the solution of the existing normative problems.

Key words: operational search, Model law, the Commonwealth of Independent States, operational search activities.

В череде научных событий незаметно для юридической общественности прошло принятие в новой редакции Модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Модельный закон), который был одобрен на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (постановление от 16 ноября 2006 г. № 27-6). Первый Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» принят в 1997 г. постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 6 декабря 1997 г. № 10-12 «О модельном законе “Об оперативно-розыскной деятельности”».

На основании ст. 8 Соглашения о Межпарламентской Ассамблее государств – участников Содружества Независимых Государств (Алма-Ата, 27 марта 1992 г.) (далее – МПА СНГ) МПА СНГ может разрабатывать рекомендательные законо-

дательные акты (модельные) по вопросам, находящимся в сфере общих интересов парламентов государств-участников. Как определено п. «д» ст. 4 Конвенции о Межпарламентской Ассамблее государств – участников Содружества Независимых Государств, подписанной государствами – участниками СНГ в г. Минске 26 мая 1995 г. [1, с. 3], МПА СНГ принимает типовые (модельные) законодательные акты и с соответствующими рекомендациями направляет их парламентам государств – участников этой Конвенции. В соответствии с п. 1 ст. 15 Регламента Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (Санкт-Петербург, 29 декабря 1992 г.) [2] рекомендательные законодательные акты принимаются МПА СНГ для ориентации согласованной законодательной деятельности парламентов государств – участников Соглашения о Межпарламентской Ассамблее государств – участников Содружества Независимых Государств.

Таким образом, принятый в новой редакции Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» должен был стать ориентиром для национального оперативно-розыскного законодательства государств – участников Содружества Независимых Государств. В связи с этим считаем интересным вопрос, насколько данный нормативный правовой акт соответствует современным представлениям об оперативно-розыскной деятельности, тем более, что после 2007 г. (года принятия Модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности») вышли в свет Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. «Об оперативно-розыскной деятельности», Закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 68 «Об оперативно-розыскной деятельности», а также Закон Республики Армения от 19 ноября 2007 г. № ЗР-223 «Об оперативно-розыскной деятельности» и ряд других законодательных актов.

Необходимо отметить, что в Модельном законе дается характеристика основных понятий, используемых в статьях анализируемого нормативного правового акта. Среди них понятие оперативно-розыскной деятельности, которое принципиально не отличается от подобного понятия, предлагаемого в ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», принятого в России в 1995 г. Основными принципиальными позициями предлагаемого определения являются следующие: оперативно-розыскная деятельность осуществляется гласно и негласно; оперативно-розыскная деятельность осуществляется специальными субъектами (государственными органами); оперативно-розыскная деятельность осуществляется путем проведения оперативно-розыскных мероприятий; оперативно-розыскная деятельность осуществляется в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Необходимо отметить, что Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» в той или иной степени соответствует данному определению.

К сожалению, при принятии Модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности» не учтены предложения современных ученых по гармонизации данного лексического образования. Во-первых, авторы Модельного закона не внесли ясность в вопрос о том, разновидностью какой деятельности является оперативно-розыскная деятельность. По мнению А.Ю. Шумилова, ОРД – это разновидность социально полезной человеческой деятельности, но не любой, а юридически значимой, т.е. часть опосредованной правом государственно-властной деятельности компетентных государственных органов, нацеленной на выполнение социально полезных задач и функций [3, с. 7].

Профессор А.Е. Чечетин, находясь, на наш взгляд, на тех же научных позициях, определяет ОРД как один из видов государственной правоохранительной деятельности, осуществляемой специальными органами государственной исполнительной власти, наделенными для реализации своих функций властными юридическими полномочиями [4, с. 7]. В связи с тем, что правоохранительная деятельность государства соотносится с оперативно-розыскной как общее и частное, данный подход представляется наиболее предпочтительным.

Вместе с тем, осмысление имеющих принципиальное значение для оперативно-розыскной науки решений высших судов Российской Федерации позволяет увидеть новые грани данной деятельности и переосмыслить устоявшиеся суждения. Для подтверждения своего вывода приведем выдержку из определения Верховного Суда РФ от 28 апреля 2004 г. (дело № 72-004-6), которое меняет представление о понятии ОРД. В данном определении ОРД признается деятельностью по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности, а лица, ее осуществляющие, признаются потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 317 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ).

Во-вторых, только ли из оперативно-розыскных мероприятий состоит ОРД? По данному вопросу есть различные точки зрения. Так, Н.С. Железняк приводит ряд доводов, которые позволяют ему сделать вывод о том, что оперативно-розыскные мероприятия являются единственным содержанием ОРД. По его мнению, ОРД заключается только в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий [5, с. 6–8]. Данная точка зрения имеет полное право на существование, т.к. целиком и полностью основывается на действующем Законе об ОРД. Другой точки зрения придерживаются В.М. Аتماжитов, В.Г. Бобров, считающие, что «оперативно-розыскные мероприятия являются только одним из основных элементов (частей) оперативно-розыскной деятельности, составляют ее сердцевину. Именно путем их проведения органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, во многом решают задачи по выявлению преступлений, их предупреждению, пресечению, раскрытию, розыску лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, пропавших без вести и т.д. Однако оперативно-розыскные мероприятия далеко не исчерпывают всего содержания ОРД. Наряду с ними органы дознания для решения задач по борьбе с преступностью проводят также другие действия, не включенные в перечень оперативно-розыскных мероприятий (облава, засада и др.) и т.д. Более того, в содержа-

ние ОРД входят также меры организационно-управленческого и организационно-тактического характера (информационное обеспечение, аналитическая работа, прогнозирование, планирование в сфере ОРД, организация взаимодействия)» [6, с. 9]. Мы придерживаемся данной точки зрения, т.к. описать деятельность оперативного сотрудника на месте преступления исключительно оперативно-розыскными мероприятиями невозможно.

Это мнение нашло свое воплощение в оперативно-розыском законодательстве Казахстана. Так, Закон Республики Казахстан определяет ОРД как систему оперативно-розыскных, организационных и управленческих мероприятий, осуществляемых в соответствии с Конституцией Республики Казахстан, настоящим законом и иными нормативными правовыми актами Республики Казахстан, органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в целях защиты жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, а также от разведывательно-подрывной деятельности специальных служб иностранных государств и международных организаций.

Кроме того, эта точка зрения реализована в рекомендациях по гармонизации законодательства об оперативно-розыскной деятельности государств – членов ОДКБ, принятых 26 ноября 2015 г. на 8 заседании парламентской ассамблеи. В данных рекомендациях оперативно-розыскная деятельность определяется как «научно обоснованная система установленных настоящим Законом гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий и действий уполномоченных государственных органов, осуществляемых в соответствии с законодательством о государственной тайне в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств». Преимуществом данного определения является ссылка на необходимость научного обоснования положений, содержащихся в нормах оперативно-розыскного законодательства. Подобный подход к определению оперативно-розыскной деятельности мы встречаем в норме, содержащейся в ст. 1 Закона Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности», согласно которой «оперативно-розыскная деятельность – научно обоснованная система гласных и негласных оперативно-розыскных, организационных и управленческих мероприятий...».

Остальные понятия, рассматриваемые в Модельном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», касаются исключительно

оперативно-розыскных мероприятий и корреспондируются со ст. 6 с таким же наименованием. К сожалению, Модельный закон в число основных понятий не включил понятие лиц, содействующих (содействовавших) органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность; понятия конспирации и предания гласности; понятия документирования и дел оперативного учета и ряд других, активно используемых в тезаурусе оперативно-розыскной науки и применимых в анализируемом нормативном акте. Нет пояснений терминов: оперативные подразделения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность; руководитель органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность; руководитель оперативного подразделения и ряда других. Следует отметить, что оперативно-розыскные законы, принятые после 2007 г. государствами – участниками СНГ, избежали данного изъяна и содержат расширительный тезаурус.

Дальнейший анализ Модельного закона позволяет в качестве новеллы признать расширительный перечень оперативно-розыскных мероприятий, который, наряду с традиционными, предлагает уточненное название отдельных оперативно-розыскных мероприятий (отождествление личности и иных объектов; исследование предметов, документов и иных объектов) и дополнительно включает три оперативно-розыскных мероприятия: слуховой контроль, мониторинг информационно-телекоммуникационных сетей и систем, контроль радиочастотного спектра.

Полагаем, что данные нововведения имеют за собой веские основания, тем более по большинству из них в специальной литературе ведется весьма продуктивная дискуссия. В частности, использование в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», принятом в Российской Федерации, лексического дуплета «отождествление личности» не позволяет в полном объеме описать пределы действий сотрудников оперативных подразделений при проведении данного оперативно-розыскного мероприятия, т.к., кроме личности, в оперативно-розыскной практике происходит отождествление и иных объектов. Однако формулировка, предлагаемая в Модельном законе, также представляется неудачной с точки зрения семантики. Перечисление частных (личность) и общих (иные объекты) объектов отождествления только усложняет конструкцию. На наш взгляд, термин «оперативное отождествление», используемый в Законе Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (2015 г.), наиболее полно, без дополнительных пояснений, отражает суть действий оперативно-розыскных органов [7, с. 20]. То же самое относится и к названию оперативно-розыскного

мероприятия «исследование предметов и документов и иных объектов», которое должно, по нашему мнению, называться либо «исследование объектов», либо «оперативное исследование».

Дополнительно введены в материю оперативно-розыскного закона следующие оперативно-розыскные мероприятия: слуховой контроль, мониторинг информационно-телекоммуникационных сетей и систем, контроль радиочастотного спектра. Под слуховым контролем авторы закона предлагают понимать получение и фиксацию акустической информации в помещениях, сооружениях, транспортных средствах и на местности для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

Мониторинг информационно-телекоммуникационных сетей и систем – получение сведений, необходимых для решения конкретных задач оперативно-розыскной деятельности, и их фиксация путем наблюдения с применением специальных технических средств за характеристиками электромагнитных и других физических полей, возникающих при обработке информации в информационных системах и базах данных и ее передаче по сетям электрической связи, компьютерным сетям и иным телекоммуникационным системам.

Контроль радиочастотного спектра – получение сведений, необходимых для решения конкретных задач оперативно-розыскной деятельности, и их фиксация путем наблюдения с применением специальных технических средств за характеристиками электромагнитных полей, возникающих при передаче информации по радиочастотным каналам связи. Полагаем, что данные нововведения обусловлены развитием научно-технического прогресса.

В отличие от Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (1995 г.) в ст. 4 Модельного закона предусмотрено, что в правовую основу оперативно-розыскной деятельности наряду с Конституцией, национальными законами и другими нормативными правовыми актами, регулирующими оперативно-розыскную деятельность, входят международные договоры, участником которых является государство. Ряд норм, содержащихся в статьях Модельного закона, является логическим продолжением данного посыла.

Так, в качестве одной из задач оперативно-розыскной деятельности определено содействие в борьбе с преступностью в соответствии с международными договорами (ч. 4 ст. 2 Модельного закона). В развитие данной нормы Модельный закон предусмотрел возможность предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности государствами – участниками СНГ на безвозмездной основе органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в соответствии с меж-

дународными договорами и с учетом норм национального законодательства (ч. 5 ст. 11 Модельного закона).

Кроме того, в соответствии с анализируемым нормативным правовым актом оперативно-розыскные мероприятия, начатые на территории одного государства и продолжающиеся или заканчивающиеся на территории другого государства, входящего в Содружество, признаются правомерными, если они проведены с учетом норм национального законодательства. Результаты этой деятельности используются с учетом норм национального законодательства (ч. 6 ст. 11 Модельного закона).

Имеются новеллы в изложении принципов оперативно-розыскной деятельности. Так, наряду с общеправовыми принципами законности и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, авторы Модельного закона используют принцип гуманности (ст. 3 анализируемого нормативного правового акта). Логика в этом возможно есть, т.к. данный принцип означает признание прав и интересов личности высшей ценностью в оперативно-розыскной деятельности. Вместе с тем, этот принцип реализован в иных нормах, и его упоминание лишь закрепило устоявшуюся правовую концепцию. Так, принцип гуманизма проявляется в нормах, регламентирующих вопросы уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина (ст. 5, 8, ч. 3 ст. 10, п. 1 ч. 1 ст. 14 Модельного закона), превентивный характер оперативно-розыскной деятельности (ст. 2 Модельного закона), а также ее исключительный характер (ч. 3, 6 ст. 8 анализируемого нормативного акта).

К сожалению, остальные нововведения (вкрапления) в Модельный закон нельзя признать существенными, способными повлиять на правоприменительную практику и значительно изменить материю оперативно-розыскной науки. Ряд фундаментальных вопросов не нашли своего окончательного разрешения в Модельном законе. Это касается формирования категориального аппарата, теоретического осмысления накопленного практического опыта и разрешения коллизий современного законодательства в сфере борьбы с преступностью. Причина, полагаем, в том, что принятие Модельного закона не сопровождалось широкой юридической экспертизой с участием специалистов в сфере оперативно-розыскной деятельности и сопредельных наук (уголовное право, уголовный процесс, гражданский процесс и др.).

Кроме того, не учтены действующие проекты оперативно-розыскного закона в Российской Федерации, их более десяти (В.Ф. Луговик, К.К. Горяинов, О.А. Вагин, А.П. Исиченко, О.А. Ковалев, К.В. Сурков, Н.С. Железняк, А.Ю. Шумилов и ряд других) [8; 9; 10]. Проект,

подготовленный профессором В.Ф. Луговиком, нашел поддержку в Государственной Думе РФ и широко обсуждался юридической общественностью [11; 12]. Новеллы, используемые про-

фессором В.Ф. Луговиком и другими учеными, полагаем, должны найти свое воплощение в оперативно-розыском законодательстве государств – участников Содружества Независимых Государств.

1. Информ. вестн. Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1995. № 2.

2. URL: <http://www.iacis.ru>

3. Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учеб. для вузов. М., 2006.

4. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: науч.-практ. коммент. / под ред. А.С. Бахты. Хабаровск, 2013.

5. Железняк Н.С. «Черные дыры» и «белые пятна» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Красноярск, 2006.

6. Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: науч. докл. М., 2003.

7. Об оперативно-розыскной деятельности: закон Республики Беларусь. Минск, 2015.

8. Шумилов А.Ю. Новая редакция оперативно-розыскного закона России: Открытый проект: науч.-справ. пособие. М., 2004.

9. Горяинов К.К., Вагин О.А., Исиченко А.П., Ковалев О.А. Инициативный авторский проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об оперативно-розыскной деятельности”» // Современные подходы к правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности: инициативные авторские проекты Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Омск, 2006. С. 80–90.

10. Луговик В.Ф. Проект Федерального закона «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации». Омск, 2014.

11. Павличенко Н.В. Нужен ли новый оперативно-розыскной закон? (анализ проекта федерального закона «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации») // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. 2015. № 1(32). С. 106–112.

12. Павличенко Н.В., Софронов В.Н. Рецензия на проект федерального закона «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации», подготовленный В.Ф. Луговиком (Омск: Омская юридическая академия, 2014. 96 с.) // Науч. вестн. Омск. акад. МВД России. 2015. № 4(59). С. 79–80.

1. «Commonwealth», the Information Bull. of the Heads of State Council and Heads of Government Council of CIS. 1995. № 2.

2. URL: <http://www.iacis.ru>

3. Shumilov A.Yu. Basic course of the operational search activity: textbook for high schools. Moscow, 2006.

4. Federal law «On the operational search activity»: sci. and pract. comment. / ed. by A.S. Bakhta. Khabarovsk, 2013.

5. Zheleznyak N.S. «Black holes» and «White spots» of the Federal law «On the Operational Search Activity». Krasnoyarsk, 2006.

6. Atmazhitov V.M., Bobrov V.G. On the legislative regulation of the operational search activity: sci. report. Moscow, 2003.

7. On the operational search activity: law of the Republic of Belarus. Minsk, 2015.

8. Shumilov A.Yu. The new edition of the operational search law of Russia: Open project: research and reference manual. Moscow, 2004.

9. Goryainov K.K., Vagin O.A., Isichenko A.P., Kovalyov O.A. Authors' initiative project of the Federal law «On the Introduction of Amendments and Additions to the Federal law «On the Operational Search Activity» // Contemporary Approaches to the Legal Regulation of Operational Search Activity: Authors' Initiative Project of the Federal law «On the Operational Search Activity». Omsk, 2006. P. 80–90.

10. Lugovik V.F. Project of the Federal law «Operational Search Code of the Russian Federation». Omsk, 2014.

11. Pavlichenko N.V. Is there a need for a new operational search law? (the Analysis of the Federal Law Project «Operational Search Code of the Russian Federation») // Bull. of Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2015. № 1(32). P. 106–112.

12. Pavlichenko N.V., Sofronov V.N. Review of the Federal Law Project «Operational Search Code of the Russian Federation», prepared by V.F. Lugovik (Omsk: Omsk Law Academy, 2014, 96 pages) // Sci. bull. of Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2015. № 4(59). P. 79–80.

Данильян Сергей Александрович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики

Кубанского государственного аграрного университета

Данильян Элина Сергеевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

Краснодарского университета МВД России

(тел.: +78612583181)

Особенности проведения допросов потерпевшего и свидетелей по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом земель

В статье рассмотрены особенности допроса потерпевшего по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом земель. Раскрыты особенности допроса свидетелей-очевидцев и руководителя учреждения, осуществляющего регистрацию сделок с землей.

Ключевые слова: допрос, потерпевший, свидетель, сделка, земля, оборот, преступление, уголовное дело.

S.A. Danilyan, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminalistics of the Kuban State Agrarian University;

E.S. Danilyan, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583181.

The peculiarities of carrying out of interrogation of defrauded and witnesses on criminal cases, connected with illegal land operation

The present article considers the peculiarities of carrying out of interrogation of defrauded on criminal cases, connected with illegal land operation. Shows the peculiarities of interrogation of eye-witnesses and the head of organization, fulfilling registration of land transaction.

Key words: interrogation, defrauded, witness, transaction, land, operation, crime, criminal case.

Допрос как самостоятельное следственное действие является самым распространенным, эффективным и необходимым инструментарием, основная цель которого – получение показаний о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по делу. Допрос является не только вербальным следственным действием. Необходимо учитывать, что общение между людьми – следователем и допрашиваемым – происходит и на невербальном уровне. Мимика, жесты, моторика, интонации, тон голоса – все имеет значение для успешного проведения допроса. Знание правовых и криминалистических характеристик допроса и умение их применить – важнейшее условие достижения целей данного действия.

Чтобы допрос был успешным, следователь должен четко представлять себе, какую информацию и с помощью каких тактико-психологических приемов и средств он может получить.

Порядок и общие положения допроса закреплены в ст. 164, 187–190 УПК РФ, регламентирующих действия следователя. Однако в ходе допроса потерпевших и свидетелей по делам данной категории необходимо учитывать ее специфику и особенности.

В ходе допроса по уголовному делу, особенно возбужденному после материалов проверки, как правило, наблюдается некоторое повторение в установлении обстоятельств происшедшего. Следователь, имея объяснения указанных лиц, фиксирует в протокол допроса обстоятельства произошедшего. Вопросы, задаваемые потерпевшим и свидетелям,

аналогичны вопросам, поставленным перед ними при получении объяснений в ходе проведенной доследственной проверки [1, с. 132].

Одной из основных задач является установление с потерпевшим и свидетелем психологического контакта. При допросе потерпевшего методом убеждения следует сделать акцент на необходимости дачи им исключительно правдивых и полных показаний, также необходимо разъяснить, что все действия проводятся в его интересах, с целью восстановления его нарушенных прав и изобличения виновного лица. В ходе допроса следователем могут быть получены дополнительные сведения, имеющие значение для расследуемого уголовного дела, а также дополнительные вещественные доказательства.

При изучении следственной практики по делам данной категории было установлено, что допрос потерпевшего лица в большинстве случаев проводился в условиях бесконфликтной ситуации, при допросе свидетелей в 95% случаев складывалась также бесконфликтная ситуация. Однако следователь должен помнить, что не всегда может доверять показаниям потерпевшего, поскольку необходимо выявить его истинные намерения при совершении сделки и негативные качества личности самого потерпевшего.

В ходе допроса рекомендуется более подробно сосредоточить внимание на обстоятельствах, при которых подписывались какие-либо документы, производилась передача документов, денежных средств или иного имущества.

В протоколе допроса потерпевшего должны быть отражены следующие сведения:

принадлежность земельного участка – предмет преступного посягательства, полные данные о данном участке (его местонахождение, адрес, вид разрешенного использования, площадь, кадастровый номер);

стоимость данного земельного участка (согласно оценке БТИ, кадастровой стоимости, рыночной стоимости);

сведения о документах, подтверждающих право собственности на данный земельный участок (свидетельство о регистрации права собственности на земельный участок, различные гражданско-правовые договоры, доверенности, завещание, выписки из похозяйственной книги, постановления главы администрации муниципального образования о выделении земельного участка (данные постановления вы-

давались до 2003 г.), кадастровый паспорт на земельный участок и др.);

причиненный потерпевшему ущерб, в чем он выражается;

какие действия были предприняты мошенником, в чем выражался обман либо злоупотребление доверием;

время, место, обстоятельства, при которых были совершены мошеннические действия с земельным участком, очевидцы произошедшего, данные о мошеннике, о его местонахождении, в каких отношениях состоят между собой потерпевший и злоумышленник, какие документы составлялись между ним и потерпевшим: договоры, доверенности, расписки и др.;

как производился расчет между сторонами, в какой валюте, каким достоинством были купюры, время и место расчета, кто присутствовал при расчете, какие документы составлялись по факту расчета;

какие последствия имели место после совершения преступления.

Если нет информации о лице, совершившем преступление, то необходимо получить данные о внешности мошенника с целью составления субъективного портрета в процессе допроса потерпевшего.

В ходе допроса свидетелей-очевидцев рекомендуется задавать следующие вопросы:

в каких отношениях находятся они и участники произошедшего события;

были ли ранее знакомы с лицами, совершившими преступное посягательство, как долго проходило такое знакомство, или оно было разовое;

какое событие они наблюдали, были ли участниками, какова именно их роль в данном событии; от кого стало известно о совершенном преступлении.

Потерпевшему, свидетелю могут быть заданы и другие вопросы, в которых возникает необходимость, для установления всех обстоятельств произошедшего.

При расследовании дел данной категории рекомендуется допросить руководителя органа или учреждения, в котором работает виновное лицо, допустившее регистрацию незаконной сделки с землей, выяснив у него следующее:

наименование органа (учреждения), возглавляемого допрашиваемым (полное и сокращенное), местонахождение данного органа (учреждения), момент создания и (или) реорганизации;

занимаемая должность допрашиваемого, стаж работы в данном учреждении и в данной должности, должностные обязанности, каким документом они регламентированы, каким документом назначен на занимаемую должность;

должность лица, совершившего регистрацию незаконной сделки с землей, стаж его работы в занимаемой должности и в данном учреждении; должностные обязанности; каким внутренним документом закреплены его обязанности, каким документом назначен на занимаемую должность;

знаком ли руководитель учреждения лично с лицом, привлекаемым к уголовной ответственности за совершенное противоправное действие, если да, то когда и при каких обстоятельствах познакомились, в каких отношениях находятся между собой;

какие нарушения допущены подозреваемым, совершались ли им ранее подобные противоправные действия, из каких источников руководитель был об этом осведомлен, его реакция;

известно ли что-либо допрашиваемому о действиях виновного по приготовлению к совершению им преступления;

кто из сотрудников данного учреждения осведомлен о совершении подозреваемым противоправных действий, связанных с регистрацией незаконных сделок с землей, имеются ли у него соучастники, помощники;

какие действия злоумышленника свидетельствовали о сокрытии преступления;

обращались ли к руководителю учреждения граждане с жалобой на неправомерные действия виновного, каковы были действия руководителя на данные жалобы;

когда, кем и каким образом были выявлены признаки преступления в сфере земельных правоотношений и инициирована уголовно-процессуальная деятельность по расследованию данного деяния [2, с. 84];

какие меры были предприняты руководителем по пресечению данного преступления.

При расследовании преступления по делам данной категории следователю необходимо использовать знания соответствующих специалистов в области оборота земель. Результаты будут способствовать правильной оценке доказательств, продемонстрируют в суде незаконность действий подсудимого лица с земельными участками, нарушение определенных нормативных правовых актов, регулирующих данную область, и т.д.

1. Ждановских А.Е. Особенности тактики следственных действий на первоначальном этапе расследования мошенничества в сфере земельных правоотношений // Изв. Иркут. гос. экон. акад. 2009. № 4(66).

2. Маисянц С.М. Особенности расследования преступлений в сфере земельных правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011.

1. Zhdanovskih A.E. The peculiarities of tactics of investigative actions on the primary stage of fraud investigation in the sphere of land legal relations // News of Irkutsk State Academy of Economy. 2009. № 4(66).

2. Maisyants S.M. The peculiarities of crime investigation in the sphere of land legal relations: diss. ... Master of Law. Rostov-on-Don, 2011.

Куемжиева Светлана Александровна

кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Кубани,
декан юридического факультета
Кубанского государственного аграрного университета
(тел.: +78612215893)

Некоторые теоретические вопросы структурирования криминалистических методик расследования

В статье исследуются отдельные теоретические вопросы классификации и структурирование криминалистических методик расследования преступлений. Проводится анализ точек зрения по этой проблеме ряда российских криминалистов. Обосновывается вывод об оптимальной классификации методик.

Ключевые слова: криминалистическая методика, частная методика, базовая методика, организация расследования, классификации, структурирование, криминалистические критерии.

S.A. Kuyemzhiyeva, Master of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Dean of the Faculty of Law of the Kuban State Agrarian University; tel.: +78612215893.

Some theoretical issues of structuring forensic methods of investigation

In the article analysis of some theoretical questions of classification and structuring techniques of forensic crime investigation was made. We analysed points of view of a number of Russian forensic on the problem. The conclusion about optimal classification techniques was justified.

Key words: forensic methods, private methods, basic methodology, organization of the investigation, classification, structuring, forensic criteria.

Вопросы классификации методик расследования, их структурирования являются дискуссионными. Многие российские криминалисты, в частности Р.С. Белкин, И.А. Возгрин, И.Ф. Герасимов, В.Е. Корноухов, В.А. Образцов, Н.П. Яблоков и др., рассматривали данную проблему. Позиции указанных ученых автор проанализировал совместно с В.Д. Зеленским в одной из работ [1, с. 36–42]. Общий взгляд на структуру методик расследования состоит в том, что криминалистическая методика включает общие положения, частные методики и групповые методики расследования. Частные методики делятся на подвиды. Попытаемся критически рассмотреть взгляды отдельных ученых по вопросам классификации и структурирования методик.

Интересную классификацию криминалистических методик расследования предложил Ю.П. Гармаев.

Первая классификационная система методик расследования построена на основе «системы общности и уровня конкретизации частнометодических криминалистических рекомендаций». Система эта, по мнению автора, состоит из общих и частных методов. Они образуют первый классификационный уровень.

Термину «общая методика» Ю.П. Гармаев придает свой смысл. Он понимает под ней

«сформированный на основе базовой криминалистической модели комплекс научно обоснованных рекомендаций по расследованию группы (нескольких групп) преступлений».

Группы эти выделяются по уголовно-правовому или криминалистическому основанию. Комплекс рекомендаций отражает наиболее общие закономерности подготовки, совершения и сокрытия указанных групп преступлений, средств и методов их расследования, является основой для разработки методик меньшей степени общности – частных методик расследования. Под частной методикой автор понимает формируемый на основе базовой комплекс научно обоснованных рекомендаций по расследованию конкретного вида преступлений, выделенного по уголовно-правовому или криминалистическому основанию [2, с. 172].

Общие и частные методики Ю.П. Гармаев делит на ступени по уровню конкретизации. Общие методики он подразделяет на основе уголовно-правовой классификации объекта преступлений (общий, сложный, родовой, видовой и непосредственный). Методики следующие: общие видовые; общие родовые; общие межвидовые, т.е. комплексные методики.

Вторая классификация системы методик «по Ю.П. Гармаеву» построена в зависимости от отношения к уголовно-правовой классици-

кации преступлений. Она включает типичные, специальные (особенные) и комплексные методики расследования.

Типичные методики построены, по мнению автора, по видам преступлений, предусмотренных уголовным законом. Специальные (особенные) методики построены на основании данных криминалистики, криминологии, уголовного процесса. Типичные и специальные методики могут подразделяться на общие и частные. Общие – это те, которые выделены только по одному криминалистически значимому основанию (методика расследования преступлений на транспорте, методика расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними, и др.). Частными могут быть специальные методики, которые выделяются из общих по вторичному основанию классификации [2, с. 179–182].

Комплексные, по мнению Ю.П. Гармаева, методики – это совокупность методических рекомендаций, выделенных на основании уголовно-правовой и иной криминалистически значимой классификации преступлений [2, с. 183].

Нетрудно заметить, что только на основании изложения основных положений классификации Ю.П. Гармаева видна ее сложность, которая вряд ли будет способствовать ее практическому использованию.

Недостатки конструкции Ю.П. Гармаева изложены А.В. Шмоным [3, с. 133–135]. Мы в основном с ним согласны. Вместе с тем, попытаемся высказать свое мнение о некоторых вопросах рассмотренной классификации.

Базовая методика расследования преступлений, по замыслу Ю.П. Гармаева, должна быть универсальной теоретической основой формирования частных методик. Она представляет собой общую базовую модель деятельности по выявлению и расследованию преступлений. Структура этой модели включает четыре этапа расследования (проверочный, версионный, планирование и реализация плана проверки версий); задачи каждого этапа расследования; мероприятия для решения этих задач. Содержанием проверочного этапа является постановка задач по выявлению признаков готовящихся и совершенных преступлений и по анализу исходной информации. Версионный этап посвящен формированию версий о субъектах, способах совершения преступлений и выведению следствий из этих версий. На этапе планирования (проверки версий) формируются задачи по установлению разработанных вопросов, по доказыванию, выбору мероприятий, исполнителей, последовательности действий, сроков выполнения задач. Этап реализации плана состоит в рекомендациях

по выбору к использованию тактических, технических и иных средств [4, с. 76–126].

Назначение базовой методики – формировать новую конкретную частную методику или модернизировать существующую. Для следователя – «иметь пред глазами достаточно простой, понятный, а при визуальной форме представления – наглядный алгоритм действий» [5, с. 98].

Анализируя кратко изложенную содержательную сторону классификации методик Ю.П. Гармаевым, отметим, что базовая модель должна, на наш взгляд, основываться на общей модели расследования как вида социальной деятельности. Прежде всего, этапы расследования, на наш взгляд, – это его части, в пределах каждой из которых достигаются определенные цели или решаются какие-либо задачи. В криминалистике традиционно выделяют первоначальный, последующий и заключительный этапы. Известно, что деление расследования на этапы зависит от криминалистической сложности расследования [6, с. 26–34]. Принятое деление на этапы основано на содержании расследования как деятельности. Последнее понимается как вся система расследования. Поэтому деление расследования на указанные Ю.П. Гармаевым этапы вызывает возражения. Возьмем, например, этап анализа исходной информации. Как отмечает автор в своей совместной с В.Д. Зеленским работе [1, с. 140], анализ как один из методов организационно-аналитической деятельности – это процесс, длящийся в ходе всего расследования. Под исходной информацией, на наш взгляд, надо понимать совокупность доказательств и иных фактических данных (сведений) на стадии возбуждения уголовного дела и первоначальных неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Содержание этих действий разрабатывается следственной тактикой, а особенности их производства – частной методикой. В общих положениях криминалистической методики необходимо ограничиться общей характеристикой рассматриваемой части расследования как фактическим основанием для формирования предмета деятельности.

В своих конструкциях Ю.П. Гармаев смешивает, на наш взгляд, понятие целеопределения и планирования. В планирование расследования он включает формирование вопросов, подлежащих установлению и доказыванию. Планирование как элемент организации расследования состоит в анализе ситуации, выборе средств и распределении их в пространстве и времени. В ходе планирования разрабатывается и фиксируется структура расследования. Что касается содержательной стороны указан-

ной деятельности, это – предмет методики расследования. Мы согласны с авторами, которые против расширительного толкования содержания планирования [7, с. 9]. Планирование расследования, на наш взгляд, этапом расследования не является.

Выделенные Ю.П. Гармаевым элементы методики являются иными элементами (построение версий, планирование и др.). Соотношение понятий групповой и базовой методики рассмотрим ниже.

Интерес представляют взгляды С.Ю. Косарева, который все криминалистические методики делит на типичные и особенные. Под типичными понимаются методики, построенные по категориям преступлений, установленным действующим УК РФ со структурными особенностями его Особенной части. Все методики, сформированные по другим основаниям, считаются особенными [8, с. 179]. Далее С.Ю. Косарев по различным основаниям подразделяет и типичные и особенные методики.

Типичные методики автор делит на шесть парных (симметричных) подразделов.

Первый подраздел – это: 1) комплексные методики расследования групп преступлений, подразделенных отдельными главами Особенной части УК; 2) комплексные методики расследования групп преступлений, предусмотренных отдельными главами Особенной части УК, выделенные с учетом определенных криминалистических признаков.

Второй подраздел образуют: 1) комплексные методики расследования небольших однородных в схемах групп преступлений, предусмотренных несколькими статьями отдельной главы УК; 2) комплексные методики расследования небольших однородных, схожих групп преступлений, предусмотренных несколькими статьями отдельной главы Особенной части УК, выделенные с учетом определенных криминалистических признаков.

Третий подраздел образуют те же, что и во втором ряду, группы преступлений, но с дополнительными выделенными квалификационными признаками.

Четвертый подраздел образуют методики расследования преступлений определенного вида.

Пятый подраздел образуют методики расследования преступлений определенной разновидности одного вида; шестой – комплексные методики расследования групп преступлений, предусмотренных несколькими схожими статьями УК, и криминалистические признаки.

Второй квалификационный подраздел С.Ю. Косарев дифференцирует на три подраздела. Первый подраздел – это комплексные методики расследования любых преступлений, выделенных по определенной части крими-

налистических средств (в широком смысле) – правовые признаки, содержащиеся в Общей части УК РФ; второй подраздел – комплексная методика преступлений, выделенных по правовым признакам и одновременно по криминалистическим (в узком смысле) признакам.

Третий подраздел – методики расследования преступлений, выделяемых только по криминалистическим признакам в узком смысле [8, с. 179–197].

Классификация методик расследования С.Ю. Косарева, безусловно, имеет теоретическое значение: выделение критериев и признаков различных групп методик; построение системы взаимосвязей между различными группами криминалистических методик; выделение различия комплексных признаков межродовых, видовых методик и др.

Вместе с тем, необходимо отметить сложность данной классификации для ее практического применения, т.е. для реализации в расследовании.

Кратко отметим другие, помимо названных, взгляды ученых на классификации методик расследования.

М.В. Субботина предложила следующую систему криминалистической методики:

1) общие положения (понятия, задачи методики, содержание, структура);

2) частные методики (расследование хищений чужого имущества, убийств и т.д.).

Частные методики, в свою очередь, подразделяются на две группы:

1) групповые методики расследования (преступлений, совершенных несовершеннолетними, и др.);

2) видовые методики расследования (краж, убийств и т.п.) [9, с. 61].

В более поздней своей работе М.В. Субботина предлагает несколько иную систему криминалистической методики:

1. Общие положения.

2. Базовая методика расследования нескольких видов или групп преступлений.

3. Частная методика расследования отдельного вида или группы преступлений.

4. Частнометодические рекомендации по расследованию определенного подвида преступлений (например, краж, совершенных несовершеннолетними).

Частные методики, в свою очередь, М.В. Субботина делит на две группы:

1. Групповые методики расследования (например, преступлений, совершаемых несовершеннолетними).

2. Видовые методики расследования (краж, убийств и т.п.) [10, с. 239–241].

Соглашаясь в принципе с классификацией М.В. Субботиной, отметим, что она групповые

методики относит к разновидности частных методик расследования.

С.Г. Любичев выделяет типичные методики расследования отдельных видов преступлений и внутривидовые методики. В общей структуре методик выделяются рекомендации по расследованию преступлений различных категорий (проверка алиби, инсценировок и др.) [11, с. 441].

Д.Н. Балашов, Н.М. Балашов, С.В. Маликов структуру методики представляют так:

а) криминалистическая методика – раздел криминалистики, в котором содержатся научно-практические положения по расследованию;

б) частная криминалистическая методика – методика расследования отдельных видов преступлений;

в) индивидуальная методика расследования – система действий по конкретному уголовному делу на основе частной криминалистической методики [12, с. 323–324].

Вызывает возражения выделение индивидуальных методик. Это что – правила на каждый случай? Невозможно разработать таковые.

О.В. Чельшева предложила все криминалистические методики, выделяемые по одному из признаков, относить к методикам первой ступени, как наиболее общие, а методики, выделяемые на основании двух и более признаков, – к методикам второго, третьего и т.д. уровня (более частные) [13, с. 91].

Не вдаваясь в подробный анализ изложенного предложения, отметим, что практически будет сложно определить сочетание двух и более уровней. Отмечая интерес позиции О.В. Чельшевой, полагаем, что она нуждается в дальнейшей разработке.

А.В. Шмонин предложил двухуровневую систему частных криминалистических методик. Он предлагает разделить все частные методики на две категории: «простые» и комплексные. «Простые» методики предназначены для расследования однообъектных преступлений. Комплексные криминалистические методики делятся на «монообъектные (однообъектные) и полиобъектные (многообъектные)». «Монообъектные» дифференцируются на «монородовые», «моновидовые», «моносоставные», «полиобъектные» – на «полиродовые» и «поливидовые». Одновременно, как отмечает А.В. Шмонин, «простые» криминалистические методики также могут дифференцироваться на «монородовые», «моновидовые», «моносоставные», в связи с чем классификационная система будет сходиться на общих разновидностях «простых» и «монообъектных» комплексных методик. А.В. Шмонин характеризует критерии перечисленных уровней классификационной системы криминалистических ме-

тодик. Отметим, что верхний уровень классификационной системы определяется объектом посягательства. Второй и следующие уровни первого блока классификационной системы определяются количеством объектов преступного посягательства и их уголовно-правовой классификацией. Данные уровни классификаций системы содержат ставшие традиционными группы методик, объединенных родовыми объектами преступлений, а также некоторые методики расследования, которые объединены однородными и одновидовыми объектами [3, с. 140–142].

При всей стройности и обоснованности изложенной системы классификации криминалистической методики А.В. Шмонина отметим ее громоздкость, а поэтому сложность практического применения.

Подводя итог изложенным научным подходам к разрешению проблемы классификации криминалистических методик, отметим, что каждый из них по-своему обоснован, имеет свои достоинства и недостатки. К числу последних относятся прежде всего громоздкость и практическая необходимость. Вместе с тем, для теоретических разработок, для исследования проблемных вопросов криминалистических методик детализация необходима.

Несомненно, для любой системы классификации криминалистических методик определяющее значение имеет уголовно-правовая классификация. Без нее система частных методик утрачивает системность, связность, признаки взаимосвязанного целого.

Вторым фактором системы частных методик расследования является криминалистическая классификация преступлений. Она определяется уголовно-правовой и криминалистической характеристиками преступлений, механизмом преступления, предметом расследования видов преступлений.

Сочетание уголовно-правового и криминалистического критериев позволяет научно обоснованно строить систему частных и иных методик расследования.

Общие положения криминалистической методики являются основным структурным элементом, системой научных положений, определяющих структуру и содержание частных методик. Частные методики по различным критериям могут делиться на различные виды и подвиды. Первые определяются уголовно-правовыми положениями вида преступлений и криминалистическими особенностями их расследования. Вторые – только криминалистическими критериями (методика проверки алиби, методика разоблачения инсценировок и др.). Это основное деление частных методик. Они просты, а потому имеют практическое значение.

Промежуточное место между общими положениями и частными методиками расследования занимает групповая методика. Полагаем,

что приведенная классификационная система является основной и достаточной для ее практической реализации.

1. Куемжиева С.А., Зеленский В.Д. *Общие положения криминалистической методики*. Краснодар, 2015.

2. Гармаев Ю.П. *Теоретические основы криминалистических методик расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук*. М., 2003.

3. Шмонин А.В. *Методология криминалистической методики*. М., 2010.

4. Гармаев Ю.П. *Теоретическая основа формирования криминалистических методик расследования преступлений*. Иркутск, 2003.

5. Гармаев Ю.П., Лубин А.Ф. *Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений*. СПб., 2006.

6. Зеленский В.Д. *Теоретические вопросы расследования*. Краснодар, 2011.

7. Чурилов С.Н. *Тенденции развития общих положений криминалистической методики // Вестн. криминалистики*. 2009. Вып. 2(30).

8. Косарев С.Ю. *Криминалистическая методика расследования преступлений (статусное положение и перспективы развития)*. СПб., 2005.

9. *Криминалистика: тактика, организация и методика расследования преступлений: учеб.* / под ред. А.П. Резвана, М.В. Субботиной. Волгоград, 2001.

10. Субботина М.В. *Общие положения методики расследования преступлений // Криминалистика: учеб.* / под ред. А.П. Резвана, М.В. Субботиной, Н.В. Колосова, Р.И. Могутина. М., 2006.

11. *Криминалистика: учеб.* / под ред. Е.П. Ищенко. М., 2000.

12. Балашов Д.Н., Балашов Н.М., Маликов С.В., *Криминалистика: учеб.* М., 2005.

13. Чельшева О.В. *К вопросу о систематизации частных методик расследования // Учен. записки юрид. фак. С.-Петербург. гуманитарного ун-та профсоюзов*. СПб., 2000. Вып. 5.

1. Kuyemzhiyeva S.A., Zelensky V.D. *General provisions of forensic techniques*. Krasnodar, 2015.

2. Garmaev Yu.P. *Theoretical foundations of forensic crime investigation techniques: diss. ... Dr of Law*. Moscow, 2003.

3. Shmonin A.V. *Methodology of forensic techniques*. Moscow, 2010.

4. Garmaev Yu.P. *Theoretical basis of techniques of forensic crime investigation*. Irkutsk, 2003.

5. Garmaev Yu.P., Lubin A.F. *Problems of creating of forensic crime investigation techniques*. St. Petersburg, 2006.

6. Zelensky V.D. *Theoretical questions of the investigation*. Krasnodar, 2011.

7. Churilov S.N. *Trends in the general provisions of forensic techniques // Journal of criminalistics*. 2009. Vol. 2(30).

8. Kosarev S.Yu. *Forensic methods of crime investigation (formation and development prospects)*. St. Petersburg, 2005.

9. *Criminalistics: tactics, organization and methods of crime investigation: textbook / ed. by A.P. Rezvan, M.V. Subbotina*. Volgograd, 2001.

10. Subbotina M.V. *General methods of crime investigation / Criminalistics: textbook / ed. by A.P. Rezvan, M.V. Subbotina, N. Kolosov, R.I. Mogutin*. Moscow, 2006.

11. *Criminalistics: textbook / ed. by E.P. Ishchenko*. Moscow, 2000.

12. Balashov D.N., Balashov N.M., Malikov S.V. *Criminalistics: textbook*. Moscow, 2005.

13. Chelischeva O.V. *To the question about particular investigation methods // Sci. notes of the Faculty of Law of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions*. St. Petersburg, 2000. Iss. 5.

Введенская Ольга Юрьевна
 адъюнкт кафедры криминалистики
 Краснодарского университета МВД России
 (тел.: +79181587325)

Взаимодействие следователя с оперативными сотрудниками органа дознания при расследовании интернет-преступлений

В статье рассматриваются особенности взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками органа дознания при расследовании интернет-преступлений. На основании проведенного анкетирования определены его основные проблемы. Предложены тактические рекомендации, позволяющие повысить качество такого взаимодействия.

Ключевые слова: взаимодействие, интернет-преступность, оперативные сотрудники, следователь, принципы.

O.Yu. Vvedenskaya, Adjunct of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79181587325.

The interaction of investigator and operational staff of department of inquiry in the investigation of Internet crimes

This article discusses the features of interaction of investigator and operational staff body of inquiry in the investigation of Internet crimes. On the basis of the survey the main problems are determined. Proposed tactical recommendations that improve the quality of those interactions.

Key words: interaction, Internet crimes, operational staff, investigator, principles.

Быстрое и полное установление всех обстоятельств совершенного преступления, привлечение виновных к уголовной ответственности невозможно без слаженной и согласованной работы участников уголовного судопроизводства.

Взаимодействие в уголовном судопроизводстве – это часть тактики, уровень связи между следственными и иными действиями и их субъектами [1, с. 3].

В широком смысле под таким взаимодействием понимают деловой контакт, совместную работу в борьбе с преступностью, в узком – согласованную, основанную на законе деятельность административно независимых друг от друга органов по конкретному уголовному делу.

Принципами взаимодействия являются: законность, комплексное использование сил и средств, персональная ответственность исполнителей, непрерывность и согласованность.

Особую роль на первоначальном этапе расследования интернет-преступлений играет взаимодействие с оперативными сотрудниками органа дознания как с носителями основного объема первоначальной информации. Такое взаимодействие, в первую очередь, основано на требованиях закона. Среди нормативных и правовых актов, регулирующих данный вид де-

ятельности, следует выделить Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и подзаконные акты – приказы, инструкции, постановления. Причем следователь в этом взаимодействии выполняет главенствующую роль [2, с. 51].

Взаимодействие в ходе расследования преступлений с оперативными сотрудниками органов дознания характеризуется принципом непрерывности – от возбуждения уголовного дела до момента его рассмотрения в суде – и заключается в том, что следователь и оперативники при производстве по уголовному делу согласовывают цели, место работы, время, такое взаимодействие является двухсторонним и строится на взаимной основе [3, с. 43].

Оперативное сопровождение расследования интернет-преступлений оказывалось лишь в 82% случаях, из них:

- 35% – сотрудниками оперативных подразделений уголовного розыска;
- 26% – оперативниками отделов «К»;
- 20% – подразделениями БСТМ;
- 13% – оперуполномоченными ОЭБ и ПК;
- 4% – оперуполномоченными Федеральной службы безопасности;

2% – оперуполномоченными Интерпола.

А в оставшихся 18% случаев такое сопровождение, вопреки требованиям закона, отсутствовало. Среди причин отсутствия такого взаимодействия при расследовании интернет-преступлений были указаны слабый уровень правовой грамотности оперативных сотрудников, неукомплектованность штатов, необходимость выполнения большого объема работы в сжатые сроки, отсутствие межличностного контакта между участниками взаимодействия и др.

Необходимо отметить, что взаимодействие следователя и оперативных сотрудников органа дознания в ходе расследования преступлений, в частности на первоначальном этапе, может осуществляться в процессуальной форме (рассмотрение сообщений о преступлениях, работа на месте происшествия, выполнение неотложных следственных действий, поручений и т.п.) и в непроцессуальной (организационной) форме (согласованное планирование, создание следственно-оперативных групп и т.п.).

Учитывая общность и специфику задач, стоящих перед следователями и оперативными сотрудниками органов дознания при расследовании интернет-преступлений, следует подчеркнуть тесную связь уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, определяющую необходимость теснейшего взаимодействия.

Несмотря на единство целей и целого ряда общих черт, органы предварительного следствия и оперативные подразделения органов дознания имеют существенные различия, которые связаны с тем, что деятельность следователя носит строго процессуальный характер, а оперативные службы уполномочены использовать с целью раскрытия преступлений не только процессуальные, но и оперативно-розыскные меры. Необходимо не только уметь отличать такие меры, но и знать формы и методы их сочетания, поскольку отрыв следственных и оперативных действий друг от друга зачастую является основной причиной некачественного расследования дела [4, с. 11].

Наиболее эффективно такое взаимодействие осуществлялось в ходе:

совместного планирования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий – 16%;

взаимного обмена полученной информацией – 15%;

совместного анализа и оценки полученной информации – 14%;

оперативного сопровождения расследования – 12%;

совместной работы в составе следственно-оперативной группы – 11%;

выдвижения и проверки версий – 10%;

совместной работы на месте происшествия – 7%;

при производстве следственных действий – 7%;

проведения тактических операций (комбинаций) – 5%;

реализации материалов дел оперативного учета – 3%.

Очевидно, что в рамках взаимодействия следователей с оперативными сотрудниками в равной мере активно используются как процессуальные, так и непроцессуальные формы. Причем качество такого взаимодействия лишь 13% следователей оценивают как отличное, поясняя, что оперуполномоченные выполняли поставленные задачи в срок, проявляя инициативу; 58% – как удовлетворительное, отмечая, что оперуполномоченные выполняли поставленные задачи после напоминаний и получения указаний, и 29% следователей оценили качество оперативного сопровождения неудовлетворительно, отметив негативное влияние данного фактора на процесс и результаты расследования интернет-преступлений.

В то же время оперативные сотрудники указывают на такие сложности осуществления взаимодействия со следственными органами на первоначальном этапе расследования интернет-преступлений, как отсутствие должного, регламентированного законом, обусловленного единством целей взаимодействия между следователем и оперативным работником – 61%; наличие конфликтной ситуации между членами следственно-оперативной группы – 1%; отсутствие специалистов и технических возможностей – 5%; особенности личности лиц, совершающих такие преступления – 1%; ограниченность временными рамками – 4%; низкий уровень подготовки следователей в данной области – 1%. И лишь у 27% сложностей в ходе взаимодействия со следственными органами не возникало.

Оценивая полученные результаты анкетирования, можно сделать вывод, что взаимодействие следователя и оперативных сотрудников органа дознания при расследовании интернет-преступлений в настоящее время не может быть признано эффективным.

На основе данных проведенного исследования и положений теории криминалистики можно выделить условия эффективности взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных подразделений при расследовании интернет-преступлений:

целеустремленность (четкое обозначение цели и неуклонное следование к ней, единство целей); конкретность (доступное и точное изложение поставленной задачи);

обязательность (все законные требования следователя должны выполняться);

взаимную ответственность;

профессионализм (как следователя, так и сотрудников органов дознания);

общие принципы (законность, компетентность, плановость, динамичность и т.п.).

Чем раньше возникнет такое взаимодействие, тем больший успех может быть достигнут, т.к. следователь лучше, чем оперативник, может определить наличие или отсутствие в оперативных материалах законных поводов и достаточных оснований для возбуждения уголовного дела [5, с. 51–52].

На этапе принятия решения о возбуждении уголовного дела взаимодействие следователя с оперативниками органа дознания происходит в форме передачи и оценки оперативных материалов, совместного составления плана согласованных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

В таком согласованном плане, скрепленном письменной резолюцией начальника органа внутренних дел, последний делегирует подчиненному сотруднику осуществление уголовно-процессуальных и непроцессуальных обязанностей, определяя конкретных субъектов взаимодействия [6, с. 13].

При этом С.Д. Долгинов считает, что право следователя на ознакомление с оперативными материалами не означает обязательное предоставление ему таких материалов [7, с. 11].

В то же время некоторые ученые и практики отмечают целесообразность предоставления следователю для ознакомления как можно большего количества оперативных материалов [8, с. 39; 9, с. 60–75].

Д.В. Наметкин верно отмечает, что при избирательном информировании следователя существует опасность получения недостоверной информации и имеется возможность возникновения сложностей в оценке представленных материалов [10, с. 23–24].

Считается, что чем большее количество материалов, содержащих информацию о признаках, указывающих на преступление, которые могут быть в последующем преобразованы в доказательственную информацию, естественно, при условии соблюдения требований закона, будет представлено следователю, тем более эффективным будет последующее взаимодействие и расследование в целом.

Согласованные действия следователя и оперативных сотрудников органа дознания, осуществляемые в рамках взаимодействия по делам об интернет-преступлениях, проводимые в условиях неочевидности, включают в себя: установление пути преступника, включающего в себя всех транзитных провайдеров, с присваиваемыми ими IP-адресами, как путем процессуальных и следственных действий, так и посредством проведения соответствующих оперативно-розыскных мероприятий; взаимный обмен полученной информацией; проведение оперативным работником оперативно-розыскных мероприятий, направленных на обеспечение розыскной деятельности следователя (установление свидетелей, мест для проведения обысков и выемок и т.п.); совместную разработку и проведение тактических комбинаций (операций), направленных на фиксацию доказательственной базы и розыск преступника, а при его обнаружении – организацию внезапного задержания.

Если установлен подозреваемый, то действия следователя и оперативного работника направлены на установление и процессуальную фиксацию доказательств его вины. Здесь следует отметить совместное внезапное задержание подозреваемого, избрание меры пресечения, поиск путем проведения оперативно-розыскных мероприятий доказательств вины задержанного в совершении преступления и их реализацию путем проведения следственных действий, выполнение поручений следователя, организацию сбора общими усилиями материалов, характеризующих личность подозреваемого, и иные действия согласно ранее разработанному плану.

Хоть закон и не содержит перечень следственных действий, которые могут быть проведены оперуполномоченными по поручению следователя, необходимо учитывать персональную ответственность следователя за исход процесса расследования, а также необходимость оценки уровня подготовки в данной сфере оперативных сотрудников органа дознания, которым будет поручено их проведение.

По общему негласному правилу следователь поручает органу дознания проведение следственных действий, носящих неотложный характер, незамедлительность получения результатов которых имеет влияние на процесс предварительного расследования.

Тем не менее, 17% опрошенных следователей среди проблем первоначального этапа расследования интернет-преступлений отмечают низкое качество взаимодействия с опе-

руполномоченными, ссылаясь на затягивание с выполнением поручений, их некачественное, формальное выполнение, а зачастую и вовсе отказ от их выполнения вопреки требованиям закона.

Очевидно, что только соблюдение условий и принципов взаимодействия органов дознания со следователем, тактических рекомендаций в ходе расследования интернет-преступлений обеспечит его эффективность и качество.

1. Кучерук С.А. *Типовые ситуации организации взаимодействия и тактики в особо сложных условиях раскрытия и расследования преступлений: метод. рекомендации.* Краснодар, 2005.

2. Сопнева Е.В., Скоба Е.В. *Взаимодействие следователя и органа дознания в досудебных стадиях уголовного процесса: учеб. пособие.* Ставрополь, 2013.

3. Бастрыкин А.И. *Расследование преступлений повышенной общественной опасности (криминалистические аспекты): практ. пособие.* М., 2010.

4. Плеснева Л.П. *Правовые и организационные основы взаимодействия следователя с органами дознания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.* Иркутск, 2002.

5. Бурыкин В.М., Деревягин Ю.Т. *Некоторые проблемы взаимодействия оперативно-го работника ОБХСС и следователя органов внутренних дел // Тр. ВНИИ МВД России.* 1973. № 25.

6. Зимин Р.В. *Содействие органов дознания следователю при производстве предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.* М., 2008.

7. Долгинов С.Д. *Актуальные проблемы теории и практики взаимодействия подразделений органов внутренних дел в борьбе с преступностью // Материалы межвуз. науч.-практ. конф.* Челябинск, 1998.

8. Громов Н.А., Гришин А.И. *Основные направления использования результатов ОРД в процессе доказывания // Следователь.* 1999. № 11.

9. Белоусов А.В. *Процессуальное закрепление доказательств при расследовании преступлений.* М., 2001.

10. Наметкин Д.В. *Взаимодействие органов предварительного расследования как одна из предпосылок их процессуальной самостоятельности // Следователь.* 2006. № 9.

1. Kucheruk S.A. *Model situations of interaction and tactics in especially difficult circumstances disclosing and crime investigation: methodical recommendations.* Krasnodar, 2005.

2. Sopneva E.V., Skoba E.V. *Interaction of investigator and inquiry body in pre-trial stages of criminal process: study aid.* Stavropol, 2013.

3. Bastrykin A.I. *Investigation of crimes of high social danger (criminalistics aspects): practical guide.* Moscow, 2010.

4. Plesneva L.P. *Legal and organizational bases of interaction of the investigator with the bodies of inquiry: auth. abstr. ... Master of Law.* Irkutsk, 2002.

5. Burykin V.M., Derevyagin Yu.T. *Some problems of co-operative employees of the Department of Combating Thefts of Social Property and investigator of internal affairs bodies // Proc. of National research institute of the Ministry of the Interior of Russia.* 1973. № 25.

6. Zimin R.V. *Assistance of bodies of inquiry to the investigator during the preliminary investigation: auth. abstr. ... Master of Law.* Moscow, 2008.

7. Dolginov S.D. *Actual problems of the theory and practice of interaction of divisions of internal affairs bodies in combating crime // Proc. of Inter-univ. sci.-pract. conf.* Chelyabinsk, 1998.

8. Gromov N.A., Grishin A.I. *Main directions of use of results of operative and investigative activity in the process of proving // Investigator.* 1999. № 11.

9. Belousov A.V. *Procedure of securing evidence in the investigation of crimes.* Moscow, 2001.

10. Nametkin D.V. *Interaction of bodies of preliminary investigation as one of the conditions of their procedural autonomy // Investigator.* 2006. № 9.

Микрюкова Татьяна Евгеньевна
адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: Miktanev@rambler.ru)

Проблемные вопросы определения предмета преступного посягательства по делам о мошенничестве при получении социальных выплат

В статье рассматриваются проблемные вопросы определения предмета преступного посягательства по делам о мошенничестве при получении социальных выплат. Раскрываются основные понятия данной нормы права.

Ключевые слова: мошенничество, социальные выплаты, социальное пособие, субсидия, компенсация, льгота, пенсия.

T.E. Mikryukova, Adjunct of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Miktanev@rambler.ru

Problematic issues of definition of a subject of criminal encroachment of cases of fraud when receiving social payments

In this article considered problematic questions of definition of the object of criminal encroachment in cases of the fraud at the receive social payments. Revealed basic concepts of this rule of law.

Key words: fraud, social payments, social benefits, subsidies, compensation, benefit, pension.

В отечественном законодательстве социальные выплаты, являющиеся инструментом стимулирования и поддержки граждан, определяются по-разному с точки зрения их содержательной части. Это обстоятельство порождает определенные трудности в понимании сущности социальных выплат при квалификации преступлений, попадающих под действие ст. 159.2 УК РФ.

Диспозиция вышеуказанной нормы гласит: «Мошенничество при получении выплат, то есть хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем предоставления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат» [1].

По замыслу законодательных органов образованная из общей нормы мошенничества в специальный состав преступлений ст. 159.2 УК РФ должна способствовать эффективной борьбе с мошенническими преступлениями, совершаемыми при получении выплат.

Однако нелогичные и сложные формулировки диспозиции статьи влекут за собою двусмысленность толкования понятий, используемых в ст. 159.2 УК РФ. В связи с этим нередки случаи ошибочной квалификации предмета

преступного посягательства, что затрудняет и затягивает расследование уголовных дел.

Уже в самом названии статьи размываются границы применения указанной нормы. Как верно указывают Л. Прокументов и А. Архипов, «в русском языке понятием “выплата” обозначается производство денежных отчислений. В самой же статье в качестве предмета преступного посягательства указываются не только денежные средства, но и иное имущество, передачу которого выплатой назвать никак нельзя» [2].

Помимо этого, данные авторы в своей работе ставят вопрос о том, какие именно выплаты следует относить к социальным.

Несмотря на частое употребление термина «социальные выплаты» в различных отраслях права, единого легального понятия до сих пор не существует. По мнению Д.А. Смирнова, в трудовом праве и праве социального обеспечения имеются несовпадения содержания указанного понятия [3].

В ст. 159.2 УК РФ законодатель предпринял попытку сужения границ данного понятия путем перечисления выплат. Рассмотрим их более детально.

В первую очередь необходимо обратиться к ст. 1 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», в котором закреплены такие понятия, как «социальное пособие» и «субсидия».

«Социальное пособие» – безвозмездное предоставление гражданам определенной денежной суммы за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации [4].

Социальными пособиями являются денежные выплаты гражданам в целях их материального обеспечения в период отсутствия у них заработка или иного изменения материального положения и в других случаях, предусмотренных законом. Основные социальные пособия финансируются Фондом социального страхования РФ [5].

Все социальные пособия можно подразделить на две большие группы. К первой из них относятся выплаты, являющиеся страховым возмещением в системе социального страхования и выплачиваемые из средств государственных внебюджетных фондов. Право на такие выплаты приобретают только застрахованные лица. Во вторую группу пособий входят выплаты, предоставляемые нуждающимся гражданам из бюджетных средств на безвозмездной основе, именуемые в юридической литературе как алиментарные выплаты.

Р.И. Иванова отмечала, что «в самом общем виде под социальной алиментарностью следует понимать способ предоставления государством или по его поручению общественными организациями всех видов социального обеспечения и обслуживания на справедливой основе бесплатно, безэквивалентно с учетом связи с трудом, но не в порядке ответных действий за новый встречный труд, в объеме нормального уровня жизни, сложившегося на данном этапе развития советского общества, без применения договорных начал из фонда социального обеспечения» [6].

Рассмотрение пособий как самостоятельного вида социального обеспечения является общепризнанным в науке, их отличие от пенсий и денежная форма предоставления позволяют характеризовать пособия как социальную выплату.

Профессор Е.Е. Мачульская определяет пособие как краткосрочную (еженедельную, ежемесечную, периодическую) или единовременную возмездно-неэквивалентную выплату, назначаемую за счет государственных средств в целях возмещения утраченного заработка или трудового дохода либо частичной компенсации дополнительных расходов при наступлении установленных законом социальных рисков [7, с. 44.]

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что понятие «пособие» содержит в себе ряд характерных признаков и понимается как социальная выплата, ограниченная по времени и предоставляемая с целью оказания

помощи лицам, нуждающимся в ней, на основании нормативно-правовых актов.

Следующим понятием, указанным в ст. 1 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» и нашедшем отражение в ст. 159.2 УК РФ, является «субсидия – имеющая целевое назначение полная или частичная оплата предоставляемых гражданам социальных услуг» [4].

Понятие «субсидия» означает «помощь», «поддержка». К субсидиям относятся выплаты, предоставляемые за счет государственного, местного бюджета или специальных фондов юридическим или физическим лицам.

Необходимо обратить внимание на то, что нередко случаи ошибочной квалификации правоохранительными органами деяний, связанных с расследованием хищений субсидий. Статьей 159.2 УК РФ охватываются лишь действия физических лиц, направленные на хищение субсидий. Исходя из смысла диспозиции, действия юридических лиц, направленные на хищение субсидий, следует квалифицировать по общей норме мошенничества по ст. 159 УК РФ.

Для субсидий характерным признаком будет являться их целевое назначение. Здесь важное значение имеет конечная цель предоставления указанных выплат, которая фиксируется в законодательстве и достижение которой подтверждается путем предоставления необходимых документов.

Соответственно, субсидия – это социальная выплата, предоставляемая на безвозмездной основе из бюджетных средств и предназначенная строго для использования в целях, установленных в законе.

Если вышеописанные понятия указаны в нормативных актах, то понятие «компенсация» Федеральным законом от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ было упразднено. Ранее оно было закреплено в старой редакции Федерального закона «О государственной социальной помощи» и подразумевало под собой возмещение гражданам произведенных ими расходов, установленных законодательством.

Исходя из нормативных актов, можно определить понятие «компенсация» как производимое в соответствии с законом возмещение работнику понесенных им расходов в связи с выполнением трудовых обязанностей или в иных случаях. Так, работникам, направляемым в служебные командировки, оплачиваются суточные, транспортные расходы, расходы по найму жилья. Выплачиваются также компенсации при переводе на другую работу, связанную с переездом, и др. [5].

Рассматриваемое понятие нашло свое отражение в трудовом законодательстве. В ст. 164 ТК РФ закреплено что «компенсации –

денежные выплаты, установленные в целях возмещения работникам затрат, связанных с исполнением ими иных обязанностей, предусмотренных настоящим Кодексом и другими федеральными законами» [8]. Большинство исследователей отмечают сложность разграничения пособий и компенсаций в праве социального обеспечения, а некоторые авторы даже отождествляют их [9, с. 109–113].

Важной особенностью компенсационных выплат является то, что они доставляются гражданам безвозмездно и безвозвратно из бюджетных средств. На эту особенность указывает Конституционный Суд РФ в постановлении от 15 июля 2009 г. № 13-П по делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 29 Закона РФ «О милиции» и ст. 1084 Гражданского кодекса РФ. В данном акте подчеркивается, что «государство, устанавливая систему компенсаций, выступает не как страхователь, не как причинитель вреда и не как должник по деликтному обязательству, а как публичный орган, выражающий общие интересы, и как распорядитель бюджета, создаваемого и расходующего в общих интересах» [10].

Таким образом, под компенсациями понимается социальная выплата, предоставляемая гражданам на безвозмездной основе при наступлении социальных рисков, виды и размеры которых устанавливаются законодательством.

В законодательных актах, регулирующих общественные отношения в сфере социального обеспечения, можно встретить такие понятия, как «льгота» и «пенсия». Очевидно, что под «иными выплатами», указанными в ст. 159.2 УК РФ, законодатель подразумевает и эти рассматриваемые понятия.

Под льготами понимается преимущество, дополнительные права, предоставляемые отдельным категориям граждан в соответствии с определенными признаками – возраста, болезни, нетрудоспособности, инвалидности, сиротства, многодетности и другими жизненными обстоятельствами.

М.В. Лушникова под социальными льготами понимает «предусмотренные законодательством, договорами отдельным категориям лиц преимущества по сравнению с другими категориями, которые дают основания для их дополнительной социальной защиты (например, приоритетное (внеочередное, первоочередное) право на получение социальных услуг или социального обслуживания, льготы при оплате жилья и коммунальных услуг и т.п.)» [11, с. 223].

По праву социального обеспечения социальные льготы предоставляются гражданам, имеющим низкие доходы (это практически все категории пенсионеров, многодетные семьи, семьи, имеющие инвалида с детства, и неко-

торые другие категории), а также гражданам, имеющим особые заслуги, – Героям Советского Союза, России, полным кавалерам ордена Славы, Героям Социалистического Труда и полным кавалерам ордена Трудовой Славы.

По подсчетам ученых, в настоящее время насчитывается около 100 действующих льгот, установленных в разных нормативных правовых актах, что обусловлено, как верно утверждают М.Л. Захаров и Э.Г. Тучкова, «недостаточно четким нормотворческим процессом, как в прошлом, так и сейчас (проекты соответствующих решений готовятся разными организациями, они не проходят зачастую независимую экспертизу, принимаются в спешке и т.п.), переоценкой правотворческой компетенции, в частности, органами исполнительной власти» [12, с. 477].

Еще одно понятие, которое широко используется в области социального обеспечения, – это понятие «пенсия».

Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» устанавливает, что «пенсия по государственному пенсионному обеспечению – ежемесячная государственная денежная выплата, право на получение которой определяется в соответствии с условиями и нормами, установленными настоящим Федеральным законом, и которая предоставляется гражданам в целях компенсации им заработка (дохода), утраченного в связи с прекращением федеральной государственной гражданской службы при достижении установленной законом выслуги при выходе на трудовую пенсию по старости (инвалидности); либо в целях компенсации утраченного заработка гражданам из числа космонавтов или из числа работников летно-испытательного состава в связи с выходом на пенсию за выслугу лет; либо в целях компенсации вреда, нанесенного здоровью граждан при прохождении военной службы, в результате радиационных или техногенных катастроф, в случае наступления инвалидности или потери кормильца, при достижении установленного законом возраста; либо нетрудоспособным гражданам в целях предоставления им средств к существованию» [13].

Таким образом, формулировка данного понятия подразумевает под собой ежемесячную денежную выплату отдельной категории граждан, право на получение которой определяется в соответствии с условиями и нормами законодательства в целях предоставления средств к существованию.

В данной статье раскрыть все назначаемые в настоящее время выплаты не представляется возможным. Однако нами предпринята попытка рассмотреть основные выплаты, наиболее подверженные возможности незаконно-

го получения со стороны недобропорядочных граждан.

В завершение хотелось бы отметить, что из всего разнообразия понятий социальных выплат при квалификации мошенничества по ст. 159.2 УК РФ необходимо руководствоваться отраслевой принадлежностью нормативно-правового акта, закрепляющего право на вы-

плату. Кроме того, следователю необходимо обратить внимание на источники выплаты. И в случае, когда такими источниками будут являться средства государственного или муниципального бюджета либо средства внебюджетных фондов России, действия лиц, посягающих на незаконное получение выплат, следует квалифицировать по ст. 159.2 УК РФ.

1. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 5 мая 2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Прокументов Л., Архипов А. Предмет мошенничества при получении социальных выплат // Уголовное право. 2014. № 1. С. 67–74.

3. Смирнов Д.А. Социальные выплаты как меры социальной защиты работника // Социальное и пенсионное право. 2010. № 4. С. 20–22.

4. О государственной социальной помощи: федер. закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ (ред. от 12 марта 2014 г.) // Рос. газ. 1999. 23 июля.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. М., 2013.

6. Иванова Р.И. Социальное обеспечение в государственно организованном обществе: генезис, развитие и функционирование (правовой аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1987.

7. Мачульская Е.Е. Право социального обеспечения в условиях рыночной экономики: теория и практика правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.

8. Право социального обеспечения: учеб. / под ред. М.В. Филипповой. М., 2006.

9. Гусева Т.С. Теоретико-правовые проблемы системы социальных выплат, связанные с понятийным аппаратом, используемым законодателем // Изв. ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 24.

10. По делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 29 Закона РФ «О милиции» и ст. 1084 Гражданского кодекса РФ в связи с запросами Нижегородского районного суда города Нижнего Новгорода: постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 2009 г. № 13-П // Собр. законодательства РФ. 2009. № 31. Ст. 3997.

11. Лушникова М.В., Лушников А.М. Курс права социального обеспечения. 2-е изд., доп. М., 2009.

12. Захаров М.Л., Тучкова Э.Г. Право социального обеспечения России. 2-е изд. М., 2002.

13. О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации: федер. закон от 15 дек. 2001 г. № 166-ФЗ (ред. от 2 июля 2013 г.) // Рос. газ. 2001. 20 дек.

1. Criminal code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FL (as amended on May 5, 2014) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

2. Prokumentov L., Arkhipov A. Subject of fraud at obtaining social payments // Criminal law. 2014. № 1. P. 67–74.

3. Smirnov D.A. Social payments as a measure of social protection of the worker // Social and pension law. 2010. № 4. P. 20–22.

4. On state social assistance: fed. law d.d. July 17, 1999 № 178-FL (as amended on March 12, 2014) // Rus. newsp. 1999. July 23.

5. Commentary to the Criminal code of the Russian Federation (itemized) / ed. by A.I. Chuchayev. Moscow, 2013.

6. Ivanova R.I. Social provision in the state organized society: genesis, development and operation (the legal aspect): auth. abstr. ... Dr of Law Moscow, 1987.

7. Machulskaya E.E. The right to social provision in a market economy: theory and practice of legal regulation: auth. abstr. ... Dr of Law Moscow, 2000.

8. The right to social provision: textbook / ed. by M.V. Philippova. Moscow, 2006.

9. Guseva T.S. Theoretical and legal problems of the system of social benefits associated with the conceptual apparatus used by the legislator // News of PSPU of V.G. Belinsky. 2011. № 24.

10. In the case on the constitutionality of pt. 4 art. 29 of the Law of the Russian Federation «On militia» and art. 1084 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the requests of the Nizhny Novgorod district court of Nizhny Novgorod: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. July 15, 2009 № 13-P // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2009. № 31. Art. 3997.

11. Lushnikova M.V., Lushnikov A.M. The course of Social provision law. 2nd ed., augm. Moscow, 2009.

12. Zakharov M.L., Tuchkova E.G. The law of social provision of Russia. 2nd ed. Moscow, 2002.

13. On state pensions in Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 15, 2001 № 166-FL (as amended on July 2, 2013) // Rus. newsp. 2001. Dec. 20.

Сидоренко Мария Васильевна

кандидат юридических наук,
консультант Московского института
государственного управления и права
(e-mail: prorectormvs@yandex.ru)

Рассмотрение разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации с позиций res judicata кассационной проверки

В статье рассматриваются новации, содержащиеся в Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ и касающиеся нормативной регламентации российского кассационного производства. Повышенное внимание уделено анализу постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции».

Ключевые слова: правовая определенность, кассационная проверка, Пленум Верховного Суда, res judicata.

M.V. Sidorenko, Master of Law, Advisor of the Moscow Institute of Public Administration and Law; e-mail: prorectormvs@yandex.ru

Consideration of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from the position res judicata cassation checks

In the article the innovations contained in the Federal law dated December 29, 2010 № 433-FL and relating to the normative regulation of the Russian appeal are considered. Special attention is paid to the analysis of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 1, 2014 № 2 «On the application of the rules of chapter 47.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing the proceedings in the court of cassation».

Key words: legal certainty, the appeal inspection, the Plenum of the Supreme Court, res judicata.

Как известно, Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ нормативная регламентация российского кассационного производства кардинально изменена, и эта форма проверки, по сути, сформирована по известному и достаточно апробированному образцу надзорного производства. Соответственно, при анализе и характеристике внесенных новаций исследователи, прежде всего, отмечают кардинальное изменение:

предмета кассационного разбирательства, т.к. к последнему уже отнесены итоговые и промежуточные акты суда, вступившие в законную силу (в российском нормативном и доктринальном контексте – окончательные акты суда; известно и иное понимание актов суда, вступивших в законную силу, и окончательных актов суда, которое пока не воспринято российской уголовно-процессуальной доктриной и практикой, а равно законодателем [1, с. 43–57]);

непосредственного предмета проверки и оценки кассационного состава суда, который в контексте правила res judicata ограничен исключительно оценкой законности постановленных актов суда (ст. 401.1 УПК РФ); фактическая обоснованность и справедливость указанных актов, достаточно проверенная в апелляционном суде, напротив, не должна и не может быть предметом исследования в экстраординарном кассационном порядке;

сроков обжалования и (потенциально возможной) кассационной проверки дела и приговора по существу (ч. 3 ст. 401.2 УПК РФ), которые приобрели характер ограниченных и пресекаемых факторов, призванных, прежде всего, к обеспечению стабильности состоявшихся судебных решений, незыблемости правового статуса лиц, ими определенного; в конечном итоге – обеспечения правовой определенности как фундаментальной идеи;

юридических оснований непосредственно к кассационной проверке и отмене/изменению

окончательных актов суда; последними в силу исключительной сути и характера кассационной формы проверки могут являться лишь существенные нарушения закона, повлиявшие на исход дела (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ), или фундаментальные их аналоги (ст. 401.6 УПК РФ), как единственно основания для поворота к худшему в положении осужденного, при этом особая сила последних определена именно законодателем: посредством прямого указания на такие последствия, как искажение сути правосудия или смысла его итоговых актов;

процессуальной формы непосредственно кассационной проверки, которая в соответствии с правилом *res judicata* явно ограничивает начало широкой свободы обжалования, устанавливает процедуры предварительного изучения кассационного отзыва (ст. 401.8 УПК РФ) с целью определения искомых кассационных оснований.

В итоге при более или менее объективном анализе системно внесенных новаций в доктрине достаточно веско отстаивались суждения о качественной эволюции «советской» кассации, ее возвращении к исходному и классическому своему образцу, хорошо известному как странам с континентальной системой права, так и моделям англосаксонской системы [2].

Высказывались, правда, и иные суждения, по сути, направленные к «реанимации» дореформенного предмета кассационной проверки. Ю.В. Кувалдина, к примеру, не столь однозначна в определении предмета обновленной кассационной проверки. Требования законности и обоснованности судебных решений, пишет указанный автор, всегда и практически неразрывно связаны между собой; раздельная их проверка или оценка – изначально порочны, т.к. не объективируют реального состояния дел. В итоге достаточно ожидаемый авторский вывод: приговор «...содержащий выводы, не соответствующие фактическим обстоятельствам дела, заведомо незаконен» [3, с. 14–15]. В практической плоскости суть этого вывода Ю.В. Кувалдиной императивно обязывает кассационный судебный состав к проверке/оценке не только искомой законности, но и фактической обоснованности проверяемых судебных решений.

Определенные сомнения в реальном предмете кассационной проверки являют и непосредственно нормы закона. К примеру, по нормам ст. 401.6 и ч. 5 ст. 401.16 УПК РФ суд кассационной инстанции, признав обоснован-

ными доводы потерпевшего или прокурора, имеет законное право к отмене окончательного приговора по мотивам, ухудшающим положение осужденного/оправданного. В итоге профессором Н.Н. Ковтуном был правомерно поставлен вопрос: насколько указанное относится к оценке такой стороны приговора, как его справедливость, при условии, что последняя более не является надлежащим предметом кассационной проверки [4].

Ожидалось, что необходимой ясностью в эти моменты внесет Пленум Верховного суда РФ [5], обязанный, в том числе, принять во внимание значимость идеи *res judicata* для обеспечения определенности права и верховенства закона для нормального функционирования Российского государства и общества. Как следствие, разъяснения ожидаемого пленума состоялись, однако по сути и содержательно вызвали ряд достаточно дискуссионных вопросов.

Отметим, что одним из аспектов предложенных разъяснений явилась, в том числе, ситуация, при которой суд кассационной инстанции отменяет окончательный приговор и направляет уголовное дело на новое судебное рассмотрение по мотивам, ухудшающим положение осужденного. В отличие от высказанных доктриной суждений пленум не признал в указанной деятельности кассационных судебных составов вторжения в сферу оценки справедливости приговора. По мнению пленума, кассационный суд в указанной ситуации лишь проверяет вопросы о правильном соблюдении норм Общей части Уголовного кодекса РФ (п. 10 постановления); фактически – законность, которая, как известно, является надлежащим предметом подобной проверки и по нормам Закона № 433-ФЗ. В связи с этим компетенция кассационного суда на изменение вида и размера наказания, назначенного осужденному, не может быть поставлена под сомнение, не расширяет предмета кассационной проверки, не служит свидетельством нарушения *res judicata*. Практика весьма широко применяет данное разъяснение пленума. По большинству изученных кассационных определений, где судом отвергнуты доводы кассационного отзыва, суд кассационной инстанции одновременно считает существенным нарушением закона выявленное в ревизионном порядке неправильное применение норм Общей части УК РФ. В итоге именно последнее дает

суду основание для соответствующих изменений окончательных актов суда. Между тем указанное, как представляется, должно составлять предмет проверки и реагирования суда в порядке ст. 399 УПК РФ, а не в исключительном кассационном порядке.

С позиций сути и содержания правила *res judicata* несколько спорными видятся и разъяснения пленума, связанные с правильным исчислением пресекательных сроков кассационной проверки. По смыслу абз. 2 п. 7 постановления № 2 для инстанционного обжалования судебного акта, бывшего предметом кассационной проверки в верховном суде республики (президиуме краевого суда...), срок, установленный законом в один год (ч. 3 ст. 401.2 УПК РФ), исчисляется заново – с момента вступления в силу постановления президиума соответствующего суда. Тем самым именно усмотрением пленума, по сути, установлены два самостоятельных кассационных периода (срока) для иерархической проверки окончательного акта суда в различных кассационных инстанциях. Причем, подчеркнем, исчисляемых для каждой кассационной инстанции отдельно, а не один – единый и пресекательный для данной исключительной формы проверки.

Доводы о том, что подобное понимание и исчисление пресекательных сроков кассации не согласуется с идеей *res judicata*, достаточно озвучены в российской уголовно-процессуальной доктрине [см., например: 6; 7]. Тем не менее, указанные новации пленума, как показывает исследование, состоялись как данность, как императив для обновленной кассационной проверки. Более того, столь своеобразное понимание сути идеи *res judicata*, в диалектической связи с известным лоббированием идеи *favor defensionis*, в ее неразрывной связи с идеей публичной законности, привело к весьма неожиданным результатам. Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 518-ФЗ ч. 3 ст. 401.2 УПК РФ признана утратившей силу [8]; соответственно, сторона защиты более вообще не ограничена пресекательным сроком для инициации кассационной проверки, а суд кассационной инстанции – сроком отмены при-

говора, вступившего в законную силу, в интересах защиты. Для полной дискредитации идеи *res judicata* как гарантии стабильности окончательных актов суда осталось «дождаться», когда пресекательный срок кассационной проверки будет устранен и применительно к нормам ст. 401.6 УПК РФ (поворот к худшему). Благо конституционно-правовые тенденции к тому обозначены достаточно ясно [9].

Вполне «определился» пленум и, по сути, в центральном вопросе обновленной кассации: праве кассационных судебных составов войти в проверку и оценку фактической стороны приговора, без которой, напомним, Ю.В. Кувалдина в принципе отрицала практическую ценность новой кассационной проверки. Нет, пленум, безусловно, не ссылается на позиции данного автора, не апеллирует к ним. Тем не менее, предложенные разъяснения, по сути, устанавливают именно «апелляционный предмет» всесторонней проверки окончательных актов суда, нивелируя как нормы закона, ограничивающие предмет подобной проверки (ст. 401.1 УПК РФ), так и общую волю закона к формированию принципиально новой формы проверки окончательных актов суда. Возможно, мы ошибаемся, но, как представляется, именно в этом контексте пленум исчерпывающе разъяснил, что при наличии в кассационной жалобе указаний «...на допущенные судом нарушения уголовно-процессуального закона при исследовании или оценке доказательств (например, обоснование приговора недопустимыми доказательствами), повлиявшие на правильность установления судом фактических обстоятельств дела и приведшие к судебной ошибке, такие доводы не должны быть оставлены без проверки».

Повторимся – не должны. И судьи восприняли именно данный императив, несмотря на волю закона, общие смыслы внесенных новаций, суть известного правила *res judicata*, о значении и сути которого можно вполне дискутировать, но, как видим, не принимать во внимание, если истинной задачей проверочных стадий производств все также служит определяющая идея публичной законности.

1. Головки Л.В. Новеллы УПК РФ: прогресс или институциональный хаос? // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общ. ред. Н.А. Колоколова. М., 2011.

2. Потапов В.Д. Кассационное и надзорное производство: общее и особенное в контексте законодательных новелл от 29 декабря 2010 г. // Уголовное право. 2011. № 2. С. 99–102.

3. Кувалдина Ю.В. Обжалование приговоров, постановленных в особом порядке: настоящее и будущее // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3.

4. Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство в уголовном процессе: изъяны законодательных новелл // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 41–45.

5. О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 янв. 2014 г. № 2. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Дикарев И. Об основаниях пересмотра приговоров, определений и постановлений суда в кассационном и надзорном порядке // Рос. юстиция. 2014. № 3. С. 35–38.

7. Ковтун Н.Н. Кассационное производство: насколько оправданы лапидарные разъяснения пленума // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 26–30.

8. О внесении изменений в статьи 401.2 и 412.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Российской Федерации: федер. закон от 31 дек. 2014 г. № 518-ФЗ // Рос. газ. 2015. 12 янв.

9. По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П.

1. Golovko L.V. Novels of the Criminal procedure code of the Russian Federation: progress or institutional chaos? // Appeal, cassation, supervision: novels of the Civil procedure code, the Criminal procedure code of the Russian Federation. First experience critical thinking / ed. by N.A. Kolokolov. Moscow, 2011.

2. Potapov V.D. Cassation and review proceedings: general and the particular in the context of legislative developments d.d. December 29, 2010 // Criminal law. 2011. № 2. P. 99–102.

3. Kuvaldina Yu.V. Appeal against the sentences set in a specific order: present and future // Criminal proceedings. 2011. № 3.

4. Kovtun N.N. Appeal, cassation and review proceedings in criminal process: the flaws in the legislative short stories // Criminal procedure. 2011. № 3. P. 41–45.

5. About application of standards of chapter 47.1 of the Criminal procedure code of the Russian Federation, regulating production in court of cassation instance: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Jan. 28, 2014 № 2. Access from reference legal system «ConsultantPlus».

6. Dikarev I. On the grounds for review of sentences, definitions and decrees of the court of cassation and in supervisory procedure // Russian justice. 2014. № 3. P. 35–38.

7. Kovtun N.N. Appeal proceedings: how justified lapidary explanations of the Plenum // Criminal procedure. 2014. № 2. P. 26–30.

8. About modification of articles 401.2 and 412.2 of the Criminal procedure code of the Russian Federation and recognition become invalid for separate acts of the Russian Federation: fed. law d.d. Dec 31, 2014 № 518-FL // Rus. newsp. 2015. Jan. 12.

9. On the case of check of constitutionality of provisions of pt. 1 of art. 237 of the Criminal procedure code of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen of the Republic of Uzbekistan B.T. Gadayev and inquiry of Kurgan regional court: the resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. July 2, 2013 № 16-P.

Самоделкин Александр Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент,
докторант ВНИИ МВД России
(e-mail: putin@list.ru)

Место и роль руководителей оперативных подразделений в координации оперативно-розыскной деятельности

В статье рассматриваются место и роль руководителей оперативно-розыскных органов, служб и подразделений в координации оперативно-розыскной деятельности. Автор приходит к выводу, что управленческое воздействие представляет собой процесс, состоящий из следующих этапов: определения руководителем должностных лиц и подразделений, взаимодействие которых необходимо для решения общей задачи; постановки перед каждым субъектом взаимодействия частных задач, согласованных по целям, месту и времени; осуществления контроля и оперативного реагирования на изменения обстановки; анализа и оценки результатов совместной или согласованной ОРД.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, координация, руководитель.

A.S. Samodelkin, Master of Law, Assistant Professor, Doctoral Candidate of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: putin@list.ru

Place and role of senior officers of the operating units in coordination of operational investigation

The article presents place and role of senior officers of the operational search law enforcement bodies, services and departments in the operational search activity coordination. The author comes to a conclusion that executive action is a process consisting of the following stages: determining the officials and the departments, the interacting of which is essential for solving the common problem; giving each interaction subject their individual tasks coordinated by aims, place and time; controlling and prompt reaction to the situation changes; analysis and evaluation of mutual or coordinated operational search activity.

Key words: operational investigation, coordination, senior officer.

Принимая во внимание, что координация является важнейшим элементом организационно-управленческого воздействия на систему взаимодействующих субъектов, исследование проблем координации ОРД объективно предполагает изучение места и роли руководителей оперативно-розыскных органов, служб и подразделений в этом процессе. Значимость руководителя в координации ОРД трудно переоценить, т.к. именно от него зависит грамотная организация функционирования как подразделения в целом, так и деятельность каждого сотрудника в отдельности. В ходе проведенного исследования мы попытались определить сущность руководства в координационном процессе, значение и качества личности руководителя в ОРД, изучить механизм управленческого воздействия в координируемой оперативно-розыскной системе.

Любая социальная организация имеет искусственную природу, т.к. является результатом деятельности людей, при этом социальная организация в процессе своего генезиса всегда стремится к усложнению своей структуры

и технологии. Эти два обстоятельства делают невозможным эффективный контроль и координирование действий членов организации на неформальном уровне или уровне самоуправления. Каждая более или менее развитая организация должна иметь в своей структуре специальный орган, основным видом деятельности которого служит выполнение некоторой совокупности функций, направленных на обеспечение участников организации целями, координацию их усилий [1, с. 15]. Такой вид деятельности называется управлением и является системообразующим стержнем функционирования сложных социальных организаций.

В свою очередь, управление – это функция руководителя (или уполномоченного органа), которая определяет общую стратегию и политику организации, обеспечивает направление деятельности всех ее структурных элементов, а также не допускает критического отклонения отдельных служб и подразделений организации от решения поставленных задач и достижения установленных целей. Каждый структурный элемент организации решает свои

частные задачи, для решения которых он и создан. Однако в процессе функционирования данных элементов их частные задачи могут начать превалировать над общими (соответственно, более значимыми) задачами всей организации. Такие деструктивные отклонения могут стать критическими и привести к разрыву внутренних системных связей и снижению эффективности деятельности организации. Осуществляя управление в социальной организации, руководитель по существу закладывает основу для согласованной деятельности ее структурных элементов и организует взаимодействие между ними.

Любая социальная организация представлена как определенная система, состоящая из входа определенных ресурсов, механизма переработки поступивших ресурсов и выхода готовой продукции или услуг. Управление организацией имеет обратную технологическую цепь, которая начинается с измерения продукции или услуг, имеющих на выходе. После измерения сведения о количестве и качестве этих товаров и услуг поступают в орган управления, где они оцениваются и сравниваются с определенным стандартом (эталоном). На основе этого вырабатывается управленческое решение, которое изменяет входные параметры, режим функционирования внутреннего механизма, что в конечном итоге меняет количественные и качественные характеристики производимых услуг и товаров. Простая экстраполяция позволяет нам сделать вывод, что оперативно-розыскные органы функционируют по аналогичной схеме. Поступившие информационные ресурсы (заявления, сообщения и т.д.) проверяются и документируются посредством оперативно-розыскного механизма, а затем реализовываются в правоприменительном процессе, который по существу является предоставлением правоохранительных услуг отдельным гражданам и обществу в целом.

В то же время в процессе управления оперативно-розыскными органами имеются существенные особенности, что объективно сказывается на требованиях, предъявляемых к руководителю оперативного подразделения или ведомства, который является неотъемлемым звеном данной социальной системы и осуществляет социально значимую функцию управления и организации деятельности ее структурных элементов. При этом одним из важнейших организационных аспектов управления оперативным подразделением является организация взаимодействия смежных подразделений и координация ОРД подчиненных структур.

Она включает в себя комплекс управляющих воздействий на взаимодействующие службы,

направленный на организацию совместной деятельности этих служб, согласование и объединение их усилий и возможностей в целях наиболее успешного решения поставленных задач. Посредством организации взаимодействия достигается наиболее полное использование возможностей каждой из взаимодействующих сторон, располагающих различными средствами и методами решения поставленных перед ними задач. Этим в конечном итоге и обеспечивается успешное достижение общей цели.

Руководитель осуществляет организацию взаимодействия как внутри своего подразделения (ведомства), так и вовне – с иными оперативно-розыскными службами (подразделениями, ведомствами). Организация внутреннего взаимодействия осуществляется руководителем ежедневно в процессе осуществления управленческих функций. По существу, внутреннее взаимодействие – это совместная или согласованная деятельность отдельных оперативных сотрудников, отделений и отделов оперативного подразделения по достижению общей цели средствами и возможностями, которыми каждый из них располагает в пределах своей компетенции. Внутреннее взаимодействие обеспечивает упрочение связей между субъектом и объектом управления, а также между объектами одной управляемой системы. Как бы велика ни была структурно-функциональная специализация частей системы, свою специфическую функцию каждая часть способна выполнять не сама по себе, а в рамках данной целостной системы, в непосредственной или опосредованной связи и во взаимодействии с другими частями [2, с. 17].

Здесь следует отметить, что чем сложнее структура оперативно-розыскного органа и выше уровень руководителя, тем более высокие требования предъявляются к его профессиональным знаниям, навыкам и компетентности. В процессе проведенного исследования нами установлена прямая зависимость корпоративности и сплоченности коллектива оперативного подразделения от уровня профессионализма и компетентности его начальника. Так, 83% опрошенных оперативных сотрудников указали, что грамотно и профессионально поставленные руководством подразделения оперативно-розыскные цели и задачи позитивно влияют на эффективность их выполнения, а 91% отметили, что умение руководителя компетентно и оперативно разобраться в сложной тактической ситуации и дать четкие указания оперативному сотруднику значительно повышает уровень уважения и доверия к начальнику со стороны оперативного состава подразделения.

Внешнее взаимодействие оперативного подразделения с другими подразделениями и службами (как гласными, так и негласными, как одной, так и различной ведомственной принадлежности), осуществляющими правоприменительную и правоохранительную деятельность, позволяет использовать в борьбе с преступностью дополнительные силы, а также специфические для каждого из этих органов средства и методы. Эффективность организации внешнего взаимодействия также во многом зависит от субъективных качеств руководителя, его компетентности и профессионализма. Наличие у руководителя знаний о полномочиях и возможностях субъектов взаимодействия позволяет ему правильно и своевременно определить конкретное подразделение, во взаимодействии с которым предполагается решать оперативно-тактическую задачу, и ориентировать личный состав своего подразделения на реализацию такого взаимодействия. При этом руководитель должен находиться в постоянном контакте с начальником взаимодействующего подразделения в целях оперативного решения возникающих проблем организационного характера.

Общепризнано, что нельзя говорить об организации взаимодействия между субъектами, которые находятся в отношениях власти и подчиненности между собой, взаимодействие возможно только между равноправными и независимыми относительно друг друга субъектами (С.Я. Малышев). Именно поэтому на руководителя оперативного подразделения (службы, органа) возлагается задача координации ОРД подчиненных должностных лиц и подразделений.

Возрастание темпов общественной жизни, объективное расширение и усложнение социальных связей, повышение требований к эффективности управления диктуют необходимость совершенствования организации в системе оперативно-розыскных подразделений. Причинно-следственная связь элементов системы обуславливает обеспечение надлежащей организации взаимодействия структурных подразделений. Поскольку взаимодействие является процессом не стихийным, а управляемым и обеспечивает не только сохранение системных качеств, их устойчивость, но и влияет на эффективность управления, то возникает необходимость в координации усилий со стороны субъекта управления. Фактически в процессе координации руководитель определяет участников непосредственного и опосредованного взаимодействия, а также отдельных сотрудников, подразделения и службы, действия которых должны быть согласованы между собой или осуществляться совместно. Поэтому правильно организовать совместную деятельность сотрудников, обеспечить взаи-

модействие между различными звеньями оперативно-розыскной системы, скоординировать их деятельность, направить усилия коллективов на решение стоящих перед ними задач – значит осуществлять одну из функций управления.

При непосредственном взаимодействии и совместном проведении ОРМ должностные лица оперативных подразделений находятся в состоянии прямого контакта, и координирующая роль руководителя в данном случае заключается в первоначальной организации такого контакта, определении их полномочий, а также в осуществлении эпизодического контроля над процессом такого взаимодействия. Данный вид взаимодействия эффективен при необходимости конкретизации задач, детальной проработки и обеспечения согласованности действий непосредственно самими субъектами взаимодействия. Такие отношения взаимодействующих субъектов предполагают их компетентность и профессиональную готовность совместно и самостоятельно решать оперативно-тактические задачи. При непосредственном взаимодействии его субъекты обладают относительной самостоятельностью в решении задач ОРД. В то же время следует иметь в виду, что такая самостоятельность субъектов взаимодействия отнюдь не устраняет властно-управленческих полномочий руководителя подразделения, а качественно дополняет их своим содержанием.

В свою очередь, характерной чертой опосредованного взаимодействия является автономность решения возложенных задач каждым участником ОРД и отсутствие непосредственного контакта между взаимодействующими субъектами. В связи с этим при организации опосредованного взаимодействия значение координирующего воздействия руководителя возрастает.

В содержание организации опосредованного взаимодействия и последующей координации взаимодействующих субъектов, на наш взгляд, должны быть включены следующие элементы:

- 1) определение руководителем должностных лиц и подразделений, взаимодействие которых необходимо для решения общей задачи;
- 2) постановка перед каждым субъектом взаимодействия частных задач, согласованных по целям, месту и времени;
- 3) постоянный контроль и оперативное реагирование на изменения обстановки;
- 4) своевременное завершение этого процесса, анализ и оценка его результатов.

В рамках первого элемента руководитель определяет общую задачу и стратегическую цель, которые необходимо решить и достигнуть в процессе совместной ОРД. Исходя из

этой цели и сформулированной задачи, руководитель определяет круг субъектов, согласованные действия которых необходимы для решения общей задачи. Очевидно, что требования конспирации предопределяют, чтобы перечень таких субъектов был ограничен, поэтому координатору надлежит определить оптимальный перечень участников согласованной ОРД. Эта проблема изучалась нами в ранее опубликованных работах [3]. С одной стороны, недопустимо необоснованно расширять круг должностных лиц, осведомленных о решении оперативно-розыскной задачи, а с другой – нельзя оставить вне оперативно-розыскного процесса подразделение или службу, которые обладают соответствующими возможностями, силами и средствами эффективного и оперативного решения определенной частной задачи.

Представляется, что деятельность аппарата управления должна быть системной. Систематичность в работе аппарата предполагает точное распределение функций, строгую специализацию каждого из органов управления, их согласованность, отсутствие дублирования, а также ненужных промежуточных звеньев [2, с. 174]. Четкое разграничение труда между оперативными сотрудниками в зависимости от их должностного положения и квалификации, а также разграничение функций структурных подразделений – одна из важнейших задач совершенствования деятельности аппарата управления.

Именно поэтому второй элемент координационной управленческой деятельности руководителя предполагает формулировку и постановку частных задач перед каждым субъектом взаимодействия. Важным условием распределения таких задач перед каждым участником координируемой ОРД является тщательное согласование осуществляемых оперативно-розыскных действий по целям, месту и времени.

На данном этапе особое значение приобретает такой управленческий аспект, как планирование, т.к. организационные основы будущей согласованной деятельности различных подразделений и служб определяются при планировании оперативно-розыскных мероприятий. Планирование во многом обуславливает уровень взаимодействия, придает работе определенную систему, ритмичность, создает условия для рационального использования сил и средств, повышает ответственность исполнителей.

В связи с этим последовательным этапом координации ОРД будет являться третий элемент деятельности руководителя, координирующего ОРД нескольких субъектов, который заключается, прежде всего, в обеспечении постоянного контроля за процессом совместной или согласованной ОРД.

Необходимо подчеркнуть, что осуществление контроля за соблюдением установленного порядка и правил функционирования любой социальной системы является обязательным организационно-управленческим условием ее существования. Контроль выступает неотъемлемым компонентом всех управленческих действий и функций, поэтому его нужно рассматривать как комплексное явление, необходимое средство и механизм обеспечения эффективности системы управления. При этом необходимо учитывать, что специфика использования сил, средств и методов ОРД, связанная с применением их в основном негласным способом, а также необходимость проведения ОРМ, связанных с ограничением конституционных прав граждан, требует особого контроля и надзора за ее осуществлением со стороны различных институтов государственной власти [4, с. 221].

Именно поэтому, на наш взгляд, законодатель в ст. 22 ФЗ об ОРД предусмотрел осуществление ведомственного контроля за ОРД подчиненных должностных лиц и подразделений. Вместе с тем, само содержание данной статьи представляется крайне скудным и не отражающим в полном объеме сущность контроля. Фактически в ст. 22 ФЗ об ОРД упоминается лишь о персональной ответственности руководителей органов, осуществляющих ОРД, за соблюдение законности при организации и проведении ОРМ, тогда как вне правового регулирования остались весьма значимые аспекты организации, управления и координации ОРД. Так, помимо контроля за соблюдением законности, прав и свобод граждан при проведении ОРМ, руководитель осуществляет контрольные функции в целях: обеспечения правил конспирации; расходования финансовых средств, выделенных на осуществление ОРД; повышения эффективности организации и тактики осуществления ОРМ; накопления, учета и использования результатов ОРД и т.п.

В связи с этим нам импонирует концептуальный подход В.Ф. Луговика, который в своем авторском проекте Оперативно-розыскного кодекса предусмотрел контрольные функции руководителей оперативно-розыскных органов и подразделений (ст. 77) в совокупности с их компетенцией, имеющих свое четкое законодательное закрепление (ст. 22, 23) [5, с. 44–47, 86]. Так, например, крайне необходимо, на наш взгляд, на законодательном уровне определить следующие полномочия руководителя органа (подразделения), осуществляющего ОРД: проверять материалы оперативно-розыскного производства, отменять незаконные или необоснованные решения подчиненных должностных лиц, контролировать работу с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие оперативным подразделениям [6, с. 90–96].

Очевидно, что контроль не должен сводиться только к констатации обнаруженных недостатков или отклонений, он должен включать средства и механизмы их исправления. Поэтому, для того чтобы быть действенным и эффективным, контроль должен соответствовать принципам объективности, своевременности и активности. Несомненно, ядро управления составляет целенаправленное управляющее воздействие, включающее целеполагание и достижение цели.

Применительно к управленческой деятельности ОВД координация – это основанное на ведомственных нормативных актах управленческое воздействие вышестоящего руководителя органа внутренних дел по отношению к нижестоящим, осуществляемое в целях направления деятельности взаимодействующих подсистем на выполнение общих задач при самостоятельном, автономном их решении. Следовательно, координация, в отличие от взаимодействия, содержит в себе элемент подчинения воле координирующего органа системы, направляющего автономную деятельность на выполнение общих задач, поставленных перед подчиненными и исполнителями.

Следует подчеркнуть, что подчиненность в данном случае может быть отличной от отношений субординации, т.е. она может выражаться в наделении координирующего органа правом производить лишь согласование деятельности непосредственно подчиненных ему служб, сотрудников в процессе исполнения этих общих задач методами и средствами, которые присущи каждой в отдельности координируемой системе, имеющей различия в компетенции, правовом положении и подчиненности. Приведение в соответствие с единой линией организации определенной работы участников этого совместного труда, взаимодействующих подсистем осуществляется правомочным органом, наделенным властными полномочиями и являющимся координирующим.

Именно поэтому контроль руководителя должен сочетаться с оперативным реагированием на негативные изменения оперативно-тактической обстановки с целью позитивного воздействия и получения желаемого результата. В частности, руководитель должен на законодательном уровне обладать полномочиями: создавать оперативную группу и изменять ее состав; изымать дела из производства должностных лиц и передавать их иным сотрудникам; давать указания о проведении ОРМ и лично участвовать в их проведении; утверждать постановления о производстве ОРМ и т.п. [5, с. 44–45]. Организаторские способности руководителя в сочетании с накопленными знаниями и практическим опытом позволяют ему

оперативно ориентироваться в динамично изменяющейся обстановке, правильно оценивать поступающую информацию и складывающиеся оперативно-тактические ситуации, а соответственно, принимать обоснованные решения и грамотно направлять и координировать усилия всех задействованных оперативных подразделений и служб.

Ранее профессор В.М. Аتماжитов утверждал, что правовое положение руководителей в системе обязывает их решать наиболее важные вопросы организации взаимодействия, поэтому основными их полномочиями являются: установление пределов деятельности сотрудников различных служб, принуждение их к строго определенным действиям, требование от подчиненных желаемого поведения, привлечение их при необходимости к дисциплинарной ответственности. Нам же представляется, что координирующее воздействие руководителя, в том числе в целях организации взаимодействия, основывается не только и не столько на применении различных мер дисциплинарных взысканий. Помимо угрозы привлечения к юридической ответственности подчиненные должны быть мотивированы и нацелены на решение оперативно-розыскных задач, иметь четкое представление о значимости и важности своих действий для решения общей задачи.

Заключительным элементом координирующего воздействия на управляемую оперативно-розыскную систему является своевременное завершение процесса совместной или согласованной ОРД, анализ и оценка его результатов. Руководитель определяет момент окончания совместной или согласованной деятельности оперативно-розыскных субъектов с учетом достижения поставленной цели (решения оперативно-тактической задачи) или установления невозможности ее достижения. В любом случае руководитель, координирующий ОРД, анализирует и оценивает не только полученные результаты, но и вклад каждого участника оперативно-розыскной системы.

На основе проведенного анализа руководитель корректирует внешние и внутренние связи системы, вносит качественные изменения в механизм ее функционирования посредством: а) рационализации расстановки сил и средств; б) стимулирования участия в раскрытии преступлений независимо от их территориальности и подведомственности; в) совершенствования информационно-аналитического обеспечения ОРД, позволяющего одновременно воспринимать большое количество качественно разнородных сведений и информационных сигналов, производить их интегрированную оценку; г) исключения формальной оценки показателей ОРД отдельных субъектов взаимодействия.

Таким образом, руководитель предпринимает необходимые меры для устранения факторов, негативно влияющих на эффективность координируемой ОРД системы уполномоченных органов, служб и подразделений. В свою очередь следует отметить, что дать объективную оценку работы управленческого звена (руководителя) невозможно из-за отсутствия научно обоснованных критериев и оценочных показателей. В настоящее время деятельность руководителя оценивают в основном по результатам, достигнутому подчиненными сотрудниками и подразделениями. С нашей точки зрения, такой подход не дает полного представления о действительном объеме проделанной организационно-управленческой работы и эффективности принятых управленческих решений, в том числе координирующего характера. Мы полагаем, что результативность координации может быть оценена в такой последовательности: уровень согласованности действий взаимодействующих субъектов отражает качество организации взаимодействия, которая, в свою очередь, определяет эффективность координации.

Подводя итог, следует акцентировать внимание на следующих основных выводах по параграфу:

1. Субъектный анализ процесса координации ОРД позволяет утверждать, что именно руководитель, как уполномоченное должностное лицо, обладает конкретными управленческими функциями, позволяющими ему осуществлять организацию взаимодействия подчиненных со-

трудников и подразделений, координировать их оперативно-розыскные действия, а соответственно, несет персональную ответственность за результативность и законность их правоприменительной деятельности в целом.

2. Руководитель оперативно-розыскного органа, осуществляющий координацию ОРД, должен обладать практическим опытом оперативно-розыскной работы, иметь теоретическую подготовку и организаторские способности, располагать полными сведениями о силах и средствах, а также об оперативно-тактических возможностях и потенциале всех участников координируемой ОРД. При этом чем сложнее структура оперативно-розыскного органа (службы, подразделения) и выше уровень руководителя, тем более высокие требования предъявляются к его профессиональным знаниям, навыкам и компетентности.

3. Механизм управленческого воздействия в координируемой оперативно-розыскной системе представляет собой процесс циклически повторяющихся этапов: определения руководителем должностных лиц и подразделений, взаимодействие которых необходимо для решения общей задачи; постановки перед каждым субъектом взаимодействия частных задач, согласованных по целям, месту и времени; осуществления контроля и оперативного реагирования на изменения обстановки; анализа и оценки результатов совместной или согласованной ОРД.

1. Горбухов В.А. *Основы социального управления: учеб. пособие.* М., 2009.

2. Афанасьев В.Г. *Научное управление обществом (опыт системного исследования).* М., 1968.

3. Павличенко Н.В., Самodelкин А.С. *Негласность в оперативно-розыскной деятельности // Вестн. Волгоград. акад. МВД России.* 2012. № 3(22). С. 88–93.

4. *Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учеб. пособие.* Хабаровск, 2014.

5. Луговик В.Ф. *Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: авт. проект.* Омск, 2014.

6. Самodelкин А.С., Павличенко Н.В. *Перспективы развития оперативно-розыскного законодательства (анализ проекта Федерального закона «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации») // Юрид. наука и правоохранительная практика.* 2015. № 3. С. 90–96.

1. Gorbukhov V.A. *Social management bases: study aid.* Moscow, 2009.

2. Afanasyev V.G. *Scientific management of the society (system research practice).* Moscow, 1968.

3. Pavlichenko N.V., Samodelkin A.S. *Secrecy in operational search activity // Bull. of the Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia.* 2012. № 3(22).

4. *The bases of operational search activity of the law enforcement system: study aid.* Khabarovsk, 2014.

5. Lugovik V.F. *Operational research code of the Russian Federation: an author's project.* Omsk, 2014.

6. Samodelkin A.S., Pavlichenko N.V. *The perspectives of the operational search activity legislation development (an analysis of the Federal law project «Operational investigation code of the Russian Federation») // Jurisprudence and law enforcement practice.* 2015. № 3. P. 90–96.

Марина Авелина Александровна
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79182624260)

Роль Уполномоченного по правам ребенка в механизме государственной защиты имущественных прав детей

В статье рассматривается деятельность Уполномоченного по правам ребенка, направленная на предупреждение и профилактику преступлений в области имущественных прав детей, взаимодействие института Уполномоченного с государственными и общественными структурами по вопросам защиты интересов детей в области алиментных обязательств.

Ключевые слова: алименты, несовершеннолетние дети, защита прав, уполномоченный по правам ребенка, контроль, предупреждение преступлений.

A.A. Marina, Adjunct of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79182624260.

The role of the Commissioner of the children's rights in the state mechanism of protection property rights of children

The article is about the activities of the Commissioner for children's rights, directed to prevention of the crime connected with violation of property rights of children, and also about the mechanism of interaction with state and public structures for the protection of children's interests in the field of maintenance obligations.

Key words: alimony, minor children, protection of the rights, the Commissioner of the children's rights, control, prevention of crime.

С становление и развитие института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации стало важным шагом в развитии демократических и политических институтов, формировании новых экономических структур. Учреждение данной должности призвано было гарантировать обеспечение государственной защиты прав и свобод граждан. В системе органов правовой защиты деятельность Уполномоченного дополняет существующие средства защиты прав граждан.

Впервые институт омбудсмана был учрежден в Швеции в XIX в. для защиты интересов граждан от произвола и злоупотребления чиновниками должностными полномочиями, а также для надзора за судами и административными органами. Первый омбудсмен был назначен в 1810 г. [1]. «Омбудсмен» (в переводе со шведского – «представитель чьих-либо интересов») – это должностное лицо, на которое возложены функции контроля за соблюдением интересов граждан в деятельности органов государственной власти и должностных лиц [2]. В России институт омбудсмана (Уполномоченного по правам человека) возник в 90-х гг. XX столетия.

В 1981 г. в Норвегии учреждена должность омбудсмана по правам ребенка. В настоящее время институты омбудсмана по правам ребенка действуют во многих странах. В России данная должность была учреждена указом Президента 1 сентября 2009 г., на нее был назначен П.А. Астахов, исполняющий обязанности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка и по настоящее время. Основными задачами Уполномоченного по правам ребенка являются охрана прав и интересов детей, восстановление прав в случае их нарушения, контроль за деятельностью органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, организаций и должностных лиц в части соблюдения ими прав несовершеннолетних наряду с судебным, прокурорским, административным контролем и надзором. Деятельность Уполномоченного по правам ребенка Российской Федерации регулируется Указом Президента РФ от 1 сентября 2009 г. № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка». Павел Астахов в рамках своих полномочий осуществляет необходимый комплекс мероприятий для улучшения положения детей не только нашего государства, но

и детей, усыновленных иностранными гражданами, или если один из родителей является гражданином иностранного государства. Особое внимание уделяется вопросам защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В случаях обнаружения нарушений в ходе инспекторских проверок при посещении им различных детских учреждений даются рекомендации по их устранению, вносятся предложения по изменению нормативных актов, направленных на улучшение положения семей, имеющих несовершеннолетних детей, профилактику причин детского неблагополучия [3].

Должность Уполномоченного по правам ребенка учреждена во многих субъектах Российской Федерации. Правовой статус Уполномоченных, комплекс их прав и обязанностей регулируются соответствующими законами этих субъектов. Рассмотрим деятельность Уполномоченного по правам ребенка, его место и роль в системе правовой защиты прав и интересов детей на примере Краснодарского края. Первым Уполномоченным по правам ребенка в Краснодарском крае в 2002 г. была назначена Коновалова Галина Викторовна. Правовой основой деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Краснодарском крае является Закон Краснодарского края от 26 июня 2002 г. № 498-КЗ «Об Уполномоченном по правам ребенка в Краснодарском крае». Действующим Уполномоченным по правам ребенка в Краснодарском крае является Ковалева Татьяна Федоровна. Основными задачами деятельности Уполномоченного являются: защита прав и интересов детей, находящихся в сложной жизненной ситуации, детей, оставшихся без попечения родителей, детей-сирот, восстановление нарушенных прав; подготовка предложений по совершенствованию законодательства и развитие международного сотрудничества, правовое просвещение населения [4].

Уполномоченный по правам ребенка в Краснодарском крае действует в пределах своей компетенции и не вправе принимать решения, отнесенные к ведению других государственных органов, органов местного самоуправления. В соответствии с Законом Краснодарского края Уполномоченный:

направляет государственным органам, руководителям организаций заключения, содержащие рекомендации по восстановлению нарушенных прав ребенка и предот-

вращению подобных нарушений в дальнейшем;

принимает меры к урегулированию споров между детьми и их родителями, между детьми, родителями и государственными органами, должностными лицами, действия которых обжалуются;

осуществляет прием граждан, рассматривает обращения по фактам нарушения прав детей, жалобы граждан на решения, бездействие государственных органов, должностных лиц Краснодарского края, оказывает детям, их законным представителям бесплатную правовую помощь, выступает в интересах обратившегося лица в суде с заявлением о защите нарушенных прав ребенка;

осуществляет участие в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и др. [4].

По итогам года Уполномоченный представляет Законодательному собранию Краснодарского края доклад о проделанной работе, в котором отражаются сведения о нарушениях прав граждан, меры, принятые Уполномоченным для их восстановления, а также комплекс организационных, профилактических и законодательных мер.

В осуществлении деятельности Уполномоченному помогает созданный аппарат, члены которого, помимо общих задач, выполняют и иные задачи: изучают и анализируют информацию на основе материалов государственных органов, обращений граждан, сообщений средств массовой информации по вопросам обеспечения и защиты прав и законных интересов ребенка. Правовой основой деятельности аппарата является постановление Законодательного собрания Краснодарского края от 23 октября 2002 г. № 1750-П «Положение об аппарате Уполномоченного по правам ребенка в Краснодарском крае».

В рамках проведенного диссертационного исследования в августе 2015 г. была проведена беседа с представителем аппарата Уполномоченного Н.Г. Кубраченко, которая пояснила, что за последние годы деятельность Уполномоченного по правам ребенка как инстанции по защите интересов детей, отстаиванию их законных прав приобретает все большую популярность. Родители и заинтересованные родственники ребенка, опекуны обращаются к Уполномоченному по различным вопросам, касающимся защиты прав и интересов детей. Ча-

сто к Уполномоченному обращаются родители и родственники ребенка, прошедшие уже все инстанции и не получившие должного результата рассмотрения своего вопроса по защите нарушенного права ребенка. Она отметила, что количество обращений и жалоб граждан, в том числе и по алиментным обязательствам, ежегодно растет. Это подтверждается статистическими данными по Краснодарскому краю [5], согласно которым количество обращений граждан по вопросам уклонения от алиментных обязательств составило: в 2010 г. – 41; в 2011 г. – 34; в 2012 г. – 111; в 2013 г. – 84; в 2014 г. – 102.

Из представленных данных мы видим, что количество обращений граждан к Уполномоченному с целью оказания содействия в решении вопроса уплаты алиментов на содержание ребенка за пять лет выросло более чем в 2 раза. Тем не менее, можно отметить, что доля подобных обращений не столь велика. Обращения носят как письменный, так и устный характер, много обращений приходит по электронной почте. Рассмотрение письменных обращений и жалоб на действия (бездействия) должностных лиц государственных и иных органов осуществляется в соответствии с Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [6] и ст. 9–10, 12 Закона Краснодарского края «Об Уполномоченном по правам ребенка в Краснодарском крае». При рассмотрении обращений и жалоб по существу Уполномоченный взаимодействует с различными государственными и правоохранительными органами (органами прокуратуры, следствия и дознания, службой судебных приставов, органами судебной власти, различными правозащитными организациями). Примером может послужить обращение в адрес Уполномоченного Калининой Т.И. с жалобой на бездействия судебного пристава-исполнителя. Должник не выплачивал алименты на содержание детей в течение 6 месяцев, и к моменту обращения взыскателя к Уполномоченному задолженность по алиментам составила 38751 руб. Взыскатель неоднократно обращалась к судебному приставу ст. Динской, однако письменные заявления взыскателя игнорировались, никаких действий для принуждения должника к выплате алиментов не предпринималось. Уполномоченный по правам ребенка обратился в Прокуратуру Краснодарского края с просьбой рассмотреть

обращение Калининой Т.И. и принять необходимые меры. В ходе проведения проверки исполнительного производства было установлено, что судебным приставом-исполнителем в нарушение законов «Об исполнительном производстве» и «О судебных приставах» не осуществлено всестороннее и полное исполнение требований по исполнительному листу в рамках исполнительного производства. Выявленные нарушения явились основанием для привлечения пристава-исполнителя к дисциплинарной ответственности. Должником была выплачена половина суммы долга на содержание несовершеннолетних детей.

Приведенный пример показывает, что на требования органов прокуратуры и Уполномоченного по правам ребенка Служба судебных приставов старается незамедлительно реагировать, а обращения взыскателей, к сожалению, часто остаются без ответа.

Для защиты прав обратившегося гражданина Уполномоченный может обратиться в суд или органы прокуратуры с ходатайством о проверке вступившего в законную силу судебного акта. Уполномоченный имеет право запрашивать необходимые для рассмотрения вопроса по существу документы из соответствующих органов и у должностных лиц, проверять сроки процессуальных документов, а в случаях обнаружения нарушений дает письменное заключение с рекомендациями устранения имеющихся недостатков и принятия мер, необходимых для защиты прав ребенка. Органы или должностные лица, получившие подобные заключения, обязаны в двухнедельный срок рассмотреть его и сообщить в письменной форме о принятых мерах. В случае неисполнения требований Уполномоченного Уполномоченный может обратиться к Уполномоченному по правам человека в Краснодарском крае и Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации.

Важным моментом в деятельности Уполномоченного являются профилактика преступлений, правовая пропаганда и правовое просвещение. В рамках созданной консультационной площадки Уполномоченным или его помощниками проводятся встречи, собрания детей, родителей, представителей правоохранительных органов, различных общественных, социальных организаций, государственных структур для обсуждения вопросов, затрагивающих соблюдение и охрану прав и интересов детей, предотвращение детского насилия и жестоко-

го обращения в семье, заслушиваются мнения сторон и возможные способы решения данных проблем. Каждый участник может задать интересующий его вопрос. Правовая профилактика и пропаганда осуществляются путем издания и распространения разнообразного информационного материала в виде брошюр, памяток о правах детей в различных сферах жизни. Это дает возможность обеспечения населения Краснодарского края и гостей края справочной информацией по вопросам профилактики и предупреждения совершения преступлений в отношении детей.

Формой просвещения населения о деятельности Уполномоченного являются интернет-ресурсы, средства массовой информации. Жители и гости края могут в он-лайн режиме обращаться к Уполномоченному или членам аппарата с интересующим вопросом и получить квалифицированную помощь, а также получить на официальном сайте Уполномоченного (<http://www.ombudsman-yug.com>) информацию о его деятельности, ознакомиться с международными, федеральными, региональными нормативными правовыми актами, узнать, какие существуют правозащитные организации и какие у них полномочия в сфере охраны прав детей [7].

Подобный информационный сайт есть и у Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка Павла Астахова (www.rfdeti.ru). Помимо общих информационных разделов, на сайте размещены видеоматериалы различных встреч, интервью Уполномоченного с представителями органов государственной власти, общественных организаций, на которых рассматриваются проблемы, касающиеся охраны и защиты прав ребенка, и возможные пути их решения [8].

Членами аппарата Уполномоченного проводятся посещения неблагополучных семей, в которых выявляются дети, находящиеся в сложной жизненной ситуации. На совместных встречах детям и их родителям разъясняются права и способы защиты их прав, куда и каким образом они могут обратиться за помощью в той или иной ситуации.

Также посредством имеющегося «телефона доверия» ребенок или его законный представитель может обратиться к члену аппарата Уполномоченного в случаях, угрожающих жизни и здоровью ребенка, с целью их предотвращения. Подобная форма общения расширяет

возможности обращений детей и их родителей к Уполномоченному по вопросам, связанным с нарушением прав детей в различных сферах их жизнедеятельности, получения необходимой юридической, психологической и иной помощи.

Уполномоченный взаимодействует с государственными, правоохранительными органами, службой судебных приставов, прокуратурой, общественными и правозащитными организациями на основании заключенных соглашений о сотрудничестве и взаимодействии по вопросам защиты интересов детей, выявления фактов нарушения прав, пресечения и предупреждения их нарушений. В рамках данного взаимодействия проводятся научно-практические конференции, посвященные вопросам совершенствования законодательства в области семейной политики.

С целью совершенствования законодательства в области регулирования алиментных обязательств Законодательным собранием Краснодарского края 15 июля 2015 г. был внесен законопроект «О внесении изменений в ст. 157 УК РФ». Данным законопроектом было предложено внести изменение в ст. 157 УК РФ и добавить к ней примечание, раскрывающее понятие «злостного уклонения»: «Для целей настоящей статьи злостным уклонением от уплаты средств на содержание детей или родителей признается полная неуплата средств в течение 3 и более месяцев после предупреждения судебного пристава-исполнителя об уголовной ответственности за уклонение от уплаты алиментов или частичная неуплата средств в течение 6 и более месяцев». В пояснительной записке к проекту закона указано, что защита детей является приоритетным направлением государственной политики. В течение последних лет отмечается увеличение количества исполнительных документов о взыскании алиментов. Также увеличивается количество лиц, не желающих выплачивать алименты, при этом незначительная часть лиц привлекается к уголовной ответственности.

Таким образом, институт Уполномоченного по правам ребенка активно действует наравне с другими социальными институтами и государственными органами, обеспечивающими защиту прав и интересов детей. Опыт работы Уполномоченных в субъектах Российской Федерации показывает, что на данном этапе институт Уполномоченного является важным

звеном в системе органов по охране прав и интересов детей, тесно взаимодействуя с государственными органами, общественными организациями, должностными лицами. В соответствии с этим необходимо дальнейшее совершенствование института Уполно-

моченного по правам ребенка в Российской Федерации и субъектах Федерации, а также законодательное закрепление прав и обязанностей Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка и расширение его полномочий.

1. Башимов М.С. *Институт уполномоченного по правам человека за рубежом // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация.* 1997. № 7(24). URL: http://www.niiss.ru/mag17_bashimov.shtml

2. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/омбудсмен>

3. *Институт омбудсменов в России // Риановости.* 2013. 29 марта. URL: <http://ria.ru/spravka/20130329/930038949.html#ixzz3XqrJN9oM>

4. *Об Уполномоченном по правам ребенка в Краснодарском крае: закон Краснодарского края от 26 июня 2002 г. № 498-КЗ.* URL: <http://ombudsman-yug.com/legal>

5. *Уполномоченный по правам ребенка в Краснодарском крае. Обзор обращений.* URL: <http://www.ombudsman-yug.com/request-view>

6. *О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».* 2015.

7. *Уполномоченный по правам ребенка в Краснодарском крае [Официальный сайт].* URL: <http://www.ombudsman-yug.com>

8. *Уполномоченный по правам ребенка при Президенте Российской Федерации [Официальный сайт].* URL: <http://www.rfdeti.ru>

1. *Bashimov M.S. The institute of Ombudsmen of human rights in foreign countries // Executive power: monitoring, analis, information.* 1997. № 7(24). URL: http://www.niiss.ru/mag17_bashimov.shtml

2. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/ombudsman>

3. *The institute of Ombudsmen in Russia // Ria-news.* 2013. March. 29. URL: <http://ria.ru/spravka/20130329/930038949.html#ixzz3XqrJN9oM>

4. *About the Commissioner for children's rights in Krasnodar region: law of Krasnodar region d.d. June 26, 2002 № 498-KL.* URL: <http://ombudsman-yug.com/legal>

5. *The Commissioner for children's rights in Krasnodar region. Addresses overview.* URL: <http://www.ombudsman-yug.com/request-view>

6. *On the procedure of consideration of citizens of the Russian Federation addresses: fed. law of May 2, 2006. № 59-FL // Access from legal reference system «ConsultantPlus».* 2015.

7. *The Commissioner for children's rights in Krasnodar region [Official website].* URL: <http://www.ombudsman-yug.com>

8. *The Commissioner for children's rights near President of Russia Federation [Official website].* URL: <http://www.rfdeti.ru>

Зинков Евгений Геннадьевич

доктор философских наук,
 профессор кафедры социально-гуманитарных
 и естественнонаучных дисциплин
 Северо-Кавказского филиала
 Российского государственного университета правосудия
 (тел.: +78612536104)

Проблемы понимания принципов административного судопроизводства в правовом пространстве России

В статье проводится анализ принципов административного судопроизводства Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, принципы административного судопроизводства, административное судопроизводство, правовое пространство.

E.G. Zinkov, Doctor of Philosophy, Professor of the Chair of Social-Humanitarian and Natural-Science Disciplines of the North-Caucasian branch of the Russian State University of Justice; tel.: +78612536104.

Problems of understanding the principles of administrative legal procedure in the lawful space of Russia

In the article the analysis of the principles of the administrative legal procedure of the Code of the administrative legal procedure of the Russian Federation is conducted.

Key words: Constitution of the Russian Federation, Code of the administrative legal procedure of the Russian Federation, the principles of administrative legal procedure, administrative legal procedure, lawful space.

На сегодняшний день мы имеем долгожданный и выстраданный Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ), принятый Государственной Думой 20 февраля 2015 г. и одобренный Советом Федерации 25 февраля 2015 г. В первичном ознакомлении с ним и осмыслении его как документа, которым будут руководствоваться при рассмотрении административных дел, усматривается положительная динамика в части принципов административного судопроизводства.

В частности, ст. 6 к принципам административного судопроизводства относит в том числе: независимость судей, равенство всех перед законом и судом, а также состязательность и равноправие сторон административного судопроизводства при активной роли суда.

Статья 7 КАС РФ раскрывает понятие «независимость судей» и указывает на то, что при осуществлении административного судопроизводства судьи подчиняются только Конституции РФ и Федеральному закону. А гарантией независимости судей выступают все та же Конституция РФ и Федеральный закон. Данное положение впервые обозначает пределы компетенции судей в осуществлении правосудия

по административным делам в российском судопроизводстве. Это очень хороший показатель, поскольку он четко вычерчивает границы компетенции суда в России при рассмотрении такой категории дел, где одной из сторон являются органы государственной власти.

Таким образом, суду в первую очередь придется руководствоваться ст. 2 Конституции РФ, в которой говорится о том, что человек, его права и свободы для государства являются высшей ценностью, а их защита есть прямая обязанность государства. К тому же согласно ч. 1 ст. 3 Конституции РФ носителем и источником власти в Российской Федерации является ее народ. В противном случае ч. 4 ст. 3 Конституции РФ призывает к бдительности судей в осуществлении правосудия, указывая на то, что «никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону». Иногда отдельные представители российского правосудия, призванные защищать права и свободы граждан Российской Федерации, забывают об этой статье Конституции РФ и правоприменительную практику используют не по назначению, опираясь в своей практике на нормы права, проти-

воречащие статьям Конституции РФ, ссылаясь на независимость судей.

С нашей субъективной точки зрения, понимание такого принципа, как «состязательность и равноправие сторон административного судопроизводства при активной роли суда», вызывает у нас разночтения. Безусловно, следует помнить о том, что практика применения судами норм рассматриваемого нами Кодекса административного судопроизводства РФ даст основания для дальнейшего анализа ст. 14 Кодекса административного судопроизводства РФ.

Несмотря на указанное выше по тексту, нас все же уже привлекает ст. 14 Кодекса административного судопроизводства РФ, которая рассматривает состязательность и равноправие сторон. Обращает на себя внимание та часть статьи, где речь идет или, правильнее сказать, ничего не говорится об активной роли суда. Что нам понимать под данным изречением? Вопрос остается открытым.

В научной литературе активная роль суда представлена, с одной стороны, как организация делопроизводства по делу, с другой стороны, активная роль суда связана с доказыванием. Критерии присутствия объективных и субъективных факторов в доказывании имеют мировоззренческую позицию, которой придерживается тот или иной судья. Именно из этой целесообразности доказывания определяется направление познания суда и характер всей его деятельности, проявляясь в активной роли суда.

В рассматриваемый нами вопрос об активности роли суда в части доказывания вносит дуальную составляющую и процесс собирания, проверки и оценки доказательства, т.к. следственный тип досудебной части процессуальных действий и состязательный тип его судебной части содержат взаимоисключающие составляющие, отягощающие установление и описание объективных характеристик параметров активной роли суда. Происходит это по той причине, что разнятся идеи-принципы, на которых основывается процесс репрессивных и правосстановительных функций свершения правосудия. Другими словами можно сказать, что в одном юридическом действии лежит разнообразная правовая реальность со всеми вытекающими из ее особенностей последствиями.

Примером тому может послужить правосстановительная функция, которая по природе своей изначально дуальна, т.е. она имеет одну правовую природу процесса формирования, но

два направления своего развития. В частности, в одном случае мы можем говорить о правосстановительной функции как о взаимоотношениях открытого легитимного государственного вмешательства в социально-общественные и правовые отношения лица, попадающие под юрисдикцию государственной и судебной защиты. Где суд и вся судебная система не являются в «чистом виде» государственным органом, защищающим интересы государства и чиновничьего аппарата всех уровней, а выступают лишь только как гаранты Конституции РФ, в которой закреплены права и свободы граждан как субъектов права и не только их одних.

Согласно другому пониманию речь идет о правосстановительной функции права как специально искусственно смоделированной юридической конструкции виртуальной правовой реальности, для которой характерны только ей одной присущие специфические абстрактно-логические умозрительные идеи, фикции и артефакты, отсутствующие в реальных событиях и действиях субъектов права, выписанных в федеральных законах и иных нормативных правовых актах федерального и муниципального уровня, а также включающих в себя нормы и принципы международного права.

В таком положении субъекты права прибегают к специально сконструированным доказательствам, а не реально существующим объектам права. Исходя из рассмотренного вида конструкции понимания вопроса, возникает проблема степени допустимости подобного характера доказательств. Так как лицом «потерпевшим» может считаться до судебного разбирательства только то, которое признано в этом качестве постановлением уполномоченного на то органа власти или определением судебных инстанций всех уровней, являясь основанием для правосстановительной деятельности субъекта права и его правового положения.

В современной юридической литературе, кроме понятия «реституция», существует и понятие «реабилитация» как правосстановительная функция российского правосудия. Однако исследование понятия «реабилитация» мы провели ранее [1, с. 12–14] и по этой причине остановимся лишь на том, что «реабилитация» есть правосстановительная функция в уголовно-процессуальных действиях, а также административном судопроизводстве в отношении лиц, ранее привлеченных к ответственности с нарушением правоприменительных мер воздействия на лиц, признанных или не признанных виновными. Все это указывает на то, что данная процедура носит совершен-

но самостоятельный характер по отношению к реституции.

Акт правосудия вытекает не из специфики формы правосудия или силы применяемого закона, а из последствия признания необходимости защиты нарушенного или неисполненного права, из принципа защиты прав человека, отсюда вытекает «восстановительно-правотворческая» природа судебного акта. Под правотворческой направленностью суда мы видим способность суда разрешить коллизию либо пробел в законе о правососстановлении в первую очередь конституционных прав и свобод гражданина совместно с правовым статусом лица и правовым положением субъекта права, а уж потом и всех остальных вытекающих из этого процедур. Все это необходимо для того, чтобы право граждан на защиту не было поставлено в зависимость от государства и его органов, таких как Конституционный Суд РФ и суды общей юрисдикции, а также чиновников разного уровня.

Исходя из вышеизложенного по тексту, следует принять во внимание и тот факт, что субъектом права выступает не только одно лицо или группа лиц, а также государственный орган, но и сам суд в целом, имея свой правовой статус и правовое положение, особенностью проявления которого в современных условиях может быть либо пассивное восприятие правовых норм и юридических практик, либо отсутствие намерений повлиять на правовую реальность с учетом защиты прав и свобод гражданина. Отсюда можно заключить, что к границам правового пространства административной судебной системы относится только возможность вычерчивания или выявления активности роли суда и самих субъектов права, каждый из которых имеет свой собственный правовой статус и правовое положение, благодаря которым они и творят правовую реальность в отличие от пассивного ее восприятия и правоприменения.

Все вышерассмотренное по тексту следует приобщить к взглядам П.П. Серкова, который указывает на то, что «Конституционный Суд РФ, реализуя свои контрольные полномочия, обеспечивает верховенство конституционных положений. ...Им не решается задача проверки... содержания нормативных правовых актов... такая проверка не может объединиться в одном судопроизводстве с конституционным» [2, с. 175–176]. Наличие подобного рода потребностей, заключающихся «в осуществлении органами судебной власти контрольных полномочий, не охваченных конституционным судопроизводством... служит объективной ос-

новой формирования административного судопроизводства» [2, с.176]. Далее исследователь отмечает, что за счет юрисдикционных полномочий административное судопроизводство занимает активную позицию, реализуя свои правозащитные функции в системе сдержек и противовесов в разрешении конфликтных ситуаций. Природа и настроение конфликта подчас свидетельствуют не о юрисдикционных, а о дискреционных полномочиях.

По мнению Ю.П. Соловей, в российском законодательстве об административном судопроизводстве такие термины, как «усмотрение» и «дискреционные полномочия», не фигурируют по причине того, что между ними трудно разграничить пределы их компетенции в правовой реальности административно-правовых отношений [3]. Учитывая это обстоятельство, он предлагает взять за основу следующее определение административного усмотрения публичной администрации: «Административное усмотрение – это выбор публичной администрацией в пределах, установленных нормативными правовыми актами, оптимального, по ее мнению, варианта решения конкретного управленческого вопроса в ситуации, когда правовые нормы не определяют исчерпывающим образом основания, условия, содержание, форму, порядок (процедуру), сроки и (или) субъектов принятия такого решения» [3, с. 194].

А.П. Шергин присовокупляет сюда и проблему четкого разграничения понятий «административная юстиция» и «административная юрисдикция», предлагая «дифференцировать административное судопроизводство на две формы: а) административно-тяжебная юрисдикция (административная юстиция); б) административно-деликтная юрисдикция» [4, с. 113], по причине того, что «административное судопроизводство реализуется в двух видах юридического процесса: административно-юстиционном, которым опосредствуется судебный контроль за публичной властью, и административно-юрисдикционном, в рамках которого реализуется административная ответственность» [4, с. 113].

Мы считаем, что к данным позициям вышеуказанных мнений следует отнести и вопрос, связанный с исполнением основных функций российского правосудия.

Данную проблему много раз освещали в научной печати и указывали на то, что судебная практика перенасыщена репрессивными элементами и совсем не представлена правососстановительными компонентами в лице реабилитационных мер и реституционных прав

граждан, закрепленных в Конституции РФ и других нормах права [5, с. 113–115].

К сожалению, указанная тенденция сохраняется и прослеживается по настоящее время.

Однако группой ученых, представляющих Небугский клуб административистов, возглавляемый В.В. Денисенко, в составе которой был и автор данной статьи, совместно с представителями комитета Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству А.А. Агеевым и В.В. Лихаревым было проведено обсуждение двух вариантов проекта нового КоАП РФ, внесенных на рассмотрение в Государственную Думу, в ходе которого были оговорены предложения по отражению в новом КоАП РФ восстановительных элементов и ряда других

предложений. Результаты этого совместного обсуждения нашли свое отражение в тексте. Надеемся на то, что после принятия и вступления в законную силу нового КоАП РФ судебная практика административного судопроизводства перестанет носить односторонний характер.

В заключение нашего научного обзора, связанного с рассмотрением отдельных проблем понимания принципов административного судопроизводства Кодекса административного судопроизводства РФ, хочется отметить тот факт, что он не лишен определенного рода неясностей и разночтений, которые могут привести к нарушениям законных прав граждан, закрепленных в Конституции РФ и других нормах права.

1. Зинков Е.Г. *Функциональные связи как элемент гуманизации и модернизации судебной реформы* // *Административное право и процесс*. 2011. № 11.

2. Серков П.П. *Административное судопроизводство и административный процесс* // *Актуальные проблемы административного судопроизводства: материалы всерос. науч.-практ. конф., Омск, 28 нояб. 2014 г. / отв. ред. Ю.П. Соловей. Омск, 2015.*

3. Соловей Ю.П. *Проект Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и вопросы судебного контроля за реализацией органами (должностными лицами) публичной администрации дискреционных полномочий* // *Актуальные проблемы административного судопроизводства: материалы всерос. науч.-практ. конф., Омск, 28 нояб. 2014 г. / отв. ред. Ю.П. Соловей. Омск, 2015. С. 186–212.*

4. Шергин А.П. *О понимании административного судопроизводства* // *Административно-деликтное право и законодательство (Статьи, выступления, размышления): сб. науч. тр. М., 2015.*

5. Зинков Е.Г., Куц А.Н. *К вопросу о реабилитационно-реституционной функции российского судопроизводства* // *Современное право*. 2010. № 4.

1. Zinkov E.G. *Functional communications as element of a humanization and modernization of judicial reform* // *Administrative law and process*. 2011. № 11.

2. Serkov P.P. *Administrative legal proceedings and administrative process* // *Actual problems of administrative legal proceedings: proc. of the All-Russian. sci.-pract. conf., Omsk, Nov. 28, 2014 / resp. ed. Yu.P. Solovey. Omsk, 2015.*

3. Solovey Yu.P. *Draft of the Code of administrative legal proceedings of the Russian Federation and questions of judicial control of realization by bodies (officials) of public administration of a discretion* // *Actual problems of administrative legal proceedings: proc. of the All-Russian sci.-pract. conf., Omsk, Nov. 28, 2014 / resp. ed. Yu.P. Solovey. Omsk, 2015. P. 186–212.*

4. Shergin A.P. *About understanding of administrative legal proceedings* // *Administrative law of torts and the legislation (Articles, performances, reflections): coll. of sci. papers. Moscow, 2015.*

5. Zinkov E.G., Kuts A.N. *To a question of rehabilitation and restorative function of the Russian legal proceedings* // *Modern law*. 2010. № 4.

Ищенко Станислав Андреевич

доктор юридических, педагогических наук, профессор,
 профессор кафедры административной деятельности
 органов внутренних дел
 Краснодарского университета МВД России
 (e-mail: stanislavishchenko@yandex.ru)

Правовые проблемы административной ответственности в сфере физической культуры и спорта

В статье рассматривается широкий круг вопросов административно-правового характера, связанных с административной ответственностью за правонарушения, совершенные в местах массовых и спортивных мероприятий. Исследуется применение санкций за них согласно КоАП РФ и другим правовым актам. Проводится анализ статей КоАП РФ об административных правонарушениях, посвященных рассматриваемой тематике.

Ключевые слова: административная ответственность, административные правонарушения, спортивная составляющая, санкции, практика применения.

S.A. Ishchenko, Doctor of Law, Pedagogics, Professor, Professor of the Chair of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: stanislavishchenko@yandex.ru

Legal problems of administrative responsibility in the sphere of physical culture and sport

The article deals with a wide range of issues of administrative and legal nature, related to administrative responsibility for offenses in the field of mass and sporting events. The author researches the application of sanctions of the Code of the Russian Federation on administrative offences and other legal acts. The analysis of the articles of the Code of the Russian Federation on administrative offences takes place in accordance with the subjects.

Key words: administrative responsibility, administrative offences, sports component, sanctions, practice application.

Административная ответственность в спортивном движении не нашла широкого рассмотрения в юридической литературе на сегодняшний день. То незначительное применение, которое имеется в КоАП РФ, не решает существующие в рассматриваемом вопросе проблемы. Это объясняется, на наш взгляд, медленным внедрением в учебный процесс вузов и сузов спецкурсов «Спортивное право», «Международное спортивное право», «Олимпийское право» и т.п.

Следует отметить, что важную роль в административно-правовом регулировании данной сферы играет КоАП РФ, предусматривающий административную ответственность граждан, должностных лиц и юридических лиц в различных сферах, в том числе и в социально-культурной.

Если рассматривать административно-правовое регулирование и ответственность в разрезе экономических правонарушений граждан, должностных лиц и юридических лиц, в различных областях и сферах, которые в той или иной степени соотносятся с вопросами социально-культурной деятельности, в частности в спортивном движении, то в развитие этого вопроса КоАП РФ предусматривает четыре ста-

ти. Так, ст. 6.22 КоАП РФ «Нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований к положениям (регламентам) об официальных спортивных соревнованиях» говорит о том, что невключение организатором официального спортивного соревнования, не являющимся спортивной федерацией, в положение (регламент) об официальном спортивном соревновании требований, связанных с запретом на противоправное влияние на результат официального спортивного соревнования, а также о запрете на участие спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей спортивных команд и других участников официального спортивного соревнования в азартных играх в букмекерских конторах и тотализаторах путем заключения пари на официальное спортивное соревнование влечет наложение административного штрафа на граждан, должностных лиц и юридических лиц. За административное правонарушение, предусмотренное настоящей статьей, организатор официального спортивного соревнования несет ответственность в случае, если выявлены факты противоправного влияния на результат этого соревнования (статья введе-

на Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 198-ФЗ). Согласно ст. 14.15 КоАП РФ «Нарушение правил порядка продажи входных билетов и изменение при продаже входных билетов установленной стоимости входных билетов на посещение спортивных мероприятий и церемоний XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи» нарушение установленного порядка продажи билетов влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пятикратной до десятикратной стоимости входного билета. Под стоимостью входного билета на посещение игр, перечисленных в данной статье, явившегося предметом административного правонарушения, понимается цена входного билета на посещение указанных игр, установленная МОКом и международным Паралимпийским комитетом соответственно на основании соглашения, заключенного международным Олимпийским комитетом (МОКом) и Олимпийским комитетом России (ОКР) и городом Сочи (статья введена Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 277-ФЗ). В ст. 14.27 КоАП РФ «Нарушение законодательства о лотереях» отмечено, что проведение лотерей без решения Правительства РФ о ее проведении и несвоевременное перечисление целевых отчислений от лотерей, а также отказ в выплате, передаче или предоставлении выигрыша, нарушение порядка и (или) сроков выплаты, передачи или предоставления выигрыша, предусмотренных условиями лотереи, и неопубликование годового отчета о проведении лотереи, несоблюдение требований, предъявляемых к лотерейным билетам, влечет предупреждение или наложение административного штрафа на граждан, должностных лиц и юридических лиц (статья в редакции Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 416-ФЗ). Статья 14.1 КоАП РФ «Нарушение организаторами азартных игр в букмекерской конторе и тотализаторе требований к заключению пари на официальные спортивные соревнования и проведению других азартных игр» предусматривает три пункта за административные правонарушения, а именно: 1) прием организатором азартной игры в букмекерской конторе и тотализаторе ставок, в том числе на официальные спортивные соревнования, и выплата им выигрышей без предъявления участником азартной игры документа, удостоверяющего его личность, – влекут наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей, на юридических лиц – от пятисот тысяч до семисот тысяч рублей; 2) нарушение организатором азартной игры в букмекерской конторе и тотализаторе установленного порядка информирования общероссийской спортивной федерации по соот-

ветствующему виду спорта и уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляющего государственный надзор в области организации и проведения азартных игр, о выигрышах, выплаченных или подлежащих выплате по результатам пари, заключенного на официальное спортивное соревнование, завершившееся с наименее вероятным результатом или исходом, – влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пятидесяти тысяч до семидесяти тысяч рублей, на юридических лиц – от восьмисот тысяч до одного миллиона рублей; 3) нарушение организатором азартной игры в букмекерской конторе и тотализаторе установленного порядка учета участников азартных игр, от которых принимаются ставки на официальные спортивные соревнования, – влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от семидесяти тысяч до ста тысяч рублей, на юридических лиц – от восьмисот тысяч до одного миллиона рублей (статья введена Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 198-ФЗ).

Отсюда можно сделать вывод: перечисленные статьи подпадают под экономические правонарушения и преступления как занятие незаконным предпринимательством в рассматриваемой сфере. В данном случае интерес представляют поправки в нормативные акты, которые были внесены главой Правительства РФ Дмитрием Медведевым на рассмотрение Государственной Думы, ограничивающие участие иностранцев во внутренних соревнованиях по командным игровым видам спорта [1]. Суть данных поправок заключается в том, что спортивные лиги и федерации уже не смогут самостоятельно определять квоты на зарубежных игроков. То есть решение этого вопроса перейдет под юрисдикцию государства. Таким образом, в законопроекте прописано, что ограничения касаются именно спортсменов. Лиги и федерации могут предлагать свои лимиты на легионеров и дальше, но утверждать их теперь будет Министерство спорта РФ.

Раскрывая сущность административной ответственности в сфере физической культуры и спорта, в частности незаконного предпринимательства, нужно сказать, что международные договоры о свободном перемещении рабочей силы (в том числе спортсменов, тренеров и других специалистов) имеют приоритет над правовыми актами Российской Федерации подобного уровня. Так, например, 42 футболиста и 652 хоккеиста, заявленные за сборную России, не имеют права играть, поскольку они не выступают в российских лигах (данные цифры приводятся в пояснительной записке к новому нормативному акту 2015 г.).

Необходимо заметить, что действующим законодательством административная ответ-

ственность в области физкультуры и спорта применяется в абсолютном большинстве за административные правонарушения, совершаемые во время проведения спортивных мероприятий.

Как было уже отмечено выше, при проведении спортивных мероприятий предусматривается административная ответственность как к болельщикам, так и к зрителям других мероприятий. В связи с этим ст. 20 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность» предусматривает ответственность и санкции за мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ), т.е. за нарушение общественного порядка, проявляющееся в неуважении к обществу, сопровождающемся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества, что влечет санкции в виде административного штрафа в размере от 500 рублей до 1 тысячи рублей или административный арест на срок до 15 суток.

Согласно ст. 20.20 КоАП РФ «Потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ в общественных местах» (см. комментарии Федерального закона от 21 декабря 2013г. № 365-ФЗ) распитие пива и напитков, изготавливаемых на его основе, а также алкогольной и спиртосодержащей продукции с содержанием этилового спирта более 13% объема готовой продукции, в частности, в детских, образовательных и медицинских организациях, на всех видах общественного транспорта городского и пригородного сообщения, в организациях культуры (за исключением расположенных в них организаций или пунктов общественного питания, в том числе без образования юридического лица), физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружениях влечет наложение административного штрафа в размере от 500 до 1000 рублей.

Распитие алкогольной и спиртосодержащей продукции на улицах, стадионах, в скверах, парках, в транспортных средствах общего пользования, в других общественных местах (в том числе указанных выше), за исключением организаций торговли и общественного питания, в которых разрешена продажа алкогольной продукции в розлив, влечет наложение административного штрафа в размере от 4000 до 5000 рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток.

Примерно такие же санкции предусмотрены за потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо потребление иных одурманивающих веществ на улицах, стадионах, в скверах, парках,

в транспортном средстве общего пользования, а также в других общественных местах. Под общественными понимаются места, где находится большое скопление людей, или места, где такое скопление людей возможно. Это улицы, стадионы, скверы, парки, подъезды, лестничные клетки домов, места, где осуществляются зрелищные мероприятия, пляжи, иные места, где становится многолюдно во время отдыха граждан, и т.д.

В развитие этого вопроса применительно к комментируемой статье нужно заметить, что объектом правонарушения является общественный порядок и общественная безопасность.

Федеральным законом от 8 января 1998 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ст. 40, ст. 6.9. КоАП РФ) запрещается в Российской Федерации потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача (ст. 6.9 КоАП РФ).

Рассматриваемое правонарушение может быть совершено только умышленно.

Статья 20.21 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за появление в общественных местах в состоянии опьянения. Так, появление на улицах, стадионах, в скверах, парках, в транспортном средстве общего пользования, в других общественных местах в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, влечет наложение административного штрафа в размере от 500 до 1000 рублей или административный арест на срок до 15 суток.

Основным признаком деяния является нахождение в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность.

Квалификация данного правонарушения должна осуществляться с учетом результатов медицинского освидетельствования лица.

Особенность объективной стороны рассматриваемого правонарушения состоит в том, что лицо появляется в общественном месте не просто в состоянии опьянения, а в оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность (грубые выкрики, непристойная жестикация, неопрятный вид, мокрая, грязная, расстегнутая одежда, вызывающая брезгливость и отвращение, утрата чувства стыда, нарушение координации движения или полная беспомощность при бесчувственном состоянии) [2], что нередко можно видеть на стадионах.

Не меньший интерес представляет ст. 20.22 КоАП РФ, предусматривающая появление в состоянии опьянения несовершеннолетних в возрасте до 16 лет, а равно распитие ими пива и напитков, изготавливаемых на его основе, алкогольной и спиртосодержащей продукции,

потребление ими наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, иных одурманивающих веществ на улицах, стадионах, в скверах, парках, в транспортном средстве общего пользования, в других общественных местах, что влечет наложение административного штрафа на родителей или иных законных представителей несовершеннолетних в размере от 1000 до 2000 рублей.

Объектом данного правонарушения являются общественный порядок и общественная безопасность, а также здоровье несовершеннолетних.

Объективная сторона рассматриваемого правонарушения выражается в действии (бездействии) по ненадлежащему выполнению или невыполнению родителями, иными законными представителями своих обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, следствием чего является появление в состоянии опьянения (как результата распития алкогольной и спиртосодержащей продукции, потребления наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, иных одурманивающих веществ) несовершеннолетних в возрасте до шестнадцати лет в общественных местах (в том числе на спортивных сооружениях), или распитие ими алкогольной, а равно спиртосодержащей продукции в общественных местах, или потребление ими наркотических средств, психотропных веществ без назначения врача либо одурманивающих веществ в общественных местах.

Субъектами данного правонарушения являются родители или иные законные представители несовершеннолетних в возрасте до шестнадцати лет.

Правонарушение может быть совершено умышленно или по неосторожности.

В соответствии с ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской до степени смешения, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 1 тысячи рублей до 2 тысяч рублей с конфискацией указанной атрибутики или символики либо административный арест на срок до 15 суток с конфискацией указанной атрибутики или символики.

Важно отметить, что в России вступило в силу постановление Правительства РФ от 16 декабря 2013 г. № 1156 «Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований» [3], регламентирующее поведение болельщиков во время спортивных состязаний.

Принятое постановление Правительства РФ об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований, которое вступило в силу с 20 января 2014 г., фактически представляет собой своеобразный «Закон о болельщиках», как отмечают средства массовой информации [4]. Для тех, кто не желает болеть на стадионах по правилам, предусмотрены достаточно жесткие санкции. Штраф может достигать 10 тысяч рублей, а в качестве альтернативы – 160 часов общественных работ.

Здесь нужно отметить, что этим же постановлением введена новая административная санкция – запрет на посещение спортивных мероприятий сроком до трех лет. При рецидиве нарушителю придется платить 15 тысяч рублей или отбыть за решеткой 15 суток, либо ему грозит отлучение от спортивных мероприятий на срок до семи лет.

Злостных хулиганов внесут в так называемые «черные списки», которые будут составляться органами МВД и передаваться в Министерство спорта РФ.

За необеспечение безопасности на спортивных объектах и другие нарушения должностные лица облагаются штрафом до 100 тысяч рублей, а юридические лица – до 300 тысяч рублей с возможным приостановлением деятельности на три месяца.

Таким образом, подводя итог исследованию, можно сделать вывод о том, что административная ответственность в области физической культуры и спорта обладает общими признаками, характеризующими юридическую ответственность в целом, также ей присущи специфические особенности, имеющие место в спортивных отношениях, которые отличают ее от других видов юридической ответственности.

1. Шамонаев О. Паспортный контроль // Спорт-экспресс. 2015. 18 февр.

2. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под ред. Ю.М. Козлова. М., 2002.

3. Собр. законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6866.

4. Соболев И. Трибунам дали правила // Рос. газ. 2014. 21 янв.

1. Shamonayev O. Passport control // Sport-express. 2015. Febr. 18.

2. The comment to the Code of the Russian Federation on administrative offenses / ed. by Yu.M. Kozlov. Moscow, 2002.

3. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 51. Art. 6866.

4. Sobolev I. Stands were given rules // Rus. newsp. 2014. Jan. 21.

Костюченко Николай Иванович

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры тактико-специальной и огневой подготовки
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
(e-mail: nikiv1948@gmail.com)

Понятие функции социальных систем и проблемы теории управления: административно-правовой аспект

В статье автор рассматривает проблемы теории и практики управления и правоприменения норм административного права, связанные с понятием функции социальных систем.

Ключевые слова: функция, управление, функции управления, процесс управления, социальная система, система управления, структура системы.

N.I. Kostiuchenko, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Tactical-special and Firearms Training of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: nikiv1948@gmail.com

Concept of social systems function and problems of theory of management: administrative and legal aspect

In the article the author highlights the problems of theory and practice of management and law-enforcement of legal norms related to social systems function.

Key words: function, management, management functions, management process, social system, management system, structure of system.

Существование проблем в теории и практике социального управления неоднократно отмечали многие ученые. При этом предполагалась необходимость проведения комплексных исследований феномена «управление», которые позволят найти пути их разрешения. Такие исследования проводились неоднократно, однако до настоящего времени найти решение этих проблем не представилось возможным, поэтому актуальность их разрешения остается очевидной.

В их числе можно назвать проблемы формирования функциональной структуры социальных систем, реализации ее функций и создания нормативно-правового обеспечения этих процессов. Отмеченные проблемы характерны для всех органов власти и управления, в том числе и для органов внутренних дел.

Следует отметить, что проблемы теории и практики управления ОВД неоднократно рассматривались многими авторами: Ю.Е. Аврутиным, А.И. Александровым, Н.В. Бугель, А.П. Корневым, В.П. Сальниковым и др. («Основы управления в органах внутренних дел», 2002 [1, с. 260.]; «Основы управления внутренними делами», 2001 [2, с. 176] и т.д.). Однако неоднократные реорганизации ОВД, направленные на совершенствование управленческой деятельности, проводимые на эмпирической основе, желаемых результатов не дали,

а применение научных результатов вызывало серьезные затруднения.

Это наглядно подтверждают социологические исследования, проведенные в 2012 г. Ф.В. Лидер. Из числа опрошенных сотрудников ОВД значительная часть полагала, что в деятельности ОВД «сохраняется дублирование функций и полномочий (70%); существует неоправданная перестройка организационных структур (42%); отсутствует четкое функциональное разграничение (47,6%); необходима ревизия имеющихся функций (57,7%)» [3, с. 16].

Такая ситуация приводит к непроизводительным тратам и проблемам нормативно-правового регулирования деятельности ОВД.

Последнее обстоятельство связано с тем, что нормативно-правовое закрепление и регулирование функционирования структурных подразделений (как систем) возможно только в условиях сформированных структур и установленных связей между ними. Если формирование структуры не завершено (не произошло функциональное разделение деятельности подразделений и не определены структурные связи между ними), создать нормы, закрепляющие деятельность «несостоявшейся системы», вряд ли возможно.

Таким образом, процессу создания правовых норм, призванных юридически закрепить

структуру подразделения (как разновидности социальной системы), должна предшествовать управленческая деятельность по упорядочению структуры (органов, подразделений, должностей) и структурных связей между ними.

Другими словами, для успешного формирования правовых норм необходимо сосредоточить внимание на реализации общей функции управления – функции организации. Именно ее реализация в части формирования структуры системы послужит основой для создания нормативно-правового обеспечения и его успешного правоприменения при функционировании социальных систем.

Как известно, создание и оптимизация структуры любой социальной системы связаны с функциональным обособлением деятельности структурных подразделений и отдельных должностей. В свою очередь, обособление реализации функций непосредственно обусловлено общепринятой детерминацией элементов социальной системы: «цели – задачи – функции – структура», а ее реализации должен предшествовать функционально-структурный анализ органа внутренних дел. Однако его осуществление в настоящее время затруднено полифонией научных мнений в области теории управления.

Так, Н.И. Глазунова, подчеркивая теоретическую и практическую значимость функционально-структурного анализа «для устранения разбухания структур госаппарата, дублирования их деятельности, обоснования и создания целостной системы согласованных нормативных актов», отмечала: «Эта задача не так проста, как может показаться на первый взгляд. Проблема оптимального функционально-структурного построения госуправления пока еще ждет своего вдумчивого исследователя» [4, с. 380].

Как видно, Н.И. Глазунова, как и многие другие ученые, констатировала наличие нерешенных проблем, связанных с функциями управления, которые в течение десятилетий не нашли своего разрешения и являются преградой для «функционально-структурного построения государственного управления». Одной из причин их существования, по мнению ученых, является полифония понятийного аппарата.

Анализируя неоднозначность терминологии теории и практики управления, можно говорить, что она приводит к противоречиям в научных выводах и, как следствие, к разрыву теории и практики управления. В числе противоречий особое место занимает противоречие, связанное с определением понятия «функция» и его места в системах управления.

С одной стороны, научное мнение приходит к выводу, что функции являются одним из основных элементов социальных систем и систем управления. С другой стороны, при исследо-

вании проблем теории и практики управления понятие «функции», их роль и место в управленческой деятельности учеными вообще не рассматриваются, а понятие функций упоминается только с точки зрения истории возникновения управления и менеджмента. Последняя ситуация характерна для работ, посвященных теории менеджмента, теории организации и теории управления организацией.

Такой подход к определению понятия «функция» и ее роли в управлении противоречит основам теории социальных систем. Во-первых, функции являются неотъемлемым элементом любой социальной системы и имеют особое значение для функционирования системы и управленческой деятельности. Во-вторых, любая социальная «организация» является лишь разновидностью социальной системы. По этой причине с точки зрения системно-функционального, функционально-структурного диалектического и конкретно-исторического подходов рассматривать понятие организации в «отрыве» от понятий социальная система и ее функций бессмысленно.

Таким образом, для установления причин возникновения научных противоречий, связанных с функциями социальных систем, и определения путей их преодоления необходимо, прежде всего, обратиться к понятию «функции», их роли и месту в управленческой деятельности.

Значение функций для теории и практики управления, их роли и места в управленческом процессе как основополагающих элементов социальных систем отмечалось подавляющим большинством ученых. Суть их мнений можно выразить рядом характерных высказываний.

Например, Ю.П. Алексеев, А.Н. Алисов, Ю.Н. Барышников и др. полагали: «Изучение процесса управления с точки зрения его функций – это ключ к раскрытию содержания управленческой деятельности, позволяющий наряду с прочим сформировать структуру и организацию системы управления. Комбинация функций лежит в центре системы управления» [5, с. 84–85].

Л.Ю. Гордиенко отмечал, что «в зависимости от правильного определения функций управления, их состава и содержания в значительной мере будет зависеть эффективность всего процесса управления» [6, с. 111].

Н.Р. Нижник и О.А. Машков подчеркивали: «В функциях проявляются сущность, содержание и цели управления. В механизме управления функции занимают ключевое место» [7, с. 82].

Однако при таком единстве мнений о функциях как «ключевых» элементах управления при определении самого понятия «функция» единство научных мнений нарушается, что отмечалось многими учеными.

Так, И.Л. Бачило еще 70-х гг. прошлого века указывала на многозначность существующих определений: «Термином “функция” часто обозначаются понятия “задача”, “компетенция”, “принцип”, “права” и т.п.», а также на то, что «учение о функциях управления остается еще недостаточно разработанным участком теории и практики управления» [8, с. 26].

Сходное по смыслу мнение высказывал Е.Б. Кубко: «Понятие “функция социальной системы”, несмотря на весьма широкое освещение и в юридической литературе, не получило общепризнанного толкования» [9, с. 30].

В.Я. Малиновский полагал: «В литературе по-разному рассматривается теоретическое понятие “функция государственного управления” и на сегодняшний день не существует его общепринятого определения» [10, с. 201].

Анализируя существующие в научной литературе мнения ученых относительно определения понятия «функция», необходимо отметить различие подходов к определению этого термина.

Например, ряд авторов (И.Н. Жук, Н.А. Новиков и др.) приводят сразу несколько значений этого термина, хотя однозначность определений является основополагающим научным требованием.

Большинство ученых определяют понятие «функция» как обособленный вид или направление деятельности. Так, С.Н. Князев определяет «функции управления» как относительно обособленные направления (виды) управленческой деятельности [11, с. 25].

Ю.П. Алексеев, А.Н. Алисов, Ю.Н. Барышников и др. полагают что «функции управления – это специфические виды управленческой деятельности, обособившиеся в процессе разделения управленческого труда» [5, с. 84–85]. Аналогичного мнения придерживаются Г.В. Атаманчук, В.А. Василенко, О.С. Виханский, К. Киллен, В.И. Кнорринг и многие другие.

В то же время относительно понятия «функция» существует и «диаметрально» противоположное мнение. Во многих исследованиях, посвященных «управлению» и «менеджменту», понятие «функция» вообще не упоминается. В отдельных работах термины «контроль», «планирование», «организация» упоминаются только как действия, необходимые для управления организацией или фирмой. При этом их роль как необходимых элементов системы и процесса управленческой деятельности, как правило, не раскрывается. В этих работах отсутствует и понятие социальных систем, без которого рассмотрение проблем управления теряет всякий смысл. К сожалению, автор встретил около 60 подобных работ.

Наряду с приведенными подходами к определению понятия «функция» социальной си-

стемы и управления, существуют и другие, которые выражают мнения научного меньшинства, но, по мнению автора, они заслуживают серьезного внимания.

Так, В.А. Юсупов считает, что функция – это потенциальная возможность действовать определенным образом в определенных условиях [12, с. 73].

Такое определение предполагает, что функции в социальной системе существуют независимо от воли и восприятия субъекта управления, а их реализация субъектом управления может состояться, а может не состояться.

Сходное по смыслу определение предлагает и В.Г. Вишняков, по мнению которого «функция» сама по себе не существует и проявляется только в процессе конкретной деятельности [13, с. 110].

Е.Б. Кубко полагает, что «функции социальных систем в сущности своей есть потенциальные их характеристики, являющиеся не частями деятельности, т.е. материальным процессом, а лишь направлениями этой деятельности, причем эволюционно необходимыми. Проявится ли эта эволюционная необходимость в реальности, зависит от объективной возможности в каждый конкретный момент жизненного цикла системы» [9, с. 32].

По мнению автора, такие подходы к определению понятия функций социальной системы наиболее полно и всесторонне отражают сущность функции как элемента социальной системы не только в статике, но и в динамике управления. В этом нетрудно убедиться, если обратиться к истории общества как разновидности социальных систем.

Уже на заре формирования общественных отношений в первобытнообщинном строе, возникло разделение труда между членами общества. Произошло выделение самостоятельных видов деятельности, таких как охота, рыбная ловля, поддержание огня, защита племени и т.д. Отмеченное разделение труда состоялось на основе жизненного опыта первобытного общества и было необходимым условием его выживания и существования.

С научных позиций сегодняшнего дня это можно определить как эмпирическое обособление процессов реализации функций, которые присутствовали в первобытной системе независимо от осознания их существования членами системы.

С точки зрения теории социальных систем это реальное воплощение эволюционной потребности первобытной социальной системы в части обособления реализации ее функций.

Таким образом, можно говорить, что функции как «потенциальные возможности» действовать присутствуют в социальных системах

всегда, а их реализация может осуществляться как с участием субъекта управления (осознанно), так и без его участия (неосознанно).

Однако в современных условиях субъекты управления реализуют функции, исходя из определения функции как «обособившегося вида деятельности». При этом возникает системная ошибка, которая приводит к возникновению научного противоречия и проблем в теории и практике управления.

В случае отсутствия в системе обособленного направления деятельности субъект «не видит» потенциального «присутствия» функции и не принимает мер для ее реализации. Как следствие – отдельные (не обособившиеся) функции системы остаются вне поля зрения субъектов в состоянии «латентности». Латентная функция – это функция, которая объективно существует как элемент социальной системы, но не воспринята субъектом управления в этом качестве и реализуется без его участия [14, с. 311–320].

Отсутствие целенаправленной реализации таких функций субъектами управления неизбежно приведет к нежелательным последствиям, что констатировали многие ученые. Например, В.Д. Перевалов по этому поводу отмечал: «Если, например, государство перестанет выполнять функцию по обеспечению правопорядка, то рано или поздно общество будет дестабилизировано, наступит анархия, хаос, ведущие к его разрушению» [15, с. 70].

Таким образом, на основании сказанного можно утверждать, что причиной возникновения проблем управленческой деятельности и научных противоречий, связанных с реализацией функций социальных систем, является неверное определение понятия «функция социальной системы».

Как известно, в состав общих функций управления подавляющее большинство ученых включают четыре функции: планирование, организацию, контроль и мотивацию. При этом такие функции, как анализ, принятие решений, прогнозирование, а также информационная функция и ряд других остаются вне поля зрения ученых и практиков управления, поскольку такие обособленные виды деятельности отсутствуют. В результате вопросы реализации этих функций в процессе управления субъектами управления не рассматриваются. При этом практика управления сталкивается с проблемами дублирования реализации функций и параллелизмом в работе, что отмечалось ранее на примере исследования Ф.В. Лидер.

В связи с этим целесообразно отказаться от отождествления понятия «функция» с действием, а для формирования этого понятия опи-

раться на мнения В.Г. Вишнякова, Е.Б. Кубко и В.А. Юсупова.

Наиболее оптимальным определением понятия «функция» может быть следующий вариант: «функция» – это объективно существующий элемент социальной системы, потенциальная возможность действовать определенным образом в соответствии с целью ее реализации для достижения целей социальной системы.

Такое определение наиболее полно отражает сущность явления «функция» и ее реализации с учетом общепринятой детерминации элементов системы: «система – цели – задачи – функции – структура», где структура системы является целью реализации функции.

Определение функции как «потенциальной возможности действовать», во-первых, отражает суть «функции» как философской категории, реально не существующей, но системно необходимой. Во-вторых, предполагает, что субъект управления на основе целей и задач системы должен: в соответствии с задачами системы постоянно выявлять «потенциальные возможности действия» (функции); определять действие или комплекс действий, которые при их выполнении обеспечат реализацию функции и на этой основе приведут к достижению целей реализации функции. В-третьих, исключает возникновение научного противоречия, которое возникает при определении функции как обособленного действия. Нет обособленного действия – нет функции, нет функции – не может быть структурного подразделения.

Таким образом, предложенное определение понятия «функция» устраняет противоречия, связанные с этим понятием, и дает субъектам управления возможность:

проводить полноценный функционально-структурный анализ системы ОВД и упорядочивать структурные связи подразделений или должностей;

оптимизировать структуру подразделений на основе обособления функций, поскольку ситуация «отсутствия» функций при таком определении исключается;

своевременно выделять потенциально (латентно) присутствующие функции, выводить их из состояния латентности и обеспечивать их обособление и осознанную реализацию;

исключить предпосылки дублирования функций в деятельности ОВД;

создать основу формирования нормативно-правового обеспечения, которое закрепит функциональное обособление деятельности структурных подразделений (должностей) и исключит возможность возникновения параллелизма в деятельности ОВД.

1. Основы управления в органах внутренних дел: учеб. / под общ. ред. В.П. Сальникова. М., 2002.

2. Капитонов С.А. Основы управления внутренними делами: учеб. пособие / под ред. В.И. Селиверстова. М., 2001.

3. Лидер Ф.В. Особенности использования структурно-функционального подхода в управлении органами внутренних дел: социологический аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2012.

4. Глазунова Н.И. Государственное управление: учеб. для вузов. М., 2004.

5. Алексеев Ю.П., Алисов А.Н., Барышников Ю.Н. и др. Теория управления: учеб. М., 2003.

6. Гордиенко Л.Ю. Основы теории государственного управления: конспект лекций. Харьков, 2000.

7. Нижник Н.Р., Машков О.А. Системный подход в организации государственного управления: учеб. пособие. Киев, 1998.

8. Бачило И.Л. Функции органов управления (правовые проблемы оформления и реализации). М., 1976.

9. Введение в теорию государственно-правовой организации социальных систем / под общ. ред. Е.Б. Кубко. Киев, 1997.

10. Малиновский В.Я. Государственное управление: учеб. пособие. Киев, 2003.

11. Князев С.Н. Управление: искусство, наука, практика: учеб. пособие. Минск, 2002.

12. Юсупов В.А. Право и советское государственное управление. Административно-правовой аспект проблемы / науч. ред. Р.И. Тарнопольский. Казань, 1976.

13. Вишняков В.Г. Структура и штаты органов государственного управления. М., 1972.

14. Костюченко Н.И. Свойство латентности функций как причина существующих расхождений в формировании понятия функций управления // Науч. вестн. Днепропетровск. гос. ун-та внутренних дел. 2012. № 3(62). С. 311–320.

15. Теория государства и права: учеб. / отв. ред. В.Д. Перевалов. М., 2008.

1. Basics of administration in the organs of internal affairs: textbook / gen. ed. by P.S. Salnikov. Moscow, 2002.

2. Kapitonov S.A. Basics of internal affairs management: study aid / ed. by V.I. Seliverstov. Moscow, 2001.

3. Lider F.V. Peculiarities of structure-functional approach to management of organs of internal affairs: sociological aspect: auth. abstr. ... Master of Sociology. Moscow, 2012.

4. Glazunova N.I. Public administration: textbook for high schools. Moscow, 2004.

5. Alekseev Yu.P., Alisov A.N., Baryshnikov Yu.N. et al. Theory of management: textbook. Moscow, 2003.

6. Gordienko L.Yu. Basics of theory of state management: abstract of lectures. Kharkov, 2000.

7. Niznik N.R., Mashkov O.A. System approach in state management organization: study aid. Kiev, 1998.

8. Bachilo I.L. Functions of management organs (legal problems of registration and realization). Moscow, 1976.

9. Introduction to theory of state-legal organization of social systems / ed. by E.B. Kubko. Kiev, 1997.

10. Malinovsky V.Ya. State management: study aid. Kiev, 2003.

11. Knyazev S.N. Management: art, science, practice: study aid. Minsk, 2002.

12. Yusupov V.A. Law and soviet state management. Administrative-legal aspect of the problem / sci. ed. by R.I. Tarnopolsky. Kazan, 1976.

13. Vishnyakov V.G. Structure and personnel of state management bodies. Moscow, 1972.

14. Kostiuhenko N.I. Property latency functions as a cause of the existing differences in the formation of the concept of management functions // Sci. bull. of Dnepropetrovsk state university of Internal Affairs. 2012. № 3(62). P. 311–320.

15. Theory of state and law: textbook / resp. ed. V.D. Perevalov. Moscow, 2008.

Федотова Ольга Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного права
Воронежского института МВД России
(e-mail: Oliga.Fedotova@yandex.ru)

Задачи и принципы производства по делам об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних

В статье рассматриваются вопросы систематизации принципов административно-юрисдикционного процесса. Анализируются основные виды принципов и проблемы их реализации в ходе производства по делам об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: принцип, административно-юрисдикционная деятельность, законность, компетентность, презумпция невиновности, оперативность, неотвратимость наказания, административная ответственность.

O.A. Fedotova, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Administrative Law of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Oliga.Fedotova@yandex.ru

The objectives and principles of the proceedings on administrative offenses against minors

This article discusses the principles of systematization of administrative and jurisdictional process. It analyzes the main types of principles and problems of their realization in the course of proceedings on administrative offenses against minors.

Key words: principle, administrative and jurisdictional activity, legality, competence, presumption of innocence, efficiency, inevitability of punishment, administrative responsibility.

Специфика административно-правового статуса несовершеннолетних лиц в полной мере получила выражение и в сфере административной ответственности – производство по делам об административных правонарушениях (далее – АПН) в отношении несовершеннолетних осуществляется в особом порядке.

С целью полноценного раскрытия выбранной темы исследования следует рассмотреть понятие и сущность процесса производства по делам об административных правонарушениях, неотъемлемыми и основополагающими элементами которого являются задачи и принципы.

В соответствии со ст. 24.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) задачами производства выступают «всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного постановления, а также выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений». При толковании данной нормы КоАП РФ авторы однозначно указывают на исполнение охранительной государственной функции [1, с. 766]. Вместе с тем, логичным окончанием производства по делам об АПН является на-

ложение административного наказания, целью которого в соответствии со ст. 3.1 КоАП РФ является предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами. Иными словами, административно-юрисдикционное производство так или иначе преследует также профилактико-превентивные цели.

Развитие гражданского общества и построение правового государства в России требует повышения как качества нормативных правовых актов, так и эффективности правоохранительной (правоприменительной) деятельности государственных органов и их должностных лиц.

Актуальность изучения проблемы охраны прав и законных интересов несовершеннолетних граждан обусловлена определенным правовым парадоксом, сложившимся в этой сфере. С одной стороны, в процессе реформирования общественных отношений в нашей стране особую озабоченность вызывает несформированность жизненных приоритетов у подрастающего поколения, провоцирующая широкую молодежную девиацию. С другой стороны, в соответствии с общепризнанными нормами международного права привлечение несовершеннолетнего к юридической ответственности применяется со значительными ограничениями и изъятиями. Так, не-

возможность привлечения к административной ответственности несовершеннолетнего, не достигшего 16-летнего возраста, негативно сказывается на превентивной составляющей производства, а иногда и делает невозможным установление истины по делу.

Это противоречие обуславливает необходимость определения самого термина «производство по делам об административных правонарушениях». А.Л. Алехин понимал под таковым урегулированную административно-процессуальными нормами деятельность уполномоченных органов и должностных лиц по пресечению, объективному рассмотрению и законному назначению наказания лицу, совершившему административное правонарушение, а также его исполнению [2, с. 284].

В производстве по делам об административных правонарушениях уполномоченными на то органами реализуются общеправовые принципы, имеющие свою специфику, обусловленную административно-правовой природой возникающих правоотношений, регулируемых посредством применения административно-процессуальных норм. Под принципами в этом случае понимаются закрепленные законодательно, основные, носящие обобщенный характер положения, руководящие идеи, вытекающие из действующего законодательства. Учеными выделяются следующие принципы административно-юрисдикционной деятельности [3, с. 21]:

- а) законность;
- б) оперативность;
- в) непосредственность;
- г) равенство всех граждан перед законом и органом, рассматривающим дело;
- д) публичность;
- е) гласность;
- ж) состязательность;
- з) национальный язык производства;
- и) объективность истины;
- к) двухступенность;
- л) диспозитивность;
- м) устность.

Вместе с тем, постулирование некоторых из перечисленных принципов представляется спорным. Полагаем, производство по делам об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних требует конкретизации перечня и содержания принципов организации этой деятельности. З.К. Сокова предлагает разделить такие принципы на два основных блока – принципы конституционные и принципы юрисдикционные [4, с. 13]. К первой группе отнесены:

- принцип уважения прав и свобод человека и гражданина;
- принцип законности;
- принцип презумпции невиновности;

- принцип равенства перед законом;
- принцип гуманизма.

Отметим, что большинство этих принципов так или иначе получили отражение в рамках гл. 1 КоАП РФ, в частности: принцип законности (ст. 1.6 КоАП РФ), презумпция невиновности (ст. 1.5 КоАП РФ), принцип равенства перед законом (ст. 1.4 КоАП РФ).

Интересными являются юрисдикционные принципы производства по делам об АПН. Именно они учитывают специфику исследуемой нами деятельности в общих рамках административного процесса. К таким принципам следует отнести:

- принцип объективной истины;
- принцип оперативности;
- принцип экономичности и эффективности;
- принцип двухступенности;
- принцип ведения дела на национальном языке и обеспечения участия в производстве на родном или ином свободно избранном языке;
- принцип компетентности;
- принцип доступности;
- принцип непосредственности;
- принцип публичности;
- принцип гласности;
- принцип конфиденциальности;
- принцип состязательности;
- принцип диспозитивности;
- принцип обеспечения права на защиту обеспечения права на возмещение имущественного ущерба и морального вреда;
- принцип ответственности участников производства за неисполнение процессуальных обязанностей;
- принцип ответственности должностных лиц.

Как и в отношении первой группы, некоторые чисто юрисдикционные принципы нашли прямое законодательное отражение в рамках КоАП РФ. Примерами таких норм являются ст. 24.2 КоАП РФ, утверждающая принцип ведения производства на государственном языке, и ст. 24.3 КоАП РФ, декларирующая принцип открытого рассмотрения дел об административных правонарушениях.

Вместе с тем, в рамках производства по делам об АПН в отношении несовершеннолетних особое внимание следует обратить на такие принципы, как законность, компетентность, презумпция невиновности, оперативность и неотвратимость наказания. Рассмотрим их более детально. Принцип законности классически трактуется как строгое соблюдение норм действующего закона при строгом его толковании. В рамках административной деятельности данный принцип связывается с применением административного принуждения исключительно на основании и в порядке, установленных законом. Иными словами, привлекаемое к

административной ответственности лицо не может быть подвергнуто административному наказанию и мерам обеспечения производства иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом [5, с. 43].

Принцип законности распространяется на нормы как материального, так и процессуального права. К числу формально-юридических требований следует отнести соблюдение сроков наложения административного наказания (ст. 4.5 КоАП РФ); формы протокола и постановления (определения) по делу об административном правонарушении и соблюдении их реквизитов (ст. 28.2, 28.7, 29.10 и 29.12 КоАП РФ); места и сроков рассмотрения дел об АПН (ст. 29.5, 29.6 КоАП РФ); порядка и сроков исполнения постановлений (гл. 31 и 32 КоАП РФ). Следует отметить, что нарушения этих принципов происходят наиболее часто. Примером таковых могут быть нарушение сроков составления протокола об административном правонарушении, рассмотрение материала (дела) не уполномоченным на то должностным лицом, несоставление протоколов о применении мер принуждения (например, доставления или задержания), нарушение порядка уведомления родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего о применении к нему мер административного принуждения.

Принцип компетентности осуществляется благодаря четкому законодательному регулированию полномочий органов и должностных лиц, осуществляющих разрешение определенного объема дел об административных правонарушениях несовершеннолетних.

Действующим законодательством предусмотрена множественная подведомственность субъектов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях несовершеннолетних [6]. Определенными полномочиями в этой сфере обладают судьи и органы внутренних дел, однако преимущественное право рассмотрения дел об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, принадлежит, безусловно, комиссиям по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Следующим принципом производства по делам об административных правонарушениях несовершеннолетних является презумпция невиновности, которая получила свое отражение в рамках ст. 1.5 КоАП РФ. Классически презумпция невиновности трактуется через четыре основных положения:

- 1) установление вины как основания ответственности;
- 2) лицо считается невиновным до того времени, пока его вина не будет доказана в установлен-

ном законом порядке и установлена вступившим в законную силу постановлением судьи, органа, должностного лица, рассмотревших дело;

3) привлекаемое к административной ответственности лицо не обязано доказывать свою невиновность, бремя доказывания вины лежит на соответствующих властных субъектах;

4) неустраняемые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица.

Вместе с тем, имеющая место «волокига» при рассмотрении материалов о совершенных несовершеннолетними правонарушениях в комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав нередко приводит к освобождению виновных лиц от административной ответственности, что уменьшает значимость правоприменительной деятельности и снижает эффективность воспитательно-профилактического воздействия на нарушителя. Иными словами, ограниченная продолжительность материально-правовых и процессуально-правовых сроков в сфере административной ответственности может в определенных случаях противоречить принципу неотвратимости наказания за совершение правонарушения, который предполагает, что: 1) ни одно правонарушение не останется «незамеченным» для государства; 2) меры ответственности за совершение правонарушения будут применены быстро и эффективно; 3) должностные лица правоохранительных органов обладают и используют в практической деятельности высокий профессионализм [7, с. 24].

Говоря о реализации принципа неотвратимости ответственности несовершеннолетних за совершение правонарушения, следует учитывать тот факт, что ей подлежат лишь лица с 16 лет. В этом контексте следует, на наш взгляд, рассмотреть вопрос о переложении ответственности за правонарушения, совершенные лицом в возрасте до 16 лет, на родителей или иных законных представителей, которые ненадлежащим исполнением своих обязанностей способствовали совершению деликта.

Итак, уже применительно к базовым задачам и принципам административно-юрисдикционного производства достаточно ярко проявляется особенность административной ответственности несовершеннолетних.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы.

1. Специфика административно-правового статуса несовершеннолетних лиц в полной мере получила выражение в сфере административной ответственности – производство по делам об административных правонарушении-

ях в отношении несовершеннолетних осуществляется в особом порядке.

2. Актуальность изучения проблемы охраны прав и законных интересов несовершеннолетних граждан обусловлена определенным правовым парадоксом, сложившимся в этой сфере. С одной стороны, в процессе реформирования общественных отношений в нашей стране особую озабоченность вызывает несформированность жизненных приоритетов у подрастающего поколения, провоцирующая широкую молодежную девиацию. С другой стороны, в соответствии с общепризнанными нормами международного права привлечение несовершеннолетнего к юридической ответственности применяется со значительными ограничениями и изъятиями. Так, невозможность привлечения к административной ответственности несовершеннолетнего, не достигшего 16-летнего возраста, негативно сказывается на превентивной составляющей производства, а иногда и делает невозможным установление истины по делу.

3. Интересными являются юрисдикционные принципы производства по делам об АПН. Именно они учитывают специфику исследуемой нами деятельности в общих рамках административного процесса. К таким принципам следует отнести: принцип объективной истины; принцип оперативности; принцип экономичности и эффективности; принцип двустепенности; принцип ведения дела на национальном языке и обеспечения участия в производстве на родном или ином свободно избранном языке; принцип компетентности; принцип доступности; принцип непосредственности; принцип публичности; принцип гласности; принцип конфиденциальности; принцип состязательности; принцип диспозитивности; принцип обеспечения права на защиту обеспечения права на возмещение имущественного ущерба и морального вреда; принцип ответственности участников производства за неисполнение процессуальных обязанностей; принцип ответственности должностных лиц.

1. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. 2-е изд., перераб. и доп. / И.И. Веремеенко, Н.Г. Салищева, Е.Н. Сидоренко, А.Ю. Якимов. М., 2008.

2. Алехин А.Л., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: учеб. М., 2002.

3. Масленников М.Л. Порядок применения административных взысканий: учеб.-практ. пособие. М., 2008.

4. Сокова З.К. Единство права и морали в административно-юрисдикционной деятельности милиции общественной безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001.

5. Филатова А.В. Гарантии административной ответственности граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.

6. Стеблецова Л.А. Ответственность несовершеннолетних по административному праву и практика ее применения органами внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

7. Марков А.А. Влияние средств массовой коммуникации на правонарушения и преступления несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000.

1. *Commentary to the Code about administrative offences of the Russian Federation. 2nd ed., rev. and augm. / I.I. Veremeyenko, N.G. Salischeva, E.N. Sidorenko, A.Yu. Yakimov, 2008.*

2. Alekhin A.L., Karmolitsky A.A., Kozlov Yu.M. *Administrative law of the Russian Federation: textbook. Moscow, 2002.*

3. Maslennikov M.L. *The application of administrative sanctions: study and practical guide. Moscow, 2008.*

4. Sokova Z.K. *Unity of law and morality in administrative and jurisdictional activities of the police public safety: auth. abstr. ... Master of Law. St. Petersburg, 2001.*

5. Filatova A.V. *The guarantees of administrative responsibility of citizens: diss. ... Master of Law. Saratov, 2003.*

6. Stebletsova L.A. *Liability of minors in administrative law and practice of its application by the organs of internal affairs: diss. ... Master of Law. Moscow, 2005.*

7. Markov A.A. *The influence of mass communications on offences and crimes of minors: auth. abstr. ... Master of Law. St. Petersburg, 2000.*

Ляшенко Евгений Алексеевич

старший преподаватель кафедры организации деятельности ГИБДД
Орловского юридического института им. В.В. Лукьянова
(e-mail: lyashencko.1968@yandex.ru)

Понятие и общая характеристика административной деликтности в области дорожного движения

Рассмотрены вопросы, характеризующие административную деликтность в области обеспечения безопасности дорожного движения. Проанализированы современные тенденции административных деликтов в сфере безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: безопасность, дорожное движение, правонарушение, административная деликтность.

E.A. Lyashenko, Senior Lecturer of the Chair of Organization of Activity of STSI of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: lyashencko.1968@yandex.ru

The concept and general characteristics of administrative delictest in the field of road traffic

The issues characterizing an administrative delictest in the field of ensuring road safety. The author analyses modern tendencies of administrative delicts in the field of road safety.

Key words: safety, road traffic, offence, administrative delictest.

Среди множества юридических правил, обязательных для соблюдения, особое место занимают Правила дорожного движения из-за распространенности их нарушения. Административная деликтность в области дорожного движения прочно заняла ведущую позицию в ряду важнейших социально-экономических и демографических проблем России. Обозначенное мнение подтверждается статистикой регистрируемых МВД России административных деликтов на дорогах страны, доля которых от общего массива выявленных правонарушений превышает 60%. Наряду с преступностью, административная деликтность представляет собой сложную деструктивную систему, опасность которой постоянно возрастает.

Для понимания правовой природы и сущности понятия института административной деликтности необходимо принять сложившееся определение понятия института административной деликтности в контексте статьи в целом и административной деликтности в области дорожного движения в частности. Как утверждает профессор Д.Н. Бахрах, «административная деликтность – это сумма правонарушений, совершенных на определенной территории за какой-то отрезок времени» [1, с. 50]. На наш взгляд, наиболее конкретное определение административной деликтности дано доктором юридических наук, профессором А.П. Шергиным, который под данным явлением предложил понимать совокупность всех

совершаемых в стране (регионе, населенном пункте) деяний, признаваемых действующим законодательством административными правонарушениями [2, с. 11].

Административная деликтность всегда рассматривается как отрицательное социальное явление. Необходимо признать, что в настоящее время и ближайшем будущем искоренить административные правонарушения невозможно, но при условии последовательных превентивных мер можно блокировать их развитие, нейтрализовать действие этого негативного фактора, не допускать дальнейшего роста и даже в какой-то мере сократить.

За последние годы существенного сокращения наиболее распространенных административных правонарушений в сфере дорожного движения не произошло, поэтому актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена острой необходимостью повышения безопасности дорожного движения, в первую очередь, через предупреждение административных правонарушений в этой сфере.

Исследование института административной деликтности предполагает необходимость изучения тех факторов, которые лежат в основе его детерминации. Наиболее распространенным подходом к исследованию таких детерминантов является анализ причин и условий совершения правонарушений.

По данным МВД России, ежегодно в России выявляется около 100 млн административ-

ных нарушений в различных областях жизни общества [3]. Анализ данных статистики Госавтоинспекции МВД России характеризует динамику административной деликтности в области дорожного движения и показывает, что в 2012 г. в области дорожного движения пресечено почти 65 млн нарушений, по итогам 2013 г. цифра приблизилась, а по итогам 2014 г. превысила 70 млн нарушений в данной области [4].

Статистическая характеристика административной деликтности в области безопасности дорожного движения, по данным ГУОБДД МВД России за 2015 г., подтверждает сохраняющуюся сложную ситуацию и низкий уровень соблюдения установленных норм и правил в данной сфере [5].

В 2014 г. только в отношении лиц, управляющих транспортными средствами (водителей), было составлено более 25 млн административных материалов за нарушения в области дорожного движения, из них более 6 млн нарушений ПДД фиксировалось более 2 раз. Характерно, что 11531 раз за управление транспортным средством с нарушением установленных Правил были задержаны лица, не достигшие 16 лет [6].

Нарушения Правил дорожного движения пешеходами зафиксированы 2709576 раз, из них 54903 раза фиксировались нарушения ПДД лицами, не достигшими 16 лет. Из-за нарушений Правил дорожного движения пешеходами зарегистрировано 21951 дорожно-транспортное происшествие, это фактически каждое второе по данному виду ДТП. В отношении должностных лиц, обеспечивающих безопасность дорожного движения, было составлено 145617 административных материалов. Более 25 тыс. раз фиксировались административные нарушения юридическими лицами, выступающими в качестве субъектов обеспечения безопасности дорожного движения.

Рассматривая детерминацию административной деликтности в области дорожного движения, необходимо остановиться на характерных и наиболее часто фиксируемых административных деликтах рассматриваемой области.

По данным Госавтоинспекции России, ежегодно таковыми становятся правонарушения по статьям гл. 12 Кодекса РФ об административных правонарушениях: нарушение установленной скорости движения (ст. 12.9) – до 40 млн фактов, причем более 60% таких нарушений фиксируется с помощью приборов автоматической фиксации нарушений, оснащенных

функцией фото- и видеосъемки; нарушение правил применения ремней безопасности или мотошлемов (ст. 12.6) – почти 3 млн фактов; за непредоставление преимущества в движении пешеходам или иным участникам дорожного движения (ст. 12.18) наказывается более 2 млн водителей; в среднем 1 млн раз в год фиксируются несоблюдения требований ст. 12.15 в части нарушения правил расположения транспортного средства на проезжей части дороги, встречного разъезда, а равно движение по обочинам или пересечение организованной транспортной или пешей колонны либо занятие места в ней, аналогичное количество нарушений пресекается по ч. 3.1 ст. 12.5 – управление транспортным средством, на котором установлены стекла (в том числе покрытые прозрачными цветными пленками), светопропускание которых не соответствует требованиям технического регламента о безопасности колесных транспортных средств [7].

Отдельно необходимо указать количество нарушений, наиболее угрожающих безопасности дорожного движения, совершение которых способствует наиболее тяжким последствиям при возникновении дорожно-транспортных происшествий. Таковыми являются нарушения, предусмотренные ст. 12.8, устанавливающей ответственность за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, и передачу управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения (таких правонарушений в 2014 г. выявлено около 600 тыс., в 16517 случаях состояние опьянения стало причиной автоаварий). По ч. 4 ст. 12.15 пресекается порядка 300 тыс. выездов в нарушение Правил дорожного движения на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления. Проезд на запрещающий сигнал светофора или на запрещающий жест регулировщика (ч. 1 ст. 12.12) фиксируется более полумиллиона раз.

Приведенные цифры показывают, что практически каждое второе административное нарушение, регистрируемое в России, фиксируется в области дорожного движения.

Причин такого положения довольно много. Среди главных причин можно выделить стремительную автомобилизацию населения страны и доступность получения права управления автомобилем транспортными средствами. По итогам 2011 г. на учете Госавтоинспекции России состояло почти 48 млн транспортных средств [8], в конце 2013 г. количество транспортных средств увеличилось до 53 млн единиц [9].

Фактически ежегодный прирост транспорта составляет около 2,5 млн единиц.

Профессор А.П. Шергин указывает: «Масштабы административной деликтности, разнообразие форм ее проявлений, причиняемый вред предопределяют необходимость противодействия административным правонарушениям, снижения порога их опасности для защищаемых законом интересов. В этих целях государство совершенствует законодательство об административной ответственности, систему органов, осуществляющих предупреждение, пресечение административных правонарушений и наказание нарушителей, создает условия для соблюдения административно-правовых запретов. Столь значимая деятельность должна иметь необходимую научную базу» [2, с. 11].

По нашему мнению, большая часть дорожных происшествий не всегда связана с неосознанным нарушением установленного порядка движения. Характерной особенностью административной деликтности в области безопасности дорожного движения является наличие ряда административных нарушений, которые от уголовных деликтов отделяет тонкая грань и которые напрямую привязаны к сознанию участников дорожного движения.

Наиболее наглядными здесь являются факты управления транспортным средством в состоянии опьянения. Опрос лиц, задержанных за управление транспортным средством в состоянии опьянения, показывает, что почти 80% в момент нарушения осознавало неправомерность своих действий и возможные последствия, но рассчитывали, что не встретят наряд дорожно-патрульной службы или проедут незамеченными. Аналогично рассуждают и нетрезвые пешеходы, но и здесь отмечено, что более 60% респондентов вообще не воспринимали опасность, в которой они находились при участии в дорожном движении.

Изучение и анализ административной деликтности дает основание полагать, что в 2010–2014 гг. причинами ДТП становились: правонарушения, связанные с несоответствием скорости конкретным условиям движения, – 24,6%, несоблюдение очередности проезда перекрестков – 14,1%, отсутствие права управления транспортным средством – 12,8%, управление транспортным средством в состоянии опьянения – 7,9%, нарушение правил проезда пешеходного перехода – 7,3%, по 2,6% от всех нарушений регистрировались нарушения, связанные с превышением установленной скорости движения и правил построения.

По нашему мнению, причиной такого положения является высокая латентность административных деликтов в области дорожного движения. Пренебрежение со стороны участников дорожного движения установленными правилами формируется из-за уверенности в безнаказанности и неверия в эффективность деятельности правоохранительной системы. Изложенное позволяет говорить о необходимости выработки эффективного механизма, который позволит оказывать воздействие не на правонарушителя, а на общество в целом, формируя негативное отношение к нарушениям установленного порядка участия в дорожном движении.

Рассмотренные выше вопросы административной деликтности в области дорожного движения дают основания говорить о следующем.

1. Административная деликтность в области дорожного движения – особое, сложное и распространенное социальное явление с высокой степенью латентности.

2. Отсутствие четкой системы и сложной структуры установления административной ответственности не способствует правильному восприятию как правоприменителем в лице сотрудников Госавтоинспекции, так и участниками дорожного движения запретов и правил, устанавливающих порядок участия в дорожном движении, и не является побуждением к соблюдению установленных норм и правил.

3. Дискуссионным остается и требует правового урегулирования вопрос обоснованного установления административной ответственности за нарушения в области дорожного движения, повлекшие дорожно-транспортные происшествия с материальным ущербом с учетом причин их возникновения.

4. Установление новых норм административной ответственности будет способствовать устранению правовых артефактов в виде отсутствия ответственности за ряд нарушений Правил дорожного движения, т.к. наличие запретов без ответственности способствует их игнорированию и, как следствие, созданию угрозы безопасности дорожному движению. На наш взгляд, особого внимания требует вопрос установления административной ответственности владельцев транспортных средств, допускающих несовершеннолетних к участию в дорожном движении в качестве водителей.

Возможные пути устранения несоответствий запретов и ответственности, дополнение и конкретизация правил безопасного участия и, как следствие, установление новых видов административной ответственности в области

дорожного движения, а также порядок их применения необходимо рассматривать в рамках отдельного исследования. Результатом такой работы должна стать локализация с последу-

ющим сокращением административной деликтности в области дорожного движения и далее – повышение уровня безопасности участников данного процесса.

1. Бахрах Д.Н. *Административная ответственность: учеб. пособие.* М., 1999.

2. Шергин А.П. *Административная деликтность: проблемы науки // Актуальные вопросы административно-деликтного права: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию заслуженного деятеля науки РФ, д-ра юрид. наук, проф. А.П. Шергина.* М., 2005.

3. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 12.01.2016).

4. URL: <https://www.gibdd.ru/upload/iblock/e89/e8905f787f072395720cc1585a18e5a5.pdf> (дата обращения: 12.01.2016).

5. Сборник ГУОБДД МВД России 2015. Т. 1. Разд. 1: Сведения об административных наказаниях, назначенных за нарушение норм и правил, действующих в области дорожного движения.

6. URL: <https://www.gibdd.ru/stat/upload/iblock/> (дата обращения: 12.01.2016).

7. URL: <http://www.gibdd.ru/stat/archive/> (дата обращения: 12.01.2016).

8. URL: <http://www.gibdd.ru/upload/iblock/e58/e582c42a3c8ad638d92c322ec8dd882d.pdf> (дата обращения: 12.01.2016).

9. URL: <http://www.gibdd.ru/upload/iblock/af6/af62a5451bb9d62263c45862ebd490c0.pdf> (дата обращения: 12.01.2016).

1. Bakhrakh D.N. *Administrative responsibility: study aid.* Moscow, 1999.

2. Shergin A.P. *Administrative delictest: problems of science // Topical issues of administrative and tort law: proc. of intern. sci.-pract. conf. dedicated to the 70th anniversary of the honored worker of science of the Russian Federation, Dr of Law, Professor A.P. Shergin.* Moscow, 2005.

3. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (date of access: 12.01.2016).

4. URL: <https://www.gibdd.ru/upload/iblock/e89/e8905f787f072395720cc1585a18e5a5.pdf> (date of access: 12.01.2016).

5. Collection of MDETS of the Ministry of the Interior of Russia – 2015. Vol. 1. Sec. 1: Information about administrative penalties imposed for violation of norms and rules, valid in the field of road traffic.

6. URL: <https://www.gibdd.ru/stat/upload/iblock/> (date of access: 12.01.2016).

7. URL: <http://www.gibdd.ru/stat/archive/> (date of access: 12.01.2016).

8. URL: <http://www.gibdd.ru/upload/iblock/e58/e582c42a3c8ad638d92c322ec8dd882d.pdf> (date of access: 12.01.2016).

9. URL: <http://www.gibdd.ru/upload/iblock/af6/af62a5451bb9d62263c45862ebd490c0.pdf> (date of access: 12.01.2016).

Сенченко Виктория Вадимовна

преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: karasik0308@mail.ru)

Формы и методы административно-правового регулирования миграционных процессов в Российской Федерации

В статье рассмотрены вопросы, связанные с административно-правовым регулированием миграционных процессов в России. Раскрыт основной понятийный аппарат: «миграционное правоотношение», «миграционный процесс», «административно-правовое регулирование», «формы административно-правового регулирования», «методы административно-правового регулирования». Сформулировано авторское видение проблем административно-правового регулирования миграционных процессов в России.

Ключевые слова: миграция, мигрант, миграционное законодательство, миграционная политика, миграционное правоотношение, миграционный процесс, метод, форма.

V.V. Senchenko, Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: karasik0308@mail.ru

Forms and methods of administrative law regulation of migration processes in the Russian Federation

The article examines the issues related to the administrative law regulation of migration processes in Russia. The basic conceptual framework: «migration legal relations», «migration process», «administrative law regulation», «forms of administrative law regulation», «methods of administrative law regulation» is discovered. The author's vision of the problems of administrative law regulation of migration processes in Russia is represented.

Key words: migration, migrant, migration law, migration policy, migration legal relations, migration processes, method, form.

Миграция в настоящее время представляет собой естественное состояние общества. Она возникает из неотчуждаемого права человека на свободу перемещения. Миграционные процессы в современном мире привлекают внимание ученых различных наук: экономической, политической, социологической, юридической. К государственно-властному воздействию на данные процессы относится административно-правовое регулирование. Актуальность исследования проблем административно-правового регулирования миграционных процессов, его форм и методов проявляется в необходимости повышения эффективности государственного управления данными процессами и устранения пробелов в регулировании отношений в сфере миграции населения.

В целях исследования форм и методов административно-правового регулирования миграционных процессов в России обратимся к понятию «миграционное законодательство». В юридической литературе оно определяется

как совокупность общепризнанных принципов и норм международного права, федеральных законов и подзаконных нормативных актов России, регламентирующих общественные отношения, возникающие в случаях въезда, транзитного проезда, передвижения (пребывания) на территории Российской Федерации либо выезда из Российской Федерации иностранных граждан либо лиц без гражданства [1, с. 25]. Данный термин является общеупотребительным, в этом же значении он упоминается в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [2], где сказано, что миграционное законодательство нашей страны не в полной мере соответствует текущим и будущим потребностям экономического, социального и демографического развития, а также интересам работодателей и российского общества в целом. Понятие «миграционное законодательство» используется и в нормативных правовых актах. В частности, таковым можно назвать приказ МВД России и ФМС России от 30 апреля

2009 г. № 338/97 (в редакции от 1 июня 2013 г. № 334/258) «Об утверждении административного регламента по исполнению государственной функции контроля и надзора за соблюдением положений миграционного законодательства Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства и за соблюдением правил привлечения работодателями, заказчиками работ (услуг) иностранных работников в Российскую Федерацию и использования их труда» [3].

Миграционное законодательство Российской Федерации составляет сложный комплекс нормативно-правовых актов. Правовую основу в регулировании миграционных процессов составляет Конституция РФ [4]. Как отмечают отдельные авторы, миграция населения основана на конституционных принципах, связанных с федеративным устройством России. Так, в соответствии с пп. «б» и «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ «защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; режим пограничных зон», административное, административно-процессуальное законодательство находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, а в соответствии с ч. 2 ст. 76 Конституции РФ субъекты Федерации обладают полномочиями по их правовому регулированию [5, с. 26].

При этом следует учитывать, что в Российской Федерации совокупность прав и свобод, которые предоставляются иностранным гражданам и лицам без гражданства, а также обязанностей, которые на них возлагаются, обеспечиваются с учетом норм международного права. В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором России установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются нормы международного соглашения. К ним можно отнести Декларацию о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают 1985 г. [6], Европейскую социальную хартию [7] и т.д. Реализацию норм международного права о миграции следует рассматривать в рамках процесса административно-правового регулирования миграционных правоотношений.

В рассматриваемый комплекс нормативных правовых актов входит ряд федеральных законов, например Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без

гражданства в Российской Федерации» [8], федеральные законы, регулирующие правовой статус иностранцев и лиц без гражданства. В частности, к отношениям, подлежащим регулированию федеральным законом, можно отнести: выдачу вида на жительство либо права на временное проживание и временное пребывание иностранных граждан (лиц без гражданства); получение разрешения на осуществление трудовой деятельности на территории Российской Федерации; получение лицензии для ведения деятельности по трудоустройству граждан Российской Федерации за рубежом; производство по признанию лица беженцем; предоставление лицу временного (гуманитарного) убежища; осуществление иммиграционного контроля в отношении иностранных граждан (лиц без гражданства); осуществление депортации иностранных граждан (лиц без гражданства) и т.д.

В подзаконных нормативных актах уделено внимание контролю за находящимися в Российской Федерации иммигрантами, процедурам их пребывания, проживания, трудовой деятельности. Так, порядок проведения проверочных мероприятий, которые осуществляются сотрудниками ФМС России, определен вышеназванным приказом МВД России и ФМС России от 30 апреля 2009 г. № 338/97. Он регламентирует сроки и последовательность определенных административных процедур [9, с. 127].

К отношениям, подлежащим административно-правовому регулированию подзаконными нормативными правовыми актами, относят: 1) миграционные отношения в соответствии с федеральным законом или законом субъекта Российской Федерации; 2) так называемые вспомогательные (сопутствующие) миграционные отношения; 3) механизм реализации норм федерального закона, а также закона субъекта Российской Федерации; 4) миграционные отношения в случаях, предусмотренных федеральным законом; 5) миграционные отношения в пределах полномочий Президента РФ для регламентации вспомогательных (сопутствующих) миграционных отношений [10, с. 29].

Миграционные процессы регулируются и законодательством регионального уровня, а также локальными нормативными актами. При этом сфера действия локальных нормативных актов весьма ограничена, поскольку данное регулирование осуществляется в рамках компетенции миграционных органов или государственных миграционных учреждений и, как правило, регламентирует отношения, возникающие внутри таких учреждений. Так, локальные административно-правовые акты, регулирующие исследуемые правоотношения,

подразделяют на две группы: 1) акты, которые определяют режим нахождения беженцев и вынужденных переселенцев в государственных миграционных учреждениях (например, в центрах временного размещения); 2) административные регламенты, которые определяют порядок осуществления государственных функций, оказания государственных услуг [10, с. 31].

Таким образом, любое территориальное перемещение граждан, которое совершается как между разными населенными пунктами одной страны, так и различными государствами, представляет собою миграционный процесс, который подлежит регулированию национальным законодательством федерального и регионального уровней и международными нормами права.

Следует отметить, что, хотя Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» является одной из форм государственного регулирования миграционных процессов, поскольку направлен на обеспечение и исполнение установленных Конституцией РФ гарантий соблюдения права каждого на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства в пределах России и других прав и свобод личности, понятия «миграция», «миграционный процесс», «мигрант» в нем не раскрываются.

Достаточно часто понятие «миграция» отождествляют с миграционными процессами. Данное понятие ввиду своей многоаспектности имеет неоднозначную трактовку. С этимологической точки зрения термин «миграция» происходит от латинского слова «migratio», что означает перемещение, переселение [11, с. 247], поэтому под миграцией можно понимать перемещение людей через границы тех или иных территорий, связанное с переменой места жительства навсегда или на определенное время. С точки зрения юриспруденции это понятие представляет собой территориальное перемещение населения, при котором миграционным отношениям придается правовая форма, наступают определенные правовые последствия.

В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой одно из значений слова «процесс» – совокупность последовательных действий, направленных на достижение определенного результата [12]. Следовательно, в самом общем виде миграционный процесс можно представить как совокупность событий, влекущих за собой смену места жительства.

А.Н. Жеребцов предлагает под миграционным правоотношением понимать обществен-

ные отношения, которые урегулированы нормами административного права, содержанием которых является правовая связь между субъектами. С одной стороны, посредством такой связи мигрант реализует предоставленное ему Конституцией РФ право на свободу передвижения, а уполномоченные органы государственного или муниципального управления обязаны обеспечить реализацию указанных прав. С другой стороны, это отношения, возникающие в связи с потребностью в территориальном перемещении, либо при непосредственном территориальном перемещении, либо являющиеся результатом такого перемещения [10, с. 10].

Традиционно в отечественной доктрине в качестве элементов правоотношения выделяют объект, субъекты и содержание [13, с. 2]. Объектом миграционного правоотношения выступают материальные и духовные блага, а также сами действия его субъектов, которые совершаются при возникновении потребности в территориальном перемещении либо непосредственно в процессе территориального перемещения или являются результатом такого перемещения либо становятся необходимым условием такого перемещения [10, с. 20]. Субъектами такого правоотношения являются: миграционный орган (в исключительных случаях – другой орган государственного управления, который наделен соответствующей компетенцией), государственное миграционное учреждение, общественное объединение мигрантов, а также мигрант. Содержание миграционного правоотношения составляет субъективное право мигранта, которое осуществляется собственными действиями управомоченного лица либо с помощью действий обязанного субъекта. Другая особенность содержания миграционного правоотношения проявляется в том, что оно является отношением «власти-подчинения», поскольку обязанная сторона такого правоотношения обладает властными полномочиями по отношению к мигранту.

Исходя из этого, «миграционный процесс» в правовом смысле следует рассматривать как совокупность отношений, возникающих в результате территориального перемещения людей, обусловленную административно-правовым регулированием, влекущую приобретение, прекращение, изменение и реализацию правового статуса мигранта.

С целью унификации многих понятийных категорий и терминов, систематизации нормативных правовых актов, регулирующих миграционные процессы, в юридической литературе предлагается принять Миграционный кодекс РФ [14, с. 36].

По поводу формы административно-правового регулирования в сфере миграции населения научный интерес представляет позиция А.Н. Жеребцова, по мнению которого они должны формироваться адекватно системе стадий процесса административно-правового регулирования [10, с. 12]. Таким образом, форма должна отражать содержание определенной стадии административно-правового регулирования. В результате можно выделить следующие стадии: правотворчество, воздействие правовых предписаний на субъект правоотношений, реализацию норм права, государственное принуждение.

На стадии правотворчества административно-правовое регулирование, как уже упоминалось ранее, характеризуется международно-правовым, законодательным, подзаконным и локальным регулированием миграционных правоотношений. Вторая стадия означает доведение до сведения органа государственного управления (его структурного подразделения, должностного лица), а также мигранта соответствующей информации о целях, задачах, приоритетах и принципах правового регулирования управленческих отношений в сфере миграции населения. На стадии реализации норм права административно-правовое регулирование миграционных процессов осуществляется путем соблюдения, исполнения, применения нормативно-правовых предписаний.

Административно-правовое регулирование миграционных процессов осуществляется с помощью определенных методов, т.е. системы правовых средств. Следует отметить, что в административно-правовой науке сложился неоднозначный подход к определению метода правового регулирования. Иногда под методом понимают особый юридический режим, который существует в конкретном нормативном материале и тесно связан с определенной группой общественных отношений, т.е. с предметом правового регулирования [15, с. 157].

Метод рассматривается и как совокупность способов правового регулирования, к которым относятся дозволения, обязывания (предписания) и запрет [16, с. 45].

Высказана точка зрения и о том, что метод правового регулирования общественных отношений – это система типов и способов правового регулирования (воздействия) на общественные отношения, которые выражены в нормах права. При этом выделены общедозволительный, разрешительный или запретительный типы. В свою очередь, способы правового регулирования (запреты, дозволения,

правомочия, позитивное обязывание, стимулы и санкции) в различных вариациях с типом правового регулирования формируют приемлемый для того или иного вида общественного отношения способ воздействия права на общественное отношение. Из этого следует, что тип и способ правового регулирования в соответствии с изложенными научными подходами являются составными элементами структуры метода правового регулирования общественных отношений [17, с. 27].

Существуют и другие подходы к определению понятия метода административно-правового регулирования. Полагаем, что для регулирования миграционных отношений характерны следующие способы воздействия:

дозволение или, иначе, предоставление возможности выбора, который применяется при реализации норм о разрешительном порядке привлечения иностранных граждан для работы на территории Российской Федерации, о привлечении граждан Российской Федерации для работы за границей, об эмиграции российских граждан за пределы территории Российской Федерации и т.п.;

предписание, в результате которого устанавливается определенный порядок действия, например возложение обязанностей по осуществлению регистрации по месту пребывания и месту жительства граждан Российской Федерации, миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства, разрешение на привлечение и использование на территории Российской Федерации иностранной рабочей силы и др.;

установление запретов на совершение определенных действий, например, при осуществлении иммиграционного контроля, определении режима пребывания незаконных мигрантов и т.д.

Правовым последствием нарушения таких запретов выступает применение санкций за нарушение миграционного законодательства. К наиболее характерным нарушениям законодательства в сфере миграционных отношений можно отнести нарушения при оформлении и выдаче паспортов гражданам Российской Федерации, нарушения сроков оформления документов, порядка разрешения заявлений об утрате паспортов, регистрации граждан по месту пребывания (жительства). Достаточно распространенными являются нарушения правил пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации, нарушения законодательства при оформлении гражданства Российской Федерации [18, с. 66].

Таким образом, миграционное законодательство Российской Федерации составляет сложный комплекс нормативно-правовых актов федерального и регионального уровней, международных актов, регулирующих территориальное перемещение граждан, совершенное как между разными населенными пунктами, так и государствами.

В России миграционный процесс представляет совокупность отношений, возникающих в результате территориального перемещения людей, обусловленную административно-правовым регулированием, влекущую приобретение, прекращение, изменение и реализацию правового статуса мигранта. Регулирование миграционных процессов осуществляется путем предписаний, запретов, дозволений.

Характерными признаками миграционных правоотношений являются:

взаимодействие определенных субъектов (миграционный орган, государственное ми-

грационное учреждение, общественное объединение мигрантов; мигрант);

наличие правовой связи между данными участниками через субъективные права и юридические обязанности;

правовая регламентация субъективных прав и юридических обязанностей;

возможность применения государственного принуждения.

Современное состояние административно-правового регулирования миграционных процессов нуждается в разработке и принятии самостоятельного федерального закона, в котором целесообразно установить основы государственного регулирования миграционных процессов, закрепив перечень и статус основных субъектов миграционных отношений; понятие, направления и виды миграции; порядок выезда из России и въезда в нее, транзитного проезда через российскую территорию, регистрационного учета лиц по месту пребывания и по месту жительства в Российской Федерации.

1. Красинский В.В. *Несовершенство миграционного законодательства и угрозы национальной безопасности Российской Федерации // Современное право. 2013. № 2.*

2. *Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.: утв. Президентом РФ 13 июня 2012 г. URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 10.09.2015).*

3. *Рос. газ. 2009. 17 июня; 2013. 28 июня.*

4. *Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (в ред. от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.*

5. Овчинников О.А., Овчинников А.О. *Административно-правовое регулирование миграционных процессов в России // Административное право и процесс. 2011. № 9.*

6. *Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают: принята 13 дек. 1985 г. Резолюцией 40/144 на 116-ом пленарном заседании 40-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 255–259.*

7. *Европейская социальная хартия (пересмотренная): принята в г. Страсбурге 3 мая 1996 г. // Бюл. междунар. договоров. 2010. № 4. С. 17–67.*

1. Krasinsky V.V. *Imperfection of migration legislation and threats to national security of the Russian Federation // Modern law. 2013. № 2.*

2. *The concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period until 2025: appr. by the President of the Russian Federation d.d. June 13, 2012. URL: www.kremlin.ru (date of access: 09.10.2015).*

3. *Rus. newsp. 2009. June 17; 2013. June 28.*

4. *The Constitution of the Russian Federation: adopted by nation-wide vote on Dec. 12, 1993 (as amended on Dec. 30, 2008 № 6-FCL, on Dec. 30, 2008 № 7-FCL, on May 2, 2014 № 2-FCL, on July 21, 2014 № 11-FCL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.*

5. Ovchinnikov O.A., Ovchinnikov A.O. *Administrative and legal regulation of migration processes in Russia // Administrative law and procedure. 2011. № 9.*

6. *Declaration on the Human Rights of persons who are not citizens of the country in which they live: adopted on Dec. 13, 1985 by the Resolution 40/144 at the 116th plenary session of the 40th session of the UN General Assembly // The current international law. Moscow, 1996. Vol. 1. P. 255–259.*

7. *The European Social Charter (revised): adopted in Strasbourg on May 3, 1996 // Bull. of international agreements. 2010. № 4. P. 17–67.*

8. *On migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation: fed. law d.d. July 18, 2006 № 109-FL (as amended*

8. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: федер. закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ (в ред. от 22 дек. 2014 г. № 446-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2006. № 30. Ст. 3285; 2014. № 52, ч. 1. Ст. 7557.
9. Башинская И.Г., Башинская О.М. О некоторых проблемах теории и практики применения законодательства в сфере нелегальной трудовой деятельности мигрантов // Теория и практика общественного развития. 2014. № 15.
10. Жеребцов А.Н. Концепция административно-правового регулирования миграционных отношений в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.
11. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000. Т. 1.
12. URL: <http://www.efremova.info/word/protsess.html#ViEeaOztko>
13. Лазаренкова О.Г. Субъекты залоговых правоотношений в свете концептуальных изменений гражданского законодательства РФ // Рос. юстиция. 2015. № 2.
14. Казакова Т.В. Правовое регулирование миграционных процессов: проблемы и перспективы развития // Юрид. мир. 2014. № 5.
15. Алексеев С.С. Теория права: учеб. М., 1994.
16. Административное право: учеб. / под ред. Л.Л. Попова. М., 2002.
17. Жеребцов А.Н. Административно-правовой метод воздействия на миграционно-правовые отношения // Современное право. 2009. № 5.
18. Добыш М.А. Защита прав участников миграционных правоотношений // Законность. 2011. № 2.
- on Dec. 22, 2014 № 446-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2006. № 30. Art. 3285; 2014. № 52, pt. 1. Art. 7557.
9. Bashinskaya I.G., Bashinskaya O.M. On some problems of the theory and practice of application of legislation in the sphere of illegal employment of migrants // Theory and practice of social development. 2014. № 15.
10. Zherebtsov A.N. The concept of administrative and legal regulation migratory relations in the Russian Federation: auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 2009.
11. Dictionary of Russian language: in 4 vol. / ed. by D.N. Ushakov. Moscow, 2000. Vol. 1.
12. URL: <http://www.efremova.info/word/protsess.html#ViEeaOztko>
13. Lazarenkova O.G. Subjects of collateral relations in the light of the conceptual changes of the civil legislation of the Russian Federation // Rus. justice. 2015. № 2.
14. Kazakova T.V. Legal regulation of migration processes: problems and prospects // Legal world. 2014. № 5.
15. Alekseev S.S. The theory of law: textbook. Moscow, 1994.
16. Administrative law: textbook / ed. by L.L. Popov. Moscow, 2002.
17. Zherebtsov A.N. Administrative and legal method to influence the migration legal relations // Modern law. 2009. № 5.
18. Dobysh M.A. Protecting the rights of participants of legal migration // Legality. 2011. № 2.

Кучмезов Рустам Нурбиевич

адъюнкт кафедры административной деятельности
органов внутренних дел
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: rustam.kuchmezov.90@mail.ru)

Особенности осуществления производства по делам об административных правонарушениях участковым уполномоченным полиции в курортном регионе

В статье рассматривается содержание стадий производства по делам об административных правонарушениях. Выявляются меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, наиболее часто применяемые участковыми уполномоченными полиции. Анализируются особенности курортного региона.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, производство по делам об административных правонарушениях, стадии производства по делам об административных правонарушениях, курортный регион.

R.N. Kuchmezov, Adjunct of the Chair of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: rustam.kuchmezov.90@mail.ru

Features of the proceedings on administrative offenses by precinct police in the resort region

In article the maintenance of stages of production on cases of administrative offenses is considered. Measures of ensuring production on cases of administrative offenses come to light, naibly it is frequent, applied by district police officers. Features of resorts of the region are analyzed.

Key words: police precinct, proceedings on administrative offenses, stages of proceedings on administrative offenses, resort region.

Кодекс РФ об административных правонарушениях предоставил участковым уполномоченным полиции широкие полномочиями по реализации административно-юрисдикционной деятельности, но в практической работе по применению таких полномочий данные должностные лица имеют разного рода проблемы. Логическая последовательность административной юрисдикционной деятельности участкового уполномоченного полиции предполагает выделение стадий в производстве по делу об административном правонарушении, под которыми принято понимать «отдельную часть производства, имеющую индивидуальные, присущие только ей задачи, включающую в себя совокупность определенных процессуальных действий, выполняемых в установленные законом сроки на основе принципов административного производства, имеющую самостоятельный круг субъектов, наделенных определенными правами и обязанностями, и завершающуюся принятием соответствующего процессуального документа» [1, с. 17].

Как, правило, в производстве по делу об административном правонарушении условно выделяются процессуальные действия: по возбуждению дела об административном правонарушении; рассмотрению дела об административном правонарушении; пересмотру вынесенного постановления и (или) решения; исполнению постановлений по делам об административных правонарушениях. Согласно п. 77.2 Наставления об организации деятельности участкового уполномоченного полиции он составляет протоколы об административных правонарушениях, а в случае необходимости применяет меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, содержащиеся в ч. 1 ст. 27.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях, в том числе осуществляет административное задержание; проводит административное расследование в порядке, установленном ст. 28.7, а также может вынести постановление об административном наказании – предупреждение или административный штраф.

Вопрос количества стадий и определения исходной стадии вызвал дискуссию, суть ко-

торой в том, что отдельные специалисты рассматривают административное расследование в качестве этапа в стадии возбуждения дела об административном правонарушении, а другие возбуждение дела об административном правонарушении – в качестве этапа стадии административного расследования. Так как аргументов по этому поводу довольно много [2, с. 24; 3, с. 239; 4, с. 212], а принципиальность позиции не влияет на достижение цели исследования, ограничимся мнением известных ученых А.С. Дугенца и М.Я. Масленникова, которые утверждают, что «названный первый этап производства по делу об административном правонарушении не ограничен легитимно, т.е. определенными статьями КоАП РФ, хотя наиболее выразительно по форме характеризуется двумя ключевыми статьями: ст. 28.1 – «Возбуждение дела об административном правонарушении» и ст. 28.7 – «Административное расследование»» [5, с. 5].

Возбуждение дела об административном правонарушении является основной стадией. Следующие административно-процессуальные акты возможны исключительно за возбуждением дела. Обнаружение повода для возбуждения дела об административном правонарушении не всегда сопровождается составлением протокола об административном правонарушении. На данной стадии Б.Р. Зуев выделяет следующие функциональные этапы: «Установление фактических обстоятельств дела, сбор и фиксация доказательств, оценка доказательств и квалификация деяния, оформление процессуального документа о возбуждении дела, направление материалов дела на рассмотрение» [6, с. 26–27]. Для их реализации участковый уполномоченный полиции нуждается в уточнении полученных данных и для этого может применять меры обеспечения производства по делу. Кроме того, в условиях курортного сезона реализацию таких мер следует считать составной частью административно-правовых средств, сконцентрированных на предупреждение противоправного поведения, т.е. преступлений и административных правонарушений.

Анализ проведения производства по делам об административных правонарушениях участковым уполномоченным, несущим службу в курортном регионе, позволяет утверждать, что наиболее распространенными мерами обеспечения производства являются разнообразные виды досмотра, доставление, а также изъятие вещей и документов, имеющих доказательственное значение.

Результаты исследования практического осуществления и правовой природы мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях позволяют кон-

статировать определенные проблемы [7; 8], в том числе в условиях курортного региона. Отсутствие в современном законодательстве конкретных сроков применения доставления, неточность в определении условий правомерного выполнения личного досмотра и досмотра вещей существенно осложняют адекватную реакцию участковых уполномоченных полиции на совершение административных правонарушений.

Осознавая общность цели, единство процессуального значения, порядок возможного воздействия на правонарушителя, содержащиеся в мерах процессуального обеспечения, а также их процессуальную необходимость в производстве по делу об административном правонарушении, следует обратить особое внимание на то, что «59% участковых уполномоченных полиции не в полной мере понимают, какие действия в отношении досматриваемых и их вещей не выходят за рамки закона и являются допустимыми с точки зрения возможности нарушения целостности обследуемых объектов при осуществлении досмотра» [9, с. 90]. Так, например, осуществление личного досмотра в условиях курортного муниципального образования может быть осложнено, на первый взгляд, такой банальной ситуацией, когда на физическом лице почти нет одежды, но оно находится в состоянии сильного алкогольного опьянения. В регионе, не обладающем признаками приморского курорта, такая ситуация воспринимается как обладающая признаками хищения. На курорте же эта ситуация, можно сказать, типичная. Проблему образует отсутствие каких-либо документов, т.е. установить личность до вытрезвления невозможно, а после вытрезвления лица, оказавшиеся в таком положении, часто склонны писать жалобы на действия участкового уполномоченного полиции или заявления о совершенном в отношении их преступлении с целью оправдаться перед своими близкими.

Оптимальный прием для того, чтобы исключить такого рода противоречия, – проведение досмотра в присутствии понятых. Обостряющаяся ситуация с ростом административной деликтности диктует необходимость усиления роли взаимодействия органов внутренних дел с другими субъектами на стадиях возбуждения и административного расследования дел об административных правонарушениях [10].

На оформление дела с использованием мер обеспечения производства участковый уполномоченный полиции в зависимости от уровня его подготовленности, а также поведения лица, в отношении которого ведется производство, тратит от 25 до 40 минут. А в случаях действительного привлечения понятых данный отрезок

времени удваивается. Чтобы получить их согласие присутствовать в роли понятых, требуется подробно объяснить, с какой целью, куда и на какое время необходимо отвлечься от своих личных дел.

Анализ информационно-аналитических записок к отчетам перед населением участковыми уполномоченными полиции Зеленоградского района Калининградской области за 2013–2015 гг. позволил отметить такую проблему: жители города не идут на контакт с сотрудниками полиции, категорически отказываются присутствовать в качестве понятых. Чего нельзя сказать о черноморских курортах Краснодарского края и курортах Кавказских Минеральных Вод. ГУ МВД России по Краснодарскому краю инициировало разработку типового соглашения, форма которого регламентирована приказом Министерства регионального развития РФ от 2 декабря 2009 г. № 555 «Об утверждении формы договора (соглашения), заключаемого федеральными органами исполнительной власти и (или) их территориальными органами с казачьими обществами».

Учитывая, что более половины административных правонарушений совершается в ночное время, точнее в спектре времени от 21 до 24 часов и даже позднее, в местах вечернего отдыха курортных городов, привлечение понятых становится проблемой. График службы казачьих дружин не предполагает такого позднего времени. Не решает данную проблему и активное использование помощи внештатных сотрудников в соответствии с приказом МВД России от 10 января 2012 г. № 8 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности внештатных сотрудников полиции». Эти причины в сочетании с дефицитом теоретических рекомендаций об организации действий в таких случаях создают условия для поиска альтернативных процедур. На наш взгляд, эффективной рекомендацией может стать активное использование положений, предусмотренных в ч. 5 ст. 27.7, ч. 4 ст. 27.9, ч. 4 ст. 27.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях, когда «в случае необходимости» в качестве допустимого способа фиксации доказательств возможно применение фотосъемки или видеозаписи.

В 63% случаев обнаружения правонарушителя невозможно определить его личность непосредственно на месте либо имеют место иные обстоятельства, служащие помехой для составления протокола об административном правонарушении. Данные обстоятельства обуславливают ограничение самостоятельного свободного передвижения лица и последующее препровождение в служебное помещение полиции, т.е. осуществление доставления в соответствии со ст. 27.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Однако

результаты анкетирования показали, что только 41% участковых уполномоченных полиции всегда применяют доставление для проведения производства по делу об административном правонарушении.

Заслуживающим внимания является предложение И.А. Зайцева о «необходимости нормативного закрепления права участкового уполномоченного полиции осуществлять производство по делу об административном правонарушении в отношении физического лица, чьи анкетные данные не установлены. Для этого следует предусмотреть в Кодексе РФ об административных правонарушениях возможность внесения определения о присвоении цифрового обозначения физическому лицу, в отношении которого ведется производство и личность которого не установлена. Обязательным приложением к такому документу должны стать фотография лица и его дактилоскопическая карта, составленная в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»» [11, с. 12].

Таким образом, неопределенность ситуаций, складывающихся в процессе применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях участковыми уполномоченными, практически не предполагает универсального алгоритма действий. На таком фоне определение типовых приемов их осуществления в Наставлении по организации деятельности участковых уполномоченных полиции было бы крайне полезным, т.к. детальная нормативно-правовая регламентация отдельных приемов позволит сформировать адекватное реагирование на любое изменение в рабочей обстановке или действия правонарушителя.

Следующим этапом стадии возбуждения дела является документальное оформление – вынесение протокола об административном правонарушении. Подчеркивая процессуально-правовое и процедурное значение протокола об административном правонарушении, А.С. Дугенец и М.Я. Масленников отмечают, что «без этого процессуального документа невозможно завершение производства по делу об административном правонарушении независимо от того, составлен ли он как первичный акт по факту обнаружения деяния, имеющего признаки административного правонарушения, либо как итоговый акт – документ, составленный по результатам административного расследования (ч. 1 ст. 28.2, ч. 6 ст. 28.7 КоАП РФ). Юридическое качество протокола об административном правонарушении предопределяет качество результатов рассмотрения дела об административном правонарушении и непоколебимость выносимого по делу постановления, определения либо иного решения» [12].

Отсутствие единой типизированной формы протокола об административном правонарушении препятствует внедрению единой государственной статистической отчетности. Учет статистических данных создает предпосылки для выполнения задач законодательства об административных правонарушениях и задач производства по делам о них, а также назначения наказания, соразмерного тяжести правонарушения, с учетом данных о личности правонарушителя [12]. При отсутствии единой утвержденной формы протокола об административном правонарушении, в отличие от того, как это осуществлялось ранее в соответствии с приказом МВД России № 130, участковые уполномоченные полиции прибегают к поискам вариантов решения этого вопроса в законах субъектов Российской Федерации.

Форма протокола об административном правонарушении должна утверждаться Правительством РФ, быть единой независимо от того, на каком уровне предусмотрена административная ответственность. Вопрос о включении в нее отдельных реквизитов может решаться только на уровне Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Следующей, второй стадией производства по делам об административных правонарушениях считается непосредственное рассмотрение дела. На данном этапе в соответствии со ст. 29.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях участковому уполномоченному необходимо выяснить: подведомственно ли ему дело; соблюдены ли требования к качеству протокола об административном правонарушении и других материалов дела; имеются ли обстоятельства, исключающие производство по делу; достаточно ли доказательств для рассмотрения дела. Практически значимую проблему образует юридическая квалификация административного правонарушения. В ходе расследования административного правонарушения, в зависимости от ситуации, информация может быть обращена к объекту, объективной стороне, субъекту или субъективной стороне. При совершении очевидного административного правонарушения обычно, в первую очередь, выделяются юридически значимые признаки объективной стороны. О них можно судить по способу совершения правонарушения, по наступившим или возможным последствиям. В практической деятельности у участкового уполномоченного полиции уже на этой стадии имеются предположения о правовой норме, по которой возможно квалифицировать административное правонарушение.

Как отмечает в своей работе М.Е. Труфанов, «практика применения норм административного законодательства показывает, что подведение деяния под административно-правовую норму

часто происходит посредством мгновенного (симультанного) узнавания. Такое узнавание характеризуется автоматизмом сравнения деяния и нормы, признаки которых хранятся в памяти. В какой-то мере оперативность этого процесса может выступать как преимущество. В остальном же подмена сознательно осуществляемой мыслительной деятельности простым угадыванием ведет к субъективизму и образности при квалификации административных правонарушений» [13, с. 161]. При отсутствии у участкового уполномоченного полиции достаточного личного опыта это чревато возможными ошибками.

Принципиально значимыми для подготовительного этапа, по нашему мнению, выступают отношения, образуемые ч. 3 ст. 29.4. Кодекса РФ об административных правонарушениях. Временно присутствующие на территории курорта отдыхающие, в отношении которых участковым уполномоченным ведется производство по делу об административном правонарушении, довольно часто покидают место отдыха. Причиной может быть как проявление нигилизма, так и элементарное истечение срока пребывания на отдыхе. В таких случаях следует учитывать обстоятельства, предусмотренные ч. 3 и ч. 4 ст. 25.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях:

1) присутствие при рассмотрении дела лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, может быть признано обязательным самим участковым уполномоченным полиции, рассматривающим дело;

2) при рассмотрении дела обязательно присутствие лица, в отношении которого ведется производство, если санкция применяемой статьи предусматривает применение административного ареста или административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранного гражданина либо лица без гражданства.

Стадия рассмотрения дела завершается вынесением постановления о назначении административного наказания либо о прекращении производства по делу, а в тех случаях, когда в деянии обнаружены признаки преступления, материалы передаются в орган предварительного расследования. По окончании второго этапа возможно также вынесение определений о передаче дела на рассмотрение субъекту административной юрисдикции, уполномоченному назначать административные наказания иного вида или размера. Таким образом, стадия рассмотрения в административной юрисдикционной деятельности участкового уполномоченного полиции является наиболее емкой по правовому значению и содержанию. Опираясь на мнение А.С. Дугенца и М.Я. Масленникова [14], следует особо отметить, что ее соци-

ально-правовая ценность убеждает в том, что в общетеоретическом аспекте названную функцию правоприменения следует определять не как функцию «административного преследо-

вания» с дополнением функцией защиты, как функцию установления объективной истины и вынесения постановления (определения), соответствующего указанному назначению.

1. Пивченко Ю.В. Возбуждение дела об административном правонарушении: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.

2. Телегин А.С. Административное расследование: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1983.

3. Васильев Ф.П. Процессуальность в административной ответственности. М., 2001.

4. Якимов А.Ю. Статус субъекта административной юрисдикции и проблемы его реализации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996.

5. Дугенец А.С., Масленников М.Я. Административное расследование в производстве по делам об административных правонарушениях, проводимое сотрудниками милиции // Науч. портал МВД России. 2010. № 1.

6. Зувев Б.Р. Возбуждение дела об административном правонарушении: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

7. Красноглазов А.Ю. Обеспечение законности в применении административно-процессуальных мер на стадии возбуждения дела об административном правонарушении: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

8. Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

9. Гапонов О.Н. Реализация мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

10. Шевченко О.А. Взаимодействие органов внутренних дел с другими субъектами на стадиях возбуждения и административного расследования дел об административных правонарушениях в области дорожного движения // Административное право и процесс. 2014. № 6.

11. Зайцев И.А. Производство по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

12. Дугенец А.С., Масленников М.Я. Протокол об административном правонарушении: процессуально-правовое и процедурное значение // Науч. портал МВД России. 2009. № 1.

13. Труфанов М.Е. Применение норм административного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.

14. Дугенец А.С., Масленников М.Я. Рассмотрение дела об административном правонарушении: функция, структура, правовое значение стадии // Науч. портал МВД России. 2011. № 1.

1. Pivchenko Yu.V. The initiation of proceedings of an administrative offense: diss. ... Master of Law. Omsk, 2005.

2. Telegin A.S. Administrative investigation: diss. ... Master of Law. Sverdlovsk, 1983.

3. Vasilyev F.P. Procedure in the administrative responsibility. Moscow, 2001.

4. Yakimov A.Yu. The status of the subject of administrative jurisdiction and problems of its realization: diss. ... Dr of Law. Moscow, 1996.

5. Dugenets A.S., Maslennikov M.Ya. The administrative investigation proceedings on cases of administrative offenses, carried out by police officers // Sci. portal of the Ministry of the Interior of Russia. 2010. № 1.

6. Zuev B.R. The initiation of proceedings of an administrative offense: diss. ... Master of Law. Moscow, 2004.

7. Krasnoglazov A.Yu. Legality ensuring in the application of administrative and procedural measures at the stage of initiation of the case on administrative violation: diss. ... Master of Law. Moscow, 1999.

8. Kaplunov A.I. Administrative coercion applied by law-enforcement bodies (system-legal analysis): diss. ... Dr of Law. Moscow, 2005.

9. Gaponov O.N. Implementing measures to ensure the production on cases on administrative offenses, encroaching on public order: diss. ... Master of Law. Moscow, 2006.

10. Shevchenko O.A. Interaction of the internal affairs bodies with other stakeholders in the stages of initiation and administrative investigation of administrative cases in the field of traffic // Administrative law and process. 2014. № 6.

11. Zaitsev I.A. Proceedings in cases on administrative offenses: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2012.

12. Dugenets A.S., Maslennikov M.Ya. The protocol on administrative offense: procedural law and procedural value // Sci. portal of the Ministry of the Interior of Russia. 2009. № 1.

13. Trufanov M.E. Application of rules of administrative law: auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 2007.

14. Dugenets A.S., Maslennikov M.Ya. The case of an administrative offense considering: function, structure, legal value of stage // Sci. portal of the Ministry of the Interior of Russia. 2011. № 1.

Самойлов Сергей Федорович

доктор философских наук, профессор,
заместитель начальника кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583516)

Внешние признаки субкультуры участников праворадикального движения нс-скинхедов

В статье дается качественный анализ морфологии субкультуры нс-скинхедов. Характеризуются основные социальные типы, встречающиеся в данной субкультуре.

Ключевые слова: субкультура, скинхеды, праворадикализм, социальная группа, молодежь.

S.F. Samoilov, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516.

The external signs of radical right organization subculture participants national socialist skinhead

The article gives a qualitative analysis of the morphology of the white power skinhead subculture. Characterize base (main) social types of this subculture.

Key words: subculture, skinheads, radical right, social group, young people.

Для радикальных групп нс-скинхедов внешний вид очень важен. Это форма внешней инициации и самоидентификации. Зная примерную морфологию субкультуры, возможно прогнозировать поведение по отличительным признакам. Традиционный для нс-скинхедов внешний вид можно описать следующим образом. Очень короткая стрижка или наголо бритая голова. В качестве верхней одежды популярны: бомберы – куртки без воротника и на молнии, штурманы – куртки с молнией и воротником, наиболее предпочтительными цветами являются черный и темно-зеленый. Вместо брюк используют джинсы фирм Levis и Wrangler, как правило, светлосинего цвета, а также джинсы «варенки». Среди футболок особой популярностью пользуется марка Lonsdale, поскольку надпись на ней через расстегнутую куртку выглядит как аббревиатура гитлеровской партии. Не менее популярными являются торговые марки ThorSteinar и PitBull, первая в качестве логотипа использует рунические знаки, вторая – оскаленную морду породы питбуль. Спортивная одежда, прежде всего поло и тенниски фирмы FredPerry, основанной знаменитым спортсменом, – логотипом является лавровый веночек. Рубашки коричневого и черного цветов фирмы BenSherman с пуговицами на воротнике и петлей на спине, которые были популярны еще у модов – предшественников традиционных скинхедов. Спортивная одежда, особенно футболки российской

фирмы «WhiteRex», «Дух Воина», которая использует элементы языческой и неоязыческой символики. Из обуви наибольшей популярностью пользуются ботинки и берцы фирм Dr. Martens и Grinders. Первые были разработаны участником Второй мировой войны Клаусом Мертенсом в 1945 г. сразу же после окончания боевых действий, первоначально при их производстве использовались трофейные материалы, в частности стельками служили эполеты. В 1968 г. группа скинхедов, обутая в берцы Dr. Martens, сорвала демонстрацию против войны во Вьетнаме. Вторые берцы появились в 1965 г. и получили популярность благодаря наличию металлических вставок в носках, делающих их мощным оружием в уличных драках. Дополнительную популярность ботинки Grinders получили благодаря тому, что их носили участники рок-групп «Guns N' Roses» и «Prodigy».

Большое значение в традиционной субкультуре нс-скинхедов имеет цвет шнурков берцев. Так, белый цвет означает «белую идею», принадлежность к высшей расе. Одновременно белые шнурки противопоставляют нс-скинхеда традиционным скинхедам, они вошли в городской фольклор и литературу. Право на ношение белых шнурков нужно заслужить участием в избиении «черных» или «шавок» – антифашистов. Если ношение белых шнурков однозначно свидетельствует о принадлежности к нс-скинхедам или бонхедам, то использование

красных шнурков менее однозначно. Чаще всего их ношение рассматривается как принадлежность к S.H.A.R.P. – скинхедам, представляющим враждебную бонхедам группировку. Однако красные шнурки могут принадлежать и нс-скинхеду, участвовавшему в «акции», но никогда не убившему. Синие шнурки означают принадлежность к скинхедам и ведение здорового образа жизни. Коричневые шнурки свидетельствуют о приверженности их владельца идеям гитлеризма, поскольку штурмовики носили коричневые рубашки, а сам цвет стал прочно ассоциироваться с национал-социализмом. Также в данной субкультуре популярно ношение камуфляжа и отдельных элементов военной формы.

Традиционно для нс-скинхедов ношение татуировок. Наиболее популярными из них являются следующие: аббревиатура A.C.A.B. – «Allcopsarebastards» («Все полицейские ублюдки»), однако данная татуировка может принадлежать и представителям других субкультур; «коловрат», представляющий собой «славянский» вариант свастики; «паутина», символизирующая негативное отношение к государственной «системе»; изображения различных нацистских символов – свастики, «черного солнца», имперского орла, мертвой головы, рун и т.д.; «кельтский крест», представляющий собой равносронный крест, выходящий за круг.

Нс-скинхеды широко применяют различные аббревиатуры, цифровые шифры и сочетания кодовых слов и цифр. Например: 28 означает «кровь и честь» – выражение, служившее лозунгом гитлерюгенда, 88 – число «заповедей» американского неонациста Дэвида Лэйна, осужденного на пожизненное заключение и умершего в тюрьме, 18 представляет собой кодировку имени Адольф Гитлер, 14/88 – «четырнадцать слов Дэвида Лэйна»: «Wemustsecuretheexistenceofourpeopleandafutureforwhitechildren» («Мы должны обеспечить существование нашего народа и будущее для белых детей»).

Характеризуя субкультуру нс-скинхедов, следует остановиться на правилах поведения, принятых в ней, поскольку от строгости соблюдения данных правил зависит авторитет индивида в глазах его товарищей и положение в группе («бригаде», «команде»). Так, настоящий скинхед должен:

всячески выражать презрение к лицам, принадлежащим к «не-русской» национальности, а тем более небелой расе;

противодействовать дружбе русских с «не-русскими»;

не обращаться, за исключением крайних случаев, к «нерусским» за помощью;

не проявлять сострадания к лицам «низшей расы» и «инородцам»;

как можно чаще вредить «инородцам», оскорблять и избивать их, портить принадлежащее им имущество;

не пользоваться продукцией с ярко выраженным африканским или азиатским происхождением;

в случае встречи русской девушки, идущей вместе с представителем небелой расы или кавказцем, парня полагается избить, девушке сделать внушение, но не трогать;

поддерживать своих в драке, не устанавливая причин ее возникновения;

защищать русских людей от «инородцев», если они не являются демократами, пацифистами или сектантами;

мстить обидчикам как своей «команды», так и врагам нс-скин-движения в целом;

постоянно проявлять агрессию и участвовать в драках, чтобы не утратить свой авторитет в группировке, альтернативой агрессивности может служить деятельность по поддержке скин-движения в целом, которая выражается в сочинении песен и музыки, в написании и распространении листовок, в поддержке взаимосвязи с праворадикальными организациями.

В субкультуре нс-скинхедов большое значение имеет возраст участника движения. По этой причине можно классифицировать нс-скинхедов по возрастному признаку. Возрастными группами нс-скинхедов являются:

«малолетки», подростки 12–14 лет, попавшие под влияние уличной романтики и нацистской символики;

«молодняк», подростки от 14 до 16 лет, способные осознать основные идеи движения, создающие самостоятельные группировки и участвующие в «тусовках» и митингах старших скинхедов;

«старшаки», молодые люди 16–20 лет, обладающие достаточно твердыми расистскими и нацистскими убеждениями, позволяющими им вести пропагандистскую деятельность и ориентироваться в разнообразии политических идеологий и организаций праворадикального толка;

«старые скинхеды», молодые люди от 20 лет, обладающие авторитетом и стажем пребывания

ния в движении от 5 до 10 лет, организованные в тесное сообщество, связанное круговой порукой и участием в преступлениях экстремистского и общеуголовного характера.

В целом статус лица в группировке нс-скинхедов зависит от следующих факторов:

возраст и стаж пребывания в движении;

физическая сила и степень агрессивности;

количество избитых «недочеловеков»;

участие в получивших общественный резонанс преступлениях;

принадлежность к крупной группировке;

связи с праворадикальными организациями;

вклад в популяризацию движения.

В субкультуре нс-скинхедов можно выделить три основных социальных типа, отражающих характер интересов ее участников. Эти типы выражают три основные формы данной субкультуры. Один из исследователей субкультуры скинхедов С. Беликов называет представителей данных типов «музыкантами», «спортсменами» и «политиками».

Первым выделенным С. Беликовым типом и одновременно субкультурным течением являются «музыканты». Для «музыкантов» характерен интерес прежде всего к определенным музыкальным направлениям. Наиболее популярными среди нс-скинхедов музыкальными направлениями являются: национал-социалистический блэк-метал, языческий метал, фолк-метал и викинг-метал. Самой известной группой, нацеленной специально на аудиторию нс-скинхедов, является группа «Коловрат», в репертуаре которой присутствуют песни, посвященные «будням скинхедов».

Характеризуя специфику образа жизни скинхедов-«музыкантов», С. Беликов пишет: «Движение скинхедов в России своим развитием и возникновением во многом обязано влиянию особого вида агрессивной рок-музыки. Поэтому у части скинхедствующей молодежи основным видом деятельности является посещение музыкальных концертов, в основном тех групп, которые в свои концертные выступления и тексты песен включают фашистские и нацистские лозунги, призывы к действию (агрессии, расизму, геноциду и т.п.). Поклонники музыки могут также заниматься коллекционированием и обменом видео- и аудиокассет с записями этих групп, музыкальными журналами, символикой и атрибутикой этих групп. В среде поклонников скин-музыки могут быть попытки самостоятельного исполнения собственных текстов пе-

сен, естественно, со значительным расистско-нацистским уклоном, как правило, они исполняются для небольшого круга друзей. Этот же слой скинхедствующей молодежи является наиболее «мирным», поскольку бритоголовые музыканты совершают погромы и избиения только при очень удобном случае или для поддержания «авторитета» [1].

Вторым социальным типом нс-скинхедов являются «спортсмены», представляющие собой одновременно наиболее агрессивную и наиболее известную часть скинхед-движения. Для «спортсменов» характерен культ физической силы, все свое свободное время они проводят в спортивных залах и клубах, секциях боевых единоборств, которые могут быть как официальными, так и подпольными. Но в любом случае места спортивных занятий нс-скинхедов закрыты для представителей «низших рас» или носителей «неправильной» идеологии. «Спортсмены», как правило, организованы в группы, называемые бригадами, которые постоянно участвуют в уличных драках. Социальный статус члена группировки зависит, прежде всего, от его силы и лидерских способностей. Соответственно этому лидерами «бригад» часто становятся лица, мало интересующиеся идеологической составляющей движения нс-скинхедов, но зато способные подчинить себе волю других членов группировки.

Специфика жизни «спортивных» группировок нс-скинхедов раскрывается С. Беликовым следующим образом: «Скинхеды этой группы и постоянные зачинщики драк на концертах, сходках, нацистских праздниках, неприменные участники погромов и акций устранения. Обычно они предпочитают действовать самостоятельно, не сотрудничая с различными праворадикальными партиями и организациями. Однако для проведения особенно крупных акций они могут временно объединяться с футбольными фанатами. В драке они действительно страшны, разъяренный скинхед напоминает боевую машину, скорости и точности ударов позавидует боксер-разрядник. Эти же группы являются наиболее криминализированными, у участников этих групп самый большой процент заведенных на них уголовных дел, имеются данные об их связях с преступным миром. Благодаря многочисленным газетным публикациям такая разновидность бритоголовых наиболее известна обычному, среднему человеку. Как правило, именно деятельность бритоголо-

вых «спортсменов» создает скин-движению его грозную и свирепую репутацию» [1]. Таким образом, для «спортсменов» расистская идеология является лишь поводом для обнаружения врага и вымещения на нем своей злобы. Кроме того, со временем идеология превращается в прикрытие криминальной деятельности.

Третьим социальным типом нс-скинхедов являются «политики». Если «музыкантами» являются, как правило, наиболее молодые и начинающие скинхеды, а «спортсмены» в своей массе – это более зрелые лица, то «политиками» становятся «ветераны» скинхед-движения. Для «политиков» характерно увлечение различными видами расовой теории, национал-социалистической и националистической идеологии. Они имеют собственную систему социальных взглядов и политических предпочтений.

«Политиков» можно разделить на три основные категории. Первые, как правило, излагают свои взгляды узкому кругу знакомых, и их личный авторитет зависит от убедительности их аргументов. Поскольку авторитет первой категории «политиков» признается в первую очередь молодыми скинхедами, то их с известной долей условности можно назвать «воспитателями». В отличие от «воспитателей» вторая категория скинхедов, увлеченных прежде всего ультраправой идеологией, может быть названа «юнионистами», поскольку для принадлежащих к ней лиц характерно стремление к объединению всех участников скинхед-движения. Третья, наиболее авторитетная и малочисленная категория «политиков» может быть названа «координаторами», их главной специфической чертой является то, что они поддерживают связи с праворадикальными партиями и сами координируют проведение различных акций скинхедов.

Вторую и третью группы «политиков» С. Беликов характеризует следующим образом: «Небольшая группа бритоголовых “политиков”, следуя примеру “собратьев по борьбе” на Западе и в Европе, а особенно в Англии (исконном месте зарождения скин-движения), пытаются наладить четкую систему жестко связанных между собой ячеек, расположенных в различных регионах России, стран ближнего зарубежья, а также и за границей. Они стараются создать собственную политическую партию или организацию и в конечном счете объединить и сплотить всех скинхедов России в нечто единое.

Часть наиболее политизированных бритоголовых, понимая неорганизованность и незрелость своего движения, неумение ориентироваться в политическом и околополитическом мире, пытаются более тесно сотрудничать с относительно крупными и устойчивыми партиями и организациями типа РНЕ, РНС, ННП, ЛДПР, РНЛ, РОД и многими другими. В обмен на помощь и поддержку бритоголовые обеспечивают им в своем лице значительную часть новобранцев и сочувствующих, помогают при проведении сходок и митингов, принимают участие в “силовых” акциях, распространении литературы и пропаганде.

Существует и еще одна любопытная категория бритоголовых, которые называют себя скинхедами и являются членами различных скинхедских организаций, но по своему нынешнему состоянию уже давно переросли скинхедский статус настоящего бритоголового и, по всей видимости, являются новой неизученной формацией русских националистов и национал-патриотов. Как правило, они являются основными идеологами всего движения, его основными координаторами, организаторами и вдохновителями всех мало-мальски крупных акций (митингов, пикетов, шествий, праздников), а также издателями литературы (журналов, газет и листовок)» [1].

Естественно, разделение скинхедов на «музыкантов», «спортсменов» и «политиков» является достаточно условным. Однако оно позволяет зафиксировать основные характерные черты субкультуры скинхедов, а также демонстрирует основные этапы отбора и вовлечения молодежи в праворадикальную среду. Так, сначала вовлечение осуществляется посредством музыки и основано на использовании подросткового идеализма, максимализма и энтузиазма. На данном этапе музыка служит лишь оформлением агрессивности, которая выступает под маской осмысленного и приятного времяпровождения. Затем затрагивается свойственное молодежи стремление к риску, преодолению трудностей, самоутверждению в глазах сверстников. Данную функцию выполняют «бригады» скинхедов. И наконец, стремление к власти и социальному признанию реализуется посредством участия скинхедов в политической деятельности. Все три социальных типа, формируемых субкультурой нс-скинхедов, позволяют охарактеризовать ее в целом как

гедонистическую, агрессивную и политизированную субкультуру.

Современное общество вступило в информационную эру, в которой быть – значит быть в социальном сознании. Информатизация деятельности праворадикальных движений ведет к трансформации праворадикализма в информационный экстремизм [2]. При этом стоит учитывать и тот факт, что растет уровень социальных противоречий институционального характера, которые, не будучи осознаваемыми

современной молодежью, ведут к актуализации деструктивных процессов [3]. Для современного состояния субкультуры нс-скинхедов характерно наличие в ней трансформационных процессов, приводящих к потере ею привычного образа. В первую очередь это проявляется, с одной стороны, в ее тяготении к соединению с субкультурой футбольных фанатов, а с другой – в постепенной «атомизации» ее структуры и превращении в субкультуру автономных праворадикалов.

1. Беликов С.А. *Бритоголовые: все о скинхедах. Эксклюзивные материалы.* М., 2002. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1038453540> (дата обращения: 22.06.2015).

2. Кубякин Е.О., Сафронов А.Н. Информационный экстремизм в среде молодежи как деструктивный феномен современного российского общества // *Вестн. Краснодар. ун-та МВД России.* 2013. № 4(22). С. 100–104.

3. Плотников В.В. Деструкция социальной группы как среда существования экстремизма // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2014. № 4. С. 38–41.

1. Belikov S.A. *Skinheads: all about skinheads. Exclusive materials.* Moscow, 2002. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1038453540> (date of access: 22.08.2015).

2. Kubyakin E.O., Safronov A.N. Information extremism among young people as a destructive phenomenon of modern Russian society // *Bull. of Krasnodar university of Russian MIA.* 2013. № 4(22). P. 100–104.

3. Plotnikov V.V. Destruction of social group as environment of existence of extremism // *Humanitarian, social and economic and social sciences.* 2014. № 4. P. 38–41.

Затолокин Александр Александрович

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры административной деятельности
органов внутренних дел
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: zatolokin09@rambler.ru)

ИГИЛ и гитлеровская Германия: соотношение угроз для национальной безопасности России

Проводя ретроспективный анализ, автор сравнивает угрозы для национальной безопасности СССР при агрессии гитлеровской Германии и угрозы для России, исходящие от запрещенной террористической организации ИГИЛ. Вырабатывает и обосновывает формы (внешние и внутренние) противодействия этим угрозам.

Ключевые слова: государственный террор, гитлеровская Германия, террористическая организация ИГИЛ, физическое истребление, сырьевые ресурсы, новый мировой порядок, национальная безопасность.

A.A. Zatolokin, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zatolokin09@rambler.ru

Hitler's Germany and the terrorist organization Islamic State: the ratio of threats to national security of Russia

Carring out a retrospective analysis, the author compares the threat for the national security of the USSR in the aggression of Hitler's Germany and the threat for Russia posed by the banned terrorist organization IS. The author suggests and justifies forms (internal and external) to counter this threat.

Key words: state terror, Hitler's Germany, terrorist organization Islamic State, physical extermination, raw materials, new world order, national security.

Складывающаяся в последнее время ситуация вокруг запрещенной террористической организации «Исламское государство» (ИГИЛ) вызывает все большую тревогу как на международной арене, так и внутри Российской Федерации. Сложно переоценить ту проблему, которая возникла в лице ИГИЛ для Российского государства. Хотя, к счастью, для большинства граждан России события, происходящие в Сирии, Ливии, Ираке, Турции, являются чем-то далеким, напрямую не затрагивающим их права. Угроза, исходящая от данной организации, по масштабам, в широком всемирно-историческом контексте, сопоставима с угрозой от гитлеровской Германии (1940–1945 гг.) по целому ряду факторов. В целях выработки наиболее эффективных мер, направленных на противодействие данной угрозе, перечислим факторы, по которым террористическая организация ИГИЛ схожа с гитлеровской Германией.

Во-первых, идеология. На первый взгляд, может показаться странным сравнение государства и организации. Тем не менее, квазигосударство ИГИЛ обладает всеми необходимыми атрибутами государственности, такими

как территория, армия, валюта и т.д. Поэтому данное сопоставление не только возможно, но и необходимо. Не вызывает сомнения тот факт, что гитлеровская Германия являлась террористическим государством. В предыдущих работах [1, с. 201] нами уже исследовался вопрос о «терроризме тоталитарного государства – фашистской Германии, который привел к многомилионным жертвам». Бесспорно и то, что псевдогосударство ИГИЛ – террористическая организация, стремящаяся придать себе статус официальной державы в образе мирового халифата. Данная идеология предусматривает уничтожение всего, что ей противоречит. Так, в своих работах Дитрих Айхгольц отмечал, что «цели Германии выходили далеко за рамки борьбы идеологий и включали уничтожение государственности, культуры русского и других народов СССР, физическое истребление народов Восточной Европы» [2]. В целях поддержания террористической идеологии на государственном уровне гитлеровская Германия проводила политику геноцида, в том числе внося изменения в нормативные акты, предусматривающие широкое применение смертной казни за самые разные преступления, тем са-

мым запугивая людей. Таким образом, как террористическое государство гитлеровская Германия применяла типичный метод устрашения («террор» – ужас, страх). Именно в 1940–1945 гг. появился и активно использовался один из изуверских способов устрашения целых народов по национальному признаку – холокост, под которым в широком смысле принято понимать преследование и массовое уничтожение нацистами представителей различных этнических и социальных групп (советских военнопленных, поляков, евреев, цыган, гомосексуальных мужчин, масонов, безнадежно больных и инвалидов и др.) [3]. Лидеры фашистской Германии использовали во внешней политике методы терроризма, т.е. совершали на международной арене действия, направленные на запугивание государств. Применяли методы террора и внутри своей страны и на оккупированных территориях, борясь с инакомыслием [4, с. 31]. Массовость репрессий и казней, совершенных фашистами, остается за пределами Нюрнбергского трибунала и за пределами человеческого разума. В связи с этим вызывает интерес работа О. Логинова, который отмечает, что «концентрационные лагеря стали настоящими фабриками смерти. Например, в некоторые дни в Освенциме истреблялось от 10 до 12 тыс. человек. Их расстреливали, умерщвляли с помощью отравляющего газа “Циклон-5” в газовых камерах и уничтожали другими способами» [5]. Кроме того, фашисты «обеспечивали свою неприкосновенность жизнями заложников... Например, 21 октября 1941 года за атаки югославских партизан фашистами казнены 2300 жителей Крагуевица».

Террористическая организация ИГИЛ, взяв на вооружение методы террора и терроризма, демонстрирует обществу изуверские казни. Идеология данной террористической организации (радикальный салафизм) сродни нацизму, иными словами, для членов террористической организации «Исламское государство» все, кто не с ними, против них. В том числе и мусульмане традиционного мазхаба, а тем более представители всех остальных религий. Все те же методы устрашения людей, используемые гитлеровцами, взяты на вооружение иГИЛовцами и активно ими используются. Массовые расстрелы, отрубание голов – все эти акции – хорошо продуманный психологический ход, направленный на управление населением. Запуганным населением всегда проще управлять, это уже доказано временем. Так же как и гитлеровцы, боевики ИГИЛ проводят казни с использованием изощренных способов. Жертвами «new-holocaust» становятся десятки и сотни ни в чем не повинных людей, но уже не только по признаку национальности, но и вероисповедания и отношения к религии. Джихадисты берут

на себя ответственность за резонансные теракты (казнь 150 женщин в Ираке [6], кровавый захват заложников в центре Сиднея, публичные казни западных заложников [7], убийство с помощью танка солдата сирийской армии, привязывание людей к автомобилю [8]). Регулярно размещают видеотчеты о совершенных преступлениях в сети Интернет, сея в сердцах обывателей страх, усиливая впечатление об «ужасной» террористической организации. Таким образом, обе рассматриваемые организации (в одном случае государство, в другом – квазигосударство) исповедуют одну идеологию – идеологию террористической организации.

Во-вторых, во многом схожи цели, преследуемые рассматриваемыми террористическими организациями. Под ширмой идеологии доминирования арийской нации в одном случае и установления мирового халифата в другом скрываются вполне прагматичные цели. В одной из предыдущих работ нами уже обозначались цели, преследуемые терактами: «Терроризм – это самый варварский, изощренно жестокий, но, тем не менее, политический метод борьбы за экономические интересы определенных групп или слоев общества» [9, с. 243]. Что подтверждается и высказываниями А. Гитлера: «Необходимо напасть на Россию, захватить ее ресурсы, не считаясь с возможностью смерти миллионов в этой стране. Нам надо взять у России все, что нам нужно. Пусть гибнут миллионы» [10, с. 47]. Главной целью ИГИЛа, подтверждаемой картой распространения этой организации, являются энергетические источники. Так, согласно данным Института энергетики Ирака радикальные исламисты добывают около 30000 баррелей нефти в день в Ираке и около 50000 баррелей в Сирии. Нефть поставляется в Турцию и некоторые страны Европы [6]. Россия, несомненно, в силу богатства недр является притягательным объектом для террористической организации ИГИЛ. Только если Гитлер планировал завладеть энергетическими ресурсами СССР, а людские ресурсы после проведения демографической политики использовать для освоения недр, то планы ИГИЛ идут гораздо дальше. Граждане Российской Федерации, в первую очередь из мест компактного проживания лиц, исповедующих ислам, джихадистами рассматриваются как потенциальные сторонники идеи мирового халифата. Именно с целью вербовки в ряды ИГИЛ на территории Российской Федерации действует организация «Иммарат Кавказ». Поэтому цели террористического государства «гитлеровская Германия» и террористической организации «Исламское государство» схожи – завладение ресурсами (сырьевыми и человеческими).

Следующий, но не менее важный фактор – фактор внешнего менеджера и спонсора. Как

гласит народная поговорка, «кто платит деньги, тот и заказывает музыку», поэтому не удивительно, что «спонсоры» и «менеджеры» в данном случае являются словами-синонимами. Причем в обоих рассматриваемых случаях роль внешнего менеджера и спонсора играют одни и те же государства. Говоря о несомненном успехе на определенном этапе времени как гитлеровской Германии, так и террористической организации «Исламское государство», следует признать наличие сильнейшей идеологии, фанатически верящих в нее людей и харизматичных лидеров. Однако любая идеология не только не сможет получить широкое распространение, но и продержаться в обществе какое-то значимое время без финансовой поддержки. Невозможно отрицать ораторские способности и харизматичность Адольфа Гитлера, тем не менее, без регулярного, серьезного финансирования его партия никогда не пришла бы к власти в Германии. Главными спонсорами Гитлера и его партии выступили финансисты Великобритании и Соединенных Штатов. В ключе рассматриваемой темы не может не вызвать интерес информация [11] о том, что «к началу 1941 года объем инвестиций США в экономику Германии составил 474000000 \$, из этой суммы на долю корпорации Standard Oil приходилось 120000000 \$, General Motors дала 35000000 \$, от компании Ford поступили 17500000 \$».

Вывод о финансировании ИГИЛ теми же игроками, что финансировали Гитлера, напрашивается после анализа различных публикаций, в том числе выступления Т. Блера, заявившего о косвенной вине Запада (США, Великобритании) в создании ИГИЛ в целях борьбы с негодным режимом Б. Асада. История ИГИЛ берет свое начало с апреля 2013 г. при активном участии Запада и монархических арабских режимов, из недр созданной американцами террористической «Аль-Каиды». Целью создания ИГИЛ явилось развязывание террора, произвола и насилия на сирийской территории для свержения режима Башара Асада. Официальные представители руководства США не отрицают оказание помощи боевикам, называя их при этом «умеренной сирийской оппозицией». Известный общественный и политический деятель США Наом Хомский считает, что создание столь мощной террористической организации на Ближнем Востоке является побочным продуктом американской политики: «ИГИЛ и общее распространение радикального ислама являются естественным результатом того, как Вашингтон долбил своей кувалдой по хрупкому иракскому обществу». По словам Н. Хомского, американцы повторяют политику Великобритании прошлого

века, поддерживавшей «радикальный ислам в пику советскому национализму, который оба государства рассматривали как наибольшую угрозу для своего доминирования и контроля» [12]. Иными словами, Запад, являясь кукловодом, регулярно, на протяжении всей мировой истории, посредством заранее выбранных и поддержанных марионеточных правительств иных государств (Турция, Япония, Германия, Вьетнам, Афганистан, Украина, Сирия и проч.), пытается втянуть Россию в вооруженный конфликт с целью ослабить ее и диктовать удобные для себя условия, не исключение и ситуация вокруг ИГИЛ.

Кроме вышеперечисленных факторов, следует упомянуть еще один фактор. В качестве рабочей версии (позволяющей взвесить все «за» и «против») при анализе данного фактора возьмем на себя ответственность предложить термин «ПольшаТурция». Заранее отвечая на возможный вопрос: «почему такое название?», напомним о роли, которую сыграла Польша в борьбе советского народа с фашизмом. А именно, интерес вызывает момент наступления гитлеровских войск, которые, практически не встретив сопротивления, подошли вплотную к западным границам СССР. Тем не менее, при фактически отсутствующем сопротивлении фашистам польские военные вели ожесточенные бои с советскими войсками, пытающимися создать зону безопасности у русских границ. Так, оборона Гродно и Львова от советской армии продолжалась с 17 по 23 сентября 1939 г. [13]. Если вспомнить постоянное соперничество Польши с Россией, первая из которых всегда находилась в роли меньшего брата и занимала в империи роль вассальной территории, то становится понятным, что польское правительство мечтало, в том числе и с помощью гитлеровской Германии, ослабить роль России в своем регионе. В связи с этим вызывает интерес интервью, данное западным СМИ Я. Шахтом, занимавшим до 1938 г. пост имперского министра экономики, президента Рейхсбанка (до 1939 г.) и обладавшим большим авторитетом и влиянием в среде военных и промышленников и в странах Запада: «Рано или поздно, – заявлял он в западноевропейской прессе, – мы с Польшей поделим Украину» [2].

Возможно, эти же мотивы руководят и турецким правительством, при преступном бездействии которого осуществляется трансфер добровольцев в ИГИЛ и обученных, подготовленных боевиков в обратном направлении. При этом руководство Турции неоднократно заявляло об отказе вступать в международную коалицию против ИГИЛ. Кроме того, после просьбы Президента Сирии к Российской Федерации об оказании военной помощи в борьбе с ИГИЛ и предоставлении таковой правитель-

ство Турции осудило действия военно-космических сил России и призвало Российскую Федерацию прекратить применение авиации на территории Сирии [14]. Можно предположить, что все теми же внешними менеджерами Турции в сирийском конфликте отводилась роль не только транзитного государства для живой силы ИГИЛ, но и глубокого тыла (обеспечение лагеря подготовки боевиков, возможность лечения и реабилитации раненых и проч.). Турция даже больше, чем ее союзники по НАТО, поддерживает «умеренную сирийскую оппозицию», возникает вопрос «почему?». Ответ на этот и многие другие вопросы, связанные с участием Турции в сирийском конфликте, лежит в исторической плоскости. Сейчас многие говорят о русском шовинизме, английском и французском империализме, о реваншизме, однако почему-то не учитывается настроение внутри Турции – сторонников восстановления Османской империи, историческая карта которой странным образом совпадает с заявленной зоной интересов ИГИЛ.

Еще один фактор – ставка на коллаборационистов. Прежде чем сопоставить влияние данного фактора 1940–1945 гг. и настоящего времени, следует определиться с понятием коллаборационизма, под которым принято понимать осознанное, добровольное и умышленное сотрудничество с врагом в его интересах и в ущерб своему государству. Гитлеровская Германия, планируя нападение на СССР, надеялась на поддержку не только оставшихся на территории Союза белогвардейцев и сочувствующих им граждан, но и на население национальных республик. А. Гитлер считал, что германские войска будут поддержаны бандами белогвардейцев и национально-освободительным движением внутри Советского Союза, что позволит одержать быструю победу. Отчасти планы Гитлера оправдались, ярким подтверждением чему является искусственно созданная и возвращенная на почве трусости и предательства так называемая Русская освободительная армия (РОА) и действительно имевшая место поддержка фашистских войск в ряде регионов представителями отдельных народов, населяющих СССР. Так, после вторжения немецко-румынской группировки на территорию Крыма на оккупированной территории полуострова стали создаваться крымско-татарские комитеты, активно поддерживавшие фашистские войска. Кроме, того коллаборационизм имел место и в других районах Советского государства, в которых представители некоторых национальностей, населяющих СССР, «вели себя предательски, вступали в организованные немцами отряды для борьбы с советской властью, предавали немцам честных советских граждан,

сопровождали и показывали дорогу немецким войскам, наступающим через перевалы в Закавказье, а после изгнания оккупантов противодействуют проводимым советской властью мероприятиям, скрывают от органов власти бандитов и заброшенных немцами агентов, оказывая им активную помощь» [15]. В настоящее время, в условиях борьбы Российской Федерации с международным терроризмом, так же как и во времена Великой Отечественной войны, есть предатели своего государства: это и «либеральная» интеллигенция, готовая на любые действия вплоть до открытого поддержания интервенции в целях смены правящего режима, и лица, переходящие на сторону международных террористических организаций (в том числе ИГИЛ) и воюющие за создание мирового халифата как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами. Необходимо обратить внимание на сильнейшую пропагандистскую работу эмиссаров международных террористических организаций, создающих угрозу территориальной целостности России, распространяющих идеологию радикального ислама, сеющих смуту в сердцах жителей Северного Кавказа, Татарстана и Крыма, стремящихся убедить их в необходимости объявления очередного джихада, целью которого станет построение Великого Халифата. Сомневаться в связи террористических группировок с международным терроризмом нет оснований, и ярким подтверждением этому является присяга Исламскому государству в конце 2014 г. различных террористических групп «Имарат Кавказ».

Таким образом, складывающаяся внутривнутриполитическая и международная обстановка по целому ряду вышеперечисленных факторов демонстрирует исходящую от ИГИЛ угрозу для национальной безопасности России, схожую по своим масштабам с угрозой для СССР от гитлеровской Германии. Россия находится на территории, объявленной ИГИЛ зоной своего влияния. Одной из приоритетных задач Исламского государства является расчленение России путем «дарования свободы» мусульманским народам, а внешние менеджеры параллельно с этой «высокой» целью решают вполне низкие, прагматичные – сырьевые интересы. Настоящая статья не претендует на полное определение всех факторов схожести угрозы, исходящей от гитлеровской Германии для Советского Союза и Исламского государства для Российской Федерации, а лишь обозначает авторское видение такого сопоставления. При должном осмыслении, оценке вышеперечисленных факторов и выработке оптимальных действий по их нейтрализации будет нивелирована либо же сведена к минимуму угроза национальной безопасности Российской Федерации.

1. Затолокин А.А. Эпигенез экстремизма. Административно-правовая обструкция // Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Е.О. Кубякина. Краснодар, 2014.

2. URL: <http://rugraz.net/index.php/istoricheskoe-dostoinstvo/velikaja-otechestvennaja/948-d-eichholz-celi-germanii-v-vojne-protiv-cccp> (дата обращения: 31.10.2015).

3. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Холокост> (дата обращения: 27.10.2015).

4. Затолокин А.А. К вопросу о сущности терроризма // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2015. № 1(27).

5. URL: <http://all-crime.ru/kazni/kazni-naci-germanya.htm> (дата обращения: 27.10.2015).

6. URL: <http://www.aif.ru/politics/world/1413555> (дата обращения: 27.10.2015).

7. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4951044/post363993421> (дата обращения: 27.10.2015).

8. URL: <http://rusnovosti24.ru/boeviki-igil-v-kachestve-kazni-pereehali-sirijskogo-soldata-tankom> (дата обращения: 27.10.2015).

9. Затолокин А.А. Глобализация как одна из тенденций эволюции терроризма // Общество и право. 2015. № 1(51).

10. Курицын В.М. Ликвидация государственности народов нашей страны, их ограбление и порабощение – цель гитлеровской Германии в войне 1941–1945 гг. // История государства и права. 2010. № 6.

11. URL: <http://pikabu.ru> (дата обращения: 31.10.2015).

12. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2014/10/29_a_6281277.shtml (дата обращения: 31.10.2015).

13. Мухин Ю.И. Крестовый поход на Восток. М., 2004.

14. URL: http://pikabu.ru/story/mid_turtsii_prizval_rossiyu_prekratit_aviaudaryi_po_sirii_3683216 МИД Турции призвал Россию прекратить авиаудары по Сирии (дата обращения: 31.10.2015).

15. Бугай Н. Депортация народов // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: http://sceptis.net/library/id_1237.html (дата обращения: 31.10.2015).

1. Zatolokin A.A. Epigenesis of extremism. Legal and administrative obstruction // Counteraction to extremism and terrorism: philosophical, sociological and political aspects: proc. of the All-Russian sci.-pract. conf. / ed. by E.O. Kubyakin. Krasnodar, 2014.

2. URL: <http://rugraz.net/index.php/istoricheskoe-dostoinstvo/velikaja-otechestvennaja/948-d-eichholz-celi-germanii-v-vojne-protiv-cccp> (date of access: 31.10.2015).

3. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Holocaust> (date of access: 27.10.2015).

4. Zatolokin A.A. To the question about the essence of terrorism // Bull. of the Krasnodar university of Russian MIA. 2015. № 1(27).

5. URL: <http://all-crime.ru/kazni/kazni-naci-germanya.htm> (date of access: 27.10.2015).

6. URL: <http://www.aif.ru/politics/world/1413555> (date of access: 27.10.2015).

7. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4951044/post363993421> (date of access: 27.10.2015).

8. URL: <http://rusnovosti24.ru/boeviki-igil-v-kachestve-kazni-pereehali-sirijskogo-soldata-tankom> (date of access: 27.10.2015).

9. Zatolokin A.A. Globalization as one of the tendencies of the evolution of terrorism // Society and law. 2015. № 1(51).

10. Kuritsyn V.M. Elimination of the statehood of the peoples of our country, the pillaging and enslavement – the goal of Nazi Germany in the war 1941–1945 // History of state and law. 2010. № 6.

11. URL: <http://pikabu.ru> (date of access: 31.10.2015).

12. URL: http://www.gazeta.EN/politics/2014/10/29_a_6281277.shtml (date of access: 31.10.2015).

13. Mukhin Yu.I. Crusade to the East. Moscow, 2004.

14. URL: http://pikabu.ru/story/mid_turtsii_prizval_rossiyu_prekratit_aviaudaryi_po_sirii_3683216 муД Turkey called on Russia to stop airstrikes on Syria (date of access: 31.10.2015).

15. Bugay N. The deportation of the peoples // Scientific-educational magazine «Skepticism» URL: http://sceptis.net/library/id_1237.html (date of access: 31.10.2015).

Кузьменко Ирина Сергеевна

кандидат социологических наук,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: k_filosofii@krdu-mvd.ru)

Общие проблемы исследования процессов солидаризации в обществе

В статье рассматривается проблема солидарности, которая приобретает все большую актуальность в современном социологическом дискурсе. Отмечается, что в последнее время большое значение имеет исследование оснований и принципов развития негативной солидарности в обществе, это является одним из важных теоретических оснований оптимизации общественной структуры.

Ключевые слова: солидарность, социальная структура, самоорганизация социальных процессов, деструктивная солидарность, социальное сознание, социальные группы.

I.S. Kuzmenko, Master of Sociology, Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: k_filosofii@krdu-mvd.ru

Common problems of research of processes of a solidarization in society

The problem of solidarity which gains the increasing relevance in a modern sociological discourse is considered in the article. It is noted that research of the bases and the principles of development of negative solidarity in society gains relevance. It is one of the major theoretical cases of optimization of public structure.

Key words: solidarity, social structure, self-organization of social processes, destructive solidarity, social consciousness, social groups.

Современное общество представляет собой результат длительного исторического развития социальных форм, общей тенденцией которого является усложнение социальной структуры и рост числа взаимосвязей между различными элементами общественной организации. Наряду с централизованными социальными структурами, существенное развитие приобретают сетевые, не имеющие определенного статичного центра и обладающие высокой жизнеспособностью и ситуативностью развития. Процессы самоорганизации в обществе приводят к формированию устойчивых социальных групп, объединенных общими интересами и характером действия. С учетом сложности общественной структуры выход ряда социальных процессов на уровень самоорганизации является закономерным и целесообразным. Вместе с тем, усложнение социальной структуры и высокая степень взаимосвязанности различных ее элементов приводят к ситуации, когда процесс регуляции социальных отношений становится все более затруднительным. Это связано как с сопротивлением социальной среды, стремящейся к поддержанию собственной структуры, так и с выходом управленческих процессов в ряде сфер на самостоятельный уровень.

Самостоятельный характер развития отдельных социальных групп является нейтраль-

ным и не может быть оценен с точки зрения конструктивности для общества. Вместе с тем, процесс самоорганизации затрагивает не только конструктивные сферы общественной организации. На определенном уровне своего развития негативные процессы в обществе также выходят на уровень самоорганизации, что проявляется в форме возникновения социальных групп различного масштаба, направленность деятельности которых носит целенаправленный деструктивный характер. Механизмы, в соответствии с которыми происходит формирование деструктивно настроенных социальных групп, затрагивают два важных вопроса: каким образом возникает деструктивная направленность сознания отдельного члена общества, а также каковы основания объединения негативно настроенных членов общества в группы, деятельность которых нарушает структуру общественных процессов. Одним из центральных аспектов проблемы является характер социального сознания членов деструктивной группы, а именно причины, на основании которых реализуется объединение носителей негативных социальных установок. С учетом того, что в ряде случаев социально деструктивная деятельность носит групповой характер, одной из первостепенных проблем, постановка которых производится в рамках настоящего исследования, является проблема солидарности как од-

ного из ведущих оснований для формирования и для сохранения структуры отдельных групповых объединений. С учетом современных тенденций развития социальной деструктивности в качестве первостепенной прикладной задачи социального знания выступает проблема негативной солидарности, как основания ряда разрушительных процессов в обществе. Это обуславливает необходимость исследования как самого по себе феномена солидарности, так и основных его деструктивных форм.

Нехватка солидарности, равно как и ее негативная ориентированность, представляет собой одну из серьезных угроз стабильности общества. Отсутствие проработанной теоретико-методологической базы не позволяет однозначно квалифицировать протекающие в обществе явления, что делает крайне затруднительной разработку эффективного плана по профилактике и фиксации деструктивных процессов. Проблематичность вопроса отражается уже на уровне теоретической определенности понятия солидарности, а также на уровне нехватки критериев качественного определения ее конструктивного или, напротив, разрушительного характера. Для решения данного вопроса необходимо построение целостной системы знания в исследуемой сфере, отражающего специфику и характер интегративных факторов социального сознания, а также основные механизмы формирования социальных отклонений и их выхода на групповой уровень. Отдельного внимания заслуживает определение основных возможных форм регулирования процессов солидаризации в обществе, что представляет собой одно из необходимых оснований повышения уровня защитных функций общества.

Высокую степень значимости приобретает как постановка вопроса на общетеоретическом уровне, так и его детальная проработка в отношении к специфике современного состояния российского общества. Вне решения рассматриваемой проблемы невозможно адекватное и своевременное определение очагов социальной деструктивности, а также их эффективное подавление. Это отражает прикладную ценность теоретического раскрытия исследуемой проблемы. Рассмотрим основные теоретические и методологические ориентиры исследования процессов солидаризации в обществе.

Одним из очевидных направлений исследования является изучение тематики социального сознания как определяющего фактора солидаризации членов общества. Точнее говоря, солидарность представляет собой одну из форм социального отношения между отдельными членами общества, существование которого обусловлено установками социального сознания. По этой причине справедливо утвержде-

ние о том, что солидарность существует на уровне социального сознания, а уже ее проявления выражаются в форме социальных процессов и отношений. Такая постановка вопроса позволяет определить первоначальный круг исследовательских задач, способствующих раскрытию проблемы солидарности, в частности вопроса о формировании деструктивных ее форм. Первоначальное раскрытие проблемы не должно быть акцентировано на деструктивных формах солидарности, поскольку на его уровне производится исследование специфики солидарности как таковой. В данном случае целесообразным является применение дедуктивной методологии, на уровне которой производится определение явления на общем уровне с дальнейшей детализацией знания в область деструктивных процессов.

Солидарность представляет собой форму общности отдельных членов социальной системы (или подсистемы), что проявляется на уровне их осознания сопричастности общему социальному организму (вне зависимости от его масштабов – будь то отдельная сплоченная социальная группа или общество в целом). Исходя из этого, можно прийти к выводу о том, что важнейшим условием солидарности членов общества является общность оснований личного самоопределения и ведущих установок их социального сознания. В этой связи одним из перспективных направлений исследования является раскрытие проблематики самосознания отдельных социальных групп.

На общем уровне проблема самосознания социальной группы может быть выражена следующим образом: в рамках общества исторически складывается процесс дифференциации социальных ролей и статусов, что находит закрепление как на уровне структуры отношений, так и на уровне установок сознания отдельных людей [1]. Постепенно складываются мировоззренческие конструкты, отражающие набор ценностных установок, форм статусного определения социальных процессов, а также функциональную направленность конкретной группы. Таким образом, конкретная социальная группа превращается в целостную структурную единицу общества, обладающую собственными векторами развития.

На уровне социальной теории зачастую производится постановка вопроса о социализации, которая на общем уровне зачастую рассматривается как слитный, целостный процесс восприятия социальных норм и установок. Однако социализация представляет собой невероятно сложный процесс: как уже было показано выше, в рамках устойчивых социальных групп существуют собственные наборы установок мировоззрения и форм ценностной ори-

ентации. Вместе с тем, человек в ходе своего развития выступает во множестве социальных ролей и, соответственно, оказывается включен в статусно-ролевую определенность широкого ряда социальных групп. На более ранних этапах развития общества, когда имела место универсализация социальной структуры, а также характерным был сравнительно невысокий уровень социальной мобильности, существование человека протекало в рамках включенности в достаточно небольшой набор социальных групп. Это определяло непротиворечивый, органичный характер социального сознания и, в частности, способствовало развитию солидарности в рамках этих устойчивых групп. Процессы структурной дифференциации, помноженные на возникновение условий формирования социальной мобильности, привели к ситуации, когда число социальных групп, в деятельность которых вовлечен человек, существенно возросло. Немаловажную роль в процессе усложнения условий формирования гармоничного, целостного социального сознания играет развитие информационных технологий, в частности интернет-коммуникаций [2]. Это является одной из причин релятивизации социального сознания, поскольку индивидуальное развитие членов общества сопрягается с включением во множество не связанных друг с другом и зачастую противоречивых по содержанию форм социализации. Рассмотренный принцип является основанием того, что в настоящее время значительно более высокую степень солидарности обнаруживают общества (или социальные группы, имеющие отношение к конкретному обществу на уровне происхождения, например национальные группы), имеющие традиционный уклад.

Следует отметить, что в условиях релятивизации социального сознания и многопланового характера статусно-ролевой определенности человека [3] (следовательно, его включенности в структуру различных социальных групп) основным условием формирования солидарности является признание приоритетного характера определенной социальной группы или структуры. Такой момент может проявляться в двух различных формах – на уровне приоритета одной из равных по своему масштабу организации структур (иными словами, преобладание интересов одной из социальных групп в сознании человека) либо на уровне момента подчинения, имеющего место в отношениях различных по своему масштабу структур. Так, например, патриотическое сознание представляет собой установку на приоритетность общесоциальных целей и норм. Следование целям общества зачастую является основанием для ограничения отдельных социальных

структур. Это естественное условие конструктивной социальной организации. Вместе с тем, в случае, если реализуется обратный по своей полярности конфликт, когда противоречие между интересами общества и интересами конкретной социальной группы разрешается в сознании человека в пользу локальной группы, имеет место развитие деструктивных форм социального сознания [4]. Крайнее выражение этого противоречия выражается в форме экстремистской деятельности, направленной на разрушение социальной структуры, противоречащей в своей организации интересам локальной социальной группы. Это – явный пример негативной солидарности, в рамках которого осознание отдельными людьми своей сопричастности общей для них системе целей, моделей поведения и установок приводит к возникновению широкого ряда деструктивных процессов в обществе.

Установки социального сознания членов общества не являются чем-то врожденным. Возникновение негативных форм самоопределения представляет собой длительный процесс, связанный с восприятием отдельным человеком набора целей, идеалов и моделей действия, характерных для конкретной социальной группы. Таким образом, генетически проблема негативной солидарности уходит корнями в общий характер процессов в обществе, состояние основных сфер социальной жизни (что определяет личный опыт отдельных участников социальных отношений) и уровень социализационных процессов.

Следует отметить, что сама по себе солидарность не может быть оценена позитивно или негативно. Так, высокая степень профессионального или национального самоопределения сама по себе еще не является деструктивной. Основной вопрос заключается в том, в каких отношениях в сознании человека находятся ценностные установки различных социальных групп, в которые он включен, а также в том, существует ли на настоящем этапе конфликт между интересами различных групп. Именно момент приоритетности интересов конкретной социальной группы над прочими формами общественной организации является тем основанием, которое может вывести интегративные процессы социального сознания на деструктивный уровень.

Основной сферой приложения проблемы становится проблема оценки человеком значимости различных социальных групп, в деятельность которых он включен. И здесь существует две возможные формы развития ценностного дисбаланса: чрезмерное возвеличивание конкретной социальной общности и ее интересов либо дискредитация общесоциальной струк-

туры, в результате которой происходит естественное возвышение частных интересов над общими. Основанием дискредитации государства и общества является негативный личный опыт, а также многочисленные случаи критической интерпретации существующего состояния общества, в частности государственной политики [5]. Вместе с тем, как условия негативного социального опыта, так и основания критики государственной политики пролегают в области структурно-функциональных нарушений общества (за которые институт политической власти, как основной регулятор общественных отношений, несет ответственность) [1].

Проведенный обзор проблемы свидетельствует о том, что тематика негативной солидарности требует глубокой систематической разработки, что связано с комплексным характером проблемы. Необходимо раскрытие специфики таких вопросов, как самосознание социальных групп, эффективность социализации, уровень развития социальных институтов и их функциональной адекватности, а также проблемы внутренней иерархии социальных ценностей в социальном сознании членов общества. Комплексное рассмотрение данных проблем в приложении к проблеме солидарности может способствовать раскрытию принципов формирования систематических по своему характеру отклонений в развитии социального сознания.

Следует, однако, отметить, что в исследовании процессов формирования деструктивно настроенных социальных групп может возникнуть подмена исследования процессов объединения негативно настроенных членов об-

щества в группы и процессов возникновения негативных установок социального сознания, вызванных фактором групповой принадлежности. Как таковые, отдельные социальные группы существуют в силу своей функциональной определенности и принимают исторически сложившиеся формы. Возникновение деструктивных объединений чаще всего производится на базе конкретной социальной группы, что не позволяет отождествлять солидарность членов социальной группы и негативную солидарность отдельных ее представителей, совершающих целенаправленную деструктивную деятельность. Последнее характеризуется тем, что в рамках социальной группы, нейтральной по своей внутренней аксиологии, возникают радикально настроенные люди, превозносящие интересы своей «домашней» группы, и, как следствие, выходящие за рамки нормативно определенной деятельности. Очевидно, что критерии и основания их объединения существенно отличны от критериев объединения всех членов социальной группы, что свидетельствует о наличии добавочного содержания их социальных установок [4]. Определение характера этих добавочных аксиологических установок, а также механизмов их распространения представляет собой важный шаг на пути формирования стабильной структуры общественных отношений, поскольку позволяет выработать адекватные защитные меры, при этом разграничение объекта самоопределения и деструктивной социальной группы представляет собой важное основание формирования терпимости в обществе.

1. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. М., 1998.

2. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях становления глобального информационного общества. Краснодар, 2011.

3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.

4. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях информатизации и глобализации социума: постановка проблемы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 3. С. 65–69.

5. Чупров В.И. Сущность и проявления молодежного экстремизма.

1. Parsons T. Sistem of modern societies / transl. from English by L.A. Sedov and A.D. Kovalyov; ed. by M.S. Kovalyova. Moscow, 1998.

2. Kubyakin E.O. Youth extremism in the conditions of formation of global information society. Krasnodar, 2011.

3. Merton R. Social theory and social structure. Moscow, 2006.

4. Kubyakin E.O. Youth extremism in the conditions of informatization and globalization of society: statement of a problem // Historical and social and educational thought. 2011. № 3. P. 65–69.

5. Chuprov V.I. Specific and manifestations of youth extremism.

Славко Александр Лукич

кандидат социологических наук,
доцент кафедры физической подготовки
Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина
(тел.: +74722525535)

Витютнев Евгений Евгеньевич

кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612584216)

Физкультурно-спортивная деятельность как социокультурный феномен

В статье рассматривается содержание физкультурно-спортивной деятельности как социокультурного феномена. Проводится анализ особенности физкультурно-спортивной деятельности в качестве социокультурного явления.

Ключевые слова: физическая культура, физкультурно-спортивная деятельность, социокультурный феномен, деятельностный подход, методологическая ориентация.

A.L. Slavko, Master of Sociology, Assistant Professor of the Chair of Physical Training of the Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia of I.D. Putilin; tel.: +74722525535;

E.E. Vityutnev, Master of Pedagogics, Senior Lecturer of the Chair of Physical Training and Sports of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612584216.

Sports activity as a sociocultural phenomenon

The article highlights the content of sports activity as a sociocultural phenomenon. The authors analyze sports activity as a social and cultural phenomenon.

Key words: physical culture, sports activity, sociocultural phenomenon, activity-based approach, methodological orientation.

В настоящее время в социокультурном пространстве общества почти нельзя найти определенные составляющие, не связанные со спортом, т.к. они являются важными компонентами общества. Сегодня физическая культура и спорт играют в социуме важную роль.

Вышесказанное предопределяет задачу выявления особенностей физической культуры и спорта как социокультурных феноменов, а для решения этой задачи следует использовать огромные эвристические возможности социокультурного подхода.

Изучая социокультурные явления, П.А. Сорокин в своем труде «Общество, культура и личность: их структуры и динамика» делает вывод: «Личность, общество и культура как неразрывная триада». Данное положение объясняется тем, что «структура социокультурного взаимодействия... имеет три аспекта, неотделимых друг от друга: 1) личность есть субъект взаимодействия; 2) общество – это организм с индивидами и их отношениями;

3) культура, которой владеют представители общества. Ни один из представителей этих аспектов не может существовать без других аспектов» [1, с. 218]. Основываясь на данном синтезе, ученый дает возможность определять культуру как совокупность способов и результатов существования человека (материальных и духовных: идеи, ценности, нормы), а под явлением социальности понимать неразрывность взаимоотношений любого индивида с другими индивидами – социальных, экономических, политических отношений, складывающихся в результате деятельности.

Следуя заключениям П.А. Сорокина, Н.И. Лапин утверждает, что особенность социокультурного подхода заключается в том, что он объединяет указанные составляющие человеческого существования (человека во взаимоотношении с обществом, культуру и социальность), ведь эти данные являются основополагающими, каждое из них взаимосвязано друг с другом, они оказывают воздействие друг на друга. Многомерность человека

в развитии фиксируется в существовании методологической интеграции указанных форм (измерений) человеческого существования [2, с. 4].

В своем научном труде Н.И. Лапин фиксирует основополагающие принципы социокультурного подхода, дающие возможность определить знание об обществе как целостной социокультурной системе и яснее понять проблемы социокультурной трансформации: принцип человека активного; принцип проникновения культуры и социальности; принцип антропосоциетального соответствия; принцип социокультурного баланса; принцип взаимобратимости социетальных процессов и симметрии; принцип необратимости эволюции социокультурной системы.

Следовательно, социокультурный подход при изучении социальных явлений делает обязательным их видение и анализ в совокупности трех составляющих – личности, культуры и общества. Личностные факторы сочетаются с социальным положением и самовыражением человека, социальные факторы взаимосвязаны с характером и взаимодействием индивидов, а культурные факторы обусловлены нормативными составляющими социальной интеграции индивидов.

Эти положения имеют принципиально важное методологическое значение для понимания и исследования социокультурных переменных физкультурно-спортивной деятельности.

Физкультурно-спортивная деятельность является разновидностью человеческой деятельности и, соответственно, выражает, воспроизводит ее сущностные особенности.

Деятельность всегда связана с активностью субъекта, направленной на объект. Если активность выступает как всеобщая характеристика живых существ, источник преобразования или поддержания ими жизненно значимых связей с окружающим миром, то деятельность оказывается формой активности, присущей именно человеку. Данная деятельность объясняется:

обусловленностью производимых действий внутренним состоянием индивида в фазу действия;

произвольностью, т.е. наличием задачи у индивида;

надситуативностью, т.е. выходом за рамки задачи индивида;

устойчивостью действий для достижения поставленной задачи [3, с. 42].

На современном этапе в науке широко представлены компоненты деятельности. Каждое действие имеет в своем строении потребности и мотивы, а также условия, необходимые для достижения цели. Эти условия должны быть выполнены при существовании в них определенных компонентов. Деятельность актуализируется в результате анализа ее особенностей, а именно открытости, свободы, универсальности. Методологическая ориентация теории деятельности выражается прежде всего в исследовании и проектировании того или иного вида социальной практики как формы реализации творческого потенциала человека, способа утверждения его субъектности [4].

Выделяются типы активности, проектирующие разные пространства деятельности. Самостоятельный тип берет на себя ответственность за сроки, качество и уровень компетентности. Противоположный тип перекладывает способ организации на других, не беря ответственности на себя, кооперативный тип стремится к оптимизации отношений в организации. Конкурентный тип стремится к лидированию в межличностных отношениях. Полная отдача себя делу не исчерпывает личность, а наоборот, умножает сущность личности в качестве субъекта [5, с. 152].

Существуют различные личностные характеристики субъектов деятельности. Один тип удовлетворяется своего рода «игровым» способом жизни и профессии, не повышая активности. Второй тип направлен на более конкретно-специфические профессиональные достижения, что определено в его ожиданиях. Последний тип полностью направлен на социальное принятие-непринятие и, как следствие, совершенствует лишь решение основных поставленных задач деятельности.

Особо следует отметить, что высказанная теория деятельности в корне отличается от позитивистских вариантов социальной инженерии, основывающихся на произвольной компоновке. Теория деятельности основана на том, что деятельность имеет культурно-историческую природу, что ею является только общественно воспроизводимая система. Следовательно, она является не произвольным искусственным, а естественно-искусственным образованием. Воспроизводство деятельности происходит в общественной форме и не

может осуществляться искусственно-манипулятивно. [4].

Важным доказательством этому является методологическое применение теории деятельности к физической культуре и спорту, что основывается на использовании самой категории «физкультурно-спортивная деятельность» [6, с. 89].

Следует сделать вывод о том, что социокультурный подход в определении социальных явлений индивидуализирует восприятие и анализ в единстве 3 составляющих – личности, культуры и общества. Личностные составляющие обусловлены неразделимостью с положением в обществе человека, социаль-

ные составляющие связаны с особенностями социальной аллелопатии субъектов, культурные составляющие связаны с ценностно-нормативными основами взаимодействия индивидов.

Кроме того, обоснована необходимость использования деятельностного подхода к исследованию физической культуры и спорта как социокультурных феноменов. Методологическая ориентация теории деятельности выражается, прежде всего, в исследовании и проектировании того или иного вида социальной практики как формы реализации творческого потенциала человека, способа утверждения его субъектности.

1. Сорокин П.А. *Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. Ю.А. Согомонов. М., 1992.*

2. Лапин Н.И. *Социокультурный подход и системно-функциональные структуры // Социол. исследования. 2000. № 7. С. 3–12.*

3. Данакин Н.С. *Деятельность как способ человеческого бытия // Социальные структуры и процессы: сб. науч. ст. Белгород, 2008. Вып. III. С. 42–51.*

4. Давыдов В.В. *Теория деятельности и социальная практика // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 52–58.*

5. Кашин В.В. *Личность как субъект деятельности // Диагностика и прогнозирование социальных процессов: сб. материалов Междунар. науч. конф. Белгород, 2005. Т. I.*

6. Шукис С., Кярдалис К., Янаускене Р. *Юношеский спорт – фактор социализации // Социол. исследования. 2005. № 11.*

1. Sorokin P.A. *Man. Civilization. Society / gen. ed., comp. and forew. by Yu.A. Sogomonov. Moscow, 1992.*

2. Lapin N.I. *Sociocultural approach and system-functional structures // Sociological research. 2000. № 7. P. 3–12.*

3. Danakin N.S. *Activity as a way of being human // Social structures and processes: coll. of sci. papers. Belgorod, 2008. Vol. III. P. 42–51.*

4. Davydov V.V. *Activity theory and social practice // Problems of philosophy. 1998. № 2. P. 52–58.*

5. Kashin V.V. *Personality as a stakeholder // Diagnostics and forecasting of social processes: proc. of the Intern. sci. conf. Belgorod, 2005. Vol. I.*

6. Shukis S., Kyardalis K., Yanauskene R. *Juniors sports – factor of socialization // Sociological research. 2005. № 11.*

Кононенко Наталья Сергеевна

адъюнкт кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: k_filosofii@krdu-mvd.ru)

Проблема суицида в условиях трансформирующегося российского общества

Автор исследует многомерный комплексный характер феномена суицида. Рассматривает особенности социологического подхода к исследованию суицида, с позиции которого данное явление считается разновидностью девиантного (отклоняющегося) поведения. Отмечает нарастание проблемы суицида в условиях трансформирующегося российского общества.

Ключевые слова: суицид, anomie, духовно-нравственный вакуум, отклоняющееся поведение, ценностно-нормативная система, трансформирующееся общество.

N.S. Kononenko, Adjunct of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: k_filosofii@krdu-mvd.ru

The problem of suicide in the conditions of a transformed Russian society

An author investigates multidimensional complex character of the phenomenon of suicide. Examines the features of the sociological going near research of суицида, from position of that this phenomenon is considered the variety of deviant (abludent) behavior. Marks growth of problem of суицида in the conditions of the transformed Russian society.

Key words: suicide, anomie, spiritual and moral vacuum, deviant behavior, value system, transforming society.

Суицид как социальный феномен находится в центре внимания различных общественных наук. Социология рассматривает самоубийство (суицид) как разновидность девиантного (отклоняющегося) поведения.

Суицидальный феномен имеет многомерный комплексный характер, одним из наиболее продуктивных направлений социологии суицида выступает социокультурное измерение феномена, объединяющее данные социокультурной антропологии, социологии девиантного поведения и социальной психологии. Российская социологическая традиция относит суицид к девиантному поведению, вместе с тем, необходимо учитывать социальную сконструированность культурных норм, поскольку решающее значение в отклонении принадлежит не отклонению, а отношению к нему. Социокультурный анализ суицида включает изучение аттитудов к самоубийству, суицидального подражания, репрезентаций суицида в различных формах культурной и социальной жизни, типичных суицидальных контекстов, культурных соглашений о самоубийстве, мотивационных схем суицида, литературных стереотипов, мифов и домыслов о самоуничтожении.

Культурные образцы имеют разрешающее и провоцирующее действие, укрепляя кризисных индивидов в принимаемом решении [1].

Социологическая научная традиция связана с творчеством легендарного французского социолога Э. Дюркгейма, обосновавшего теорию аномии. Под аномией исследователь понимал специфическое состояние общественной дезорганизации, происходящей с равной вероятностью или в силу кризиса, или, наоборот, в период благоприятных, но слишком внезапных социальных преобразований [2].

Э. Дюркгейм утверждал, что самоубийство, которое во времена его активного творчества считалось чисто личностным феноменом, может быть лучше объяснено как реакция человека на особенности окружения, в котором он живет. Частоту саморазрушения можно четко связать с определенными социальными условиями. Дюркгейм установил взаимосвязь суицида – поступка конкретного индивида – с окружением, в котором он существует [3].

Согласно представлениям классика американской социологии Р. Мертона суицид – это отклонения социально пассивного типа, вариант ретретизма, «ухода» от бед и горестей, от самой жизни. Самоубийство является двойной

неудачей: невозможностью для человека проявить свою активность ни в социально одобряемых формах, ни через антиобщественную деятельность [2].

Основатель психоанализа З. Фрейд рассматривал суицид как результат действия подсознательных механизмов психики, как следствие нарушения психосексуального развития личности. В понимании З. Фрейда все живое стремится к смерти, к первичному неорганическому существованию, самоубийство представляет собой психологический акт, движущей силой которого является инстинкт смерти, который может выражаться агрессией и как частный случай – аутоагрессией. По мнению исследователя, в человеке существует два основных влечения: Эрос – инстинкт жизни и Танатос – инстинкт смерти. Человеческая жизнь является полем битвы между ними. Человек не только хочет жить, быть любимым и продолжить себя в своих детях – бывают периоды или состояния души, когда желанной оказывается смерть [4].

Самоубийство в рамках традиции психоанализа также рассматривается как духовное перерождение, обретение смерти – как освобождение души. Так, К. Юнг указывал на бессознательное стремление человека к духовному перерождению. Оно может стать важной причиной смерти от собственных рук. Люди не только желают уйти от невыносимых условий настоящей жизни, совершая самоубийство. Это стремление обусловлено возрождением архетипа коллективного бессознательного, принимающего различные формы [4].

Становится очевидным, что социальная и биологическая природа людей такова, что ограничение и «обуздание» их влечений выходит далеко за границы индивидуальности и становится определенным бременем социума. Система поощрений и санкций, духовно-нравственные, мировоззренческие, идеологические устои общества призваны оказывать соответствующее воздействие на сознание и поведение людей. Как полагают классики структурного функционализма, проблема самоубийств обостряется в результате социокультурного кризиса (аномии), расшатывающего морально-нравственные, ценностно-нормативные устои социума. Возникающий «вакуум», трактуемый многими мыслителями как «отсутствие смысла жизни», и есть основной фактор роста суицидального поведения. Причем обострение проблемы происходит, как правило, в периоды

масштабных социальных трансформаций, потрясений, нестабильности.

В свою очередь, психоанализ во главу угла ставит именно социально-психологические аспекты поведения. В рамках данных теоретических построений они приобретают даже несколько гипертрофированный характер, что, на наш взгляд, несколько снижает эвристический потенциал психоанализа. Однако ценность концептуальных построений психоанализа состоит, прежде всего, в исследовании глубинных психических процессов, лежащих в основе действий личности, в том числе и по совершению (попыткам совершения) самоубийства.

Стоит отметить, что проблема самоубийств серьезно обостряется в периоды социальной нестабильности, трансформаций. По мнению А.Г. Амбрумовой, опасность ситуаций масштабных трансформаций заключается в разрушении традиционных устоев жизни, что влечет за собой исчезновение веками складывавшихся обычаев, способствующих стабилизации социально-психологических отношений между людьми, снятию психического напряжения и фрустраций, урегулированию семейных конфликтов. Затрудняются взаимоотношения поколений, слабеет традиционный, семейный канал передачи социальной информации» [2].

Как отмечает О.В. Бойко, трансформация ценностной системы российского общества в направлении гуманизации затруднена объективным социально-экономическим неблагополучием. Известно, что в настоящее время на фоне отчужденности, раскрепощенного насилия ценность человеческой жизни снижается, усиливается социальный контроль над человеческой жизнью, а сама ценность жизни, ценность безусловного достоинства человека нивелируется. Сталкиваются стремление социума определять время окончания человеческой жизни, устанавливать показатель средней продолжительности жизни и желание индивида самостоятельно решать этот вопрос в рамках собственной жизни [1].

Как отмечают исследователи, тенденцией последних лет стало уменьшение роли института образования в воспитании подрастающего поколения. Серьезный кризис испытывает и институт семьи. Ситуация осложняется общим дисфункциональным состоянием коммуникационной системы общества, вследствие чего содержание материалов СМИ и Интернета часто носит социально-негативный характер (агрессия, насилие, дезинформация, мани-

пуляция, пропаганда, низкий морально-нравственный уровень). Это создает негативный коммуникативный эффект, не позволяющий осуществлять эффективную передачу социального и социокультурного опыта от старших поколений к младшим [5, с. 3–4].

Трансформационные процессы оказывают серьезное влияние и на индивидов в обществе, их сознание, ценностный мир, мировоззрение, социальные практики, стиль жизни. Безусловно, и общество в целом, а также его крупные социально-групповые сегменты испытывают влияние трансформационных процессов. Масштабные социальные изменения, как правило, предполагают широкий спектр социальных последствий не только положительной, но и отрицательной направленности.

В современном трансформирующемся обществе происходит переопределение отношения к таким базовым понятиям, как «национальное государство», «государственная граница», «мировая экономика», «товарно-денежный оборот», «информация», «пространственно-временные границы», «средства связи», «способы и формы коммуникации». Глобальное мировое информационное пространство является объединяющей социальной средой, в которой стираются барьеры общения, пространственно-временные и национальные границы, а информация становится объединяющей технологией и весомым экономическим и культурным активом одновременно [6, с. 98–99].

В условиях трансформирующегося общества в наиболее уязвимом положении находится подрастающее поколение. Социальное взросление нынешней российской молодежи проходит в условиях стремительно трансформирующегося российского социума. Процессы социальных изменений происходят под влиянием информатизационных и глобализационных процессов, ставших основным вектором развития общества начала XXI в. Современный социум, именуемый различными учеными информационным, постиндустриальным обществом, выступает технико-технологической основой трансформационных процессов [6].

Информационная революция характеризуется не только позитивными, но и негативными социальными последствиями. Так, вследствие возникшей противоречивой ситуации в сложном положении оказалось социальное управление, не обладающее объективной информацией (как теоретического, так и прикладного

характера), касающейся алгоритмов, моделей реагирования на происходящие изменения, эффективных способов управления коммуникационной системой в условиях прогресса информационно-компьютерных технологий и роста социальной значимости Интернета. В настоящее время в системе массовой коммуникации наблюдаются дисфункционально-дезорганизационные тенденции, связанные, в частности, с увеличением доли недостоверной, противоречивой, а иногда и ложной информации. Все чаще система массовой коммуникации общества начала XXI в. вместо информационной функции, обозрения мира, передачи культурного наследия осуществляет дезинформационную деятельность [7, с. 3–4].

В связи с этим отнюдь не удивителен факт того, что в конце XX в. интенсивность суицида в форме «эпидемий» стала нарастать. В современной статистике смертей самоубийство почти во всех странах занимает тревожное третье место – вслед за смертью в результате болезни и несчастного случая. И это при том, что статистика самоубийств всегда занижена, в нее попадают лишь явные случаи. На самом же деле самоубийц гораздо больше.

В ряде стран суицид стал массовым явлением, для предупреждения и всестороннего изучения которого создаются специальные службы. Вообще говоря, число самоубийств в конкретных регионах статистически устойчиво, что позволяет оценивать их как закономерное явление для того или иного сообщества [8].

Таким образом, мы можем отметить, что в условиях трансформирующегося общества проблема реактуализируется. На протяжении последнего века в рамках социологической науки было предложено множество концептуальных объяснений суицидального поведения, однако, несмотря на все усилия исследователей, социальное управление так и не приблизилось к получению социально-инженерной технологии, которая бы позволила эффективно противодействовать росту самоубийств.

Особую тревогу в условиях трансформирующегося общества вызывает социальное взросление молодого поколения. Лабильное сознание, несформированный духовно-нравственный облик способны в ряде случаев привести к продуцированию феномена дюркгеймовской аномии. Свою роль играет и дисфункциональность коммуникационной системы общества, рост числа отрицательных информационных воздействий на сознание и

поведение людей. Подчас взрослый мир кажется «агрессивным», чуждым некоторым представителям подрастающего поколения, именно поэтому самоубийство перестает быть таким уж иррациональным поступком, не связанным с социальной действительностью. Ситуация

осложняется тем, что человек, находящийся в экзистенциальном кризисе, остро нуждается в помощи, реабилитации, а общество спешит отнести суицид к категории психиатрии, патологии, тем самым обрекает суицидента оставаться наедине со своей проблемой.

1. Бойко О.В. Социальная аксиология суицида: дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 1998.

2. Фортова Л.К., Лапшин В.Е. К вопросу о характеристике дефиниции «суицид» в контексте культуры // Науч. проблемы гуманитарных исследований. 2009. Вып. 9(1).

3. Данилова М.Б., Елисеев И.М., Постовалова Л.И. Некоторые социально-клинические характеристики группы высокого суицидального риска // Актуальные проблемы суицидологии: тр. Моск. НИИ психиатрии МЗ РСФСР. М., 1978. Т. 82.

4. Суицидология: прошлое и настоящее: Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М., 2001.

5. Тимченко А.А. Молодежь в процессе преемственности и смены поколений современной России: социально-дезорганизационный аспект: дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2015.

6. Руденко К.И. Социологическое исследование деформаций правосознания российской молодежи в условиях социокоммуникативных трансформаций начала XXI в.: дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2015.

7. Куликов Е.М. Слухи как элемент сетевой коммуникации в интернет-пространстве современной России: дис. ... д-ра социол. наук. Краснодар, 2014.

8. Нагаев В.В. Основы судебно-психологической экспертизы: учеб. пособие для студ. вузов. М., 2000.

1. Boiko O.V. Social axiology of suicide: diss. ... Master of Sociology. Saratov, 1998.

2. Fortova L.K., Lapshin V.E. On the characterization of the definition of «suicide» in the context of culture // Scientific problems of humanitarian studies. 2009. Iss. 9(1).

3. Danilova M.B., Eliseev I.M., Postovalova L.I. Some of the socio-clinical characteristics of the group of high suicidal risk // Topics issues of suicidology: proc. of Moscow research institute of psyhiary of the Ministry of Health Protection of the RSFSR. Moscow, 1978. Vol. 82.

4. Suicidology: past and present: the problem of suicide in the works of philosophers, sociologists, psychotherapists, and literary texts. Moscow, 2001.

5. Timchenko A.A. Youth in the process of succession and alternation of generations of modern Russia: social and disorganizational aspect: diss. ... Master of Sociology. Krasnodar, 2015.

6. Rudenko K.I. Sociological research of the deformations of the legal consciousness of Russian youth in conditions of social-communicative transformations of the early XXI century: diss. ... Master of Sociology. Krasnodar, 2015.

7. Kulikov E.M. Gossip as an element of network communication in the Internet space of modern Russia: diss. ... Dr of Sociology. Krasnodar, 2014.

8. Nagaev V.V. Bases of forensic psychological assessment: study aid. of high schools. Moscow, 2000.

Лазарев Дмитрий Александрович
адъюнкт кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: lazarev_dmitri_87@mail.ru)

Религиозный экстремизм как социальная проблема современной России

В статье рассматривается проблема религиозного экстремизма, который характеризуется рядом опасных социальных последствий. Отмечается, что в многонациональном и поликонфессиональном составе российского населения возможны крупные социальные конфликты между отдельными группами, слоями, общностями как результат экстремистской деятельности.

Ключевые слова: экстремизм, религия, религиозный экстремизм, ваххабизм, межнациональные и межэтнические отношения, Интернет, коммуникационная система.

D.A. Lazarev, Adjunct of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: lazarev_dmitri_87@mail.ru

Religious extremism as social problem of modern Russia

They consider religious extremism which is characterized by a number of dangerous social consequences. They note that in multinational and polyconfessional Russian society the large social conflicts between separate groups, layers, communities as result of extremist activity are possible.

Key words: extremism, religion, religious extremism, wahhabism, international and interethnic relations, Internet, communication system.

Проблема религиозного экстремизма является весьма актуальной для современной России. Это объясняется как многонациональным и поликонфессиональным составом населения нашей страны, так и опасными социальными последствиями, заключающимися в негативном воздействии, прежде всего, на сознание и поведение верующих людей. Межнациональные, межэтнические и межрелигиозные отношения в современной России диктуют необходимость формирования толерантного отношения к представителям других национальностей, конфессий, людям, отличающимся взглядами, стилем жизни, ценностями, идеалами. Однако в реальности этому препятствуют ксенофобия, агрессивность части общества. Данная опасность особенно заметна в молодежной среде, отличающейся эмоциональностью, максимализмом, категоричностью суждений. В результате именно молодежная среда зачастую выступает в качестве «целевой аудитории» религиозного экстремизма. Однако угрозе со стороны религиозного экстремизма подвергаются и остальные социальные группы, общности.

Тенденция усиления позиций религиозного экстремизма во многом обусловлена существующими противоречиями во взаимоотношениях как между конфессиями, так и внутри них, активизацией деятельности некоторых иностранных религиозных организаций, практическая

деятельность которых имеет явно выраженный деструктивный характер [1].

Религиозный экстремизм представляет собой крайнее противоречие по отношению к системе присущих обществу религиозных ценностей и догматических устоев, а также агрессивную экстраполяцию и навязывание «идей», противоречащих им. В большинстве конфессий можно обнаружить религиозные представления и соответствующие им действия верующих, которые имеют антиобщественный характер, т.е. в той или иной степени выражают неприятие светского общества и других религий с позиций того или иного религиозного вероучения. Это проявляется, в частности, в желании и стремлении приверженцев определенной конфессии распространить свои религиозные представления и нормы на все общество [2].

Главная интенция религиозного экстремизма заключается в признании своей религии в качестве ведущей и единственно верной, что становится основанием подавления иных религиозных конфессий через их принуждение к своей системе религиозной веры. Радикально настроенные экстремисты ставят своей задачей создание отдельного государства, правовые нормы которого будут заменены нормами общей для всего населения религии. Религиозный экстремизм нередко пересекается с религиозным фундаментализмом, суть которого заключена в стремлении воссоздать фун-

даментальные основы «своей» цивилизации, очистив ее от чуждых новаций и заимствований, вернуть ей «истинный облик» [3].

Стоит подчеркнуть, что правового понятия «религиозный экстремизм» в действующем законодательстве Российской Федерации не существует. В Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» есть понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность». Кроме того, существует термин «экстремистская организация», т.е. организация, в отношении которой судом принято решение о ее ликвидации или запрете в связи с осуществлением экстремистской деятельности. Поэтому применительно к религиозным организациям экстремизм проявляется в форме противоправных экстремистских действий религиозной организации [4].

Безусловно, общество не может оставаться в стороне от такой сложной проблемы, как религиозный экстремизм. Применение Закона «О противодействии экстремистской деятельности» должно не только служить определению степени наказания, но и содействовать формированию ценностных ориентиров в обществе, формированию толерантных отношений в поликонфессиональной среде, достижению гражданского согласия.

Исследователи обращают внимание на то, что религиозный экстремизм происходит внутри именно религиозной сферы, например, когда одной группе людей навязывается чуждое им религиозное учение или когда та или иная группа верующих захватывает принадлежащие другим вероисповеданиям помещения. По мнению М. Соколовой, побороть религиозный экстремизм нельзя. Религия будет существовать вечно, и религиозный экстремизм тоже будет существовать вечно. Вот это стремление и экспансия характерны для всех мировых религий, не только для ислама [5]. Не разделяя в целом точку зрения М. Соколовой, все же отметим, что основания для подобных опасений существуют, т.к. специфика именно религиозного экстремизма продиктована его связью с одним из самых сложных структурных элементов духовной культуры человечества.

В нашей стране существует ряд примеров, свидетельствующих об активизации угроз религиозного экстремизма, а также демонстрирующих опасные социальные последствия религиозной экстремистской деятельности.

Так, в конце 1980 – начале 1990-х гг. в республиках Северного Кавказа стало отмечаться усиление активности исламских радикалов, проповедовавших идеи всеобщей исламизации

населения. В Дагестане и Чечне в этот период наблюдался рост числа приверженцев ваххабизма. Они стремились подчинить своему влиянию официальные культовые учреждения, а также противопоставить верующих органам власти. Ими создавались религиозно-политические структуры и вооруженные формирования, налаживались контакты с руководителями экстремистских движений как внутри России, так и за ее пределами [6].

Последователи «чистого ислама» в Дагестане, а затем и в Чечне заявляли, что на земле должен действовать только закон Аллаха, а все другие законы, написанные людьми, не подлежат исполнению. Провозглашалось, что для установления всеобъемлющего божественного закона необходимо объявить джихад, трактуемый ими исключительно как вооруженная война против «неверных», в разряд которых зачислялись и мусульмане, не придерживающиеся ваххабитских взглядов [6].

Стоит отметить, что у ваххабизма как формы религиозно-политического экстремизма имеются сильные и слабые стороны. Среди сильных сторон – мощный идеологический потенциал, способный мобилизовать отдельные социальные группы (маргинальные слои молодежи, городских жителей, безработную молодежь, часть интеллигенции, студенческой молодежи); привлекательная идея альтернативной модели социальной организации в виде мини-общин, воплощающих идеи братства, равенства и справедливости, имеющих социально-политический, конфессиональный иммунитет от внешних воздействий [6].

На Северном Кавказе ваххабизм обладает определенной мобилизационной идеологией, опирается на поддержку международных исламистских организаций и других внешних сил, которые предоставляют им немалую финансовую, материальную, кадровую и пропагандистскую помощь [7].

Религиозно-политический экстремизм представляет собой деятельность, направленную на насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства. Преследование политических целей позволяет отличить религиозно-политический экстремизм от религиозного экстремизма. По названному признаку он отличается также от экономического, экологического и духовного экстремизма.

Религиозно-политический экстремизм является таким видом противозаконной политической деятельности, которая мотивируется или

камуфлируется религиозными постулатами или лозунгами. По этому признаку он отличается от этнонационалистического, экологического и других видов экстремизма, у которых существует иная мотивация [8].

К.М. Ханбабаев полагает, что историю религиозно-политического экстремизма в северокавказских республиках можно разделить на четыре условных этапа. Выявить их, как и основные цели и задачи деятельности экстремистов на Северном Кавказе, позволяет анализ документов, подготовленных наиболее активными идеологами радикального ислама в регионе [9].

На начальной стадии распространения исламского радикализма преобладала общая просветительская и благотворительная деятельность. Первый этап – с конца 1980-х до середины 1990-х гг. – можно охарактеризовать как латентное противостояние между сторонниками ваххабизма и традиционного ислама, которое не выходило за рамки дискуссий и касалось в основном религиозной догматики. В этот период происходит организационное оформление ваххабитского движения, создаются партии и их отделения (северокавказское отделение «Исламской партии возрождения», проваххабитская «Джамаатуль исламийа», «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана» и др.) и целые организации (ваххабитские джамааты) [9].

Второй этап (с середины 1990-х до августа 1999 г.) характеризуется качественно-количественным усилением радикальных исламских организаций, в это время ведется тренировка и воспитание боевых групп. Благодаря активной и последовательной психологической и практической подготовке во многом была достигнута основная цель – привить каждому члену организации качества воина, боевика. Цель заключалась в создании контингента будущих моджахедов (воинов джихада), обладающих военными навыками и готовых подчиниться любому приказу.

Третий, насильственный этап – переселение с конца 1997 г. в Чечню исламистской оппозиции и вооруженное вторжение международных бандформирований в Дагестан в августе – сентябре 1999 г. – начался с призыва к джихаду. Причем понимался он предельно однобоко – исключительно как ведение вооруженной борьбы с «врагами» ислама, за установление «исламского порядка» и насильственный захват власти в республиках Северного Кавказа [9].

Четвертый этап охватывает период с 2000 г. по настоящее время. В этот период исламистские группировки, потерпев поражение в

открытой борьбе, ушли в подполье, перейдя к организации и проведению терактов в отношении представителей государственных и муниципальных органов власти и управления, правоохранительных органов, простых граждан [9].

Необходимо подчеркнуть, что ситуация с религиозным экстремизмом осложняется тем, что в начале XXI в. в социуме наблюдается стремительный прогресс информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий, что в корне меняет характер и направленность функционирования многих социальных институтов и подсистем. В частности, масштабным трансформациям подвергается коммуникационная система общества, вследствие чего она оказывает влияние и на экстремизм. В частности, это явление имеет место в системе распространения экстремистских идей.

По мнению Е.О. Кубякина, в современном обществе экстремизм существенным образом меняется, в том числе и каналы его распространения и формы проявления. Новые средства и способы коммуникации, упрощение доступа к информационным ресурсам оказали заметное влияние на масштабы распространения экстремизма. Очевидно, что глобализация информационно-коммуникационной среды не препятствует, а в ряде случаев способствует возникновению условий для экстремистской экспансии [10, с. 3].

Исследователи отмечают, что в условиях трансформации коммуникационной системы российского общества существенный вред нанесен традиционным институциональным структурам, к которым относятся такие наименее динамичные институты, как религия и семья. Дисфункциональные процессы в области формирования семейных ценностей существенно осложняют процесс целостной социализации [11]. Разрушение традиционных религиозных оснований ведет к аксиологическому релятивизму, что негативно влияет на общий уровень социальной стабильности [12]. Происходит активная социализация за счет сетевых ресурсов, многие из которых сомнительны по содержанию. В настоящее время в системе массовой коммуникации наблюдаются дисфункционально-дезорганизационные тенденции, связанные, в частности, с увеличением доли недостоверной, противоречивой, а иногда и ложной информации [13, с. 3].

Таким образом, современное российское общество, находящееся в состоянии масштабных трансформаций, затронувших не только социокоммуникационную, но и иные сферы, подвержено тенденциям дисфункциональности и

дезорганизации. Одним из социальных последствий сложившейся ситуации выступает рост угроз со стороны религиозного экстремизма. Многонациональный и поликонфессиональный состав населения нашей страны создает ряд потенциальных угроз со стороны религиозного экстремизма, который, используя новейшие достижения в сфере информационно-

компьютерных технологий и Интернета, получает дополнительный импульс развития. Именно поэтому в настоящее время необходима координация деятельности науки и государственных управленческих структур с целью выработки адекватных моделей и механизмов реагирования на возникающие угрозы со стороны религиозного экстремизма.

1. URL: <http://textarchive.ru/c-1985580-p2.html> (дата обращения: 21.08.2015).

2. Щипков А.В. Для противостояния религиозному экстремизму необходим пул профессиональных пресс-служб. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=2459> (дата обращения: 22.08.2015).

3. URL: http://www.csgped.ru/ekstremizm-religioznii_ekstremizm.html (дата обращения: 25.08.2015).

4. URL: <http://center-yf.ru/data/Yuristu/ugolovnyy-kodeks-rf-282-2.php> (дата обращения: 15.08.2015).

5. Соколова М. Экстремизм сам себя не изживет // Парламентская газ. 2009. 2 июня.

6. Алиев А.К., Арухов А.К., Ханбабаев К.Ф. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М., 2007.

7. Василенко В.И. Терроризм как социально-политический феномен. М., 2002.

8. URL: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/item/23-religioznyy-ekstremizm> (дата обращения: 17.08.2015).

9. Ханбабаев К.М. Исламский радикализм на Северном Кавказе. Идеология, цели, пути финансирования // Свободная мысль. 2007. № 3.

10. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. ... д-ра социол. наук Краснодар, 2012.

11. Плотников В.В. Деструктивные факторы дисфункции института семьи // Теория и практика общественного развития. 2015. № 6. С. 13–15.

12. Плотников В.В., Бабенков В.А. Феноменология института религии: социальная функция и дисфункция в системе государства // Теория и практика общественного развития. 2015. № 13. С. 38–40.

13. Куликов Е.М. Слухи как элемент сетевой коммуникации в интернет-пространстве современной России: дис. ... д-ра социол. наук Краснодар, 2014.

1. URL: <http://textarchive.ru/c-1985580-p2.html> (date of the access: 21.08.2015).

2. Shchipkov A.V. The pool of the confessional press services is necessary for opposition to religious extremism. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=2459> (date of access: 22.08.2015).

3. URL: http://www.csgped.ru/ekstremizm-religioznii_ekstremizm.html (date of access: 25.08.2015).

4. URL: <http://center-yf.ru/data/Yuristu/ugolovnyy-kodeks-rf-282-2.php> (date of access: 15.08.2015).

5. Sokolova M. Exremism himself won't become obsolete // Parliamentary newsp. 2009. June 2.

6. Aliyev A.K., Arukhov A.K., Hanbabayev K.F. Religious-political extremism and ethno-confessional tolerance in the North Caucasus. Moscow, 2007.

7. Vasilenko V.I. Terrorism as socio-political phenomenon. Moscow, 2002.

8. URL: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/item/23-religioznyy-ekstremizm> (date of access: 17.08.2015).

9. Hanbabayev K.M. Islamic radicalism in the North Caucasus. Ideology, purposes, ways of financing // Free thought. 2007. № 3.

10. Kubyakin E.O. Youth extremism in the conditions of globalization of the information and communication environment of public life: diss. ... Dr of Sociology. Krasnodar, 2012.

11. Plotnikov V.V. Destructive factors of dysfunction of the family institution // Theory and practice of social development. 2015. № 6. P. 13–15.

12. Plotnikov V.V., Babenko V.A. Phenomenology of religion institute: social function and dysfunction in the system of the state // Theory and practice of social development. 2015. № 13. P. 38–40.

13. Kulikov E.M. Hearings as an element of network communication in Internet space of modern Russia: diss. ... Dr of Sociology. Krasnodar, 2014.

Уважаемые коллеги!

Отправка автором статьи в адрес редакции журнала с предложением опубликовать ее рассценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала, который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт);

публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

перерабатывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте.

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25]. В затекстовых ссылках страницы не указываются.

Для цитируемых источников в затекстовых ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

1) фамилия, инициалы автора;

2) название источника;

3) вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., материалы междунар. конф., тез. докл. и т.д.), в соответствии с ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88–2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций»;

4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);

5) год издания;

6) ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL: электронный адрес первичного источника информации (дата обращения: ...);

7) при ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (все именно в такой последовательности).

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Образец оформления цитируемых источников

Книги

Иванов И.И. Русский язык: учеб. СПб., 1990.

История русской литературы. XX век / сост. И.И. Иванов. М., 1991.

/ под ред. И.И. Иванова. 2-е изд. М., 1992.

/ отв. ред. И.И. Иванов. СПб., 1990.

Статья в журнале, сборнике, газете

Иванов И.И. Синтаксис // Русский язык. 1990. № 2.

Иванов И.И. Язык // Синтаксис: сб. науч. тр. М., 1992.

// Вестн. МГУ. Сер. 11: Право. 1996. Т. 5. № 9.

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ОБЩЕСТВО И ПРАВО»**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53946
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 24.02.2016
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 33,0
Тираж 1050 экз. Заказ 429
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612583249